

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Баландин Р., Миронов С. Тайны СМУТНЫХ ЭПОХ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. ОБЩЕСТВО НА РАСПУТЬЕ

Глава 1. [ФЕОДАЛЬНАЯ СМУТА](#)

[Глава 2. ПРЕДВЕСТНИКИ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ](#)

Глава 3. [ВСЕОБЩАЯ СМУТА](#)

[Глава 4. БУНТЫ, ПЕРЕВОРОТЫ И ДЕРЖАВА](#)

Глава 5. [ОТ ВОССТАНИЙ К РЕВОЛЮЦИИ](#)

[Глава 6. ВЕЛИКИЕ СМУТЫ XX ВЕКА](#)

Глава 7. [КАТАСТРОФА](#)

[Заключение. ЗАЧЕМ НАМ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ?](#)

Аннотация

В новой книге Р.Баландина и С.Миронова проводится анализ важнейших в отечественной истории социально-политических и идейных кризисов. Бунты,

Web www.gumer.info

- [Лечим тревогу](#)

Консультации
психоаналитиков
европейского уровня
www.studiopsy.ru - Москва

- [Учить английский в Лондоне!](#)

Курсы **английского языка** в
Великобритании.
Спецпредложения!
www.jeystudy.ru - Москва

- [Метод В.М. Бронникова](#)

Развитие памяти,
способности управления
энергообменом в организме.
www.bronnikov.ru - Москва

- [Шведского миллионера...](#)

Жителя **шведского** города
Мальмё. являющегося
членом совета
www.newsland.ru

гражданские войны, перевороты, или, иначе, «смуты» сотрясали основы государственности, экономики и морали Руси – России – СССР. Отсчет ведется с феодальной войны первой половины XV в., а особенно с Великой Смуты начала XVII в., и заканчивается «катастрофой» 80-90-х гг. XX в. Даже беглый взгляд на тысячелетнюю историю нашей Родины с более пристальным всматриванием смутные эпохи приводит к неутешительным выводам. Конечно, без катастроф жизнь государств не обходится. Но беда в том, что происходит и поныне, т.е. в упорном нежелании правителей понимать и учитывать государственные интересы и в пассивности народа. В свое время Н.А.Бердяев подчеркнул: «Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, “скромного” пути для России нет». Не хочется думать, что выбор уже сделан...

Введение

ОБЩЕСТВО НА РАСПУТЬЕ

В истории каждого государства или народа бывают периоды подъема и спада, побед и поражений. Бывают времена трудные и трагические, а бывают позорные. А что подразумевается под смутным временем? Слово «смута» в словаре Владимира Даля толкуется как «...тревога, переполох; возмущенье, восстанье, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью; замешательства, непорядок, расстройство дел... Смутное время, мятежное, во время народных смут».

Со всеми этими определениями можно согласиться. Нетрудно заметить негативный оттенок приведенной характеристики. Почему-то упоминается мятеж, но не сказано о революции.

Энциклопедический словарь, изданный в 1955 году, пояснял, что смутное время – «распространенное в дореволюционной дворянско-буржуазной исторической литературе неправильное название периода крестьянской войны под руководством Болотникова и борьбы русского народа против польской и шведской интервенции начала XVII в.».

В Большом энциклопедическом словаре 1998 года формулировка иная: «Термин, обозначающий события конца XVI – начала XVII вв. в России. Эпоха кризиса государственности в России, трактуемая рядом историков как гражданская война. Сопровождалась народными выступлениями и мятежами; правлениями самозванцев... польской и шведской интервенциями, разрушением государственной власти и разорением страны. Термин введен русскими писателями XVII в.».

И в том, и другом толковании есть сходство: речь идет всего лишь об одном периоде в истории Руси-России. Слово ни у нас, ни в других странах не бывало ни до, ни после смутных времен.

Студент! Сессия за 300 рублей!

Большой выбор дипломных, курсовых, контрольных, рефератов. От 300 руб!

dip-shop.ru - Москва

 Контакты

Сочинение ко Дню Победы

Редкие кадры, неизвестные детали. Посмотри и обсуди! АКАДО.Телегид

tv.akado.ru - Москва

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

Единое историческое событие, конечно, может кого-то заинтересовать всерьез, но вряд ли заслуживает обстоятельного исследования. В определенном смысле любое историческое событие, подобно случайностям в нашей жизни, единственное и неповторимое. История – не механический процесс.

И все-таки вызывает серьезные сомнения мысль о том, что период смуты, кризиса государственности, мятежей случился единственный раз в многовековой истории крупного государства. Да и разве не происходило ничего подобного в других странах?

Разве крушение Российской империи и Гражданскую войну 1917-1921 годов нельзя отнести к периоду смуты? А последнее десятилетие XX века, когда распалась великая сверхдержава СССР и Россия пришла в упадок без явных внешних ударов, без поражения в кровопролитной войне? Разве это не похоже на уникальное, но все-таки смутное время? И смута эта в умах и сердцах людей, для многих из которых так ничего и не прояснилось. Даже если исключить события XX века, в толковании которых многие историки и философы вертятся, как флюгеры, есть все основания полагать, что смутные периоды, пусть не всегда яркие и бесспорные, бывали не единожды.

Как ни странно, но долгий период истории – ордынское иго (1240-1480 годы) – вряд ли можно считать смутным. Тогда на Руси сохранялось относительное спокойствие, устойчивое состояние замедленного развития. Это было время темное, но не смутное. Народ попал под двойное иго: местных и ордынских властей. Возмущения бывали и тогда, но они быстро подавлялись.

Смута – слово очень ёмкое. Сделать мутной можно воду, подняв осевшую муть. Другой вариант относится к чувствам, совести (человека можно смутить или он сам будет смущен). Наконец, и разум может замутиться, потерять ясное восприятие окружающего. Так бывает с отдельными людьми, но также и с массами людей, толпой, с общественным сознанием.

Смутное время, чем бы оно ни было вызвано, предполагает особое духовное состояние значительной части общества: более агрессивное, преступающее традиционные нормы, бросающее вызов реальности в стремлении ее изменить.

Само это понятие подразумевает нечто неясное, неопределенное. Тайны могут быть связаны с разными фазами смутных периодов: зарождением, ходом, окончанием, последствиями. Но, пожалуй, самое загадочное и спорное – их причины.

Вообще-то поиски причин любого крупного, а тем более определяющего исторического события уводят сколь угодно далеко в глубь времен, вплоть до первобытных. Исторический процесс непрерывен и очень сложно организован. Он обусловлен взаимодействием множества факторов и связывает воедино множество человеческих судеб. В это время возникают стихийные общественные движения и появляются отдельные личности, которые непредсказуемо, совершенно неожиданно становятся вершителями

исторических событий. Можно сказать, они выходят из толпы статистов на авансцену и начинают – пусть не долго – играть главные роли.

Конкретная личность становится исторической, получает возможность влиять на события в той мере, в которой история на данном этапе выдвигает на первый план именно ее. Период смуты отмечен всякими неожиданностями, хаотичностью и неопределенностью бытия. В резкой формулировке: порядок сменяется хаосом (не в абсолютных, конечно, а в относительных проявлениях).

Такие периоды можно назвать критическими и переходными. И даже если переход в новое состояние не осуществился, он был возможен или, по крайней мере, не исключался.

Периоды кризисов бывают разными по своей сути и последствиям. Без малого сто лет назад А.А. Богданов выделил два типа кризисов сложных систем: *конъюнктивные* (созидательные, соединительные) и *дисъюнктивные* (разрушительные, разъединительные). Назовем их кризисами роста или упадка.

Иначе говоря, смутное время может стать прелюдией к переходу общества на более высокий социально-политический, экономический, культурный уровень. Но иные смуты свидетельствуют о деградации, падении на более низкий уровень.

Впрочем, пора перейти от общих рассуждений непосредственно к теме данной книги. Но прежде оговоримся: это не научно-популярное сочинение и не трактат на историческую тему. Эту работу следует отнести к жанру историко-публицистическому. Не претендуя на полное и последовательное изложение исторических событий и документов, авторы постоянно имеют в виду не только далекое прошлое нашей Родины, но и современность, а отчасти и будущее.

Поэтому рассказы о далеком прошлом будут перемежаться с анализом событий, произошедших сравнительно недавно. Если не использовать вовсе исторический опыт, то он останется лишь материалом для разного рода исторических романов или утешением архивариусов.

Авторы вовсе не считают свои рассуждения единственно верными, а выводы бесспорными. Но они честны в своем стремлении приблизиться к истине, какой бы она ни была, пусть даже неприятной и страшной. Хотя, признаться, трудно, почти невозможно, да и вряд ли следует полностью сохранять бесстрастность, равнодушную объективность, когда речь идет о судьбе своего народа, своей культуры, своей Родины, да и о себе самих и своих потомках. Главное – не кривить душой.

MCat78 <http://lib.aldebaran.ru>

«Тайны смутных эпох»: Вече; Москва; 2003

ISBN 5-9533-0058-1

Темы: [исторические события](#) [[Редактировать](#)]

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Баландин Р., Миронов С. Тайны СМУТНЫХ ЭПОХ

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава 1

ФЕОДАЛЬНАЯ СМУТА

*Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.
Сергей Есенин*

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

До великой смуты XVII века была, как нам представляется, другая – феодальная. Она во многом определялась подчиненным положением страны, находившейся под ордынским игом. Завоеватели, естественно, препятствовали объединению феодалов. Со временем внутренние противоречия стали ослабевать и разваливать Орду. Но все-таки она оставалась мощной силой, способной нарушить мирное существование русских княжеств. Так, сын Дмитрия Донского великий князь Василий, продемонстрировав свою независимость от Орды, поплатился за это. Татарский князь Едигей в 1408 году внезапно напал на Московское княжество. Василий Дмитриевич вынужден был бежать в Кострому. Ордынцы разграбили много городов и сел, но закрепить свою победу, взяв Кремль, так

Web www.gumer.info

• [СК "Прямое страхование"](#)

Автокаско - на 40% ниже
Договор **КАСКО** без
посредников Лиц. ФССН
171677
www.direct-insurance.ru -
Москва

• [Адвокаты города Москвы.](#)

Наши **адвокаты** разрешат
любые Ваши вопросы.
Консультации по телефону.
astropolis.ru - Москва
 Звонить

• [Страховой брокер ИСГ](#)

КАСКО, **ОСАГО**, **ДМС**,
имущество. Оптимальные
условия **страхования!**
www.iicg.ru - Москва
 Контакты

• [Адвоката ЮКОСа отдают под](#)

и не смогли. Через три года Василию пришлось смиренно ехать в Орду и просить хана Джелаледдина утвердить за ним московское княжение. Василий выплатил хану немалый выкуп и щедро одарил его вельмож. Русь, находясь между Востоком и Западом, оказалась в невыгодном положении. Тем более что на Западе обретало силу агрессивное Литовское княжество, формально подчиненное польскому королю. Литовский князь Витовт расширил пределы своих владений, захватив смоленские земли (этому способствовало то, что местный князь Юрий своими злодействами восстановил горожан против себя). Витовт попытался овладеть Псковом и Новгородом. Но этому воспрепятствовал великий князь Василий. Его женой была дочь Витовта София, но когда речь зашла о богатых новгородских владениях, родственные связи отошли на задний план. Василий Дмитриевич пошел войной против тестя и отстоял свои владения, установив границу с Литвой по реке Угре. Однако как бы ни было сильно Московское княжество, великими князьями именовались еще несколько местных государей, например, Тверской и Рязанский. Кроме того, было много подчиненных им князей, которые порой тяготились своим зависимым положением и были не прочь обрести самостоятельность или сменить покровителя на более выгодного.

Василий I и Софья Витовтовна. Худ. шитье XV в.

В 1425 году великий князь московский Василий скончался и власть перешла к

Замоскворецкий райсуд
Москвы удовлетворил вчера
представление

www.newsland.ru

• [Московское жильё
опять...](#)

Лидеры февральского
подорожания хрущевки и
типовые панельные дома...

www.rmnt.ru

• [Юридическая
консультация.](#)

Бесплатная **юридическая
консультация** по телефону.

advocate.helpmenu.ru -
Москва

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

его малолетнему сыну, тоже Василию, так что реальной правительницей стала София. Великие князья рязанский и тверской, а также князь Пронский, видя ослабление Московского княжества, перешли под власть Витовта. Последний считал, что под его опеку попала и дочь София, и ее сын, будущий Василий II.

Создалась ситуация, при которой обширные русские земли могли реально попасть под власть Литвы. Для этого Витовту не доставало только полной независимости, обрести которую он мог бы, став королем. Но этому воспрепятствовала Польша и римский папа. Усиление Литвы не входило в их планы. Тем более что Витовт проводил продуманную политику, приобретая поддержку некоторых ханов Золотой Орды. В 1421 году чешская делегация предложила ему корону Богемии. Объединенное Богемско-русско-литовское королевство могло стать крупнейшим государством Европы. Если бы это произошло, Россия вряд ли когда-нибудь смогла стать великой державой. Если представить себе, что под эгидой Литвы началось бы формирование центрально-европейского государства, то ордынские ханы были бы заинтересованы в установлении своей власти над некоторыми другими русскими княжествами. Что стало бы с Северной и Северо-Западной Русью? Если бы здесь не удалось сохранить самостоятельность (что было бы чрезвычайно трудно), то на эти земли, кроме Литвы, претендовали Ливонский орден и Швеция. Поэтому эти земли вряд ли могли оставаться независимыми. Взглянув на карту Восточной Европы середины XV века, нетрудно убедиться в том, насколько сложным и даже критическим было положение Великого княжества Московского. На востоке и юге – ханства Казанское, Астраханское, Крымское; на западе – Великое княжество Литовское; на севере – Новгородские земли. Сжатое со всех сторон, разделенное внутри на более или менее обособленные княжества, Московское государство рисковало потерять независимость. Тем более что граница с могущественной Литвой находилась недалеко от Москвы, чуть западнее Можайска.

Ситуацию усугубило завещание Василия I, согласно которому право на княжение передавалось его сыну (ему было 10 лет). Опекунами маленького князя и его матери были назначены Витовт, а также родные и троюродные братья Василия I, за исключением следующего по старшинству брата Юрия. А ведь именно он имел право на опекунство или даже на великокняжеский трон.

Юрий княжил в Звенигороде и Галиче, был богатым и честолюбивым, старался вести свою независимую политику. Он оспорил законность завещания Василия I. Ведь издавна повелось на Руси оставлять княжеский престол следующему по старшинству брату. Его претензии были отклонены боярами и митрополитом. Но он остался при своем мнении и отправился в Галич собирать войско для похода на Москву.

Как пишет Г.В. Вернадский: «Это было началом длительного политического кризиса в Московии, фактически первый и единственный случай междоусобной войны между потомками Ивана Калиты.

Кризис был по форме династическим, а по содержанию политическим... Акция Юрия являлась протестом против подчинения всех князей московскому князю; он искал равенства князей. Другими словами, он предпочитал федеративную организацию Руси позднего киевского типа верховенству великого князя московского над всеми другими князьями». Разобщение русских княжеств могло не только отодвинуть на долгие сроки объединение их в одно сильное государство, но грозило, как мы уже говорили, исключить вообще такое объединение.

Мир удалось установить благодаря, с одной стороны, увещаниям митрополита Фотия, призывавшего к единству Руси, а с другой – обещаниям Витовта помочь своей дочери и внуку в борьбе с врагом-родственником. Оставляя под своим покровительством Москву, Витовт в то же время попытался завоевать северные русские земли. Это был верный план: в случае установления своего господства над ними он имел реальную возможность подчинить своему влиянию и Москву.

В 1426 году он напал на Псков, имея на своей стороне вспомогательное татарское войско. Однако попытка захватить город Опочку оказалась безуспешной. Пришлось довольствоваться выкупом в 1450 рублей. На следующий год он выступил против Новгорода, осадив город Остров. «Гордостью артиллерии Витовта была огромная пушка, – писал Г.В. Вернадский, – отлитая немецким мастером Николасом; она имела имя Галка, и ее тянули сорок лошадей. Первый залп пушки разнес главную башню крепости Остров, но и саму Галку тоже, убив Николаса, а также несколько литовцев, стоявших вокруг. Новгород предложил мир, на который Витовт согласился за выкуп в 10 000 рублей».

Складывается впечатление, что в ту пору многие войны носили, можно сказать, демонстративный характер. Желая подчинить себе те или иные территории, захватчик выступал со своим войском и проводил нечто вроде разведки боем. Если население не оказывало сильного сопротивления, а власти были сговорчивыми, то он устанавливал свое господство. Если же отпор был серьезный, а местные власти готовы были отстаивать свою независимость, захватчик отступал восвояси, довольствуясь выкупами. Иметь в своем подчинении недружественно настроенное население с враждебными местными властителями было рискованно.

Можно сказать, хищник выбирал себе добычу по зубам, не желая испытывать судьбу. Это не похоже на азарт великих завоевателей, готовых рисковать. Тут стратегия направлена прежде всего на то, чтобы избежать поражения, а при возможности одержать верную победу.

Такая стратегия и умелые политические маневры позволили Витовту установить свой протекторат над Тверским, Рязанским и Понским княжествами. В 1429 году император Сигизмунд, несмотря на возражения поляков, пообещал прислать Витовту королевскую корону.

Литва получила возможность стать полноправным независимым королевством, раскинувшимся от Балтийского до Черного моря и

распространяющим свое влияние на значительную часть Центральной и Восточной Европы. Это должно было свершиться в 1430 году. Но тут в ход событий вмешались враждебные силы, а затем и трагическая случайность. Предоставим слово Г.В. Вернадскому: «В Вильно начались коронационные празднества. Все русские союзники и вассалы Витовта прибыли лично, включая великого князя Московского Василия II и великих князей тверского, рязанского и пронского. Митрополит Фотий тоже счел подобающим приехать... Тевтонский орден и татары тоже прислали своих представителей. К великому разочарованию Витовта и его гостей, корону не доставили: поляки перехватили посланников императора Сигизмунда. Один за другим смущенные гости начали разъезжаться. Две недели спустя Витовт упал с лошади и умер в результате этого несчастного случая. Ему было тогда восемьдесят лет».

Смерть сильного влиятельного государственного деятеля всегда грозит смутой. И на этот раз она началась в Литве. На собрании литовских и ряда русских князей и бояр преемником Витовта выбрали его двоюродного брата Свидригайло, который был популярен в Западной Руси. Поляки не согласились с этим выбором и предложили на великокняжеский трон Литвы брата Витовта Сигизмунда.

Начавшаяся междоусобица давала Золотой Орде шанс захватить русско-литовские земли. Но и в Орде не было единства. Она разделилась на три ханства, одно из которых поддерживало Свидригайло, а другие – Сигизмунда. Война между этими двумя претендентами закончилась победой Сигизмунда. В утешение Свидригайло получил удел, но Литва все-таки оказалась ослабленной. Это обстоятельство существенно подорвало авторитет великого Московского князя, юного Василия II. Ведь он лишился своего покровителя, что было на руку его дяде Юрию Дмитриевичу, великому князю галицкому. Тем более что на его стороне был Свидригайло, женатый на дочери Юрия.

Период этой междоусобицы, охвативший почти тридцатилетие (1425-1453 годы), не принято называть смутным временем. Возможно, потому что такое определение закрепилось за более поздним периодом. Но было бы странно считать, будто на Руси всего лишь однажды наступила смута. Нет, конечно же.

Не исключено, что в ходе междоусобной борьбы XV века могли произойти такие события, которые изменили бы весь путь развития Руси.

Если бы не произошло раздробления Золотой Орды, то русские княжества стали бы по сути восточными вассалами, а если бы продолжала укрепляться Литва – то западными.

Однако благодаря тому, что и Восток и Запад оказались в тот период ослабленными, России открылся третий – евразийский – путь независимого развития.

Конечно, ревнители принципа «история не терпит сослагательного наклонения» могут напрочь отвергнуть какие-либо иные возможности, кроме

тех, которые реализовались. Но тогда им придется признать историю подобием окаменелости, которая покоится в осадочном слое.

Когда мы анализируем уже свершившиеся события и знаем, что за ними последовало, тогда и вправду нет никакого смысла толковать о том, что могло бы произойти. Но можно мысленно перенестись в прошедшее, войти в него, как в текущий исторический процесс. И тогда мы будем иметь полное право судить о возможном будущем, словно мы его не знаем.

В этом нетрудно усмотреть сходство с биографией каждого из нас.

Вспомните, сколько раз вам приходилось делать выбор, думая о будущем, о последствиях своего решения. Тогда, в момент выбора, перед вами открывалось несколько возможностей, из которых вы избрали одну.

Исторические процессы некоторые верующие считают заранее предопределенными волей высших сил, Всемирного Разума, Бога. Но скорее всего это суеверие. Предопределенность истории видится лишь в ретроспективе. Однако в любой исторический момент имеется перспектива, причем не как неизбежность, а как вероятность.

Вот об этих вероятностях и можно рассуждать, имея в виду текущую историю – как живую реальность, а не как нечто уже свершившееся. Это позволит нам по достоинству оценивать те или иные исторические события. Ведь порой от выбора зависит: быть или не быть данному государству, данной цивилизации, данному народу.

На наш взгляд, феодальная смута на Руси в XV веке ставила именно такие дилеммы.

МЕЖДОУСОБИЦА

Природные стихийные бедствия обычно стимулируют социальные движения и духовные смуты. Так было и на этот раз. В июле 1425 года распространился на Руси мор, эпидемия черной оспы. Пришел этот мор, как сообщал летописец, «от Немец во Псков, а оттоле в Новгород, тако же доиде и до Москвы и на всю землю Русскую».

Свирепствовал мор и в 1426-м, и в следующем году. Эпидемия сразила почти всех серпуховских удельных князей. Умерли великий князь тверской Иван Михайлович, его сын Александр и внук Юрий. Скончался также ярославский князь Иван Васильевич и еще несколько князей. Количество умерших горожан и крестьян исчислялось многими тысячами.

Подобные эпидемии вообще были характерны для Средневековья.

Достаточно вспомнить «черную смерть», опустошившую в XIV веке Западную Европу. Социальная нестабильность, смена жизненного уклада, перенаселенность городов, расширение торгового обмена, миграции населения – самые разные факторы способствовали резкому ухудшению, как мы теперь говорим, экологической обстановки.

В то же время эпидемии и массовые смерти вызывали у людей страх и смятение. Они не могли объяснить, откуда и почему взялась такая напасть,

нечем иным, как гневом Божьим за прегрешения, неправедную жизнь. Хотя смерть косила и праведников. Это еще больше усиливало смятение умов. Настораживает то, что мор пришел «от Немца во Псков».

Дело в том, что этот город вел долгую борьбу с агрессивным германским Ливонским орденом. Псков страдал от «псов-рыцарей» даже больше Новгорода, так как был слабее и находился на самом острие рыцарского наступательного клина. После разгрома под Грюнвальдом в 1410 году славяно-литовским войском, орден переживал трудные времена. Рыцарский натиск на Псковскую республику усилился благодаря ослаблению ее союзника – Великого княжества Московского. Не исключено, что руководители Ливонского ордена содействовали распространению эпидемии на псковские земли.

Как мы уже знаем, ослаблением Москвы попытался воспользоваться великий князь Юрий Галицкий. Благодаря посредничеству митрополита Фотия и авторитету Витовта конфликт был улажен в 1428 году. По заключенному договору дядя отказывался от притязаний на московский трон.

Однако была в договоре двусмысленная фраза: «А жити нам в своей отчине в Москве и в уделах по душевной грамоте... великого князя Дмитрия Ивановича». Но ведь по завещанию Дмитрия Донского наследовать Василию Дмитриевичу должен был, по давней традиции, следующий по старшинству брат. Таким образом, для Юрия Дмитриевича оставалась зацепка: в дальнейшем при благополучно сложившейся ситуации он имел возможность вновь заявить о своих претензиях. Такая возможность представилась в связи со смертью Витовта.

Правда, смерть эта вызывает подозрения. Слишком влиятельные силы – в Польше, Ливонии, на Руси и в Литве, а возможно, и в Риме – были заинтересованы в его устранении. Несмотря на пожилой возраст, он был достаточно крепок, чтобы ездить верхом. Так что его падение и (или) последующая смерть могли быть организованы врагами.

Тайна смерти несостоявшегося короля Литвы остается загадкой. В подобных случаях расследование начинают с того, что выясняют: кому это выгодно? Ответ очевиден: Ватикану. Витовт властвовал над языческим и православным населением своего великого княжества. При его добрых отношениях с Русью нетрудно было предположить, что он будет склоняться к православию. Тем более что позиции Ливонского ордена были ослаблены, а по соседству с католической Польшей, в Чехии, разгоралось антикатолическое движение.

Но, повторим, нет доказательств вины Ватикана в гибели Витовта. Но последующие события подтвердили дальновидность ватиканской политики. В конце концов Литва стала преимущественно католической страной. Это обстоятельство сыграло свою роль значительно позже, в конце XX века, когда Литовская ССР была самой крупной из республик Прибалтики, начавших процесс развала и расчленения Советского Союза. Правда, и на этот раз влияние Ватикана можно лишь предполагать.

Итак, смерть Витовта отозвалась на Руси новой вспышкой смуты. Пятнадцатилетний Василий II нетвердо держал в руках бразды правления Великим княжеством. Да и времена были непростые, требовавшие от руководителя и его советников хитроумных политических маневров. Юрий Галицкий, вновь предъявив свои претензии на московский престол, потребовал, чтобы состоялся третейский суд, а в качестве судьи выступил бы хан Золотой Орды. Юрий и Василий II отправились в Орду. Преимущество было на стороне Юрия Дмитриевича, потому что его поддерживал крымский хан Тегин Ширин, друг Свидригайло. Однако главный советник Василия II, московский боярин Иван Всеволожский, сумел повернуть дело так, что преимущество Юрия обернулось ему во вред. Он убедил ордынского хана Улуг-Махмеда, что тройственный союз Юрия, Свидригайло и Ширина подорвет могущество Золотой Орды, переживавшей в ту пору кризис.

Великий князь Василий II

Решение ордынского Верховного Суда, одобренное ханом, было в пользу Василия II. Он получил ярлык на великое княжение, Юрию был пожалован, в дополнение к Галичу и Можайску, город Дмитров. Тогда же ханский посол торжественно возвел на великокняжеский престол Василия II в Москве, а не как прежде – во Владимире. С этого момента Москва и официально стала столицей великого княжества.

Но тут начались козни, интриги и конфликты. Василий II обещал боярину Всеволожскому жениться на его дочери. Однако, вернувшись из Орды, он взял в жены княжну Марию Ярославну, представительницу рода князей Серпуховских. Вряд ли это был брак по любви. По-видимому, София, мать

великого князя Московского и дочь великого князя Литовского, настояла на выборе княжны, а не боярышни. К тому же Серпухов был надежной опорой Москвы.

Обиженный боярин Всеволожский перешел на сторону Юрия Галицкого. Василий II потерял разумного советчика, а Юрий приобрел ценного сторонника. Уж не по умыслу ли этого боярина произошел случай, ставший поводом для откровенной междоусобной вражды?

На свадьбе Василия II присутствовали сыновья князя Юрия – Василий и Дмитрий Шемяка. На Василии Юрьевиче, как сообщает летописец, был «пояс золот на чепех с камением... Се же пишем того ради, понеже много зла от того ся почало».

Один из московских бояр признал в этом поясе вещь, принадлежавшую еще Дмитрию Донскому. Такой намек на преемственность и причастность к знаменитому предку не стерпела София Витовтовна. Она публично сорвала этот пояс с гостя. Василий Юрьевич вместе с Шемякой, «раззлотившись» (можно добавить – и распоясавшись), тотчас отправились к отцу в Галич. А Юрий Дмитриевич «собрался с всеми людьми своими, хотя ити на великаго князя».

В общем, была бы причина, а повод найдется. Главной же причиной оставались претензии Юрия на московский престол. В истории с поясом, по свидетельству летописца, участвовал боярин Всеволожский, к которому эта вещь, украденная у Дмитрия Донского, перешла по наследству. По-видимому, хитрый боярин не без умысла одарил поясом Василия Юрьевича. По всей видимости, у Всеволожского были не только личные причины предать Василия II. Он был из «старых» бояр, которые стояли за сохранение прежних феодальных порядков. Вокруг же великого князя группировались «юные» бояре и дворяне, выступавшие за активный курс внешней политики, направленный на укрепление государственной власти и расширение владений Москвы. Это была внутренняя междоусобица, напоминавшая ту, которая произошла в середине 1980-х годов в Политбюро СССР, когда более молодые (относительно, конечно) и агрессивные члены Политбюро подчинили своей власти «консерваторов».

В обоих случаях – и в древности, и в современности – победили более молодые силы. Они опирались на новые, окрепшие и рвущиеся к власти социальные слои. Это содействовало распространению смуты.

Но тут следует сделать оговорку. В прежние времена молодые бояре были за укрепление государственной власти. За ними стоял служивый люд, а также горожане и купцы, заинтересованные в расширении великокняжеских владений, и в связи с этим торговых и культурных связей, установлении надежного порядка в стране и усилении ее военной мощи (гарантирующей национальную безопасность).

В наше время «молодые политбюрократы» опирались на возникшее еще при Хрущеве и окрепшее при Брежневе коррумпированное высшее чиновничество и представителей теневого капитала. Они желали ослабить

государственную власть, освободиться от контроля со стороны соответствующих органов и организаций, ориентируясь на буржуазные ценности (прежде всего материальные, хотя лозунги выдвигали, естественно, другие) и стремясь к личному обогащению и безраздельной власти над национальными богатствами и над народом.

Эти антигосударственники одержали победу, ознаменованную распадом сообщества государств народной демократии, а затем и СССР. А в старые времена тоже поначалу победили, можно сказать, антигосударственники, из числа «старых бояр», поддержавших Юрия Галицкого. Иван Всеволожский бежал через Углич и Тверь к Юрию и стал «подговаривати его на великое княжение».

Тут можно и уточнить летописца: никакие особые «подговоры» на этот счет Юрию не были нужны. Он и без того был готов выступить против Василия II. Теперь, заручившись поддержкой и советами Всеволожского, он понял, что медлить нельзя. Захватив москвичей врасплох, Юрий Галицкий со своим войском подошел к городу, угрожая начать штурм. Василий II предпочел сдаться. Юрий вошел в столицу и провозгласил себя великим князем. Василию Васильевичу был предоставлен на княжение город Коломна. Летописец объясняет поражение Василия II тем, что рать московских горожан перепилась: «Мнози от них пьяни бяху и собой мѣд везяху, что пити еще». Но главное, что поход Юрия Галицкого был внезапным, намерения его решительны, а русские люди не желали воевать между собой.

Вроде бы все обошлось миром. Но так только казалось. На стороне Юрия была сила, но не правда. Ведь он вторгся в чужие владения. После этого следовало ожидать перераспределения вотчин, прихода к власти новых людей, тогда как власть прежних бояр и удельных князей оказалась под угрозой.

Серьезное нарушение прежнего порядка – это уже смута. Ее опасность заставила московскую знать двинуться в Коломну, к своему прежнему господину. Это было молчаливое голосование против самозванного великого князя московского в пользу Василия II. Юрий Дмитриевич не ожидал этого. Он остался со своими приближенными и войском во враждебно настроенном городе и в окружении владений, хозяева которых тоже готовы были выступить против него. Поэтому он вынужден был вернуть племяннику великокняжеский престол и возвратился в Галич.

И тут Василий II, обрадованный неожиданной победой, сделал два серьезных промаха. Он приказал ослепить предателя Всеволожского, чем вызвал тайное неодобрение многих влиятельных бояр. Во-вторых, он решил закрепить свой успех, захватив владения своего коварного и неугомонного дяди.

Начались военные сражения. Против армии Василия II выступили не только войско Юрия Галицкого, но и вятичи. Их город пользовался правами автономии в пределах Галицкого княжества, которой они могли лишиться, попав под власть Москвы.

В начале 1434 года Юрий и его сыновья при поддержке вятичей разбили великокняжеское войско, заняли Москву, захватили великокняжескую казну. Василий II бежал в Новгород, но под нажимом бояр, не желавших ссориться с Юрием, переметнулся в Нижний Новгород. Положение его было отчаянным. Новый московский хозяин послал за ним своих сыновей с войском. Но они вынуждены были вернуться с полпути, узнав, что их отец скончался (ему тогда было шестьдесят лет).

Среди его сыновей начались распри. В отсутствие отца они лишались всяких законных прав на великокняжеский престол. Однако старший из них, Василий, по прозвищу Косой, решил объявить себя великим князем. Братья – Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не поддержали его. Они призвали обратно Василия II.

С этого начался новый этап смуты.

ВАСИЛИЙ, СТАВШИЙ ТЕМНЫМ

Василий Косой выступил на этот раз как откровенный захватчик, не желающий считаться с существующими законами и добивающийся власти силой. Но в то же время это была борьба против верховной власти великого князя Московского, против расширений его владений и установления под его господством Московского царства. Вот почему схватка была долгой и ожесточенной.

Фактически вопрос стоял так: быть Руси единым государством или превратиться в более или менее разобщенные феодальные уделы. Это было выступление против гегемонии Великого княжества Московского. Волнения вышли далеко за пределы центрального региона, охватив Верхнее и Среднее Поволжье. Были попытки втянуть в антимосковскую коалицию Новгород, Тверь, Вологду, Вятку, Устюг.

Сражение великокняжеских дружин

Но теперь и среди сепаратистов не было единства. Дмитрий Шемяка, узнав о вокняжении в Москве брата Василия Юрьевича, стал союзником Василия II. Причиной такой резкой перемены позиции Шемяки, по-видимому, стало то, что он не только считал незаконными такие притязания брата, но и понимал, что его положение в Москве непрочно. Ведь их отец уже дважды занимал столицу, но удержаться там не смог.

Войско Василия II и Шемяки двинулось к Москве. Василий Юрьевич отступил. Шемяка получил в удел Углич и Ржев.

Побыв недолго в Новгороде, Василий Юрьевич отправился в Кострому, которая вместе с Вяткой была опорой сепаратизма, и начал собирать войско. В январе 1435 года его армия, вторгшаяся в пределы Ярославского княжества, была разбита. Он бежал в Кашинский удел Тверского княжества. Сюда же подошли остатки его войска. Получив подкрепление из Твери, он двинулся на Вологду, рассчитывая завладеть этим важным экономическим пунктом и контролировать торговый путь из центральных русских областей на Север. У Вологды его поджидала засада: часть великокняжеского войска. Но застать Василия Юрьевича врасплох не удалось. Он разбил эту рать и взял в плен нескольких московских воевод. Однако из-за немалых потерь вынужден был вернуться в Кострому.

Здесь к нему на подмогу вновь пришли удалые вятичи. Их поддержка помогла Василию Юрьевичу заключить мирный договор с Василием II и получить в удел Дмитров. Но это был ловкий маневр со стороны мятежного князя. Он двинул свою рать на Устюг Великий, оплот великокняжеской власти на Северной Двине. Устюжане девять недель выдерживали осаду. За это время Василий Юрьевич разорил окрестные волости и села, а взяв город, многих устюжан казнил.

Затем Василий Юрьевич захватил еще один очень важный экономический центр – Вологду. Получив подкрепление в Костроме, он пошел на Москву. На этот раз он потерпел сокрушительное поражение и был взят в плен. Василий II приказал его ослепить.

Эта кара была в традиции Византии и до Василия II на Руси не практиковалась. Столь жестокой мерой князь попытался запугать оппозицию, однако добился противоположного. Общественное мнение – важнейший фактор в период смут – оказалось не на его стороне. И вскоре Василию II пришлось претерпеть ту же самую казнь.

Отдельные отряды Василия Юрьевича Косого (а теперь – Слепого) продолжали воевать с Москвой. Им даже удалось взять в заложники ярославского князя с княгиней, получив за них крупный выкуп. Но все-таки на некоторое время усобица угасла. Для Василия II наступила передышка, которой он не сумел воспользоваться.

Татарские набеги на русские княжества участились. После смерти Едигея – последнего сильного хана Золотой Орды, там усилился сепаратизм. У полукочевых орд, живших главным образом за счет покоренных народов (п

аразитическое существование), это было обычным явлением. Из Крымского ханства постоянно совершались набеги на русские земли. А за спиной Бахчисарая стоял Стамбул – переименованный турками в Константинополь, – столица евразийской супердержавы того времени. Хан Еголдай создал свое вассальное княжество южнее Курска. Хан Саид-Ахмад вытеснил с южного Поволжья хана Улуг-Махмеда, который обосновался севернее, на Оке, в городе Белёве.

Василий II послал против него войско под командованием двух Дмитриев, сыновей Юрия Галицкого. Русские одержали победу и потребовали ухода ордынцев из Белёва. Улуг-Махмед возобновил боевые действия и на этот раз остался победителем.

Окрыленный успехом, он направился в 1439 году на Москву. Узнав об этом, Василий II отправился в Кострому – набирать новое войско. Московское ополчение возглавил его тесть, князь Юрий Патрикеевич. Десять дней армия Улуг-Махмеда штурмовала столицу, но вынуждена была отступить, грабя и сжигая русские города и села.

Почувствовав слабость Орды, некоторые татарские феодалы поспешили заручиться поддержкой или Литовского, или Московского великих княжеств. Тем более что противостояние Москвы и Новгорода закончилось военными действиями, во время которых москвичи совместно с псковичами одержали победу, после чего Новгород обязался выплатить Москве огромную по тем временам контрибуцию – 8 тысяч рублей.

Ситуация на Руси осложнялась из-за церковных неурядиц. Православие переживало кризис: Константинопольская патриархия, желая спасти Византию от турецкого завоевания, согласилась на унию с Ватиканом, назначив на Русь митрополитом Исидора. Предполагалось одобрение унии Русской православной церковью. Исидор был торжественно принят в Москве. Когда Исидор отправился на церковный собор в Италию, Василий II отправил вместе с ним представительную делегацию. В пути Исидор находился очень долго. Например, в Риге, столице Ливонского ордена, он задержался на целых восемь недель. На соборе Исидор принял деятельное участие в заключении унии и подписал ее 5 июня 1439 года.

Двое членов русской делегации бежали из Италии на Русь, чтобы сообщить о политике Исидора. Он же на обратном пути также надолго задержался в Венгрии – форпосте Римской церкви в Юго-Восточной Европе. Действия митрополита свидетельствовали о его тесной связи с Ватиканом. И когда он, вернувшись в Москву 19 марта 1441 года, с амвона кафедрального собора объявил о соединении православной церкви с католической, то был взят «за приставы» и заточен в Чудовом монастыре. Оттуда он бежал в Тверь, где тоже был взят под стражу, но потом отпущен.

Исидор направился в Литву, а потом в Рим. Судя по всему, побег его был осуществлен не без ведома Василия II. Вероятно, он не желал портить отношения с Ватиканом, который приобретал все большее влияние в Литве, в то время как на Руси продолжались междоусобицы, да и Орда давала о

себе знать.

В 1445 году сыновья Улуг-Махмеда из Казанского ханства двинулись на Москву. Под Суздалем они разбили русское войско и взяли в плен Василия II. Путь к столице был открыт. В городе началась паника. Однако в этот момент горожане-простолюдины сами взялись за оружие и стали готовиться к обороне, сурово расправляясь с паникерами.

Возможно, это был один из решающих моментов смуты, когда она могла дорого обойтись Москве. Будь ее жители менее решительными, не прояви патриотизма, стали бы они подвластными казанским ханам, а Москва перестала бы быть политическим центром Руси.

Татарские полководцы, узнав о приготовлениях Москвы к обороне, не решились на осаду города и отошли к Нижнему Новгороду.

За Василия II был обещан большой выкуп. Кроме того, татарским феодалам были розданы «кормления» – право на поборы с населения Руси. 17 ноября 1445 года Василий II вернулся в Москву, но был встречен холодно, отчужденно-враждебно. Огромный выкуп лег тяжким бременем на народ.

Волнения москвичей усилились из-за бесчинств татар, прибывших вместе с великим князем для получения выкупа. Этим воспользовался Шемяка, организовав заговор против Василия II, утратившего к этому времени авторитет и значительную долю власти.

Шемяка вовлек в заговор князя Можайского Ивана Андреевича и часть других удельных князей. Вошли в антимосковскую коалицию Новгород и Тверское великое княжество. Использовал Шемяка и оружие идеологическое – демагогию.

Свои личные интересы он прикрывал заботой о всенародном благе, заявляя, что выступает «за все люди». Через своих агентов он распространял клевету на Василия II, который якобы обещал передать татарам власть над всей Русью, кроме Тверского великого княжества, которым сам намеревался завладеть.

Клевета была наглой, а пропаганда против мнимого татарского владычества – хитрой уловкой, не имевшей за собой никаких реальных оснований.

Золотая Орда была настолько ослаблена, что ее враждующие ханы при всем желании не могли восстановить свою былую власть над Русью.

Но тут сказалась важная особенность «информационной войны»: в ней обычно побеждает наиболее беспринципный, подлый и наглый, для которого самое главное – задеть «больные струны» общественного сознания.

Как тут не обратиться к современности и не вспомнить о победе в идеологическом противостоянии американской пропаганды, а затем и ельцинского курса на захват власти. Тогда множество обывателей в странах народной демократии и в СССР, в особенности из числа служащих и интеллигенции, уверовали в то, что со свержением социализма и установлением капитализма они получат обещанные материальные блага.

Для этого, мол, достаточно на первых порах отобрать власть у партгосаппарата и вручить ее вместе с общенародным достоянием

олигархам и их ставленникам.

Действительно, олигархи фантастически быстро обогатились, заодно растратив государственную казну, ельцинская Семья превратилась в миллиардерский клан. А народ, как известно, обнищал и стал вымирать с невиданной быстротой. Даже теперь, после двух десятилетий капиталистического «рая», в Польше, например, половина населения полагает, что при социализме им жилось лучше. А ведь если бы поляки продолжали развивать и укреплять социалистическую экономику, то они жили бы теперь не хуже, чем французы или немцы. О Советском Союзе и не приходится говорить: оставаясь сверхдержавой, он, даже по прогнозам авторитетнейших западных экономистов, к 2000 году приблизился бы к США не только по валовому национальному продукту, но и по уровню потребления на душу населения.

...Впрочем, вернемся в XV век. Тогда московское население на некоторое время поддалось на враждебную пропаганду, не уразумев поначалу, что для Руси требуется укрепление центральной великокняжеской власти.

Например, богатые купцы были недовольны не только налоговыми тяготами в счет выкупа, но и тем, что татары, захватив Нижний Новгород, контролировали волжский торговый путь и наносили большой ущерб торговле с Востоком. Но ведь прогнать ордынцев можно было лишь за счет укрепления власти Василия II и Москвы, а не наоборот. Однако под воздействием враждебной агитации и богатые купцы, и влиятельные бояре, не говоря уж о простом народе, сочувствовали заговорщикам.

А Василий II проявил удивительную беспечность. Он отправился в Троице-Сергиеву лавру с малочисленной охраной, не заботясь о настроениях в столице. Войско Дмитрия Шемяки, обосновавшееся в Рузе, внезапным броском вышло к Москве. Местное население не оказало им сопротивления. В Троице-Сергиеву лавру был отправлен крупный отряд под командованием Можайского князя, который взял в плен Василия II и доставил в Москву. Здесь великий князь был ослеплен, а затем вместе с женой сослан в Углич.

Шемяку провозгласили великим князем московским. Население присягнуло ему на верность. Многим казалось, что с приходом новой власти начнется пора процветания. Надеялись на то, что поборы будут уменьшены.

Все вышло наоборот (не правда ли, очевидная аналогия с концом XX века?). Шемяка не только захватил великокняжескую казну, но вместе с пришлыми своими приспешниками принялся грабить московских жителей не хуже татар. Новые власти вели себя как завоеватели.

В отличие от замороченного населения конца XX века, тогда, в XV столетии, народ великого княжества Московского быстро осознал, что попал из огня да в полымя. Что вопрос не в том, что сулит некая группа в погоне за властью, а в том, как она выполняет свои обещания. На дела и обращал внимание московский люд.

Ослепление Василия II

Кстати заметим, что исторические примеры не подтверждают набившее оскомину утверждение об униженности, покорности и долготерпении русского народа. Во всяком случае, для XV и XVI веков это вовсе не характерно. Тогда народ быстро сориентировался, поняв, что его обманули.

Центром оппозиции стал Муром, куда сослали сыновей Василия II, в том числе будущего объединителя Руси Ивана Васильевича (Ивана III). Дмитрий Шемяка хотел избавиться от них, но помешал епископ Иона, после ареста Исидора фактически управлявший метрополией.

Часть бояр, оставшихся верными Василию II, которого с той поры называли Темным, организовала заговор с целью его возвращения в Москву. Но заговор был раскрыт, и многие его участники бежали в Литву.

Видя растущее недовольство москвичей, Шемяка постарался заручиться поддержкой церкви. Иона пошел на это, но при условии, что будет освобожден Василий II. Шемяка отдал бывшему великому князю «в отчину»

Коломну.

Захватившие власть в Москве «пришельцы» были озабочены собственным обогащением. Они ущемляли права местных бояр и дворян, а купцы возмущались стеснениями в торговле при поощрении их постоянных конкурентов из Новгорода. Увеличивался экономический развал, началась инфляция, в связи с чем были выпущены облегченные серебряные монеты. Недовольство общества заставило и церковь перейти в оппозицию Шемяке. Из Литвы к Василию II возвратились эмигранты. А главное – его поддержала Тверь. Положение Шемяки в столице стало шатким. Когда в декабре 1446 года он отлучился из Москвы, москвичи открыли ворота столицы небольшому отряду войск Василия II. По-видимому, тайный сговор произошел значительно раньше: дожидались только удобного слу чая.

В феврале 1447 года Василий II Темный торжественно въехал в Кремль. На этот раз – окончательно.

Любопытная деталь. В ту пору, когда на Руси правил великий князь, существовал феодальный строй и ни о какой демократии речи быть не могло (формально она существовала в Новгороде), настроение общества играло огромную роль, в значительной мере определяя выбор того верховного правителя, на стороне которого народ. Для этого не требовались никакие специальные процедуры «демократических выборов», в которых слишком часто побеждает отпетый демагог и прожженный лицемер, наглый лгун и ставленник определенной группы.

Смутное время на Руси обычно завершалось так: после того как народ начинал сознавать, что Отечество в опасности и ему грозит большая беда, он делал свой выбор и твердо выступал за него.

Призвание на великое княжение Василия II стало последним и окончательным выбором.

«Примечательно, – писал Н.И. Костомаров, – что характер княжения Василия Васильевича с тех пор совершенно изменяется. Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем; но с тех пор, как он потерял глаза, все остальное его правление отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что именем слепого князя управляли умные и деятельные люди. Таковы были бояре: князья Патрикеевы, Рязанские, Кошкины, Плещеевы, Морозовы, славные воеводы: Стрига-Оболенский и Федор Басенок, но больше всех митрополит Иона».

Согласно Костомарову, получается, будто лишившись зрения, Василий II приобрел «внутреннее видение». Потому что управлял-то все-таки он, а не кто-либо иной – от его имени. В его воле было приблизить к себе таких достойных людей. И такие люди сами шли к нему в услужение.

Ведь не могучим государем был ослепший, низложенный и сосланный в небольшой удел Василий II. Дело тут было не столько в его личном выборе помощников, а в их выборе: пойти на его службу или предпочесть более влиятельного господина.

Не исключено, конечно, что превратности судьбы и страшное наказание –

выколотые глаза – оказали влияние на его характер и склад ума. Он стал обдумывать свои действия обстоятельно. Но все-таки главным было то, что изменилось отношение к нему окружающих, его бывших подданных, быстро понявших, что Шемяка обманул их ожидания.

Сказались здоровый и мудрый «инстинкт народа» и его ясное сознание. Пожалуй, народ даже сочувствовал свергнутому великому князю. Шемяка изувечил его, показав себя злодеем. А на Руси, в отличие от Западной Европы, всегда жалели потерпевших. Народ выбирал не того, на чьей стороне сила, а того, на чьей стороне полагал правду.

Победа сепаратистов и ослабление Москвы грозили распадом страны на удельные княжества, которые рисковали попасть под власть соседних государств. Да и Православная церковь с поражением Москвы могла оказаться в тяжелом положении и утратить свое влияние.

Правда, Шемяка и его союзник Иван Можайский попытались создать новую антимосковскую коалицию в составе Можайска, Новгорода, Вятки и Казанского ханства. Иван Можайский даже попытался заручиться поддержкой Литвы.

Желая выиграть время, Шемяка заключил перемирие с Василием Темным. Но при этом отказался возвратить великокняжескую казну. Перемирие было прекращено. Решающее сражение стало неизбежным.

В это время на службу к Василию II пришли татарские царевичи Касим и Якуб. Касим стал верным и надежным союзником Москвы. Его народ – касимовские татары – стал одним из этнических компонентов России. Эти союзники внесли свой вклад в дело объединения России. (А в 2001 году в Казани татарские националисты сожгли чучело Ивана Грозного!)

Решающее сражение произошло у Галича в 1450 году. Войско Шемяки было разбито; сам он бежал в Новгород.

Так завершилось смутное время. Правда и народ оказались на стороне Василия II, точнее сказать, на стороне великого княжества Московского, которому суждено было в недалеком будущем стать сердцем объединенной России.

Могло ли быть иначе? Г.В. Вернадский привел на этот счет высказывание немецкого историка первой половины XX века Б. Спулера: «Улуг-Махмед глупо упустил великолепный шанс полностью подчинить Великое московское княжество» (имеется в виду освобождение Василия II и отмена похода на Москву). Вернадский справедливо иронизировал: «На самом деле Улуг-Махмед, по-видимому, лучше понимал ситуацию, чем его советчик двадцатого века. Времена Тохтамыша закончились...» Но дело было не только в ослаблении Золотой Орды. Главное – решимость русского народа, особенно москвичей, защищать свое Отечество.

Вспомним историю Великой Отечественной войны. В 1941 году немецко-фашистские захватчики вторглись в СССР и Красная армия терпела тяжелые поражения, неся огромные потери. Гитлер рассчитывал на то, что советское правительство во главе со Сталиным рухнет, а русский народ покорится

более мощному противнику. В этом отношении Улуг-Махмед проявил куда больше проницательности и предусмотрительности.

Когда народ поднимается против иноземного владычества, то покорить его практически невозможно. Татарский хан понимал, что его может ожидать: партизанская война, повсеместные бунты, а потом неизбежное поражение. Русский народ стал сознавать или чувствовать себя единым этносоциумом. Возможно, он впервые осознал свое достоинство и величие: московский люд сам справился с паникерами и, несмотря на отсутствие руководящих господ, организовал оборону.

До этого в головах людей преобладала смута – не было ясного понимания сути происходящих событий. Общественные симпатии склонялись то в одну, то в другую сторону. По этой причине поочередно побеждали то сторонники централизованной власти, то сепаратисты.

Казалось бы, какая разница простому человеку, кто станет его господином; останется ли он в Великом княжестве или в небольшом удельном княжестве Московском? (Как тут не вспомнить, что еще недавно доводилось слышать мнение о том, что незачем горевать о какой-то великой России – СССР: жилось бы в достатке и уюте пусть и в небольшом Московском царстве-государстве. Так говорили вполне нормальные и весьма образованные русские интеллигенты конца XX века.)

Русские люди XV века поняли, что расчленение на небольшие слабые удельные княжества означает конец Руси независимой и могучей. И это ясное осознание реальности означало преодоление смуты.

ИЗ СМУТЫ – С ЧЕСТЬЮ

В 1453 году произошли два события, повлиявшие на отечественную историю. Турки при поддержке Венецианской республики завладели Константинополем. Христианские кресты над его храмами сменились исламскими полумесяцами. Второй Рим пал.

Ватикан тоже мог праздновать победу. Его духовному сопернику – греческой православной церкви – был нанесен тяжелый удар. Как видим, законы конкуренции свирепствуют и в духовной сфере, даже в церквях, считающих себя христианскими.

Москва, став прямой наследницей Византии, могла теперь претендовать на титул Третьего Рима.

В том же году в новгородской эмиграции скончался неутомимый борец против возвышения Москвы и за сохранение феодальной раздробленности Дмитрий Юрьевич Шемяка. Многие источники подчеркивают, что смерть была насильственной, что он «умре с отравы», «умре напрасно», «даша ему лютого зелия».

Ермолинская летопись указывает, что яд для отравы Шемяки привез из Москвы в Новгород московский дьяк Степан Бородатый. Он якобы подкупил повара Дмитрия Шемяки по прозвищу Поганка, который и преподнес это

«зеле» за обедом «в куряти», отчего князь и скончался.

Скорее всего, так предполагали многие современники, поскольку Василий II, главный противник Шемяки, был заинтересован в его устранении.

Однако у нас нет оснований доверять сведениям летописцев, которые ссылаются на «людскую молву». Подобные источники нельзя считать надежными. Слухи слухами, но не исключено, что вызваны они догадками или дезинформацией.

Князь Шемяка оказался в Новгороде в то время, когда городская элита была заинтересована в налаживании отношений с Москвой, победившей в феодальной войне. Строптивный беглец, нашедший пристанище в их городе, был им неудобен и даже опасен. Его присутствие обостряло и без того напряженные отношения между двумя крупнейшими политическими, экономическими и торговыми центрами Руси.

Не исключено, что Шемяка пал жертвой мести. За три года до этого он захватил Великий Устюг. Часть местной знати и купцов сохранила верность Василию II. За это Шемяка «метал» их в реку Сухону, «вяжучи камень великое на шею им». Родственники казненных вполне могли при случае отомстить Шемяке.

Возможно даже и то, что ярый противник Василия II боялся, что будет выдан своему врагу на расправу (а новгородцы вполне могли пойти на такую демонстрацию дружбы), а потому покончил жизнь самоубийством.

Впрочем, вполне вероятно естественная кончина князя или его отравление той самой «курятю». В прежние времена «естественное» отравление обычно толковали как результат происков врагов и отравление нарочитое. Так или иначе, но эта смерть символизировала, что смута закончилась.

Самый непримиримый и последовательный борец против гегемонии Москвы сошел с исторической арены. Теперь удельные князья оказались под властью более сильного Великого князя Московского. Обозначился безусловный центр объединяющейся Руси – Москва.

Сильнейший удар был нанесен удельному порядку (правда, остатки его сохранялись еще длительное время, до царствования Ивана III).

Ликвидированы были уделы в Суздальской земле. Подчинилась Василию II свободолюбивая и своевольная Вятка, которая вместе с Галичем была оплотом сепаратизма.

Москва усилила свое влияние и на Северо-Западе Руси, начав борьбу за власть над могучей и богатой боярско-купеческой республикой, «вольным Новгородом».

Псков был вынужден принять московского наместника «ни по псковскому прошению, ни по старине». Ослабла независимость Ярославского и Ростовского княжеств. Только Тверь все еще оставалась серьезным и независимым конкурентом Москве.

Позиция великого князя тверского, Бориса Александровича, в период смуты была непоследовательной. От нейтралитета он перешел к антимосковской позиции, а от нее – к союзу с Москвой. Казалось бы, ситуация для него

складывалась благоприятно. Он получал шанс на возвышение и устранение с политической арены Василия II.

По-видимому, дело было в том, что великому князю тверскому приходилось лавировать между «двумя великанами» – Литвой и Москвой. Избавившись от «московского гегемона», он рисковал оказаться под властью Литвы, с которой вынужден был при Витовте сверять свою внешнюю политику и, в частности, участвовать в Литовском походе на Новгород.

Литве подчинилось и великое княжество Рязанское. Увеличивалось давление Литвы на Новгород. Чтобы сохранять независимость своих владений, князь Борис, вероятно, вынужден был иметь сильного союзника в лице Москвы. Он, конечно же, не мог предвидеть дальнейшее укрепление великого княжества Московского и сравнительно быстрого включения в него тверских земель. Это сделает Иван III, который покорит Тверь и депортирует часть ее жителей. Международные позиции Руси окрепли в немалой степени за счет внутривнутриполитических неурядиц среди ее агрессивных восточных и западных соседей. Не только Литва, но и Ливонский орден переживал упадок, все реже стал беспокоить Псковскую республику и в конце концов счел за благо заключить с ней мирный договор.

Возможно, все эти обстоятельства больше, чем окрепший при слепоте ум Василия II и его опыт – во многом отрицательный – политической борьбы, содействовали его окончательной победе.

Однако в истории редко происходит случайное стечение благоприятных (или неблагоприятных) обстоятельств, не имеющее никакого логического основания. Взгляд на исторический процесс как проявление своеобразий отдельных выдающихся личностей или вообще правителей устарел уже в античные времена.

В частных случаях подобные стихийные явления не только возможны, но и неизбежны, подобно тому, как в судьбе человека проявляются не только определенные закономерности, но и непредсказуемые, алогичные события и поступки. Однако следует учитывать, что общественные процессы имеют преимущественно статистический характер, являются составляющими множества разнонаправленных векторов.

Так, при горном обвале или снежной лавине каждая отдельная частичка описывает сложную, порой причудливую траекторию. Но все вместе они движутся, подчиняясь определенным закономерностям по более или менее простой предсказуемой линии, в соответствии прежде всего с силой гравитации, особенностями рельефа и внутренними свойствами данного массива.

Нечто подобное происходит и с крупными общественными процессами. Отдельные флуктуации в нем сглаживаются и демонстрируют не более чем временные, не слишком значительные отклонения от единой составляющей. Смутные эпохи, судя по всему, разворачиваются по какой-то внутренней логике и завершаются закономерно, чему подтверждением служат последующие события. То, что мы видим их ретроспективно, может, конечно,

создавать определенную иллюзию закономерности. Но когда данная линия развития (или деградации) прослеживается достаточно долго, это уже вряд ли допустимо относить к явлениям случайным.

Московское великое княжество, преодолев непростые перипетии смутного периода, вышло из него с честью. То, что это не было случайным успехом, доказывают последующие события: укрепление Москвы и формирование на ее основе государства Российского.

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА МОСКВА?

В науке принято избегать вопроса «почему», предпочитая – «как». В истории поиски первопричин чаще всего уводят все дальше в прошлое, порой в доисторические времена, где и вовсе отсутствуют письменные свидетельства, а восстанавливать события приходится по косвенным фактам. И все-таки попытаемся ответить на вопрос: почему Московское великое княжество вышло из феодальной войны окрепшим, восстановившим и усилившим свои позиции? Это произошло несмотря если не на бездарность, то во всяком случае на заурядность Василия II.

По всей вероятности, народу надоели постоянные феодальные междоусобицы, те беспорядки, которые были вызваны произволом тогдашних олигархов – бояр и князей. Лучше уж было терпеть от одного великого князя Московского, чем от целой оравы удельных князей московских, великих князей иных земель и от их удельных князей.

Постоянные раздоры и хитрые политические интриги ослабляли каждое русское княжество. В результате возрастала опасность подпасть под власть сильных и агрессивных западных или восточных соседей.

Была еще одна важная причина, способствовавшая окончанию феодальной войны. Феодалы противоборствующих сторон захватывали общинные земли черносошных крестьян, то есть лично свободных крестьян, несших государственные повинности. Такая «экспроприация» в XV веке шла полным ходом (и была в основном завершена в годы опричнины при Иване Грозном). Возникали многочисленные отряды «татей», как называли тогда вооружившихся крестьян, вступавших в борьбу с угнетателями.

Междоусобицы ложились тяжким бременем и на городской небогатый люд, да и на богатых купцов тоже: ведь они теряли торговые связи. В Москве, Можайске, Серпухове, Новгороде, Пскове происходили народные восстания. Это пугало все слои феодалов – от мелких дворян до бояр и удельных князей. В одних случаях крестьяне поддерживали своих князей в борьбе против Москвы. В других выступали за московское господство. Беднота Устюга Великого открыла ворота города Шемяке. Его крепкой опорой были жители Вятской земли, где еще были сильны патриархальные порядки, а феодальный гнет был слабее, чем в Московском великом княжестве. В Вятку

стекались беглые холопы, готовые сражаться с Москвой. Победа Василия II обернулась для многих из них закабалением.

А крестьяне и горожане Московского великого княжества поддерживали Василия II. Ведь каждый новый приход чужаков приносил им новые тяготы, грабежи, разорение.

В период междоусобиц феодалы начинали чувствовать зыбкость своего положения. Они теперь во многом зависели от более низких социальных слоев. А те в свою очередь начинали осознавать свои политические возможности. Это обстоятельство их тревожило. Борясь друг с другом, они становились слабее, попадая в зависимость от собственных подданных или от чужеземцев или иноверцев.

Важную роль играла авторитетная православная церковь, которая выступала не только за стабильность, но и за объединение отдельных феодальных владений в одно государство. В противном случае страну ждала судьба Византии.

Затянувшаяся смута утомила и господ, и подчиненных. Слабость власти породила не столько анархию, сколько хаос. И если для воинственных князей ратные «потехи» были занятием привычным и естественным, то для простого люда – крестьян, ремесленников, а также для купцов и торговцев постоянные междоусобицы стали в конце концов невыносимыми. Народ устал от беспорядка. Гарантировать установление мира мог только сильный правитель. Учитывая центральное положение Московского великого княжества, таким правителем с наибольшим успехом мог быть его государь.

Работа крестьян на монастырь. Рис. XVI в.

Обратим внимание и на возросшее самосознание русского народа. Как и многие славянские племена, восточные славяне были миролюбивыми, не склонными к ожесточенным захватническим войнам. Те, кто предпочитали вольную жизнь, могли поселиться на свободных территориях на севере и юге Русской равнины.

Можно сказать, веками на Руси шел естественный отбор двух основных типов характера: оседлого землепашца или горожанина, занятого своим делом, миролюбивого и спокойного, и вольнолюбивого, анархически настроенного человека. Для такого отбора были благоприятны условия – и природные, и социальные, и политические. В результате в центральном регионе страны оставались главным образом люди, склонные к мирным занятиям, к общественному порядку. Установление такого порядка было связано, как стало ясно в период феодальной смуты, с признанием главного правителя, центральной власти.

Вновь следует подчеркнуть проницательность, чувство самосохранения и

политическое чутье, которое продемонстрировал народ. Этот патриотический инстинкт русского народа позволил не только преодолеть негативные последствия смуты, но и превратить этот кризис в предварительный этап перехода в новое состояние общества, к созданию единого государства на Руси. В результате феодальных распрей произошло не разобщение, а объединение отдельных княжеств. Произошло не сразу, но закономерно и последовательно.

...Обратившись к современности, к смуте конца XX века, мы увидим нечто прямо противоположное. Могучая держава без особых катаклизмов была расчленена на большое количество так называемых «независимых государств», из которых все стали несравненно слабей экономически и политически, чем прежде. Скажем, эстонцу в СССР принадлежала – как полноправному гражданину – вся гигантская территория крупнейшей в мире страны от Балтики до Тихого океана. Его права ничем не были ограничены по сравнению с преобладающим русским населением.

Правда, теперь богатый эстонец волен разъезжать по всем странам мира. Но для подавляющего числа населения провинциальный национализм оказался не более чем средством их полного закабаления местными олигархами. То же относится и ко всем «независимым» государствам. Трудящимся – включая интеллигенцию – там теперь живется намного хуже, чем при централизованной власти в единой могучей державе.

Если здраво рассудить, то так оно и должно быть. Несмотря на излишне крупные затраты на оборону страны, единая плановая экономика при нормальной организации имеет явные преимущества перед стихийно развивающимися раздробленными экономиками соседствующих, но разобщенных государств. Тем более что у каждой из них будет недоставать сил для противодействия агрессивным крупным державам.

В то время как США включают в сферу своих экономических интересов огромные регионы по всему земному шару, в то время как европейские страны создают единое экономическое пространство, мощная сверхдержава расчленяется и превращается в весьма непрочное «содружество» экономически слабых государств.

Не вдаваясь в теоретические основания, следует отметить очевидный факт: совокупный экономический потенциал так называемых независимых государств – бывших союзных республик – в несколько раз ниже того потенциала, которым обладал СССР!

Под фальшивым лозунгом демократизации и национальной независимости произошло невероятное для XX века: переход к феодальной раздробленности – событие прямо противоположное тому, что происходило на Руси в XV веке. Тогда смута предшествовала и определила создание единой могучей державы. Теперь смута привела к распаду великой сверхдержавы и, в частности, к разобщению славянских народов (не говоря уж об отчленении русского этноса).

Это был процесс экономической, политической, военной, культурной и в

целом общественной деградации. Если учесть его длительный характер, надо признать, что он был не случаен и не определялся только внешними враждебными силами. У СССР были еще более мощные и агрессивные враги, и он смог с ними справиться. Так что главная причина в том, что принципиально изменился правящий слой, а также социальные слои, прежде всего интеллигенция.

Отчасти это стало следствием сталинской национальной политики, которая была направлена не на подавление национальных культур и национального самосознания даже малых народов, а наоборот, на их сохранение и укрепление. Создав национальные автономии и предоставив там преимущества местному населению (исключение составила только Российская Федерация), создав Совет Национальностей, центральная власть тем самым ослабила свое влияние в регионах. И как только к управлению страной пришла преступная «команда Горбачева», вся структура социалистической системы государств расшаталась, а затем и рухнула. При этом не обошлось и без предательства.

Преодолеть буржуазную потребительскую и паразитическую идеологию не так-то просто. За долгие годы мирной жизни она стала разъедать общественное сознание, поражая прежде всего и преимущественно высшие общественные слои, партийную номенклатуру. Соединившись с национализмом, буржуазная идеология обрела взрывоопасный характер, агрессивный и злобный.

Кто же выгадал от расчленения СССР? Олигархи разного пошиба и «феодалы князья» с националистической окраской. Кто прогадал? Практически все народы и все культуры на этом огромном постсоветском пространстве. И произошло это в результате – помимо всего прочего – утраты значительной частью русского и советского народа реального представления о мире и своего места в нем, утраты глубинного инстинкта самосохранения и национального достоинства, понимания тех преимуществ, которые может предоставить своим гражданам сильное, независимое, экономически и научно-технически развитое государство.

Русские люди XV века если не всегда это ясно осознавали, то глубоко чувствовали. Это и стало одним из важных факторов, способствовавших прекращению феодальной смуты и созданию великого государства.

Глава 2. ПРЕДВЕСТНИКИ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

Быть может, прежде губ уже родился шепот?

И в бездревесности кружились листья?

И те, кому мы посвящаем опыт,

До опыта приобрели черты?

Осип Мандельштам

МЕЛКИЕ СОБЫТИЯ – КРУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В непрерывном историческом процессе каждое крупное событие зависит от стечения самых разных обстоятельств, порой на первый взгляд ничтожнейших и совершенно непредсказуемых. Только безоглядные (или хитроумные) фаталисты, уверовавшие в пророчества лукавого Нострадамуса, полагают, будто все на свете можно узнать наперед. Трудно сказать, особенность ли это только русской истории, но у нас наступление смутных времен часто связано со случайностями, которым суждено было играть роль сильных катализаторов общественной жизни. Одним из таких событий была внезапная смерть царевича Дмитрия, а другим, значительно более ранним, – небольшой фурункул на ноге великого князя московского Василия Ивановича, отца Ивана IV, сведший его в могилу. До этого ничего, казалось бы, не предвещало лихолетий.

«Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории, – писал Н.И. Костомаров. – Эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического русского государства».

Великий князь Иван III

Правда, еще в правление его отца, Василия II, на Руси была большая смута. Но именно при Иване III Московская Русь стала могущественным государством, избавившись от ордынского ига. Произошло это самым замечательным образом, без кровопролития. Когда Иван III перестал платить дань Орде, в поход против него вышло войско Ахмата, хана Большой Орды.

Оно подошло к Угре, притоку Оки. На противоположном берегу реки встали полки великого князя московского. Это знаменитое «стояние на Угре» продолжалось всю осень 1480 года, после чего ордынцы без боя отступили. В те времена такой успех Ивана III рассматривался не только в народе, но и среди князей и бояр как знак судьбы, благоволение Господа.

Успехам Ивана III способствовали его личные качества. «Иван III был одним из выдающихся государственных деятелей феодальной России, – отметил А. А. Зимин. – Обладая незаурядным умом и широтой политических представлений, он сумел понять насущную необходимость объединения русских земель в единую державу... За 40 с лишним лет его правления на месте многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных княжеств было создано государство, по размерам территории в шесть раз превосходившее наследие его отца.

На смену Великому княжеству Московскому пришло государство всея Руси... Россия из заурядного феодального княжества выросла в мощную державу, с существованием которой должны были считаться не только ближние соседи, но и крупнейшие страны Европы и Ближнего Востока».

Но это обстоятельство имело и серьезные последствия, во многом предопределившие Смутное время. Быстрое укрепление России заставило насторожиться всех ее соседей. У великой державы, как водится, появились могущественные, как прав и л о, т а й н ы е, в р а г и.

Возможно, именно с той поры началось недружественное отношение Западной Европы к России, о котором так убедительно писал в XIX веке Н.Я. Данилевский. Противоречия ордынских ханов и изменившаяся общая ситуация в покоренных землях ослабили Орду, вызвали ее упадок, что безусловно способствовало не только подъему и усилению Московского княжества, но и продвижению его на восток.

Было еще одно немаловажное обстоятельство: московский престол наследовал еще один незаурядный политический деятель. Вот как характеризует его А.А. Зимин: «Это был осторожный и трезвый политик. Человек эпохи Возрождения, Василий III сочетал в себе горячий интерес к знанию с макиавеллизмом честолюбивого правителя. Показная набожность прекрасно уживалась в нем с готовностью пожертвовать церковными традициями во имя государственных интересов, которые он отождествлял с особой великого князя всея Руси».

Надо заметить, что «макиавеллизм» был не теоретической системой этого мыслителя, а отражением тех реалий, с которыми приходилось сталкиваться и с которыми вынуждены были считаться правители того бурного и противоречивого времени. Иначе говоря, Василий III по своим личным качествам вполне соответствовал тем обстоятельствам, в которых ему довелось править. И это, безусловно, было благом для той державы, которую он принял от отца и сумел еще более укрепить, расширить и возвысить.

Помимо всего прочего, Василий III завершил начатое отцом строительство в Москве, в частности Кремля (при участии итальянских архитекторов). Москва

по праву могла считаться теперь столицей России.

Великий князь Василий III

Но вот произошло нечто такое, что нарушило поступательное движение России. Началось все с сущего пустяка: прыща на ноге.

Летом 1533 года Василий III с семьей отправился к Троицкой обители, откуда выехал на охоту в Волок Ламский (Волоколамск). На левой ноге у князя появился нарыв; он продолжал охотиться, все более натирая больное место при верховой езде. Князь был крепок и здоров, а потому слишком поздно обратил внимание на эту хворь. Он даже вызвал к себе на охоту брата Андрея Ивановича и выехал с ним на поле с собаками, но после недолгой скачки почувствовал сильную боль в ноге.

Лечить болячку стали слишком поздно, началась гангрена, и на 55-м году жизни царь скончался. Умирал он долго и с большими мучениями, но терпел их мужественно. Сказал жене: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением...» Сделав все необходимые поручения и указания, он просил, чтобы его постригли в монахи, с тем и отошел в мир иной.

Митрополит Даниил привел братьев усопшего Юрия и Андрея к крестному целованию на том, чтобы они служили великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и матери его великой княгине Елене, оставаясь жить в своих уделах. Затем привели к крестному целованию бояр, боярских детей и княжат.

И не было для смуты других предпосылок, кроме одного обстоятельства: великому князю всея Руси Ивану Васильевичу было в ту пору три годика. Прежде чем начать царствовать, ему пришлось прожить немало лет в

условиях, во многом определивших многие его крутые поступки и, в конце концов, наступление великой Смуты.

ДЕТСТВО ИВАНА ГРОЗНОГО

В конце XX века в России нередко вспоминали смутное время начала XVII века. Несравненно меньше известен и меньше освещен период 1538-1547 годов. Он приходится на период детства Ивана IV, или боярского правления. Тогда завязались некоторые важные узлы последующих событий.

Отец и дед Ивана IV сделали все для того, чтобы страна преодолела пережитки феодальной раздробленности. Только это могло служить залогом безопасности России от ее западных, восточных и южных соседей. И все-таки местные князья и бояре не желали лишаться своей власти, ожидая благоприятного момента для того, чтобы заявить о себе во весь голос. Уже своим появлением на свет будущий царь Иван Грозный был обязан... беззаконию. Василий III после долгого брака с Соломонией Сабуровой развелся, обвинив ее в бесплодии, плетью сломив ее сопротивление, и насильно постриг в монахи. По церковным законам и тогдашним обычаям разведенному мужу полагалось тоже последовать в монастырь. Но этого не произошло.

Василий III вступил в новый брак. Его избранницей стала красавица Елена Глинская, дочь выходца из Литвы, представителя русско-литовской знати. До 1385 года, когда по Кревской унии было создано польско-литовское государство, Великое княжество Литовское было по составу населения литовско-русским, в котором преобладало православие и сохранялось язычество.

После заключения Кревской унии католическая Польша – ударный кулак Ватикана, нацеленный на Восток (что сохранилось и в последующие века), – стала проводить активную политику полонизации и перевода в католичество Литвы, в которую входили западнорусские, белорусские, украинские земли. Это встретило отпор со стороны местного населения, в частности феодалов, приезжавших на службу в Московскую Русь. Одним из них был отец Елены Глинской.

Скудость источников не позволяет судить, было ли и в какой степени влияние католичества на Елену. Возможно, не обошлось без этого. Во всяком случае, так или иначе Ватикан имел определенное отношение к большинству русских смут.

Вторая женитьба Василия III состоялась в 1526 году, но только через 4 года родился будущий грозный повелитель всея Руси. Согласно преданию, в этот день – 25 (12) августа 1530 года – на Руси гремели грозы, сверкали молнии, сотрясалась земля, бушевала непогода. Это дало основание одному из юродивых (которых считали наделенными даром пророчества) провозгласить, что родился великий ум.

Обрадованный отец воздвиг в честь новорожденного церковь Усечения

главы Иоанна Крестителя. И это тоже стало суровым предзнаменованием. В русскую историю Иван IV вошел не только как один из крупнейших монархов, но и как невиданный до него вдохновитель «усечения» многих голов. Но вот что привлекает внимание. Развод Василия III сопряжен с одной исторической тайной, заставляющей подозревать, что у его сына Ивана был старший брат (по отцу). Через некоторое время после второй свадьбы Василия III поползли слухи, что насильно постриженная Соломония беременна. Одну из женщин, говоривших об этом при дворе, великий князь приказал высечь, но в то же время отправил своих дьяков в монастырь к бывшей жене, дабы навести справки.

Каков был результат сыска, нам неизвестно. Однако Василий III вскоре после развода сделал своей первой супруге щедрый подарок – целое село, а в 1526 году заложил церковь Святого Георгия. То ли по этой причине, то ли потому, что у великого князя действительно родился втайне сын, по Москве пошли слухи, будто Соломония родила сына Георгия.

Не исключено, что преемником Василия III мог бы стать именно Георгий. Тем более что после рождения Ивана прокатился слухок, что настоящим отцом его был Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. И это тоже весьма вероятно. Близость его к Елене Глинской была, можно сказать, у всех на виду.

Молодой Иван Федорович был с великокняжеской четой с первой их брачной ночи. Ему следовало наутро после брачной ночи «колпак держать, с князем в мыльне мыться и у постели с князем спать». Доводилось ему, как считается, «спать» и с княгиней.

Согласно завещанию Василия III, власть переходила опекунскому совету при малолетнем Иване, в который не входила его жена. Это ее ни в коей мере не устраивало. Вместе с И. Ф. Овчиной она возглавила оппозицию, совершив по сути дела государственный переворот. Она ликвидировала опекунский совет. Нарушение завещания великого князя положило начало череде придворных переворотов и острой борьбе фракций правящего класса. В этой обстановке прошло все детство Ивана IV.

Какова была судьба предполагаемого его старшего брата?

Согласно преданию, он исчез из Суздальского Покровского женского монастыря, где пребывала инокиня Софья (в миру великая княгиня Соломония). Ее сыну нельзя было ждать пощады от Елены Глинской. По-видимому, Георгий был спрятан в одной из боярских семей. Его судьба остается загадочной (впрочем, и о его существовании достоверных сведений нет). Инокиня Софья умерла в 1542 году. Елена Глинская и ее любовник ликвидировали братьев Василия III. Один из них, Андрей Старицкий, был заточен в тюрьму. Там на него надели «шляпу железную» (русский вариант «железной маски») и вскоре уморили.

В 1538 году последовала внезапная смерть Елены Глинской. Причины ее смерти не выяснены. Вполне возможно, что ее отравили. Затем оказался в тюрьме и ее любовник Иван Телепнев-Овчина, где он не задержался: был

умерщвлен.

Власть попеременно переходила от одной боярской группы (партии) к другой.

Острое соперничество Шуйских, Бельских, Глинских, Воронцовых вело к ослаблению государства, растущему недовольству в обществе.

В этот период складывались черты характера Ивана IV, некоторые его убеждения и предубеждения. До поры до времени он вынужден был скрывать свои чувства. «Остались мы сиротами, – вспоминал он, – а мать наша, благочестивая царица Елена, – столь же несчастной вдовой, и оказались словно среди пламени: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы – литовцы, поляки, крымские татары. Нагаи, казанцы...»

Особенно большую смуту вносили, по словам Ивана Грозного, изменники-бояре. Они даже решились отдать великому князю литовскому царские вотчины: Рагодошь, Стародуб, Гомель. После смерти матери Иван и его младший брат Юрий (Георгий) ощутили себя брошенными на произвол судьбы. Вот как он писал об этом князю Андрею Курбскому:

«Никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога, Пречистую Богородицу, на всех святых и родительское благословение. Было мне в то время восемь лет; подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них!..»

Конечно, таков субъективный взгляд на происходящее. Иван не упоминает о том, что во всех этих беспорядках была отчасти повинна и его мать. И с ее смертью они не завершились, а разгорелись с новой силой. Иванова душа была полна ненавистью к боярам, но он старался не показывать это, поскольку боялся за свою жизнь. Этот комплекс ненависти и страха породил, пожалуй, ту жестокость, которая стала свойственна ему в период самовластья.

«Нас же с покойным братом Георгием, – писал Иван Грозный, – начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, оперши локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит – ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне казне родительской? Все расхитили коварным образом... Взяли себе бесчисленную казну деда и отца нашего. О казне наших дядей и говорить нечего: все себе взяли. Потом они напали на наши города, и села, и имения, а в них живущих без милости

пограбили...»

Вряд ли все в детстве и юности Ивана было так беспросветно. Однако именно эти унижения и обиды запали ему в душу. А детские впечатления, как известно, определяют многие черты характера и склад ума. На всю жизнь осталась в нем бессильная ярость, смешанная с испугом: вокруг враги лютые, беспощадные, глумливые; бояре готовы унижить, погубить, отравить его. Как противостоять им? Как отомстить недругам? Как укрепить свою власть?

Присяга. Гравюра XVI в.

Курбский на свой лад описал юные годы царя (да, Ивана IV, в отличие от его предшественников, венчали именно на царство; до него правители Руси назывались царями лишь иногда). Вот свидетельство Курбского:

«Воспитывали его великие, гордые бояре на свою и своих детей беду; они соперничали друг с другом, лаская всякой его страсти, угождая ему во всяком наслаждении. Когда же он стал приходить в возраст, лет около двенадцати, то прежде всего начал проливать кровь бессловесных животных, бросая их с крыльца на пагубу. На пятнадцатом же году стал он и над людьми тешиться. Собравши около себя молодых юношей и сродников названных бояр, скакал он с ними на конях по улицам и рынкам, бил и грабил простых людей... Поистине творил он самые разбойнические дела и много всякого другого зла... Когда же достиг он семнадцатого года, то те же прегордые бояре стали подуцать его на своих собратий...»

Возможно, недруг царя, опальный князь кое в чем сгустил краски. Но вполне допустимо, что и он, и сам Иван Васильевич сказали правду. Они показали две стороны одной медали: мальчика и баловали, и запугивали; приучали к распущенности, своеволию, непоследовательности и несамостоятельности в действиях, чтобы сделать послушной игрушкой в руках придворных. Он быстро осознал, что рассчитывать надо прежде всего на самого себя, никому полностью не доверяя. Научился скрывать свои чувства и мысли, наблюдать за окружающими с подозрением; остерегаться измены и карать врагов беспощадно. И еще одно его убеждение: не следует давать возвышаться ни одному роду боярскому, дабы не поднялся он над самим государем.

16 января 1547 года в Успенском соборе ему возложили на голову царский венец, присланный, согласно преданию, византийским императором Константином Мономахом внуку своему Владимиру как знак высшей власти. Вскоре состоялось то, что в наши дни можно было бы считать конкурсом «Русская красавица». Ставка была исключительно высока: победительницу царь выбирал в супруги; награда – титул царицы! Иван Васильевич выбрал из многих царских невест Анастасию, дочь умершего окольного Романа Захарьина.

А в Москве было дурное предзнаменование: перед вечерней упал колокол. 21 июня этого же года в церкви Воздвижения на Арбате вспыхнул пожар. Было сухо и ветрено. Огонь быстро распространился по деревянным строениям. Выгорали целые кварталы. Пламя перекинулось на Кремль. В церкви Благовещения сгорел иконостас работы Андрея Рублева. Страшный пожар унес тысячи жизней, в основном детей. Погорельцы, оставшиеся без крова, одежды и пищи, с отчаяния стали искать виноватых. Тут-то и был пущен слух, что Глинские – колдуны, что вынимали они сердца человеческие, держали в воде, а той водой кропили московские улицы – вот и выгорел город дотла.

Толпы обезумевших москвичей принялись убивать всех подозреваемых в колдовстве, прежде всего служивших у Глинских. Заколотили до смерти одного из братьев покойной царицы Елены. Подстрекаемые боярами, двинулись на село Воробьево, где находился царь. Хотели убить княгиню Анну Глинскую – бабушку царя и сына ее Михаила. Узнав об этом, молодой царь пришел в ужас. Угроза народного бунта особенно ясно показала, насколько он слаб и беспомощен.

Тут предстал перед ним монах Сильвестр и произнес гневную проповедь. Ссылался на знамения земные и небесные, предрекающие смертельную опасность для царя и всей Московской земли. Божья кара неминуемо грянет, и свергнет народ царскую власть, если не покается Иван Васильевич в грехах своих тяжких, ибо всему виной его пороки.

Юный царь был ошеломлен и растерян. Детские страхи нахлынули на него. Зарыдав, он стал истово каяться, прося у Бога прощения за свои грехи. Толпа приблизилась к царской усадьбе. Верная стража дала залп из

пищалей. Нападавшие в панике разбежались, оставив несколько убитых и раненых.

С этого момента царь во всем стал послушен монаху. Да и юная царица, имея характер мягкий и ровный, могла смирять порывы его гнева.

В это время царь Иван сблизился с незнатным и просвещенным Алексеем Адашевым. Вокруг них сложилась группа молодых образованных вельмож: князя Курлятов, Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Шереметевы, Горбатый... Тогда же впервые была созвана земская дума из выборных людей всей Руси.

Наступала пора нового правления, при котором самодержец имел опору на круг аристократов, не забывая при этом о существовании народной массы, того самого люда, который в конечном счете определяет, каким станет государство. И вот однажды после обедни молодой царь вышел на площадь, заполненную народом, низко поклонился, покаялся и произнес:

«...Знаю, что нельзя уже исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей юности от пустоты и беспомоществоего, от неправедных властей, неправосудия, лихоимства и сребролюбия; но умоляю вас: оставьте друг к другу вражды и взаимные неудовольствия, кроме самых больших дел...»

Увы, даже самыми прекрасными речами и призывами, пусть даже на главной площади державы, общественную жизнь не наладишь. Но главное в данном случае – доброе устремление царя. Он не лукавил.

Царь и царица на бракосочетании. Гравюра XVI в.

Пока была жива царица Анастасия (она скончалась в 1560 году), Иван Васильевич правил разумно и успешно. Завоевал Казань, присоединил к

своему царству новые земли, и хотя бывал порой жесток, не злоупотреблял казнями.

Во время тяжелой болезни написал завещание и потребовал от бояр присягнуть на верность младенцу Дмитрию, его сыну. Но несмотря на недомогание, он бдительности не терял, присматриваясь к поведению бояр. И убедился, что не все они ему верны.

Он все более тяготился постоянной опекой и советами вельможных друзей. Да и среди них, по-видимому, не было согласия. Политику царь Иван IV проводил прежнюю: расширял границы державы на востоке и юге, пользуясь развалом Орды; развивал торговые отношения с западноевропейскими странами. И хотя Прибалтика оставалась вне его влияния, по северным морям был открыт путь в Англию. Безуспешная война с ливонцами в Прибалтике компенсировалась тем, что, покорив Астраханское ханство, Иван смог пойти на Крым.

Неограниченная власть, как это обычно бывает всегда и во всех государствах (и в отношениях между государствами тоже), способствовала развитию в нем самодурства, развращенности и жестокости, вере в свое особое, возвышенное над всеми положение среди людей. В то же время он с младенчества прочувствовал боль и скорбь своих близких, рано осознал неизбежность смерти и скоротечность бытия. Это пробуждало в нем темные злые силы; хотелось ему забыться в пьянстве и разгуле. Он словно сам поощрял свои безумные порывы, пытаясь выплеснуть накопленный с годами груз страха, ненависти, подозрений.

А вот что писал о нем академик Д.С. Лихачев: «Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый, мастер «кусательного» стиля, самодержец всея Руси, любивший игру в смирение, изображавший себя обиженным или приниженым, пренебрегавший многими литературными традициями ради единой цели: убедить и высмеять своего противника, – таков Грозный в своих произведениях».

Этот царь был одним из самых талантливых, страстных, мудрых и остроумных писателей своего времени, обладал неповторимым блестящим стилем. А ведь стиль – это человек.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Есть искушение считать «бунташный», как называли современники, XVII век тяжелым наследием правления жестокого царя Ивана Грозного. Однако тот XVI век, в который ему довелось править, был одним из самых кровавых в Европе.

Общественно-политические катаклизмы начались в Германии. Раскол Реформации, потрясший католическую церковь, перешел в крестьянскую войну. Во Франции пролились реки крови в междоусобных гугенотских войнах. Испания была подавлена террором инквизиции; сатрап Филиппа II герцог Альба зверствовал в Нидерландах, подавляя освободительную

революцию.

На фоне подобных событий жестокости Ивана Грозного бледнеют. Хотя только у нас его по справедливости назвали не Жестоким, а Грозным. Кстати, на Западе его называют иначе. Например, в Англии – Terrible, что означает «ужасный», «страшный» (от латинского «terro», ставшего синонимом тирании, угнетения и уничтожения людей). Так же его величают во Франции, Испании, Германии.

В книжке Р. Конквиста «Большой террор» сопоставляются злодеяния Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Как видим, западные авторы актуализируют события далекого прошлого, придавая им современное звучание и, добавим, делая это на свой лад, ради утверждения своих политических целей, а вовсе не для поиска истины.

В России происходит нечто подобное. Переключаясь с западными коллегами, профессор А.М. Сахаров в учебнике для ВУЗов («История СССР...», М., 1983) сделал вывод-приговор: «На века имя Грозного оказалось связанным с представлением о диком разгуле террора. Опричнина стала нарицательным обозначением крайнего беззакония, произвола, массового истребления неповинных людей».

За 120 лет до выхода этого учебника в Великом Новгороде был воздвигнут памятник Тысячелетия России. На нем запечатлены образы ста девяти крупнейших деятелей страны. Иоанну IV, одному из создателей великой державы, места среди них не нашлось. Причина проста: потомки-гуманисты не пожелали чтить великого злодея. (Тут впору еще раз подчеркнуть: в русском народе он остался как Грозный, а не Жестокий или Злодейский.) Некоторые дореволюционные авторы не скупались на самые мрачные краски, когда речь заходила об этом царе. Н.И. Костомаров писал: «Кровь разлакомила самовластителя; он долго лил ее с наслаждением... напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно мы пытались бы создать для него образ демократического государя».

Странно звучит ссылка на «демократического государя» применительно к царю конца Средневековья. Где же в ту пору можно было найти пример такого правителя-демократа? Даже в тогдашней Швейцарии в период духовной власти Кальвина практиковались жесточайшие и порой ничем не оправданные казни, царил террор.

Вот современники нашего Грозного самодержца: французский король Карл IX, английский – Генрих VIII, испанский – Филипп II. Не с них ли следовало брать пример «варварской» России?

Сравнительный анализ показывает, что по части массовых убийств и террора западные государи значительно превзошли нашего отечественного царя.

При опричнине за 8 лет было убито 3-4 тысячи человек. Цифра внушительная. Но как скромно выглядит она по сравнению с теми жертвами, которые приходятся на страны Запада.

Карл IX лично участвовал в Варфоломеевской резне, когда за двое-трое

суток было убито в одном Париже вдвое больше людей, чем за всю опричнину в России! И что же, содрогнулся французский король, ужаснулся содеянным, раскаялся? Как бы не так! В последующие две недели во Франции было уничтожено около 30 тысяч человек, виновных лишь в том, что они были христианами-гугенотами (протестантами), не признававшими папу римского наместником Бога на земле.

При Генрихе VIII в Англии крестьянские угодья ради выгоды имущих власть и деньги превращали в овечьи пастбища. Тысячи английских крестьян, потерявших свои наделы, вынуждены были бедствовать и скитаться. Тогда Генрих постановил казнить всех бродяг. Вдоль дорог поставили виселицы, на которых было повешено 72 тысячи бедняков. Это ли не террор?

Испанский король Филипп II в завоеванных Нидерландах казнил более 100 тысяч человек. Примерно столько же крестьян погибло в Германии во время восстаний бедноты. Ну, а что касается еретиков и ведьм, то их в Западной Европе вешали, топили и сжигали заживо, порой десятками в день. Общее число казненных таким образом оценить трудно. Считается, что были погублены сотни тысяч человек.

Резня в Варфоломеевскую ночь

«И все же, – писал известный историк и литературовед В.В. Кожин, – как это ни странно и даже поразительно, и в русском, и в равной мере западном

сознании Иван Грозный предстает как ни с чем не сравнимый, уникальный тиран и палач... Сей приговор почему-то никак не колеблет тот факт, что количество западноевропейских казней тех времен превышает русские **НА ДВА ПОРЯДКА, В СТО РАЗ** ; при таком превышении зловещий лик Ивана Грозного должен был вроде бы совершенно померкнуть рядом с чудовищными ликами Филиппа II, Генриха VIII и Карла IX».

Представителей Западной Европы (к ним добавилась и Америка), хулящих Ивана Грозного, понять нетрудно: их цель – максимально унижить Россию, представить ее «империей зла», при этом замалчивая собственные значительно более тяжкие грехи и преступления.

Трудней понять наших соотечественников. Некоторые из них стараются быть или казаться радателями за демократию и гуманизм. Конечно, очень важно подмечать недостатки своей страны. Но не менее важно быть справедливым. Недопустимо невольно или умышленно лгать о числе жертв террора в России (так же как и ее преемнике – СССР). Не случайно же эти люди в 5, а то и 10 или 20 раз преувеличивают количество репрессированных и расстрелянных при Сталине, да еще ссылаются на «традицию», якобы идущую со времен Ивана Грозного.

Так дела давно минувших дней, свершавшиеся на исторической арене, превращаются в средство современной политической борьбы.

В сборнике биографий «Все обо всех» (Центр гуманитарных исследований при факультете журналистики МГУ, 1996) сказано: «Иван Грозный оставил по себе недобрую память, несмотря на то, что при нем положение России укрепилось, а границы ее расширились». (То же самое можно сказать и о Сталине!) Не в этом ли одна из главных причин упорного очернения образа первого царя всея Руси? Приведенную фразу следовало бы чуть изменить: Иван Грозный оставил по себе недобрую память у недоброжелателей и врагов России, ибо при нем положение державы укрепилось, а границы ее расширились. Однако это вовсе не служит оправданием его жестокости и самодурства. Он яростно сражался за единство и величие России, но при этом нередко проявлял ничем не оправданную свирепость, кровожадность. Возможно, их породили те психологические «комплексы», которые сформировались в нем в детские годы. Однако нельзя забывать и о том, в какую эпоху он правил.

Личность государя не только проявляет себя в истории, отчасти – в некоторые периоды существенно – влияя на исторический процесс. Сама эта личность – продукт соответствующей исторической обстановки и складывается в зависимости от окружающей среды.

Надо иметь в виду, что последний период Средневековья, так называемое Возрождение, в Европе (включая, конечно, и Россию, которая тогда была сугубо европейской, а не евразийской страной, да во многом такой и осталась) был временем не столько даже просветления, сколько брожения умов и всяческих смут. Можно сказать, что страны мучительно преодолевали сковывавшую их скорлупу Средневековья. Начался переход к так

называемому Новому времени.

Если уж мы имеем основания полагать, что в истории России роковую роль сыграл маленький прыщ, вскочивший на ноге Василия III, перешедший в язву, преждевременно сведшую его в могилу, то почему бы нам не учесть и всеевропейские масштабы, особенности XVI и XVII веков в самом общем виде?

Трагический узел русской истории, приведший к великой смуте, завязался еще при малолетнем царе Иване IV. Уже тогда началась малая смута.

Россия попала фактически под власть, как теперь принято говорить, олигархов (в период большой смуты это было оформлено и юридически – крестоцеловальной грамотой царя В.И. Шуйского).

Упрощая, можно сказать, что в борьбе за власть вольно или невольно столкнулись две основные позиции: централизованная и децентрализованная. Одних заботило прежде всего (и не без личного интереса) укрепление Русского государства под самодержавным управлением. Другим была выгодна разобщенная Русь под властью местных государей, продолжающая средневековые традиции.

Иван IV

Существует и проблема средств. Каким образом следует добиваться своей цели? На этот вопрос во времена Ивана Грозного для самодержца едва ли не во всех странах мира ответ был очевиден: любыми способами, когда речь идет о существовании своего государства. Жизнь человеческая при этом считалась средством, а не целью, как стали доказывать мыслители-гуманисты более поздних времен.

Многие историки XIX и XX веков не принимали это во внимание. Для них категорический императив Канта стал действительно критерием для всех времен, народов и даже для жителей иных планет (как считал сам великий философ). Хуже всего, когда это превращается в пропагандистскую защиту

«прав человека» и применение категорического императива для самых низменных политических целей, по отношению только к своим противникам, но не к сторонникам и не к собственным странам. Оценивая события русской истории XVI века по этому критерию, историки словно и не ведают, что в ту пору творилось в государствах Западной Европы.

Такой подход стал традиционным едва ли не для всех «демократически-либерально» настроенных историков. Даже такой уважаемый специалист как американский профессор, сын В.И. Вернадского, Георгий Владимирович Вернадский счел, что Иван IV в 1549 году прочитал две петиции Пересветова, которые доказывали благо самодержавия и сильного централизованного правительства, и они произвели на него сильное впечатление. А потому, «когда одиннадцать лет спустя он освободился от влияния Сильвестра и Адашева, то действительно превратился в ужасного самодержца в духе Пересветова».

Судя по всему, для Г.В. Вернадского (он покинул Крым вместе с белогвардейцами, «демократами», хотя в Гражданской войне участия не принимал) самодержавие само по себе, вне исторического контекста представлялось злом (вспоминаются аналогичные убеждения Костомарова). Вдобавок историк явно преувеличивал воздействие идей Пересветова на царя. Правители слишком редко прислушиваются к мыслителям. Логичней предположить, что царь Иван и Пересветов были единомышленниками, а идея самодержавия была актуальна для той эпохи в России.

УМОНАСТРОЕНИЯ

Долгий период феодальной раздробленности и власти многочисленных местных владык завершился кризисом, междоусобицами, остро поставившими вопрос о сильном государстве. Пример такой общественной структуры России показала завоевавшая ее Орда: она легко овладела разобщенными русскими княжествами, но столь же легко лишилась приобретений, разделившись на обособленные ханства. Однако идея сильного государства под владычеством самодержца пришла в Россию с Запада. И писал об этом Ивану IV мелкопоместный дворянин, находившийся на воинской службе в Молдавии, Венгрии, Польше и приблизительно в 1539 году прибывший в Москву из Литвы, Иван Семенович Пересветов. Идеи его созвучны представлениям о государстве и государе Никколо Макиавелли. Такое сходство нельзя считать случайным. Даже если Пересветов не читал трудов Макиавелли, он должен был знать о них от своих друзей или знакомых.

Макиавелли, умерший в 1527 году, был современником возвышения и падения Флорентийской республики, постоянных конфликтов множества

мелких итальянских государств, нашествий иноземцев. Он ясно осознал, что в трудное для страны время спасти ее способна только сильная централизованная власть.

Его общий вывод можно, пожалуй, считать одной из важнейших закономерностей в жизни общества: республиканское правление (демократическое) наиболее целесообразно в периоды социального благополучия, развития торговли, мирного существования, когда отдельные мелкие княжества могут соревноваться между собой в области культуры, взаимовыгодно сотрудничать.

В трудные же времена, при серьезных угрозах извне или войнах, а тем более – внутренних неурядицах и конфликтах, когда требуется консолидация сил, наиболее целесообразно единовластное управление. Это особенно ясно видно при ведении боевых действий. Тогда единое руководство совершенно необходимо. То же относится и к мирному времени в кризисных ситуациях.

В конце Средневековья во многих странах сложилась ситуация, требовавшая единовластного управления государством. При этом, как подчеркивал Макиавелли, предпочтительнее преемственность власти, которая «заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам». Справедливость этого суждения полностью подтвердилась в период «большой смуты» на Руси.

Но создать единое государство – еще полдела. Надо удержать единовластие. Для этого проницательный прагматик Макиавелли предлагал использовать любые средства: «Пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот; выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность».

И дальше: «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости». Это, конечно, не призыв к жестокости, а реалистический взгляд на вещи. Макиавелли выступает здесь не как моралист или лицемер, а как последовательный и трезвый государственный деятель, прекрасно знакомый с нравами своего времени.

«Излишне говорить, – пишет он, – сколь похвальна в государе верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, когда нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность».

Вот тут и начинаются расхождения Пересветова с флорентийским мыслителем. У Пересветова образ самодержца идеализирован. По его мнению, разумное государственное правление строится так: гласный суд, достойное жалование судьям из казны, смертная казнь провинившимся

судьям; все доходы царства должны идти в государственную казну, а уж оттуда раздаваться достойным людям. «Царь на престоле своем – благодать Божья и мудрость великая, а к воинам своим щедр, как отец к детям». Как видим, речь идет о крепком централизованном государстве, военизированном, с «национализированной», как мы сейчас говорим, экономикой при строгом контроле и справедливом суде.

Понятие о правде-справедливости стоит у Пересветова на первом месте. «Вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, – писал он, – а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, потому что Богу лгут и государю».

Однако для Пересветова ясно, что не следует держать людей в рабском повиновении: «Порабощенный человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, а речет так: однако если холоп, иного мне имени не прибудет...»

Мысль верная. Рабы могут стать хорошими гладиаторами, но не воинами, ибо не станут отдавать жизнь за поработившее их государство. В связи с этим следовало бы задуматься о том, как ныне, в конце XX – начале XXI века, нередко толкуется победа советского народа в Великой Отечественной войне: мол, порабощен был русский народ сталинским режимом, подавлен большевистским террором, оттого и пошел (заставили силой!) сражаться с фашистами, жизнью своих не жалея... И самое удивительное и страшно е, что в новых поколениях эта омерзительно лживая иде йка находит по рой благодатную почву. Вспомним, как воует американское наемное войско. Оно избегает встречаться с противником лицом к лицу. Тот, кто сражается ради денег, кто порабощен экономически, более всего страшится потерять жизнь, для которой и требуются деньги. И если при монархиях господствует политический тоталитаризм, то в демократиях царит жесткий тоталитаризм экономический. Один, как говорится, другого стоит.

Иван Грозный. Реконструкция М.Герасимова

Пересветов высказывался на этот счет определенно, хотя и в идиллической надежде на то, что в государстве будут созданы такие условия, чтобы люди служили справедливому царю не за страх и не из выгоды, а за совесть: «Которая земля порабощена, в той земле все злое сотворяется, татьбы (кражи, грабежи), и разбой, и убийство, и обида, и всему царству оскудение великое».

Обращаясь к Грозному царю, Пересветов задает опасный вопрос: «Таковое царство великое, сильное и славное и всеми богатое, царство Московское, а есть ли в том царстве правда?» Ответ следует отчаянный: «Вера христианская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет».

Пересветов имел в виду справедливое устройство общества, где творится честный суд и пресекаются злодеяния и злоупотребления местных властей, где государь награждает подданных по заслугам, где не богатство и праздность, а честь и доблесть руководят людьми, где нет рабов. Такова, можно сказать, русская мечта и надежда. «В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимается Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда – сердечная радость, а царю – великая мудрость и сила».

Мечта о справедливости достигает у Пересветова предельной высоты: «Коли правды нет, то всего нет!»

Трудно судить, в какой мере подобные взгляды могли повлиять на молодого Ивана IV. Для нас важно то, что они существовали в обществе и, скорее

всего, пользовались популярностью среди тех молодых просвещенных вельмож, которые окружали в ту пору царя. А в народе идея самодержавия, крепкой государственной власти была прочно связана с представлениями о справедливости.

Но почему же Иван IV стал не только Грозным, но и чрезмерно жестоким, несправедливым? Неужели по той причине, о которой афористично высказался Ключевский: всякая власть развращает, а власть абсолютная развращает абсолютно? Но ведь и при абсолютизме встречались государи просвещенные и гуманные. Кстати сказать, если Грозного нельзя назвать самым гуманным, то он определенно был одним из наиболее просвещенных монархов своего времени. Что же заставило его отступить от тех принципов, которыми он руководствовался в первые годы своего славного правления? По нашему мнению, его сильно потрясла смерть молодой жены. Эта причина очевидна, хотя и не все историки принимают ее в расчет. Так, Н.И. Костомаров отметил: «Обыкновенно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу; действительно, на ее погребении он казался вне себя от горести и, спустя многие годы после ее кончины, вспоминал о ней с нежностью... А между тем, как бы освободившись от семейных обязанностей, предался необузданному разврату: так не поступают действительно любящие люди».

Нет, конечно же, так вполне могут поступать истинно любящие. Бывают, они кончают жизнь самоубийством. Но в других случаях они завершают один период своей жизни и переходят в другой – либо чрезмерно смиренный, либо чересчур свирепый, буйный. Потому что они теряют веру в справедливость высшую, а значит и земную, испытывают сомнения в смысле жизни, а тем более благодетельной. Ведь постигла их несправедливая кара судьбы... То, что справедливо для одного человека, нередко бывает справедливым и для общественного сознания (или, можно добавить, для коллективного бессознательного). Когда люди теряют веру в установленный порядок, в правду-истину, они пребывают в растерянности и способны на крайние поступки. Это обстоятельство не только сопутствует смутным эпохам, но отчасти их предопределяет.

Большая смута не возникает без большого смятения в умах и вере. Православная церковь в средневековой Руси играла важную роль не только в духовной жизни, но и в политике, экономике, даже в освоении новых земель. Церковь, став крупной и авторитетной организацией, вынуждена была заботиться о своем материальном благосостоянии. На этой почве столкнулись два основных течения: нестяжателей, вдохновляемых идеями Нила Сорского, и иосифлян, сторонников Иосифа Волоцкого. Первые стояли за строгую аскетичную церковь, оплот духовности, пример самоотречения. По словам преподобного Нила, «лучше бедным помогать, чем церкви украшать».

В своих помыслах, поучениях и деяниях Нил Сорский был предельно близок к христианским идеалам. Он подчеркивал принцип свободы воли и разума:

человеку могут приходиться на ум разные мысли, в том числе греховные. «Разве одни совершенные и восшедшие на высокую ступень духовной жизни могут пребыть непоколебимыми, и то на время...» – считал он. Дальнейшее зависит от выбора самого человека, когда он добровольно может попасть в «рабство греху».

Иосиф Волоцкий выступил с предложением укреплять православную церковь не только духовно, но и материально, не лишая ее земельных наделов. Сторонники нестяжательства вступали нередко в острую полемику с иосифлянами. В этой борьбе проглядывала и политическая подоплека: ослаблять или укреплять связь церкви с государством, содействовать или противодействовать феодальной раздробленности. Но и Нил Сорский и Иосиф Волоцкий обошлись без острых противоречий и споров, сознавая необходимость укрепления православия не только идеологически, но и материально. Наиболее очевидное расхождение касалось отношения к еретикам: Иосиф призывал злостных отступников казнить, а Нил напоминал о милосердии. (Еще раз подчеркнем, что на Руси казни еретиков по своим масштабам не шли ни в какое сравнение с массовым истреблением инакомыслящих в Западной Европе.)

И в этом случае Нил Сорский имел в виду идеал, заповедь Христа не отвечать злом на зло. Иосиф Волоцкий исходил из реальной ситуации, когда приходится отступать от идеала и сурово карать немногих отступников, защищая интересы общества, государства, церкви.

Не случайно на соборе 1503 года Нил согласился с Иосифом, на конкретных примерах показавшим, что монастыри на свои средства поддерживают нищих и странников; производят или покупают свечи, хлеб и ладан; распространяют грамотность и знания. Во время голода Волоколамская обитель, например, спасла от смерти многих бедствовавших. Объективно позиция Иосифа Волоцкого и его сторонников способствовала укреплению самодержавия, русской государственности.

Это особо подчеркивал крупный русский философ XX века Н.А. Бердяев: «Иосиф Волоцкий – представитель православия, обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего императорским православием». Развивая эту мысль, Бердяев выдвинул обвинение: «Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы... Иосиф Волоцкий – роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства».

Станным образом Бердяев не учитывал, что и недруги Иосифа были вовсе не безропотными агнцами, непротивленцами. Они пользовались немалым влиянием в боярских, княжеских, церковных кругах, умея при случае добиваться казни своих противников. Это была пора не теоретических дискуссий, а настоящей «информационной войны» с использованием репрессий. Оправдывая свои действия, Иосиф ссылаясь на Ветхий Завет: мол, сам всемогущий Бог порой прибегает к «прехищрению и коварству». В

своим труде «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» преподобный, в частности, отстаивал одно из очень важных положений, относящихся к философии истории: «Не всякая власть – от Бога; бывает и от дьявола». Если царь подвержен скверным страстям и грехам (сребролюбию, гневливости, лукавству, гордыне, неверию) и обращает их против подданных, то «таковой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель». Со временем Иосиф Волоцкий стремился содействовать единению русских земель под единовластием царя Московского. Он утверждал: «Суд царя никем уже не посуждается». Это уже была доктрина самодержавия.

Иосиф Волоцкий

Старец Филофей (ок. 1465-1542), игумен псковского Елизарова монастыря, провозгласил – «Москва – Третий Рим»: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима

пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Московское царство называлось преемником Византии не только в православном, но и в политическом отношении.

Идея великой православной державы Третьего Рима не просто помогала государственному строительству, но и создавала ему мощную духовную опору. Она вдохновляла на создание мировой сверхдержавы и оказалась поистине пророческой на несколько последующих столетий.

Казалось бы, все благоприятствовало становлению самодержавия на Руси. Сохранялась и преемственность власти, и великие князья московские были достойными правителями, понимавшими необходимость и возможность объединения, чему старались содействовать и влиятельные лица православной церкви. Однако в то же время под прикрытием нестяжательства многие бояре и князья стремились не просто разрушить единение церкви и государства, но и укрепить собственную власть на местах, обогатиться за счет монастырских владений.

Кроме того, усиливалось недовольство крестьян, которым в годы неурожая и войн приходилось испытывать огромные тяготы и страдать от самоуправства местных владык. Грянувшая в Центральной Европе, а затем потрясшая всю католическую церковь Реформация содействовала свободомыслию. Идеи протестантства в том или ином обличье стали проникать и в русское общество.

Феодосий Косой – беглый холоп, монах и еретик XVI века, например, поучал, что Иисус Христос был праведником и пророком, а не Богом, ипостасью Троицы. Он задавал каверзные риторические вопросы: зачем Богу воплощаться в человека, если Он и без того может сотворить все желаемое своим единым словом? Возможно ли Богу родиться от женщины, как простому смертному? Разве не мог послать Он людям человека? Изменилось ли что-либо у людей после пришествия Христа? Разве стали они лучше жить, меньше грешить, враждовать и воевать?

Подобные вопросы тем более смущали людей, поскольку в середине XVI века положение крестьян на Руси было тяжелым: налоги росли, а летом 1552 года голод и эпидемии унесли сотни тысяч жизней.

Со времен первохристиан, по словам Феодосия Косого, церковь все более отдалялась от учения Христа. «Епископы и попы – ложные учителя, идольские жрецы и маньяки... Живут попы и епископы не по Евангелию, ложному учат, имения себе забирают, едят и пьют много».

Показательно, что когда Феодосия Косого арестовали в 1554 году, он смог убежать из-под стражи и укрыться за границей. Его успешный побег объясняется, по-видимому, тем, что он пользовался немалой популярностью в народе, иначе его содержали бы в строгости, а в случае побега быстро бы выдали.

В Литве Феодосий продолжал проповедовать свое учение, оставил монашество, женился на литовской еврейке, тем самым как бы подтвердив свою причастность к ереси жидовствующих. Но в своих воззрениях он был

прежде всего максималистом анархического толка, провозглашая полную свободу личности от любых видов насилия. Ему были одинаково близки и единобожие иудаизма и ислама, и светлый образ Христа (но не Бога, а святого человека), и его заповеди.

Пример Феодосия Косого показывает, что в русском обществе в XVI веке бытовали идеи свободомыслия, отвергающие всякие притязания на власть со стороны церкви и государства. Это создавало благоприятные возможности для «брожения умов» и наступления смутных времен. Последнее потребовало, естественно, и целый ряд дополнительных предпосылок, хотя идеологические, духовные являлись одними из определяющих.

ВЛАСТЬ ОЛИГАРХОВ

Детство Ивана IV прошло при власти олигархов. По своим титулам и положению в обществе их можно было бы назвать аристократами. Со времен Древней Греции аристократическое правление считалось благом для страны как власть наилучших («аристос» по-гречески наилучший).

Однако феодальная знать на Руси, да и в остальной Европе, не относилась к числу наиболее честных, справедливых или образованных людей. Они обладали поместьями, землями, богатствами и были озабочены прежде всего сохранением и упрочением своего положения.

Они были олигархами (от греческого «олигос» – немногий, незначительный), а потому и устанавливали олигархическое правление, ориентированное на их собственные интересы.

Небольшое отступление. Вольно или невольно древние греки отделяли аристократию от олигархии. По сути получается, что олигархия – это не только власть немногих, но и незначительных, недостаточно пригодных для власти над государством. Само понятие «олигос» во многих случаях несет негативный оттенок; достаточно вспомнить такие понятия, как «олигеммия» (недостаток крови) или «олигофрения» – недостаток ума.

Олигархическое правление неизбежно сопряжено с борьбой кланов, семей, групп. Начинается нескончаемый дележ «государственного пирога», богатств страны. Интересы народа и государства при этом отходят на задний план, если вообще принимаются в расчет. Нередко преимущества получают те, кто имеют поддержку извне, от влиятельных иноземцев или государств.

Сознательно подрывается авторитет центральных государственных структур. Корыстные олигархические кланы Глинских, Бельских, Шуйских, Воронцовых не только растаскивали, расхищали богатства страны, но и ослабляли ее обороноспособность, внешнеполитические позиции перед лицом сильных врагов: крымских татар, Казанского и Астраханского ханств, Польши и Ливонского ордена.

Тогдашние олигархи (в отличие от некоторых нынешних) не были тесно связаны с внешними антирусскими силами, хотя объективно играли

предательскую роль. Впоследствии их наследники в Смутное время (тушинцы, семибоярщина) вступили в открытый союз с врагами Русского государства.

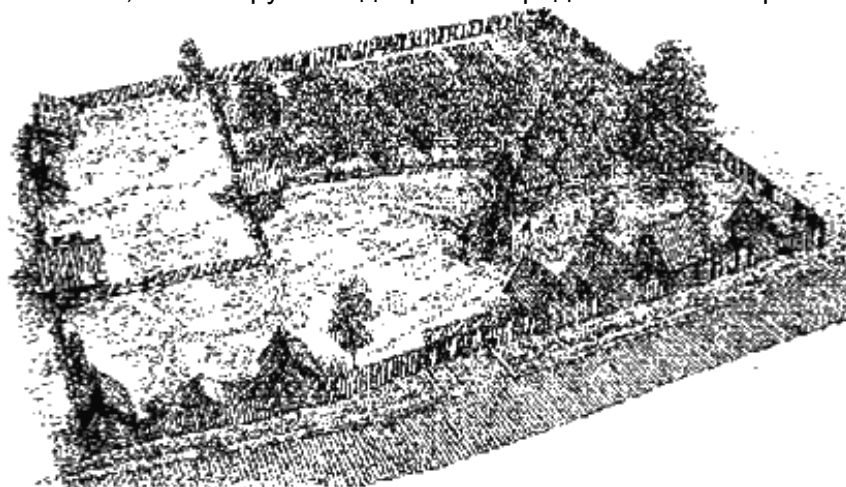
Впрочем, и тогда, в первой половине XVI века, у них были предшественники. Так, Семен Бельский бежал в Польшу и стал выполнять поручение польского короля Сигизмунда Августа: натравливать крымских татар на Русь. С этой тайной миссией Бельский обосновался в Бахчисарае, столице Крымского ханства, и строил козни против своей родины.

Осенью 1540 года Бельский писал польскому королю, что ему удалось предотвратить поход крымчаков на Литву, направив их против Москвы. Не исключено, что предатель преувеличивал эти свои заслуги, но важен сам факт его активных действий против Руси. Сигизмунд поблагодарил своего «верного и доброго слугу», прислав ему денежное вознаграждение (королева присовокупила и свой дар).

В июле следующего года Бельский отчитывался перед своим благодетелем, что действовал «не жалея горла своего, чтоб только оказать услугу вашей королевской милости». Писал, что три раза поднял нагаев на Москву, натравил на нее крымского хана, «воспленил, воспалил, вывел людей, вынес добро, вред большой наделал, города побрал, выпалил, выграбил».

Крымский хан Саип-Гирей, его креатура казанский хан Сафа-Гирей опустошали Русь до Костромы и Муром. И способствовал этому русский князь Семен Бельский.

А в 1539, 1540 и 1541 годах гнал этих захватчиков, грабителей и насильников с русских земель, возвращая награбленное и освобождая пленников, царевич Шиг Алей – глава изначально союзных Руси касимовских татар, «инородцев», как их презрительно называли до Октября 1917 года. Хотя, как известно, немало русских дворянских родов имело татарские корни.

Усадьба московского феодала XVI в. (Реконструкция)

Инженер и архитектор Петр Фрязин, потомок итальянских зодчих, участвовавших в строительстве Московского Кремля, после смерти Елены Глинской бежал в 1538 году за границу. На допросе в Ливонии объяснил мотивы побега так: «Как великого князя Василья не стало и великой княгини, а государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь... В земле Русской великие мятеж и безгосударство» (отрывок из розыска дела о побеге за границу Петра Фрязина).

Сам Иван Грозный выделил следующие основные черты смутного периода своего детства:

1. Использование олигархами малолетнего сироты, выступающего в роли царя, для своих целей, словно царство вовсе не имеет государя («подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царство безо владетеля обретоша»).
 2. Захват олигархами – княжатами и боярами – власти в свои руки («свое хотение во всем улучиша и сами убо царьствовати начаша»).
 3. Борьба между олигархическими кланами ради богатства и власти («сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга»).
 4. Разгром централизованного государственного аппарата («кашко бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша»).
 5. Захват земельных наделов, деревень, имений («дворы, и села, и имения... восхитиша и водворяшися в них»).
 6. Расхищение государственной казны, финансов («Что же убо о казнах родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением»).
- Мы имеем дело, в сущности, с общей характеристикой едва ли не всех смутных периодов отечественной истории, которые прямо или косвенно были сопряжены с попытками введения олигархического правления. В далеком прошлом это была боярская олигархия. Она духовно травмировала смутами не только маленького Ивана IV, но и Петра I, а позже возродилась в период дворцовых переворотов в виде «затейки верховников».
- Позже олигархия была уже не боярской и возглавляла различные части расколотого Белого движения (порой под иноземным патронажем, как это было с адмиралом Колчаком) в 1917-1920 годах. А уже при советской власти партийные олигархи КПСС бросили великую державу в хрущевскую слякоть и брежневское болото, а позже довели до полного развала.
- Однако вернемся в XVI век. Публичные казни и тайные убийства, аресты и высылки из Москвы стали обычными для этого времени. Центральные государственные структуры утрачивали свое значение. Ослаб контроль над регионами. Возглавлявшие их наместники усилили свой произвол, пользуясь благоприятным моментом: «свирепи аки лвове, а людие его, аки зверие, дивии до крестьян». Неудивительно, что начались крестьянские восстания. Из-за неурожаев в городах росли цены на хлеб. Частые и губительные для деревянных построек пожары добавляли горя бедноте – «черным людям».

Так московский пожар 1547 года, начавшийся 21 июня на Воздвиженке, вскоре охватил тысячи строений: «потече огонь яко молния».

Дым заполонил Кремль, и митрополит Макарий чуть не задохнулся в Успенском соборе. Его вывели через потайной ход к Москве-реке, но и там «бысть дымный дух тяжек и жар велик». Владыку обвязали наспех веревками и стали спускать к воде, да веревки оборвались. В конце концов чуть живой Макарий нашел спасение в Новинском (Новодевичьем) монастыре. А в Кремле грохотали взрывы и рушились стены в тех местах, где хранилось «зелие пушечное». В городе была паника. Испуганные кони вырывались из конюшен, сбивая на своем пути бегущих в дыму людей. За 10 часов пожар истребил основную часть города.

Несчастливые люди бродили по пепелищу в поисках пищи и какого-нибудь добра. У многих помутился рассудок («восколебашеся аки юроди»). И неудивительно, что через несколько дней вспыхнуло восстание, Москва оказалась в руках «черных людей», и они решились даже пойти вооруженной толпой к молодому царю Ивану IV, находившемуся в селе Воробьево.

Как вспоминал позже Иван Грозный, вид возмущенной толпы привел его в ужас: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя».

В древности во многих странах стихийные бедствия связывались с гневом Божиим, указывающим на несправедность высшей власти. Но русский царь еще был молод и нетвердо держал бразды правления в своих руках.

Недовольство бедноты могло быть направлено и на олигархов того времени. Однако они оказались предусмотрительными и пустили слух, что пожар вызван колдовством бабки царя Анны Глинской.

Есть предположение, что наиболее активно действовали при этом бояре Романовы, сыгравшие столь важную роль в XVII и последующих столетиях, потомки прусских князей, бежавших на Русь от насильственной германизации (позже благодаря династическим бракам превратившихся практически в чистых германцев по крови). У них были прочные связи с московским торгово-ремесленным посадом, особенно с его верхами. Им представился удобный случай разделаться с влиятельными Глинскими, что они и сделали.

Из-за страшного пожара и народного бунта Иван IV испытал сильнейшее потрясение. Ведь прошло всего несколько месяцев с тех пор, как он был венчан на царство, став в первый царем на Руси. Новый титул был выше, чем у монархов-соседей и королей. И вот Иван на личном примере убедился, что от величия до падения, от любви народной до ненависти – один шаг. То, что ему удалось избежать беды, можно было трактовать как перст судьбы, подтверждение свыше его права на власть. Но была одна тайна, которая давала повод усомниться в этом.

Вспомним судьбу первой жены Василия III Соломонии Сабуровой и слух о ее сыне не от кого-нибудь, а именно от царя. Да и рождение самого Ивана IV – история темная. Ведь если верить слухам о связи его матери Елены с князем Иваном Овчиной-Телепнево-Оболенским, то получается, что Иван IV царь-самозванец, а законное право на престолонаследие по крови имел

неведомый Георгий.

Подобные слухи и предположения подготавливали почву для последующей эпохи самозванцев и общей смуты.

В связи с этим упомянем о двух событиях, разделенных четырьмя столетиями. В 1566 году, согласно помете, сделанной дьяком на описи Царского архива, Иван Грозный затребовал к себе документы по делу первой жены Василия III и не вернул их, оставив в своем личном тайном архиве. Вероятно, это произошло неспроста, и загадка возможного претендента на трон мучила или во всяком случае интересовала царя. Он желал выяснить судьбу своего предполагаемого брата по отцу (если отец Ивана – Василий III!).

В 1934 году директор Суздальского краеведческого музея А.Д. Варганов добился разрешения вскрыть детское погребение в усыпальнице суздальского Покровского монастыря, неоднократно посещавшегося Грозным. Эта детская гробница находилась рядом с погребением Соломонии Сабуровой, и официально считалось, что в ней находятся останки дочери царя Василия Шуйского. Однако устное предание связывало могилу с именем сына Соломонии и Василия III.

В погребении оказались остатки одежды и тряпки и даже не было и следов костяка. Исчезнуть он не мог. Да и для грабителей могил (о которых, впрочем, ничего не свидетельствовало) не представлял никакого интереса. Таким образом был установлен факт ложного погребения. Находки были переданы в отдел реставрации тканей Государственного исторического музея, без упоминания обстоятельств и места находки.

Отреставрированная одежда, как выяснилось, была рубашечкой мальчика 3-5 лет, жившего в первой половине XVI века и принадлежавшего к знатному роду. Это позволяет предположить, что у Соломонии действительно был сын и что его тайно вынесли из монастыря и скрыли, а для обмана властей устроили ложное погребение.

Но молва называла подлинным отцом Ивана IV любовника великой княгини Елены – Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. Это обстоятельство играло немалую роль в претензиях на власть со стороны бояр-олигархов. Вряд ли случайно умирающий Василий III не включил в регентский совет при малолетнем Иване свою жену-царицу. Это и послужило причиной переворота, совершенного Еленой и князем Овчиной, ареста членов регентского совета, уничтожения братьев Василия III, после чего последовало (по-видимому) отравление царицы Елены и убийство князя Овчины.

Олигархам было выгодно распространять слухи о сомнительности прав Ивана IV на трон и о возможном более достойном претенденте. По мнению И. Е. Забелина, слух о рождении Георгия «есть крамольная попытка внести смуту в государеву семью и в государство, первая попытка поставить самозванца».

Возможно, точнее было бы сказать о подготовке общественного мнения для

восприятия самозванца как полноправного государя. Это была мина замедленного действия, подложенная под трон. В надлежащий момент она могла сработать.

1 марта 1553 года царь внезапно тяжело заболел. Его противники с трудом скрывали свою радость, надеясь на его смерть. У них для этого случая был «припасен» свой претендент на трон – князь Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат царя. В его пользу активно интриговала его мать Ефросинья, урожденная Хованская.

Боясь смерти Ивана IV, дьяк Иван Висковатый, человек умный и решительный, предложил царю привести к присяге царевича Дмитрия Старицкого и бояр. Однако большая группа влиятельных князей опасалась, что при малолетнем царевиче править будут родственники его матери – Захарьины и Юрьевы. Эти кланы готовы были в случае смерти царя расправиться с его сыном и родственниками царицы. Опасаясь этого, тяжело больной Иван IV просил своих близких бежать в крайнем случае за рубеж, чтобы спасти царевича.

Период этой болезни царя можно считать скоротечным смутным временем, совершенно определенно показавшим, каким образом могут в принципе развиваться события после его смерти. Призывая бояр к присяге, он произнес: «Я желаю, чтобы вы служили моему сыну Дмитрию, а не Захарьиным». Это был верный дипломатический ход. Большинство бояр присягу дали. К ним присоединился и Владимир Старицкий, несмотря на отговоры матери.

Поместная конница. Гравюра XVI в.

Заговорщики и смутьяны не решились выступить открыто. Один из них, князь Семен Лобанов-Ростовский признавался потом: «Когда Бог выказал милость к государю и даровал ему выздоровление, мы согласились держать все дело в тайне». Сам князь Семен, боясь разоблачения, решил бежать за границу и направил туда сначала сына, но тот был пойман и возвращен, а князя присудили к казни, замененной высылкой.

Царевич Дмитрий прожил совсем недолго. Выздоровев, царь в мае – июне совершил паломничество в Кириллов монастырь и взял с собой супругу и сына. Но ребенок заболел и умер. Правда, через год царица родила второго сына, которого нарекли Иваном. Ему суждено было прожить 27 лет и умереть от руки отца.

Итак, Иван IV пережил три смутных периода: в детстве, при фактическом правлении бояр-олигархов; в юности, во время народного бунта при пожаре Москвы 1547 года; в молодости, в марте 1553 года, когда во время его болезни организовался заговор бояр-олигархов с целью провозгласить «своего» царя.

Неудивительно, что после всего этого он всерьез задумался о необходимости иметь надежную опору для своей власти, защиту от внешних и внутренних врагов, при ослаблении позиций недружественных бояр, отстаивавших свои клановые интересы.

Упомянутые выше «микросмуты» явились предвестниками Смуты великой. Это напоминает серии землетрясений или небольших выбросов, предшествующих крупным вулканическим извержениям. Они не опасны, но свидетельствует о том, что на некоторой глубине происходят опасные процессы, клокочет раскаленная лава, готовая вырваться наружу.

Любая грандиозная смута (включая, конечно, произошедшую в конце XX века) не обходится без подобных «предвестников».

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОЙ ПИРАМИДЫ

Сильное и прочное централизованное государство может существовать лишь при наличии устойчивой пирамиды власти, подобной природной, естественным образом сложившейся структуре, которую принято называть *экологической пирамидой*. Суть ее в том, что верхние слои питания, представленные разными видами, служат регуляторами численности нижних, а те в свою очередь обеспечивают существование верхних.

Наиболее успешно и долго экосистема действует в тех случаях, когда составляющие ее части разнообразны и организованы так, что нижележащий пласт примерно вдесятеро больше по биомассе, чем верхний. При этих условиях и относительной стабильности окружающей природной среды экосистема способна существовать десятки тысячелетий.

Для общества такая закономерность не обязательна. В примитивных

социумах структура обычно достаточно проста, и нет большого разнообразия в социальных группах. Наиболее приближена к экологической пирамиде монархия, основанная преимущественно на сельском хозяйстве. Тогда выше слоя почвы (земли) идет пищевой пласт культивируемых растений и сельскохозяйственных животных. Над этими двумя пластами находятся крестьяне. Еще выше – слой ремесленников, торговцев, военных (дворян). Над ними – крупные бояре, князья (олигархи), ближнее царское окружение и, на вершине, царь. Не случайно в древности монархи существовали столетиями. Порой возникали демократии (в Древней Греции, Риме), но они перерождались в империи.

Другое принципиальное отличие от экосистемы: для общества важное, а порой и решающее значение имеет психика, интеллект – духовные связи. Биологическая пирамида питания для него необходима, но недостаточна. В прежние эпохи большую роль в общественной жизни играли религиозные институты и деятели. Церковная иерархия существенно дополняла приведенную выше схему социальной структуры общества. Кроме того, существовали представители искусств, инженеры, ученый люд (поначалу преимущественно в сфере церкви).

Взаимосвязи в общественной пирамиде значительно сложнее и прихотливее, чем в экологической. В природе самые тесные взаимосвязи имеют только два контактирующих «пищевых горизонта». Скажем, орел охотится на змей, но не на лягушек или насекомых.

В обществе иначе. Крестьяне, например, могут быть в подчинении и у мелких дворян, и у крупных олигархов, и у царя, а также оставаться свободными. В социальных слоях постоянно происходят взаимные переходы населения (в природе виды практически неизменны).

Вообще, когда мы говорим о структуре власти, то обычно приходим к однозначным схемам. Например, монархия практически никогда не реализуется в чистом виде. Монарх вынужден делить власть с другими правящими группами. В феодальном обществе он имеет в подчинении (помимо своего личного владения) фактически только своих непосредственных вассалов, родовую аристократию, тогда как их вассалы – не его подчиненные. Это в наибольшей степени напоминает взаимосвязи в экологической пирамиде.

Какая же социальная структура сложилась в России в царствование Ивана IV? В простейшей схеме даже в том случае, когда у царя была группа приближенных (второй сверху слой), еще ниже, в «среднем» слое опора была очень слаба. Монархия не могла быть устойчивой и деятельной, способной противостоять сильным внешним врагам и внутренним смутам, без опоры на этот самый третий слой сверху.

Вряд ли Иван Грозный исходил из каких-то теоретических соображений. Как умный правитель, он по опыту знал, что его власть нуждается в серьезном укреплении. Как это сделать? В реальных условиях того времени такая перестройка социальной структуры требовала «революции сверху», и

конечно же, насильственной.

Если вернуться в конкретную сферу – российское общество времен большой Смуты, то перемены в структуре управления обществом в схеме выглядят так. При Иване Грозном и его сыне исполнителями и советниками монарха были приближенные, которые в свою очередь опирались (вместе с царем) на средний класс дворян-опричников. После угасания царского рода и правления Бориса Годунова господствующая верхняя группа, олицетворявшая государственную политику, была свергнута. К власти пришел «придавленный» до этого слой бояр. Наступила пора олигархического правления – Семибоярщина.

Русское посольство. По старинному рис. Костомарова

В Энциклопедическом словаре 1955 года (когда еще сохранялась крепкая государственная власть) о ней было сказано нелицезно: «(1610-1612) период правления в Москве группы бояр (из 7 чел.), предавших национальные интересы России. Свергнув Василия Шуйского, бояре в страхе перед крестьянским движением совершили измену и присягнули польскому королевичу Владиславу. В Москву был введен польский гарнизон, и власть фактически перешла к полякам...»

А вот БЭС 1998 года весьма сдержанно говорит о том же: «Боярское правительство (7 чел.) в России... Передало фактически власть польским интервентам...» О предательстве государственных интересов – ни слова. Почему? Потому что настали иные времена.

Любопытная и поучительная переключка веков. В ельцинской России власть, как известно, захватили олигархи. В книге американского историка и публициста Павла Хлебникова «Крестный отец Кремля Борис Березовский»

приводится высказывание главного героя: «Чубайс хорошо исполняет приказания, которые дает ему хозяин. В свое время (начало 1996 года) он был нанят на работу теми, кого потом стали называть «семибанкирщиной» (Березовский, Потанин и другие олигархи, – поясняет автор). Это факт... А задача была простая: нам нужно было выиграть президентские выборы».

Выходит, и такое бывает правление: олигархически – президентское. А в стране, где главному правителю и его администрации принадлежит вся полнота власти, эту структуру вполне можно считать монархически – олигархической. При этом под прикрытием президента-монарха правят управляющие им олигархи.

Вряд ли случайно возникло понятие «семибанкирщина». Аналогия с Семибоярщиной достаточно полная. Ведь для олигарха высшей ценностью является собственная мошна, капиталы (заключены ли они в землях, золоте, предприятиях, банках). Не случайно же при «семибанкирщине» национальные богатства СССР – России потекли мощным потоком за рубеж. Местные олигархи были в значительной мере ставленниками зарубежных господ, но в полной мере – расхитителями (в пользу иностранных держав и свою личную, своих сообщников) – общенародного достояния, включая природные ресурсы.

По приблизительным подсчетам во времена Горбачева – Ельцина из нашей страны было вывезено за рубеж ценностей на триллион долларов! Разве это не прямое предательство национальных интересов России?

Особенность «семибанкирщины» в России конца XX века в том, что она была выражена не столь очевидно, как в начале XVII века. Потому что во второй половине XX века стало актуально не «жизненное пространство» и не территории сами по себе, а тот доход, который они могли принести, прежде всего в плане минеральных ресурсов. Экологическая эксплуатация и связанная с ней экономическая, безусловно, стали приоритетными для всех крупных капиталистических государств. Им не только не нужно, но и хлопотно, опасно, невыгодно захватывать чужие земли.

Получается так, будто расхитители национальных богатств вовсе не продают Россию, а как бы продают природные ресурсы, только и всего. Такой нехитрый подлог (предательство под видом «продательства») вполне удовлетворил тех, кто имели неодолимое желание воспользоваться распродажей национальных богатств для личного обогащения.

Интересно, что уже раньше общественность была подготовлена к благосклонному отношению к предательству благодаря идеологической обработке: понятие «патриот» сумели опорочить и опозорить; «советский» стал «совком» или «красно-коричневым» (гнуснейший намек на сходство фашизма и коммунизма), СССР стали преподносить – по стопам геббельсовской и даллесовской пропаганды – как «империю зла»; Сталина – при котором советский народ постоянно улучшал свое благосостояние, увеличивался в числе и победил в неимоверно тяжелой войне, – стали

проклинать, а Ельцина – при котором все шло буквально наоборот, народ стал беднеть и вымирать – провозгласили «отцом русской демократии». «Семибанкирщина» оказалась несравненно губительней для державы (подлинная раковая опухоль!) по сравнению с Семибоярщиной. Почему? Возможно, за последние полвека русский народ в значительной мере переродился, духовно сильно изменился. Среди трудящихся стали преобладать служащие, наименее интеллектуально самостоятельный слой общества. Среди избирателей преобладающими стали женщины, которые в массе своей значительно легче поддаются внушению, психологической и идеологической обработке, чем мужчины. Социализм выродился в партократию при господстве мещан не только по положению (горожан – большинство), но и по духу, по идеалам и устремлениям.

При Семибоярщине было иначе, даже, можно сказать, наоборот. Русские люди удивительно быстро поняли, что олигархи в прямом смысле продают их иностранцам, которые заинтересованы в развале страны и пользовании ее богатствами. При царе же была надежда на порядок и справедливость, на волю и нормальный труд.

Всего лишь за два года средние классы, казаки, крестьяне и купцы-патриоты (не забывавшие, возможно, о своей выгоде, но ставившие судьбу родины выше личных интересов), объединенными усилиями свергли власть олигархов и иноземцев, восстановив прежнюю монархическую структуру общества.

Совсем иным оказался «средний класс» в конце XX века. Он стал поддерживать те преступные начинания олигархов, которые вели страну к экономическому упадку, казну к разграблению, а большинство населения, включая множество представителей этого самого «среднего слоя», к обнищанию или к деградации. Не было нужды в вооруженных выступлениях, борьбе за свободу. Достаточно было выразить свое отношение к установившемуся режиму и осознать, куда он ведет страну и народ. Масштабы подобных протестов были ничтожно малы.

Что это означает? То, что значительная часть современных россиян, в надежде на быстрое обогащение, сознательно, а точнее сказать, с помраченным сознанием пожертвовала родиной и собственным благосостоянием ради призрачных надежд на получение буржуазных материальных ценностей. Олигархам только того и надо было. Они быстро обзаводились этими самыми ценностями в неимоверном количестве, расчлняя страну, разваливая экономику, армию, науку... И в результате превратили великую сверхдержаву в третьеразрядное государство, погрязшее в долгах, с вымирающим населением, примерно половина которого имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Это не просто тревожный сигнал. Это – показатель небывалого бедствия народа, страны, культуры. Правление олигархов продолжается. Новый президент, избранный... все-таки народом, клялся – и не раз – в верности олигархам. Даже если это стратегический маневр, он не сулит ничего

хорошего госуда рству.

Заявления представителей «среднего класса» вроде того, что не то, мол, бывало в русской истории, ничего, обходилось! – вызывают недоумение. Ведь даже великая Смута начала XVII века или Гражданская война 1918-1921 годов продолжались очень недолго и последствия их не были столь разрушительными. Напротив, получалось в конце концов, что это были кризисы роста, раз уж держава не только восстанавливалась, но крепла и расширяла пределы своего влияния. А тут – все наоборот.

Впрочем, у нас еще будет возможность обдумать особенности большой Смуты в России конца XX века.

Хотелось бы еще раз напомнить высказывание К. Валишевского о «демократическом инстинкте» русского народа, проявившемся во время правления Ивана Грозного. Этот же инстинкт давал о себе знать и позже. Современная английская исследовательница М. Перри, анализируя образ Ивана Грозного в русском фольклоре, констатировала, что этот образ выглядит совсем не Ужасным, и высказала мысль об идее «народного монархизма», укоренившейся в России.

Действительно, крестьянство на Руси связывало свою вольность (относительную, конечно) с монархией, справедливым царем, способным навести в стране порядок и укротить хищничество олигархов. В этом смысле монархия была в народном сознании созвучна «анархии» (тоже, конечно, не абсолютной). Самодержавная монархия, таким образом, становилась залогом относительной анархии в нижних социальных группах.

Как это ни странно звучит, но подлинный «демократический инстинкт» народных масс в России и тогда и позже был сопряжен с идеей монархо-анархизма или «народного монархизма» (царя – защитника крестьян). Этим можно объяснить, в частности, смуту Емельяна Пугачева, успех которого явно связан, помимо всего прочего, с русским монархо-анархизмом. Тем более что такое государственное устройство было вполне естественным для общественного сознания той поры.

Однако устойчивой общественной пирамида может оставаться только в том случае, если приведены в соответствие все социальные слои, включая олигархический. Если учесть, что с развитием техники и технологий, изменением природной среды и внешнеполитической ситуации в обществе неизбежны социальные перемены, социальная пирамида не может оставаться неизменной, а стало быть, и невозможно определить какую-то идеальную форму государственного устройства, годную для любой страны, любого народа и любого исторического периода.

Даже в России конца Средневековья смута началась с угасанием правящей династии, а была преодолена благодаря не суровому единовластию монарха, а усилиям народных масс и их «демократической интуиции».

В период великой Смуты переплетение внутренних и внешних сил, материальных и духовных факторов достигло предела, сперва развалив, а затем и уничтожив государственную машину. Бояре-олигархи готовы были

расчлнить Московское царство и править в своих уделах, пусть даже и под патронажем иноземных государей.

За спасение Родины выступили неформальные общественные организации: рязанское дворянство, нижегородский посад и посады северных городов. Им помогло и то немаловажное обстоятельство, что в многонациональной России начала XVII века отсутствовал национализм и национальный сепаратизм антирусского характера.

Вот яркий пример. Мусульманские старейшины Казани, в молодые годы сражавшиеся против войск Ивана Грозного, послали в 1611 году татарские конные отряды на помощь не польским интервентам, а Минину и Пожарскому. Русская православная церковь того времени тоже была патриотичной, а не пыталась обеспечить себе материальные выгоды, пользуясь Смутой. Она не призывала смириться под гнетом олигархов и иностранцев. Проповеди священников и грамоты патриарха-патриота Гермогена призывали народ к сплочению во имя Родины.

Когда 22 августа 1612 года полки Пожарского вступили у Новодевичьего монастыря в излучине Москвы-реки в решающее сражение с поляками, их не поддержали казаки под руководством князя Трубецкого. На третий день сражения к казакам пришел монах Авраамий Палицын и убедил их вступить в сражение против иноземцев. Казаки вняли его доводам и призывам и вместе с войском Минина ударили по полякам. Исход сражения был решен, несмотря на то, что общая численность польской армии была больше (по некоторым подсчетам – в полтора раза), чем русской. Но русские сражались за свою свободу, свою родную землю, свое государство, и потому победили... Впрочем, таким было завершение Смуты. А нас интересует прежде всего она сама по себе, ее явные и тайные причины.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на важное обстоятельство, о котором почему-то редко вспоминают, тогда как оно могло в немалой степени содействовать наступлению Смуты: существенное истощение земельных ресурсов в ряде центральных районов, а в результате снижение урожайности, недороды и голодные годы.

Косвенно об этом упомянул С.Ф. Платонов, который так определил «главный недуг московской жизни» в правление Бориса Годунова: «Кризис землевладения в центре продолжался; поместные земли оставались без рабочей силы, и «тощета» служилых людей не уменьшалась; выход трудового народа на украины не стал меньше, и борьба за рабочие руки шла с большим ожесточением». Вынужденной мерой стала отмена Юрьева дня, в результате чего крестьянство ожесточилось.

И еще один тайный фактор, но относящийся уже к духовным опорам общества: странная смерть царевича Дмитрия, вызвавшая разноречивые толки и слухи, потрясшая народ и воздействовавшая на общественное сознание. Этим был в значительной степени предопределен успех самозванцев.

ЗЕМЛЯ, ВОЛЯ, ТЕРРОР

В XVI веке территория России увеличилась вдвое – до 5400 тысяч квадратных километров. Рост населения не был столь значительным. Это обстоятельство сказывалось на состоянии государства и вызывало противоречивые процессы.

Центральной власти на новых землях надо было налаживать административно-хозяйственную деятельность. Некоторые исследователи, а тем более политики, склонны рассматривать такую экспансию как проявление имперских устремлений. Да и страна со временем стала называться Российской империей. (Позже для СССР западная пропаганда использовала ярлык «империя зла», что помогло одержать победу в холодной войне и активно использовать в этих целях диссидентское движение разного толка.)

Однако такое расширение пределов державы вряд ли корректно называть имперским. Заселялись главным образом пустующие или малозаселенные территории. Происходила, можно сказать, диффузия населения – из мест с избытком людей – в места с их недостатком. При этом, в отличие, скажем, от имперской политики стран Запада, местное население не подавлялось и не истреблялось. Преобладало мирное естественное вращение русских в новую природную обстановку.

Метрополия мало обогащалась за счет приобретенных земель. Их требовалось осваивать, на что уходило немало сил и средств. Надо было организовывать там государственные структуры и держать воинские гарнизоны. Порой на окраинах государства, на новых присоединенных землях, жизнь была легче, свободней и богаче, чем в давно заселенных центральных областях.

Из-за быстрого расширения территории происходил не только естественный, но и дополнительный, излишний (с хозяйственно-государственных позиций) отток населения. У крестьян всегда был соблазн податься на новые земли. Избыток земель приводил к «избытку» вольности.

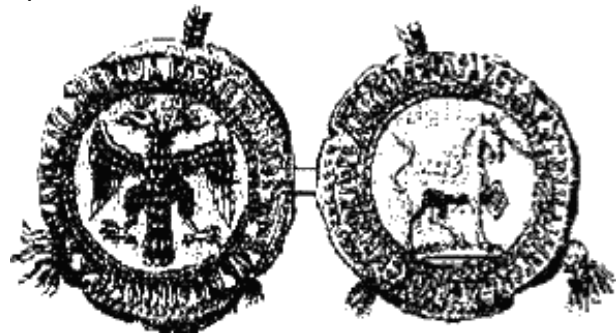
Это, конечно, имело положительное значение не только для становления свободной личности. Свободные люди наиболее успешно осваивают новые земли, приспосабливаются к непривычным условиям, преодолевают трудности. Они наиболее активны и предприимчивы. Однако такие люди могут представлять немалую опасность для государственной власти, если она недостаточно сильна.

Русское население, сосредоточенное преимущественно севернее Оки, с середины XVI века стало распространяться на юг и на юго-восток, в черноземные районы Поволжья и степи (Дикого поля). Затем началось освоение Западной Сибири. В результате, например, согласно переписи 1582-1584 годов по новгородским землям, восемь из десяти селений оказались пустыми.

Царское правительство предпринимало меры для возвращения беглых

крестьян, но в этом не преуспело. На окраинах страны скапливалось все больше вольнолюбивого отчаянного народа. Для них одинаково чужды были и местные хозяева, и центральная власть. По этой причине очаги крестьянских восстаний, бунтов, смут находились по окраинам государства. Для царя важно было заручиться поддержкой дворян, которых наделяли землями и селениями. Централизованное государство укреплялось за счет раздачи земель дворянам-помещикам, которые обязаны были нести военную или государеву службу.

Еще Иван III роздал в поместное владение почти половину вотчинных боярских и часть церковных земель. Так было обустроено более двух тысяч дворян. В некоторых районах помещичье землевладение стало преобладающим.

Государственная печать Ивана IV

Особенно интенсивно шел этот процесс во второй половине XVI века, когда Иван IV стремился максимально упрочить самодержавие. Пострадали прежде всего владельцы крупных вотчин, земли которых были отданы дворянам-опричникам как помещикам.

Боярам и княжатам было очень выгодно поддерживать церковное движение нестяжателей прежде всего потому, что тогда появлялась возможность конфискации и раздачи дворянам монастырских владений. Последователи Иосифа Волоцкого, напротив, протестовали против насильственного изъятия церковных земель, количество которых вообще-то было очень велико: почти треть всех сельскохозяйственных угодий.

В 1551 году был созван церковный собор, который получил название Стоглавого (он принял «Стоглав» – книгу русского православного законодательства). Собор подтвердил неотчуждаемость церковно-монастырских земельных владений, а также освобождение духовенства от юрисдикции государственных судов.

Был также подтвержден византийский принцип «симфонии» (в переводе с греческого – «созвучия») церкви и государства: «Человечество обладает двумя великими дарами Бога, данными ему через любовь Его к людям –

священство и царство. Первый – направляет духовные потребности; второй – управляет и заботится о человеческих делах. Оба вытекают из одного источника».

Тем самым подчеркивалось некоторое ограничение царского самодержавия. Но Иван IV, имея толковых советчиков, не стал возражать против этого и пытаться поставить церковь под власть государства. В своем обращении к собору царь отметил: «Если вы не сумели по своему невниманию исправить отклонения от Божьей истины в наших христианских законах, вы должны будете ответить за это в судный день. Если я не согласен с вами (в ваших праведных решениях), вы должны меня увещевать; если я не смогу повиноваться вам, вы должны бесстрашно отлучить меня, с тем чтобы сохранить живыми мою душу и души моих подданных, а истинно православная вера стояла непоколебимо».

Царь укреплял свою власть не в противоборстве с церковью, подчиняя ее, а беря ее в свои союзники. Это была верная политика по предотвращению смуты.

Однако тот же собор принял некоторые решения, в последующем способствовавшие расколу и религиозной смуте. Нам сейчас нелегко представить, какое значение имело решение о способе соединения пальцев при крестном знамении: двоеперстие символизировало двойственную природу Христа, тогда как троеперстие символизировало Троицу.

Наконец, серьезные предпосылки для великой Смуты создала опричина. Как мы знаем, бояр и княжат репрессировали или казнили, а имущество семьи отбирали. Царь пренебрег предостережением Макиавелли, которое отражало весьма распространенные нравы эпохи, когда богатство становилось высшей ценностью: государь «должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества». Дворянство, обогащавшееся в опричину, требовало повышения своего социального статуса. Им хотелось большего материального вознаграждения за государеву службу и повышений по чину. Если уж среди дворян было немало недовольных, то о боярах и говорить нечего: ведь это у них отбирал самодержец власть и богатства.

Террор опричины держал в повиновении боярство. И подспудно в этой среде накапливался взрывоопасный заряд ненависти не только к конкретному государю, но и ко всей централизованной государственной власти. Приказно-бюрократическая система (выражаясь современным языком) не превращалась в отлаженную и надежную государственную структуру для страны, давно переставшей быть собранием разрозненных земель и княжеств, но еще не сформировавшейся как единый цельный организм.

Кстати заметим, что гоббсовское сопоставление общества с организмом не исключает того, что в таком организме, если он достаточно крупный, должна быть твердая внутренняя опора в виде скелета, структуры преимущественно механического типа. Роль подобного скелета и призвана играть

государственная, во многом бюрократическая и механическая система. Без нее крупный общественный организм расплывается на части, теряет единое управление и координацию действий отдельных органов, частей тела. Кроме того, конечно же, должны присутствовать и духовные скрепы, ибо речь идет об организме, состоящем не из безликих одноклеточных форм, а из очень сложно организованных, наделенных эмоциями, сознанием, интеллектом особей. В те времена, о которых идет речь, духовное единство формировала преимущественно религия, вера. Поэтому роль православной церкви в становлении и укреплении России как великой державы была особенно велика. Пожалуй, для русских тогда родиной была не столько родная земля, сколько традиционная православная вера.

Русский человек еще со времен подсечно-огневого земледелия привык к постоянным перемещениям. Ему приходилось осваивать новые территории на севере, востоке, юге. Любя землю-матушку, он все-таки поклонялся прежде всего Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, Животворящей Троице. Как показывает пример Афанасия Никитина, ходившего за три моря, русский человек умеет мирно жить с другими, даже очень непохожими на него людьми, в чужой стороне, но сохраняет при этом чувство своего достоинства, любовь к родине и православную веру.

Конечно, было бы нелепо считать, что все это характерно исключительно для русского рода-племени. В нем немало было и предателей, и криводушных, и вовсе неверующих в высокие ценности. Но в массе своей русский народ все-таки сохранял качества, упомянутые Афанасием Никитиным. Именно поэтому ему удалось в кратчайшие исторические сроки, без кровавых и жестоких завоеваний создать державу самую крупную на свете, да еще в очень непростых и разнообразных природных и демографических условиях. Вот почему приходится признать верность суждения В.О. Ключевского о том, что в годы опричнины оказались расшатанными «духовные скрепы общества».

Укрепление централизованной власти путем террора позволяет создать крепкую механическую структуру под единым управлением. Но одновременно в общественном сознании, в духовной жизни общества наступает серьезный разлад. И неизвестно еще, что в результате окажется более важным.

В годы опричнины человеческая жизнь на Руси обесценилась. О соблюдении юридических норм, традиций, общественных правил не могло быть и речи. Христианская кровь проливалась с необычайной легкостью, порождая произвол, насилие и цинизм.

Современники, воспитанные в духе почитания православных обрядов, были потрясены, когда при опричном дворе Ивана Грозного церковные службы опричников-монахов во главе с игуменом-царем сменялись пьянством и сексуальными оргиями, похожими на сатанизм.

Никогда еще на Руси не было даже попыток посягнуть на жизнь главы Русской православной церкви. А митрополит Филипп в тверском Отрочьем

монастыре был задушен Малютой Скуратовым подушкой по приказу Ивана Грозного.

В опричнину духовенство впервые подверглось массовым репрессиям. И повинны были в этом не антихристы, тем более не атеисты, а люди, причислявшие себя к православию, формально исповедующие человеколюбивую веру Христа.

Большинство деятелей Смуты прошло через горнило царствования Ивана Грозного. Тогда были посеяны семена, давшие затем страшную поросль: отступничество, клятвопреступления, жестокость, насилие. Общественный разлад, вызванный опричниной, не удалось преодолеть и незаурядному государственному деятелю Борису Годунову, который в свое время был опричным боярином царя Ивана IV. Ему пришлось продолжить опричную практику Ивана Грозного, хотя и в новых, более мягких формах. Но дело, конечно, не столько в преемственности мероприятий, сколько в их объективном характере.

Поскольку историки и моралисты традиционно проклинают опричнину, может сложиться убеждение, будто не будь ее, не произошло бы и великой Смуты. Но попробуем поставить вопрос иначе: не будь жестокого подавления олигархов, что бы произошло с государством? Сохранило ли бы оно свою целостность? Не превратилось ли бы в лоскутное формирование, которое по частям расхватали бы хищные соседи?

Горожане на Руси. XVII в.

Лиходеи-опричники встречали порой серьезный отпор. Однако не произошло ни организованного восстания бояр и княжат, ни всенародного бунта.

Несправедливая жестокость пробуждает ненависть и аналогичные ответные действия. Результатом массовых репрессий бывает либо ответная волна

насилия, а значит, гражданская война, либо подавление народного гнева, духовный надлом общества, порабощение людей. В правление Ивана Грозного ни того, ни другого не произошло. Будь народ подавлен и напуган, он продолжал бы и впредь оставаться в таком рабском состоянии. А ведь он и перетерпел опричнину и поднялся в критический момент против иноземного господства, можно сказать, за свое государство. Это никак нельзя назвать бунтом рабов.

Одно то, что самозванцы выступали под именами царей и царевичей, показывает, что у народных масс не было рабского отношения к идее единовластия, крепкой государственности (что в ту пору и олицетворяло самодержавие). В общественном сознании уже укоренились представления о сильной единой державе, противостоящей феодальной раздробленности и олигархической власти.

Опричнина была явлением объективным, а не следствием болезненного жестокосердия и подозрительности Ивана Грозного. Мы уже говорили о том, что террор опричников не шел ни в какое сравнение с теми кровавыми репрессиями, которые в те времена захлестнули Западную Европу. По сравнению с западноевропейскими государями Иван IV мог бы считаться милосердным.

Было бы наивным утверждение, что всеевропейский кризис феодальной системы, крупнейшие социальные перестройки и переоценка моральных ценностей могли бы проходить мирно и гладко, без серьезных потрясений и кровавых конфликтов. Этого не было ни в одной крупной стране, а значит, и не могло быть нигде, в том числе и в России. Общественный организм болезненно переносит любые значительные перестройки. Они чреватые кризисами.

Можно вспомнить, что в 1524-1525 годах в Германии бушевала Крестьянская война, действительно народная, направленная против власти феодалов и духовенства. Восставшие выступали за установление императорской власти и объединение мелких германских княжеств. Однако объединились именно германские князья-олигархи, жесточайшим образом подавившие восстание. Считается, что в недолгий период этой войны погибло около 100 тысяч человек.

Ивану Грозному удалось избежать такого поворота событий. И вовсе не потому, что крестьянин на Руси был больше закабален, чем в германских княжествах. Скорее наоборот, на Русь и было несравненно больше вольных людей и население было в значительной степени «текучим» или, как образно и с немалым преувеличением выразился С.М. Соловьев, находилось «в жидком состоянии». Если бы опричнина вылилась в террор против народа, то в России уже тогда события могли бы развиваться по «германскому варианту», то есть вылиться в крестьянскую войну. Этого не произошло. Стало быть, в народе, несмотря на творимые жестокости и злоупотребления центральной власти, не сложилось мнения о наступлении на его права.

Крестьянки на Руси

Авторитетный исследователь Смутного времени С.Ф. Платонов подчеркивал, что уже в юные годы Иван Грозный убедился в постоянстве притязаний олигархов на власть. Даже в кружке приближенных к нему просвещенных аристократов это проявлялось в полной мере: они стали укреплять и расширять свои вотчины.

«Испытав на себе воздействие приближенных им неосторожно княжат, – писал С.Ф. Платонов, – Грозный остро почувствовал желание освободить власть государя от всего того, что ей мешало со стороны аристократии, – во-первых, от постоянных местнических притязаний княжат, во-вторых, от княженицких вотчин, которые еще оставались в руках у князей. Средство для этого Грозный нашел в изобретенной им «опричнине»...

В течение двадцати лет (1565-1584) опричнина охватила половину государства и разорила все удельные гнезда, сокрушив княжеское землевладение и разорвав связь удельных «владык» с их родовыми территориями».

Возможно, благодаря таким крутым мерам удалось предотвратить более тяжелые последствия для страны и народа.

Снова вспомним, с какими огромными жертвами проходили более или менее сходные процессы в европейских странах. В России же, во-первых, число жертв было сравнительно невелико, а стало быть и террор не столь ужасный, как на

Западе. Во-вторых, на Руси и сам государь-тиран и народ относились к жестокостям крайне отрицательно. И когда мы говорим о диких оргиях Ивана Грозного и опричников, надо иметь в виду риторический вопрос: а не было ли это стремлением заглушить укоры совести?

Никоим образом не оправдывая жестокостей Ивана Грозного, следует учитывать, что описания изощренных и ужасных его преступлений были даны почти исключительно его недругами или лицами, заинтересованными ради

политических целей обличать его даже в том, в чем он не был виновен, и преувеличивать число жертв.

Можно возразить: сторонники Грозного – тоже лица заинтересованные, а подвластные ему люди не имели возможности говорить правду под угрозой пыток и смертной казни. Так что приходится обращаться к свидетельствам иностранцев и тех, кто бежал от деспота за рубеж.

Однако есть свидетельства, по которым можно судить, как относились к царствованию Ивана Грозного простые люди. Это – народные предания. Они не являются историческим документом в юридическом и сугубо научном смысле. Но определенно показывают, какой образ Грозного царя сохранила народная молва.

В одной сказке Иван представлен крепостным человеком, а выбор нового царя – «демократической» процедурой: все идут к реке со свечками и опускают их в воду, а у кого после этого она загорится, тот и царь. (Избранник не по людской, а по высшей воле.) Барин обещал Ивану, если станет царем, вольную ему дать. Иван в ответ сказал, что коли в цари угодит – барину голову отрубит. Свеча загорелась у Ивана, стал он царем, да и выполнил свое обещание: срубил барину голову. За это и прозвали его Грозным.

Усадьба московского ремесленника XVI в. (Реконструкция)

В другой сказке Грозный царь велит палачу сечь реку Волгу кнутом за то, что она не давала переправиться его православному войску. После трех жестоких ударов присмирела Волга.

Существовало сказание и о том, как царь Иван Грозный «хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему и лгали».

Разозлился царь, велел виноватых казнить. Восстали против него бояре, и пришлось ему покинуть дворец, попроситься с народом, да и отправиться куда глаза глядят. А в лесу одна березка признала его и поклонилась три раза. Заплакал царь, рассердился на бояр, вернулся в Москву и «перекрушил бояр, словно мух».

Конечно, подобные сказки отражают мечту народа о справедливом царе,

оберегающем простой люд от боярского самоуправства олигархов. Но характерно то, что такой царь представлен как Грозный, а не кто иной. Народ сознавал, что только суровые меры способны «образумить» зарвавшихся удельных владык. Об этом свидетельствовал не какой-то краткий исторический отрезок, а многовековой народный опыт.

На этот счет есть верное, на наш взгляд, высказывание К. Валишевского: «Если нравы эпохи оправдывали жестокости на Западе, то же приложимо и к Ивану. Курбский, задавший тон хулителям царя, был заинтересованной стороной в этом деле. Он был представителем непокорного меньшинства. Масса же выражала свое настроение при помощи поэтического народного творчества... Народ не только терпел Ивана, но восхищался им и любил его. Из толпы его сотрудников он удержал только два имени – Никиты Романовича Захарьина и палача Малюты Скуратова. История мало знает о первом. Брат царицы Анастасии... умел жить. Легенда сделала из него героя, изобразив его отказывающимся от милостей царя и заботящимся об установлении более мягких законов для народа. Та же легенда отдает предпочтение Малюте Скуратову как истребителю бояр и князей».

Храм Василия Блаженного. Гравюра XVII в.

Действительно, в этих двух образах воплотилась и надежда на более благополучную жизнь (что, надо заметить, не оправдалось), и признание неизбежности жестоких мер, которые позволят избавить народ от гнета местных владык.

«Этот демократический инстинкт, – пишет Валишевский, – властно обнаруживается во всех воплощениях народного слова и раскрывает нам тайну опричнины, ее идею и легкость, с которой Грозный навязал ее одним и вызвал сочувствие большинства».

Если бы опричнина вызвала глубокое возмущение значительной части населения, то она бы не продержалась, и царь, организовавший ее, остался бы в памяти народной как злодей и кровопийца.

В этой связи приходит на ум давно известная аналогия: Иван Грозный – Иосиф Сталин. Вопрос все тот же: почему не убили Сталина в 1930-е годы? Сделать это не представляло большого труда: либо организовать покушение, либо – кому-то из его приближенных-врагов, резонно опасавшихся за собственную жизнь, – прикончить его лично. Ведь к этому призывал, в частности, Лев Троцкий: «Убить тирана!»

Почему же никто на Руси, а затем в СССР не решился повторить подвиг Брута и других тираноубийц? Прежде всего вопрос: корректно ли называть этих правителей тиранами? Разве они не были законными – каждый для своего времени и своего государства – представителями верховной власти? Оба они осуществляли террор. Но кто был терроризирован? Прежде всего и почти исключительно представители высших слоев социальной пирамиды. Только этим можно объяснить то, что память в народе об этих грозных правителях очень уважительная.

Общественное мнение среди образованных масс формируют представители привилегированных групп – тех самых, которых терроризировали эти государственные деятели. Народное мнение обычно во внимание не принимается.

Но в том случае, когда требуется совершить убийство правителя, который пользуется большим авторитетом в народе, приходится с этим считаться. Потому что тогда почти наверняка убийца сам будет убит, и вместо славы тираноборца он удостоится клички цареубийцы или убийцы любимого народом вождя. Но важно еще и то, что «убрать тирана» надо было не ради освобождения народа, ради высокой идеи, за которую можно голову положить, а для захвата власти, что имеет смысл только если ты сам

воспользуешься этой властью.

Это не означает, будто введение опричины народ приветствовал и она облегчала его существование. Нет, к ней относились как к злу, хотя и неизбежному; к злу, в значительной степени необходимому, как хирургическая операция. Можно согласиться с мнением С.Ф. Платонова: «Направленная против знати, она (опричина. – *Авт.*) тяготела над всем населением; имея целью укрепление государственного единства и верховной власти, она расстраивала общественный порядок и сеяла общее недовольство». Насчет общего недовольства сказано слишком огульно: нетрудно догадаться, что в государстве было немало людей, относившихся к происходящим переменам вполне положительно («партия» опричников, например).

«Сама суть производимой реформы – превращение крупной и льготной формы землевладения в форму мелкопоместную и обусловленную службой и повинностями – должна была вызвать недовольство населения», – утверждал Платонов. Можно возразить: «должна была», да не вызвала. И какого населения недовольство? Разные его группы относились к происходящему по-своему. В народе, во всяком случае, массовых протестов не возникло.

Менее спорно другое высказывание Платонова: «Реформа сопровождалась террором. Опалы, ссылки и казни заподозренных в измене княжат и иных людей, вопиющие насилия опричников над «изменниками», кровавая злоба и распутство самого Грозного пугали и озлобляли народ. Он видел в опричине непонятный и ненужный террор и не угадывал ее основной политической цели, которой правительство открыто не объясняло».

Все, что касается народа, здесь истолковано (а мнение это Платонова едва ли не общепринято) без учета той давней исторической реальности, когда к казням, даже массовым, относились как к явлению обыденному. Судя по народным же преданиям и по тому факту, что массовых народных выступлений против Грозного не было, народ не был озлоблен.

Наконец, то, что народ был не в состоянии понять действия Грозного, – всего лишь догадка историка, основанная на принятом в интеллигентских кругах отношении к умственным возможностям «простого люда». Отношение катастрофически ошибочное. Это доказывают события XX века в России, когда народные массы проявляли больше здравого смысла и понимания государственных интересов, чем едва ли не большинство представителей интеллигенции. Не потому, что интеллигенты, «пролетарии умственного труда» слишком глупы, конечно, а потому, что они слишком ограничены интересами или корпоративными, или идеально-гуманистическими, или и вовсе теоретическими. Представления о реальной ситуации среди народных масс у них самые туманные, если не искаженные за отсутствием соответствующего жизненного опыта, из-за давней оторванности от жизни – в особенности духовной – этих самых масс. Исключение составляли великие русские писатели XIX века.

Еще раз повторим: мы не утверждаем, будто опричнина одобрялась русским народом и шла ему на пользу. Нет, конечно, не выиграл народ и даже больше натерпелся от нее, чем выгадал. Но из этого еще не следует, что простой люд был напуган и озлоблен. Тем более что негативные последствия опричнины для народа сказались не сразу, а через определенное время. В таких случаях люди (во все века и во всех странах) обычно теряют связь между причиной и следствиями.

Показательно высказывание С.Ф. Платонова: «Не успел Иван Грозный закрыть глаза, как в самую минуту его кончины Москва уже бурлила в открытом междоусобии по поводу того, быть вперед опричнине или не быть, а княжата, придавленные железною пятою тирана, уже поднимали голову и обдумывали способы своего возвращения к власти».

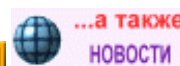
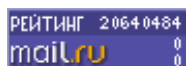
Из этого следует, что несмотря на террор, подавление противников сильной государственной власти не было радикальным. Своим террором Грозный, значит, сдержал и подавил на время этот процесс. Не случайно же при нем Смута не начиналась. Но вряд ли можно усомниться, что она подготавливалась опричниной в аспекте морально-нравственном.

Например, множество барских холопов (сыто живших рабов) отпускалось на волю. Часто нарушалось крестьянское самоуправление в крупных вотчинах, что вызывало отток недовольных на вольные промыслы или на иные земли. Все это готовило почву для бунтарства и смут. Укрепление единовластия сопровождалось, по-видимому, увеличением и безвластия (там, где было искоренено господство олигархов).

Создание нового общественного слоя – дворянства – проходило болезненно и противоречиво.

Темы: (нет)[[Редактировать](#)]

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги](#): [Именной](#) [Хронологический](#) [Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

Библиотека Гумер - история

На главную | Новые книги | Каталоги: Именной | Хронологический | Авторы | Рефераты | Форум
Ссылки | Связь | помощь сайту

Баландин Р., Миронов С. Тайны СМУТНЫХ ЭПОХ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 3. ВСЕОБЩАЯ СМУТА

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Федор Тютчев

ВРЕМЯ КРИЗИСОВ

Смутное время на Руси в начале XVII столетия не было сугубо национальным явлением, пресловутым, беспощадным и ужасным русским бунтом. Напротив, оно выглядит типичным вариантом «всеобщего кризиса XVII века», как выразился видный английский историк Х. Тревор-Роупер. Кризис выразился в восстаниях и гражданских войнах, бушевавших почти синхронно в целом ряде европейских стран. Только в отличие от

Web www.gumer.info

• СК "Прямое страхование"

Автокаско - на 40% ниже
Договор **КАСКО** без
посредников Лиц. ФССН
171677

www.direct-insurance.ru -
Москва

• Адвокаты города Москвы.

Наши **адвокаты** разрешат
любые Ваши вопросы.
Консультации по телефону.

astropolis.ru - Москва

☎ Звонить

• Страховой брокер ИСГ

КАСКО, **ОСАГО**, **ДМС**,
имущество. Оптимальные
условия **страхования!**

www.iicg.ru - Москва

☎ Контакты

• Адвоката ЮКОСа отдают под

предыдущего столетия, процесс начался не в Германии, а на Руси, распространяясь с востока на запад.

На ситуации в России сказалось несколько факторов, и в частности интервенция с Запада. А в Западной Европе значительную роль играла религиозная смута: серьезнейший кризис католической церкви и христианского мировоззрения вообще.

Реформация вызвала ответную волну Контрреформации. В Германии стараниями иезуитов началась поножовщина между Унией протестантских князей и Лигой их католических коллег. Во Франции разразилась Фронда. Словно завершающая вспышка, грянула Английская революция 1640 года. Во всех этих событиях было и нечто общее, один из важных факторов смуты, впервые проявившийся на российских просторах: яростное наступление Ватикана, его стремление компенсировать потери, нанесенные Реформацией. На Востоке к этому примешивалась и славянофобия. Она началась на Руси, перекинулась на Украину и Белоруссию, разразившись кровавой драмой чешского народа у Белой Горы, где переплелись социальный протест с борьбой за национальную и религиозную независимость.

Особенности российской Смуты проявились отчасти в некоторых спорных и не выясненных до конца вопросах истории того периода.

Общий социальный фон достаточно ясен: на Руси завершался расцвет Московского сословно-представительского государства, где великий князь в определенной степени, иногда – в очень значительной, делил свою власть с Боярской думой, удельными князьями, а с 1549 года – с Земскими соборами. «Опираясь на опричнину и дворян, – пишет известный историк этого периода Р.Г. Скрынников, – Иван IV попытался избавиться от опеки Боярской думы и ввести самодержавную систему управления. Могущество знати было поколеблено, но не сломлено опричниной. Знать ждала своего часа. Этот час пришел, едва настало Смутное время».

Вопрос, конечно, не только в том, что царя Ивана слишком сильно тяготила опека Боярской думы. Это лишь частная и вряд ли очень важная причина.

Более веские обстоятельства назвал тот же Скрынников:

«Дробление древних боярских вотчин сопровождалось увеличением численности феодального сословия и одновременно резким ухудшением материального положения его низших слоев. Подле знати, владевшей крупными земельными богатствами, появился слой измельчавших землевладельцев – детей боярских. Кризис феодального сословия был преодолен благодаря созданию на рубеже XV – XVI веков поместной системы. Ее развитие открыло мелким служилым людям путь к земельному обогащению и способствовало формированию дворянства, значительно усилившего свои позиции в XVI веке...»

Замоскворецкий райсуд
Москвы удовлетворил вчера
представление

www.newsland.ru

• [Московское жильё опять...](#)

Лидеры февральского
подорожания хрущевки и
типовые панельные дома...

www.rmnt.ru

• [Помощь on-line](#)

Раздел **имущества**. Разводы.
Наследство. Долги. ДТП.
Объединенные Юристы

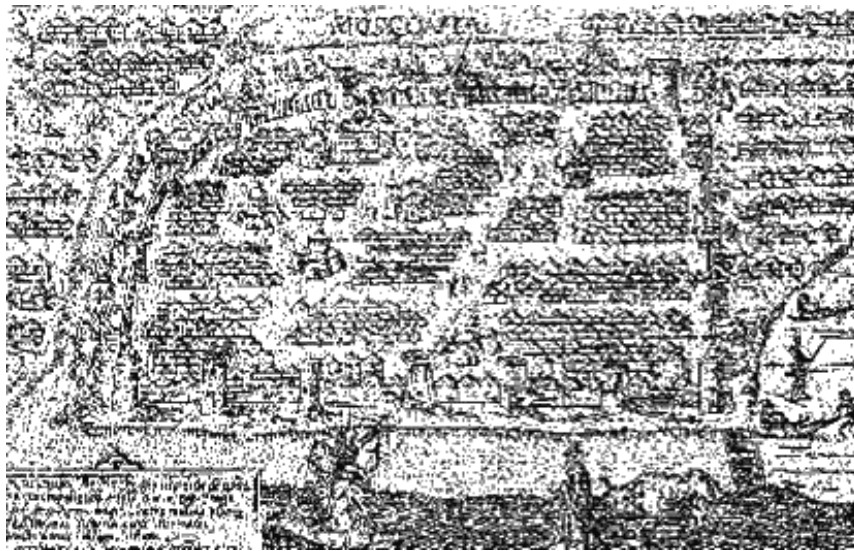
www.ulc.ru - Москва

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

Московский Кремль и Москва начала XVII в.

К началу XVII века поместье подверглось такому же дроблению, как и боярские вотчины в XV веке. Численность феодалов вновь увеличилась, тогда как фонды поместных земель остались прежними. На этот раз кризис приобрел более глубокий характер. Низкие и наиболее многочисленные прослойки поместного дворянства оказались затронутыми процессом социальной деградации». Положение дворян ухудшилось. Многие из них почти полностью обнищали и вынуждены были сами обрабатывать землю. Но представители этого сословия были преимущественно разобщены и не представляли силу, способную спровоцировать Смуту.

Более существенную роль сыграла отмена при Борисе Годунове Юрьева дня (их было два: весенний – 23 апреля по ст. ст. и осенний – 26 ноября по ст. ст.). В осенний день крестьянин имел право уйти, уплатив рубль, от землевладельца на поиски лучшей доли или более покладистого хозяина. Юрьев день символизировал свободу личности крестьянина.

Как бы ни эксплуатировал зависимого крестьянина землевладелец, это могло продолжаться лишь ограниченный срок. Значит, чрезмерная эксплуатация была невыгодна обеим сторонам «трудового соглашения». Землевладелец был заинтересован в том, чтобы крестьянин относился к полученному угодию бережно, обрабатывал его наилучшим образом, заботясь о том, чтобы земля не скудела.

Еще римский ученый, государственный деятель и крупный землевладелец Варрон, считавший сельское хозяйство делом наиболее древним, благородным, соответствующим природе человека, называя рабов «говорящими орудиями», тем не менее советовал обращаться с ними

гуманно, ибо иначе они не станут работать добросовестно. Вряд ли этого не понимали русские землевладельцы.

Что же заставило пойти на такой сомнительный в экономическом и моральном отношении шаг: отмену Юрьева дня? В нем были заинтересованы плохие землевладельцы, не способные разумно организовать хозяйство и создать такие условия, чтобы крестьянин был заинтересован хорошо и долго трудиться у них. Но ведь такими бездарными, глупыми и непредусмотрительными могли быть немногие. У подавляющего большинства хозяйство было налажено и «производственные отношения» с наемными, по существу, работниками-крестьянами должны были быть взаимовыгодными.

Может быть, для отмены Юрьева дня существовали объективные причины? Обратим внимание на то, что почвы Центрального района Европейской России в результате продолжительной эксплуатации должны были в значительной мере истощиться. Это совершенно естественный и неизбежный процесс в тех случаях, когда не проводятся специальные мероприятия по мелиорации почв. Тем более, что при тогдашнем делении земель по качеству – добрые, средние и худые – абсолютно преобладали те, которые относились к двум последним категориям. А постоянный прирост населения требовал активной эксплуатации земель. Крестьяне вынуждены были уходить с насиженных мест на новые территории, где почвы были более плодородными. Этот массовый исход вынуждал землевладельцев принимать жесткие меры, чтобы удержать крестьян. Давать дополнительные льготы было практически невозможно, ибо доходы от землепользования были минимальными.

На южных окраинных территориях преобладали добрые земли. Естественно, что в этом направлении и шел отток населения.

По материалам А.В. Муравьева («Историческая география СССР»): «В центре, в Замосковском крае преобладали средние земли... При сравнительно невысокой технике обработки земли, недостаточном удобрении средние урожаи хлебов в XVI веке были в пределах сам-3, сам-4. Для получения большего количества хлеба прибегали к распашке новых земель... Экстенсивный характер сельскохозяйственного производства характерен для периода феодализма».

Известно, что экстенсивное землепользование со временем неизбежно ведет к уменьшению плодородия и деградации почв.

Вряд ли случайно после голода 1599 года последовали страшные голодные годы 1601-1604, когда началось вымирание населения. (Голод 1506-1508 годов можно объяснить влиянием социальных причин, хотя и природные не следует сбрасывать со счета.)

Правда, некоторые исследователи полагают, что голод был вызван катастрофическими природными явлениями. Однако давно отмечено, что погодные аномалии особенно заметны и губительны там, где состояние сельского хозяйства неудовлет – ворительное. Некоторые

западноевропейские ученые, а за ними и наши отечественные, основываясь главным образом на летописях и хрониках, объясняют массовый отток населения похолоданием в Северном полушарии («малый ледниковый период»). По знаменательному совпадению оно пришлось на период крушения феодализма, когда в Европе не было социальной стабильности – бушевали гражданские войны.

В действительности русские летописи не дают оснований предполагать, будто в это время происходили какие-то особенные климатические катаклизмы, связанные с заметным похолоданием. На тот же период приходится множество засух, пожаров, жарких летних периодов и мягких зим. Кстати, сторонники «малого ледникового периода» Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий, хотя и делают акцент на фактор похолодания, сообщают: «В мягкую зиму 1600/01 г. под снегом в некоторых областях подопрели озимые». В любом случае надо иметь в виду, что в XVI – XVII веках государство Российское занимало обширнейшие пространства, на которых не могло быть одинаковых природных условий. Данные о голоде относятся, насколько нам известно, к центральным и западным районам государства, земли которых эксплуатировались наиболее долго и активно.

Безусловно, вопрос о том, как повлияло на большую Смуту уменьшение плодородия почв, нельзя считать решенным и доказанным. Но его постановка имеет смысл и немалые основания. К сожалению, историки обращали мало внимания на взаимодействия цивилизаций с окружающей средой. А ведь в прежние времена зависимость общества от природных условий была особенно велика. И не такая, о которой любят рассуждать популяризаторы: мол, произошли катастрофические землетрясения, вулканические извержения или потопа, вот и рухнули цивилизации (еще и легендарную Атлантиду припомнят, не говоря уж о Крите или Двуречье). Более тщательные исследования источников и данные археологии и палеогеографии определенно показывают, что природные катастрофы могли более или менее существенно способствовать крушению цивилизации лишь тогда, когда она находилась в критическом состоянии. Так для ослабленного организма даже незначительные изменения, ухудшения внешних условий могут оказаться губительными, а крепкий здоровый организм их даже и не заметит.

Назовем природный фактор экологическим, имея в виду его определенную роль главным образом на первом этапе большой Смуты, ибо он повлек за собой демографические и социально-политические последствия.

Для большой катастрофы должны быть большие причины.

С.Ф. Платонов соглашался с выводами англичанина Дж. Флетчера, который в своей книге «О Государстве Русском», изданной в 1591 году в Лондоне, предсказывал смуту в Московском царстве, перевороты и междоусобие, как последствие террора Ивана Грозного, «возбудившего всеобщий ропот и непримиримую ненависть. Начало смуты он связывал с концом московской династии, которую ожидал со смертью царя Федора Ивановича».

Царь Федор Иоанович (изображение на Царь-пушке)

Отдавая должное прозорливости англичанина (кстати, он резонно полагал, что в результате Смуты победят не знать и не народные массы, а новый средний класс – дворяне), приходится отметить противоречие в его рассуждениях. Если «всеобщий ропот и непримиримая ненависть» были возбуждены опричниной Грозного, то почему же это не проявилось ни при нем, ни при вовсе не грозном его сыне? Почему только конец московской династии должен был ознаменовать начало Смуты?

Значит, существовал моральный фактор, препятствующий Смуте: вера и надежда на справедливого царя, способного урезонить, а то и покарать угнетателей народа бояр и князей, а также несправедливых судей. Иван Грозный не раз обращался непосредственно к простому люду, объясняя причины гонений на бояр, а то и на нечестных судей. Он понимал необходимость управлять, кроме всего прочего, и общественным мнением. Таким образом, помимо заметного истощения земельных ресурсов в давно обжитых районах государства (экологического фактора), очень существенно и более очевидно проявлялся фактор духовный.

Началом кризиса С.Ф. Платонов считал «смуту династическую». По его мнению: «Первые признаки смуты явились в Москве в первые же дни после смерти Грозного... Вооруженная толпа хотела взять приступом Кремль и требовала выдачи фаворита Грозного БогданаБельского едва не убитого толпой. Таким образом, на первых же порах чисто политический вопрос – о порядке внутреннего управления – был решен при участии площади; именно под ее давлением ненавистная народу опричнина была уничтожена».

Трудно согласиться с тем, будто московская толпа, определенно

направляемая боярами, выражала волю народа. Уже само обвинение в адрес Бельского показывает это. В данном случае, по-видимому, напомнила о себе боярская «оппозиция», действительно ненавидевшая опричнину и боявшаяся ее. «Народ безмолвствовал». В противном случае начались бы многочисленные бунты, а не частное происшествие в столице на Красной площади (на «Пожаре»).

Это выступление быстро завершилось, что никоим образом не устранило Смуту. Корни ее были глубже. Хотя упомянутый инцидент, конечно же, был одним из симптомов «болезненного» состояния общества, раздираемого противоречиями.

Для всеобщей Смуты необходимы были не только экологические и социально-экономические предпосылки. Подобные критические ситуации складываются достаточно часто, и далеко не всегда способны вызвать серьезный общественный катаклизм. Огромное значение имеет духовное состояние общества.

СМЕРТЬ ЦАРЕВИЧА

Смерть младшего сына Ивана IV царевича Дмитрия 15 мая 1591 года остается загадочной по причине, явной по существу и не вполне понятной по своим последствиям.

Нам кажется, что С.Ф. Платонов преувеличил значение этого факта как явления «династической смуты», с которой и начался период брожения умов и социально-политических катаклизмов. Конец одной династии в монархическом государстве означает приход новой, только и всего. Какой бы ни была борьба за трон, она совсем не обязательно должна вызвать что-либо более основательное, чем «грызня в верхах». Общественное мнение при этом не играет существенной роли.

Иное дело, каким образом завершается династия. Если естественно – одно, а если насильственно – совсем другое. Когда к власти приходят благодаря злодейству, а не по праву, это резко подрывает ее (власти) авторитет и вносит смуту в общественное сознание.

А был ли зарезан мальчик?

По официальной версии, он играл во дворе в ножички. Эта игра была популярна в России вплоть до второй половины XX века. Один вариант ее представляет собой серию упражнений, когда нож втыкают острием в землю несколькими способами. Во втором – бросая его сверху, играющие нарезают себе участки земли в пределах заранее очерченного круга.

По-видимому, царевич со сверстниками играл в «нарезание земли» большим ножом (кинжалом?), который для очередного броска держал, как положено, за лезвие. И тут с ним приключилась, как тогда говорили, падучая болезнь (эпилептический припадок?). Он упал на землю в конвульсиях, порезался и

нанес себе рану в шею, оказавшуюся смертельной.

В покоях вдовствующей царицы Марии (из рода Нагих), матери Дмитрия, началась паника. Тотчас по городу пронесся слух, что царевич злодейски зарезан по воле Бориса Годунова. Угличане взбунтовались, разгромили Приказную избу и убили государева дьяка Битяговского, его сына и еще несколько человек.

Царевич Дмитрий. Рис. XVII в.

В город была срочно направлена государственная комиссия во главе с боярином Василием Шуйским, принадлежавшим к числу наиболее влиятельных и умных противников Бориса Годунова. В политических целях ему было выгодно представить происшествие (хотя бы намеком) как результат злодейского заговора.

Его помощником назначили окольникяго Клешнина, сторонника Федора Иоанновича и Бориса Годунова, но имевшего жену из рода Нагих. Можно сказать, что в комиссии были представлены все заинтересованные стороны. Уже одно это заставляет относиться к ее выводам с доверием, хотя материалы следствия и вызывают у историков некоторые сомнения. Судя по показаниям очевидцев происшествия, произошла трагическая случайность. Но Нагие всячески старались доказать, что были конкретные убийцы: Данила Битяговский (сын дьяка), его племянник Никита Качалов и некоторые другие. Нагим надо было хоть как-то оправдать убийство государева дьяка и его родных.

Однако выяснилось, что никто из Нагих не был свидетелем смерти Дмитрия. Их обвинения основывались лишь на подозрениях. Шуйский основательно допросил четверых мальчиков, игравших с Дмитрием, и они все подтвердили, что царевич играл «в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь – падучей недуг – и набросился на нож». То же подтвердила и кормилица Дмитрия, которая горько сокрушалась, что не уберегла мальчика «и он ножом покололся».

Единственным объективным показанием в пользу убийства царевича было то, что его смерть была на руку Борису Годунову. К этому времени он стал по существу преемником царя Федора. Годунову был присвоен своеобразный и необычный титул: «Зять великого государя, управитель, слуга и конюший, боярин и дворцовый воевода, содержатель царств Казанского и Астраханского».

У рода Нагих был свой козырь в борьбе за власть: царевич Дмитрий, законный династический претендент на трон. Физическая слабость царя Федора и отсутствие у него с Ириной Годуновой, царицей, сестрой Бориса Годунова, детей, увеличивали шансы Нагих на приход к власти. Они обращались к разным ворожеям и предсказательницам, чтобы выяснить, когда следует ожидать смерти царя Федора и воцарения Дмитрия. На этот случай, во избежание происков врагов, они, так по крайней мере считал историк Г.В. Вернадский, начали организовывать заговор. По его мнению, слух о злодейском убийстве царевича распространил Михаил Нагой, решивший сгоряча, что настала пора действовать.

Угличские бунтовщики имели свои счёты с дьяком Битяговским который был сборщиком налогов. Его дом и дома некоторых других государственных чиновников были разграблены.

Вскоре, 24 мая, в разных частях Москвы вспыхнули пожары. Пронесся слух, будто это – кара Божья за убийство царевича Дмитрия. Однако удалось задержать поджигателей, которые признались, что за пожары и слухи им заплатили люди Афанасия Нагого и что такие же преступления планируются в некоторых других городах.

2 июня следственная комиссия представила царю свой отчет, который был передан патриарху и собору епископов (кстати, их представитель входил в комиссию). Было решено, что смерть царевича – деяние Божие. Михаила Нагого и угличских бунтовщиков за убийство невинных сочли заслуживающими наказания.

Царица Мария вынуждена была принять постриг, нескольких ее родственников заточили в темницу, а имущество их конфисковали. Угличская недолгая смута быстро была подавлена.

Царевич Дмитрий был серьезно болен и вряд ли смог бы управлять государством даже формально.

Вот что пишет на этот счет Р.Г. Скрынников:

«Судя по описаниям припадков и их периодичности, царевич страдал эпилепсией... Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до

его кончины. Перед «великим днем» (Пасхой. – *Авт.*), показала мамка Волохова, царевич во время приступа «объел руки Ондрееве дочке Нагова, едва у него... отвели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: «царевича как станут держать, и он в те поры ест нецывенье за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «Многажды бывало, как ево (Дмитрия. – *Р.С.*) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой, и кормилицы, и боярони, и он... им руки кусал или, за что ухватил зубами, то об ъест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник. На третий день царевичу «маленько стало полехче», и мать взяла его к обедне, а потом отпустила во двор погулять. В субботу Дмитрий второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ».

То, что многие бояре, и в числе их в первую голову Борис Годунов, желали бы смерти царевича, не могло быть секретом. И вот это «желали бы» превратилось в негласное обвинение Бориса Годунова в убийстве. Вполне вероятно, что такой слух упорно насаждали бояре, противники этого достойного государственного деятеля. Но в любом случае версия убийства совершенно естественна. Ведь в расследовании преступления важен первый вопрос: кому это выгодно? В данном случае ответ был очевиден: Борису Годунову.

«Версия насильственной смерти Дмитрия, – пишет Скрынников, – получила официальное признание при царе Василии Шуйском и при Романовых. Она оказала огромное влияние на историографию. Это влияние сказывается и по сей день».

И дело даже не в том, что самозванцы воспользовались именем царевича, чтобы «смущать» народ. Еще раньше подозрения и обвинения Бориса Годунова в убийстве Дмитрия зародили серьезные сомнения в народе о моральном праве Годунова на власть, вне зависимости от его качеств как государственного деятеля. «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит», – говорит Юродивый в драме Пушкина «Борис Годунов».

Известно, что товарищи царевича по играм зимой лепили из снега фигуры, которые называли именами влиятельных бояр, а затем Дмитрий отсекал фигурам головы или четвертовал их. Молва о таких забавах давала повод опасаться его прихода к власти не только Борису Годунову. Возможно, что заинтересованные в устранении царевича лица позаботились о том, чтобы окружающие поощряли его забавы с ножичком.

Для нашей темы важно учитывать сам факт того, что общественное мнение было настроено против Бориса Годунова, а невинная жертва вызывала жалость. Правдоподобие оказалось, как часто бывает, убедительнее правды. Тем более что к смуте толкали не только моральные, но и материальные факторы.

ПРИЗРАК ЦАРЕВИЧА

Кризисное состояние земледелия в начале XVII столетия привело к двум неурожаям подряд, вызвавшим страшный голод.

Мелкий помещик К. Осоргин писал в то время, что его мать Ульяна дошла «до последней нищеты, так что в доме ее ни одного зерна жита не осталось» и «великое было оскуднение пищи... а кони ее и рогатый скот поколели».

Осоргины питались лепешками из древесной коры, лебеды и муки.

Большинству же населения пришлось еще хуже.

Людей косили голод, эпидемии. Доходило до людоедства. Датские дипломаты зимой 1603 года видели огромные братские могилы у стен Москвы. Трупы валялись по дорогам, привлекая стаи волков. На московских улицах появились лисы. В них стреляли даже во рву Московского кремля.

Этими бедствиями воспользовалась правящая элита России, включая некоторых церковных иерархов. Монастыри, подобно светским феодалам, припрятавали запасы зерна и наживались на спекуляциях. Одним из первых этим грязным «бизнесом» занялся патриарх Иов – личный друг и протеже царя Бориса.

Мелких спекулянтов били на городских рынках кнутами, но это не помогало.

Царь Борис не жалел для помощи голодающим своих и государственных средств. Например, в Смоленск он послал 40 тысяч рублей – колоссальную по тем временам сумму.

Но инфляция была такова, что одна прежде очень весомая копейка уже не могла прокормить не только семью, но и одного человека. И народ не выдержал.

По вотчинам светских и церковных зажиточных («порядочных») людей пошел гулять красный петух. Начались стихийные бунты и грабежи. Столица оказалась в кольце восставших регионов.

Когда вождь восставших Хлопко был схвачен и повешен, опасность для Москвы миновала. Однако центральная государственная структура была поколеблена. Царь Борис то шел на уступки (незначительные), раскалывая силы мятежников, то применял крутые меры. Но в целом примирения не получалось. Повстанцев пороли, вешали, но они не сдавались и в конце концов подались к вольным казакам на Дон и Терек, а главным образом на «Украину», ближе к польской границе. Это был взрывоопасный «человеческий материал».

«Такие бедственные условия способствовали разгулу бандитизма, – писал Г. В. Вернадский. – С участием беглых холопов и крестьян это приняло размеры восстания. В сентябре 1603 г. большая банда недовольных, возглавляемая атаманом Хлопко, появилась в районе Москвы. Борис призвал регулярные войска под командованием способного военачальника,

окольного Ивана Федоровича Басманова. Мятеж был подавлен, но Басманов в сражении погиб. Раненого Хлопка взяли в плен и повесили». Г. В. Вернадский пережил бедствия Гражданской войны в России после 1917 года и потому, как можно предположить, судил о «бандитах» Смутного времени по своему личному опыту. Однако вряд ли против банды направили бы регулярные войска. Нет, это было настоящее народное восстание, прелюдия большой Смуты.

Вновь хотелось бы сопоставить эту ситуацию с ситуацией, сложившейся в России конца XX века, когда «народ безмолвствовал» даже после того, как его ограбили чудовищные «реформы» Е. Гайдара и небывалая инфляция, когда миллионы были обворованы банками и началась безработица (в начале XVII века хозяева тоже выбрасывали на улицу своих холопов, чтобы не кормить их, чем увеличивали число восставших).

В конце XX века несамостоятельных и робких граждан через средства массовой дезинформации стали «страшать» ужасами гражданской войны и ГУЛАГа, которые их ждут в случае свержения (пусть даже путем выборов) «демократической» власти. И удивительно – столь убогий, нелепый и лживый способ «промыывания мозгов» оказался эффективным. Народ пугали коммунистами не только представители прозападных группировок, но и не понимавшие, что выступают заодно с врагами России, патриоты-русофилы. Почему же множество граждан продолжало верить лидеру, обещания которого лопались, как мыльные пузыри? Видимо, потому что в чем-то главным он был подобен своим поклонникам. Если в Средние века народ верил в сильного, грозного и справедливого правителя, то теперь слишком многих, особенно начинающих возвышаться олигархов и подпольных миллионеров, устраивала предельно слабая государственная власть, позволяющая «прихватизировать» национальные богатства.

Противоположные устремления больших масс населения привели к предельно разным результатам. Смута начала XVII столетия завершилась восстановлением и укреплением могучей державы. Смута конца XX века закончилась расчленением СССР и превращением России из сверхдержавы в третьеразрядное государство.

Однако вернемся к давней Смуте.

Казалось бы, дела царя Бориса Годунова поправились. Но его враги-соперники замыслили хитроумный план, чтобы свергнуть его не путем дворцового переворота (царь-то был избран законным путем на соборе, назначенном и руководимом патриархом!), а руками народа.

Эти бояре, как пишет Г.В. Вернадский, «решили избавиться от Бориса, восстановив прежнюю династию с помощью призрака князя Дмитрия Угличского.

Вдохновителем нового плана являлся, по всей вероятности, боярин Федор Никитич Романов. Его братья следовали за ним. Богдан Бельский тоже был в курсе дела. Князь Мстиславский держался в стороне. Основным оружием борьбы с Борисом стало распространение слухов, вносящих смятение в умы

московитов. Пропаган дистская кампания имела две цели: подрывать доверие народа к Борису, очерняя его личность; и отрицать его право на трон, утверждая, что царевич Дмитрий жив...» В феврале 1598 года в Москве распространились слухи о спасении царевича Дмитрия. Андрей Сапега докладывал литовскому гетману Кшиштофу Радзивиллу, что «говорят, будто Дмитрий – сын царя Ивана IV от его второй жены Марии». Андрей Сапега слышал, что Борис поддерживает молодого человека и готов признать его царем, если его самого не выберут».

Борис Годунов. Рис. XVII в.

Получается что-то странное, если только в последнем приведенном абзаце историк не сделал ошибку. Ведь князь угличский царевич Дмитрий был сыном не второй, а шестой жены Ивана IV. Этот брак был не вполне законным, согласно правилам того времени, и сына от шестой жены принято было считать незаконнорожденным. Правда, для Дмитрия сделали исключение, но в глазах знати его претензии на трон были бы необоснованными.

Может ли быть, что «призрак» погибшего Дмитрия был вызван самим Борисом Годуновым? Неужели столь странный план был припасен им на тот

случай, если его не изберут царем? Очень сомнительно. Слух о существовании царевича Дмитрия, скорее всего, был уже в 1598 году пущен противниками Годунова, но он обрастал разными домыслами, один из которых и слышал доносчик Андрея Сапеги.

Другое дело – пропагандистская кампания Романова. Она была направлена против царя, имея целью его опорочить и свергнуть. Но эта «деза», пущенная для «внутреннего употребления», неожиданно оказалась наиболее выгодной для иностранных интервентов и большой Смуты.

В Польше появился человек, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия, спасшегося от убийц. По официальной версии, это был самозванец: беглый монах Григорий Отрепьев. Кем он был в действительности? По этому вопросу у историков до сих пор нет единого мнения.

Еще в XVIII веке академик Миллер усомнился в самозванстве Дмитрия. В XIX веке А.С. Суворин свидетельствовал, что Карамзин в 11-м томе «Истории государства Российского» называл Дмитрия не самозванным, а истинным царевичем. Но затем под каким-то влиянием историк отказался от этой позиции и переделал свою работу, сделав лжецаревича Гришкой Отрепьевым.

С.М. Соловьев считал самозванца орудием бояр, оппозиционных Годунову. Такую точку зрения разделяет Р.Г. Скрынников, прямо называющий покровителями Отрепьева бояр Романовых. Ссылаясь на летописца второй половины XVII века, Скрынников пишет: «Сколько бы осторожным ни был летописец, он весьма прозрачно намекнул на подлинные причины пострижения авантюриста. Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с крушением Романовых».

Н. И. Костомаров колебался между признанием Дмитрия царевичем и его самозванством. К.Н. Бестужев-Рюмин писал С.Д. Шереметеву: «Теперь я вижу и считаю вероятным спасение Дмитрия и надеюсь, что Вы это вполне докажете». Шереметев готов был опровергнуть официальную версию правительства и церкви о личности самозванца. Александр III не возражал против публикации такой работы, но при условии, что автор более убедительно подтвердит свою версию фактами. Но труд так и не вышел в свет.

Из советских историков пытался преодолеть традиционный взгляд на проблему П.П. Васильев, посвятивший этой теме книгу в 1957-1958 годах. «Потребовалось 30 лет, – писал он, – для того, чтобы пробить бастионы консерватизма и получить разрешение на издание сей книги, к тому же за счет автора». После обращения к Н.С. Хрущеву он получил разрешение сделать доклад по данной теме в Институте истории СССР и вызвал бурную дискуссию. Но разрешение на печатание книги было получено только в 1989 году.

Что можно сказать о «проблеме царевича Дмитрия»?

Среди исторических документов, летописей и других сочинений нетрудно

подобрать сведения, подтверждающие любую из трех версий: Дмитрий зарезался, его зарезали, он остался в живых, а зарезан был «подставленный» мальчик, поповский сын. Вопрос в том, каким сведениям следует доверять.

Наиболее сомнительна или, точнее, фантастична версия о чудесном спасении царевича. У нее есть приверженцы, но доказательств – никаких. Злодейское убийство царевича не исключено. Один из сравнительно поздних авторов В.А. Малинин пишет: «Розыскное дело Шуйского-Клешнина – топорно сработанная версия недобросовестных следователей. Дело переполнено противоречивыми показаниями, нарочитыми передержками и умалчиваниями, носит следы предубеждений розыскников, следовавших тайным указаниям, полученным еще до отъезда из Москвы. Доверять такому документу можно лишь при условии насилия над собственной совестью». Суждение резкое, но в немалой мере оправданное. Хотя о каких-либо «тайных указаниях», полученных в Москве, нет никаких данных. При всех недостатках розыска и соответствующих записей, выводы официального следствия в целом вызывают больше доверия, чем свидетельства явно заинтересованных лиц, стремившихся во что бы то ни стало оправдать самосуд над государевым дьяком и другими людьми. О подозрительных людях в окружении Дмитрия нет никаких сколько-нибудь обоснованных данных. Если, предположим, игравшие с ним дети лгали о припадке и невольном самоубийстве, то со временем, став взрослыми, они бы не умолчали об этом. В том, чтобы обвинить в организации убийства Годунова, были заинтересованы слишком влиятельные боярские роды.

В. А. Малинин высказал сомнение в том, что у Дмитрия случались припадки, потому что ходили слухи о попытках отравить царевича. Но и все это не более, чем домыслы. Описания приступов у мальчика более всего напоминают эпилепсию, при отравлениях проявляются другие симптомы. Так что если нельзя вовсе исключить возможность злодейской расправы над царевичем, то признать убедительной такую версию «можно лишь при условии насилия над собственной совестью».

При всей загадочности личности Лжедмитрия I, его приходится считать самозванцем. При окончательной невыясненности причин смерти царевича Дмитрия важен факт появления, распространения и популярности версии о том, что он либо злодейски убит, либо чудом спасся. И та, и другая мысль укоренились в общественном сознании, породив духовную смуту.

Верил ли народ в то, что объявился настоящий царевич Дмитрий? Пожалуй, да. Ведь этот человек обещал быть более «крестьянским» государем, чем Федор или Борис. Да и сам Отрепьев (по-видимому, это был он) все более входил в роль царевича Дмитрия, словно убедив самого себя, будто так оно и есть.

Перед выступлением на Русь у него было небольшое войско, несколько тысяч человек. Было бы безумием при этом надеяться на удачу.

Официальная Польша отказалась оказывать ему открытую поддержку. На

что он и его советники (в том числе из числа иезуитов; ведь он тайно перешел в католичество, хотя и папа его не признал как царевича) могли рассчитывать?

Есть все основания полагать: они имели надежные сведения о том, что в народе отношение к Годунову отрицательное, а слух о его причастности к убийству ребенка пользуется популярностью. Пограничные с Польшей «украины» с Россией были осведомлены о появлении Дмитрия и, по-видимому, приняли эту весть доверительно. Поэтому те, кто поддерживали «Дмитрия», и рискнули пуститься в авантюру.

Псевдодмитрий I. Гравюра Л.Килиана, XVII в.

Действительно, как верно отметил Г.В. Вернадский: «Сила Дмитрия состояла не столько в его армии, сколько в авторитете его имени». Тем более что существовал заговор бояр и воевод против Годунова, а слухи о якобы чудесно спасшемся царевиче распространялись в этой среде еще раньше. Воевода Михаил Салтыков прямо говорил, что трудно победить урожденного царя. Некоторые князья и воеводы сдавали свои крепости новоявленному «Дмитрию» без боя.

В декабре 1604 года у Новгорода-Северского путь его войску преградила московская армия под командованием князя Федора Мстиславского. Она была разбита. Войска самозванца постоянно пополнялись главным образом казаками, а также простолюдинами. Стратегия была выбрана верная: не идти сразу на Москву, а постепенно продвигаться по юго-западной окраине Московии, чтобы иметь постоянное пополнение.

Царь Борис организовал новую армию под командованием князя Василия

Шуйского. 21 января 1605 года под Добрыничами войско Лжедмитрия было разбито наголову. Но Шуйский и его воеводы не стали преследовать самозванца, чтобы схватить его, а предпочли выжидательную позицию. Тем временем к Лжедмитрию, отступившему в Путивль, присоединилось несколько тысяч казаков.

13 апреля царь Борис умер в результате сильных кровотечений изо рта, ушей и носа. Говорили, что он был отравлен. (Не было ли это прободением язвы желудка, возникшей на нервной почве?) Никакого дворцового переворота не произошло (что было бы естественно при отравлении). Бояре присягнули юному Федору, сыну Бориса. Он направил верного человека Петра Басманова в действующую армию, назначив его вторым воеводой. Но к этому времени в армии началась смута, и многие перешли на сторону самозванца. А 7 мая армия перешла на сторону противника царя Федора Борисовича.

3 июня произошел бунт в Москве, царя Федора и его мать арестовали, а неделю спустя убили.

20 июня Лжедмитрий под ликование толпы и звон колоколов вступил в Москву. Через месяц его торжественно венчали на царство после того, как монахиня Марфа (бывшая царица Мария), боясь расправы, признала самозванца своим сыном.

Чем объяснить такое невероятно быстрое торжество Лжедмитрия? Как мы бы теперь сказали – предварительной его победой в информационной войне. Он слал по городам и в столицу агентов с «прелестными» грамотами, умело прельщая разные слои населения. Теперь говорят о «популистских лозунгах» и «информационных технологиях». Все это вовсе не изобретение второй половины XX века, а использовалось с древнейших времен в разных странах и было успешно применено самозванцем в начале XVII века в России. Годуновские заставы ловили распространителей «прелестных грамот» и вешали их без суда. Но грамоты все-таки перечитывались и пересказывались. В них «царь Дмитрий Иванович» напоминал боярам, каким «мукам нестерпимым» и «разорению» они подверглись от годуновского правления. Купцам говорилось про обременительные годуновские подати, а простым людям – об угнетении и всяческих годуновских преступлениях. Этот лжецарь не скупился на посулы, умело играя на интересах каждого сословия. (Вряд ли надо доказывать сходство этих популистских приемов с теми, которые были использованы агитационной машиной проельцинских группировок в последнее десятилетие XX века.)

Сказалось и то, что наследник престола был молод, а его растерявшиеся родственники были ему слабой опорой. Семен Годунов при активном участии вдовы Бориса Годунова (дочери неизвестного Г. Малюты Скуратова-Бельского) Марии Григорьевны составил чрезмерно длинный перечень обязательств, гарантирующих безопасность царской семьи. Но вместо того, чтобы четко обличить самозванца, царица решила вовсе игнорировать в записи имя Отрепьева, чем свела на нет усилия официальной пропаганды.

Остаются неясными тайные пружины, подвигнувшие москвичей на мятеж. Явные – очевидны: в Красном Селе, богатом и многолюдном пригороде Москвы, появились агитаторы самозванца, собрали большую толпу и «прельстили» своими лозунгами. Но почему их сразу же не схватили? Почему об этом событии донесли Федору Борисовичу тогда, когда к толпе примкнули многие москвичи?

В самый ответственный момент появился Богдан Бельский и открыто призвал к мятежу и захвату царской семьи. Остановить толпу было уже невозможно.

Богдан Бельский – интересная фигура Смутного времени. Опричный фаворит Ивана Грозного, ставший позже руководителем секретной политической полиции. По сообщениям некоторых современников, именно Бельский вместе с Борисом Годуновым помог Ивану IV покинуть этот грешный мир, придушив царя подушкой.

Бельский проиграл Годунову в борьбе за власть. Теперь его враг был мертв, но зачем-то Бельский мстил его семье. Он принял участие в физический ликвидации Федора и Марии Годуновых. Молодой царь сражался с убийцами мужественно, но их было четверо...

Финал Бельского был бесславным. Несмотря на его очевидные заслуги перед Лжедмитрием, Бельский был отправлен воеводой в Новгород, где был как-то не очень заметно убит во время одной из стычек времен Смуты. Казалось бы, ставший новым царем всея Руси Дмитрий I (пусть и под чужим именем, но – царь!) теперь мог безмятежно наслаждаться властью, пользуясь всеобщей любовью.

Однако этого не свершилось. Настало время выполнять обещания, а сделать это было невозможно: слишком много и слишком многим было обещано. Казна оскудела, общество раздирали противоречия. Нельзя было заручиться поддержкой какого-то одного сословия, не нанеся при этом ущерба другому. Не правда ли, ситуация достаточно типичная для смутных периодов.

Сходный популистский вариант пытался использовать Н.С. Хрущев, обещая гражданам СССР, что к 1980 году они будут жить при коммунизме. Таким образом он пытался поднять свой авторитет. Но народ, в массе своей верно оценивший этот маневр, высмеял в многочисленных анекдотах этого генсека СССР. Таким было начало конца Советского Союза. Уже тогда, в правление Хрущева, произошел духовный надлом общества, решительный разлад между правящей верхушкой, партийной номенклатурой и народом.

Горбачев начал «перестройку», суля всеобщее благосостояние, Ельцин под тем же лозунгом проводил «реформы». Чем все это кончилось – известно (хотя, возможно, не всем понятно). А вот граждане оказались далеко не так сообразительны и честны перед собой, не так устойчивы ко лжи, как российский народ Смутного времени начала XVII столетия. То, что тогда поняли в считанные месяцы, теперь кое-кто не желает понимать даже спустя полтора десятилетия.

Меняются не ситуации. Меняется народ. Точнее сказать – та значительная

часть социума, которая принимает решения о судьбе страны. Не только лгущий «лидер», номенклатура, олигархи, но и те, кто поддерживают их, в своем стремлении к личному материальному благополучию (которое большинству их не суждено достигнуть).

Итак, от самозванца стали требовать выполнения обещаний, и не через неопределенное время, а в данный момент. Сигизмунд III напомнил своему ставленнику о секретных соглашениях, заключенных в Польше. Самозванец не решился прямо отказаться от обязательств по передаче королю пограничных русских земель, а стал предлагать вместо городов деньги. Короля это не устраивало. Свержение Сигизмунда давало надежду на то, что все проблемы будут решены.

Самозванец установил тайные связи с оппозицией королю в Польше, вожди которой предлагали ему польскую корону, желая получить взамен помощь войсками и сто тысяч флоринов. Вряд ли об этих переговорах не было ничего известно польскому королю, но он предпочел выждать некоторое время. Внутрироссийские дела складывались у Лжедмитрия все хуже. Наградив своих главных союзников в войне против Годунова – донских казаков, он отказался от дальнейшего сотрудничества с ними. Терские казаки, демонстрируя свои притязания на власть и привилегии, выдвинули своего самозваного претендента на трон – «царевича Петра», якобы сына царя Федора Ивановича (у которого и вовсе не было сыновей). Донские казаки, уже привыкшие присягать самозванцам, признали и этого.

Лжедмитрий попытался наладить управление государством. Это вызвало тайное, но сильное недовольство бояр. Они собирались сделать из него послушного исполнителя, а не самодержавного правителя. Василий Шуйский начал агитационную кампанию против него, теперь уже распуская слухи о том, что это самозванец, а настоящий царевич Дмитрий был убит в Угличе. Василия Шуйского арестовали, приговорив к смертной казни. В последний момент она была заменена ссылкой, но вскоре Шуйского вернули в Москву. Лучше относиться к самозванцу после всех этих переживаний он не стал, но затаил ненависть до лучших времен.

Вокруг Лжедмитрия сгущались тучи. Он торопился устроить пышную свадьбу с красавицей (как считалось) Мариной Мнишек, дочерью польского магната-авантюриста и мошенника. Иезуиты требовали от самозванца решительных мероприятий по «перекрещению» Руси в католическую веру. Он понимал, что это грозит всеобщим восстанием, и не выступал против православной церкви. И предпринял ловкий маневр: обещал папе римскому начать с его благословения крестовый поход против турок, если ему будет пожалован титул императора, а король Сигизмунд будет в его подчинении. Папа отклонил предложение, а Сигизмунд возненавидел самозванца.

Марина Мнишек. Гравюра Ф.Снядецкого, XVII в.

8 мая 1606 года в Покровском соборе Кремля самозванца торжественно сочетали браком с Мариной, которую короновали царицей.

«Москва, – писал Г.В. Вернадский, – казалось, на некоторое время превратилась в польский город. Мнишека и других польских магнатов, приехавших на свадьбу, сопровождали огромные свиты. В Кремле и в городе кишели толпы польской знати и сопровождающих лиц. Характерно, что на церемонии коронации Марины и на ее свадьбе в соборе присутствовали большей частью поляки; из русских пригласили только избранную знать. Простых русских не допустили даже в Кремль.

...Основная часть поляков поселилась в частных домах в центральной части города (Китай-городе). Они вели себя так, будто находились в завоеванной стране. Их надменность оскорбила москвичей и возбудила ненависть к пришельцам».

Бояре-олигархи, боясь укрепления власти Лжедмитрия, вели сложную политику. Они распространяли слухи о его самозванстве, поддерживали неприязнь населения к полякам и в то же время предлагали (тайно) королю Сигизмунду свергнуть царя и возвести на московский трон польского королевича Владислава. Такова одна из характерных черт Смутного времени: олигархам (будь то бояре, вельможи, номенклатура, банкиры и пр.) чужды национальные государственные интересы. Ради сохранения своего высокого положения и капиталов они готовы превратить Россию в расчлененную, зависимую от иноземцев страну. И другая, не менее характерная черта: когда народ осознает опасность попасть под двойной гнет – своих господ и иноземных, он восстает и свергает несправедливую власть. В мае 1606 года почва для успешного восстания была подготовлена. Шуйские тайно привлекли на свою сторону подразделения новгородских и псковских войск, находившиеся на окраине Москвы.

Подпись Лжедмитрия I

День 16 мая прошел для молодого царя спокойно. Он принимал доклады дьяков. Тем временем Василий Шуйский вел верные ему отряды на Кремль. К ночи они заняли все кремлевские ворота. На рассвете, в 4 часа, ударили в набат. Москвичи повалили на Красную площадь; толпа принялась бить и грабить поляков, литву. Подогревали страсти толпы бояре – верхом и в полном вооружении, – которые кричали, что иноземцы устроили заговор против царя.

Под шум погрома организаторы заговора вошли в царские покои, которые охраняли немецкие наемники. Басманов попытался оказать бунтовщикам сопротивление, но был убит. Самозванец выпрыгнул в окно и повредил ногу и руку. Его убили, а Марину Мнишек со свитой арестовали.

Все свидетельствует о том, что мятеж был тщательно подготовлен.

Заговорщики сумели очень быстро прекратить погромы. Стихийные грабежи продолжались чуть более суток. Порядок был восстановлен. А уже 19 мая был выбран очередной царь: князь Василий Иванович Шуйский. Не были даже соблюдены надлежащие формальности. Это был откровенно боярский избранник, провозглашенный царем перед толпой на Красной площади, а завершили действие в Успенском соборе, где Шуйский поклялся, что не будет злоупотреблять властью.

Был составлен особый документ – крестоцеловальная грамота, согласно которой права царя ограничивались. «Суда без бояр не творить, смерти никого не предавать, отчин (владений. – *Авт.*) у них не отнимать, ложных доносов не слушать, а ложных доносчиков наказывать».

В чью пользу были эти ограничения? По мысли Ключевского, в пользу самого демократического учреждения того времени – Земского собора, поскольку целование креста было «всей земле». В противовес этому мнению Платонов подчеркивал зависимость нового царя от бояр. Е.Ф. Шмурло назвал грамоту Шуйского «русской хартией вольностей», сравнивая ее с аналогичным английским документом. Неужели отзвуки конституционализма донеслись до Москвы из революционных Нидерландов? Ведь торговые связи Руси с этой

страной расширились. Или это была попытка препятствовать новой опричнине? Скорее всего, этот документ был вынужденной уступкой Шуйского боярской думе, где большинство составляли выдвиненцы самозванца или поддерживавшие его люди, вроде ростовского митрополита Филарета, в миру Федора Никитича Романова – племянника первой жены Ивана Грозного Анастасии. Его насильно постригли в монахи по велению царя Бориса. Он оказался наиболее подходящей фигурой при выборах патриарха. Более достойная кандидатура – казанский митрополит Гермоген не прошел из-за своего радикализма: он был принципиальным противником и обличителем самозванца.

СМЯТЕНИЕ УМОВ И ВОССТАНИЕ

В Москве творились чудные дела. Еще недавно с ликованием встречали царя «Дмитрия». А теперь его изуродованный и оплеванный труп после трехдневного позора вывезли за город и, бросив в яму, прибили колом к земле, дабы «чародей» не смог восстать из мертвых.

Убийство двух царей за один год – такого в отечественной истории еще не случалось. Смятение в умах и душах подготовило народ к новым чудесам и знамениям. И они не замедлили явиться.

Люди шептались, будто на могиле самозванца по ночам зажигались огоньки и раздавалось дивное пение. Да и как этому не поверить, если в ночь после его гибели вдруг ударил мороз, державшийся целую неделю. На полях промерзли хлеба, пожухли трава и листья на деревьях.

Поползли слухи, крайне неблагоприятные для нового царя. Появились листы с известием о том, что царь Дмитрий жив; сам Бог вторично укрыл его от изменников. Общественное мнение восстанавливалось против Василия Шуйского.

Власти стали доискиваться, откуда взялись провокационные прокламации. Следы привели к дому Романовых.

Дело в том, что очередной государственный переворот пробудил в душе Романова-Филарета прежние честолюбивые мечты. Конечно, бывший щеголь и кутила не помышлял о сложении духовного сана и возвращении в мир.

Тогда расстриги на Руси пользовались самой дурной славой. Но был у Филарета девятилетний сын Михаил. Он имел право занять трон как племянник последнего законного царя Федора Ивановича. По стране пошли толки (по-видимому, с подачи Романовых) о возможности его избрания царем. Пробуждать сомнения в праве Шуйского занимать трон, вызывать брожение умов было в интересах Романовых. Но многие люди, которые уже раз поверили в то, что маленький царевич чудесным образом избежал смерти в Угличе, готовы были поверить и во второе спасение Дмитрия.

Вряд ли в мыслях у Филарета был вариант нового появления призрака царевича Дмитрия. Он желал воспользоваться памятью о Дмитрии для того, чтобы снизить авторитет нынешнего царя и напомнить о родовой

преемственности династии Ивана Грозного (хотя прямых династических наследников не осталось).

Власти не стали жестоко карать Романовых. Для пресечения суеверных толков тело самозванца было извлечено из могилы, сожжено на костре, а пепел развеян по ветру. (Ясно, что таким способом суеверия не только не искоренишь, а скорее укрепишь.)

Филарета лишили сана патриарха. На его место поставили Гермогена, отличавшегося твердым характером и решительностью и способного, по расчетам правящей элиты, удержать народ в спокойствии и покорности. Однако ситуация становилась все более взрывоопасной. Начинались серьезные смуты, в которых порой принимали участие даже представители низшего духовенства. «Взбесились тогда многие священники и иноки, – повествовал один церковный автор, – и чин священства с себя свергли и много крови христианской пролили». Как видим, в ту пору многие священнослужители были более близки к народным массам, чем к правящим кругам.

В народе не могло быть глубокого уважения и доверия к новому царю. Вот как характеризует его Г.В. Вернадский:

«Прирожденный интриган, он не гнушался солгать, если это отвечало его интересам. В свое время по поводу смерти царевича Дмитрия Шуйский утверждал, что это был несчастный случай. Когда появился претендент на престол – Дмитрий, Шуйский поклялся, что он – действительно царевич, чудесным образом спасенный от гибели. Теперь он публично объявил, что этот Дмитрий был самозванцем, а настоящий царевич действительно умер в 1591 году, как мученик, от рук злодеев».

Царь Василий Шуйский. Рис. 1672 г.

Чтобы пресечь кривотолки, было решено раз и навсегда покончить с «проблемой царевича». Его канонизировали как мученика, в связи с чем его мощи доставили в Москву и поместили в соборе Архангела Михаила. Эта политическая акция не имела желаемых результатов. Бежавшие за границу и оставшиеся в России сторонники Дмитрия продолжали утверждать, что он остался в живых.

Царь Василий Шуйский, будучи ставленником бояр, естественно, проводил политику, отвечавшую исключительно их интересам.

Остальные социальные группы чувствовали себя обойденными. Казаки собирались идти походом на Москву, среднее и низшее дворянство открыто высказывало недовольство правительством, крестьяне глухо роптали, не видя никаких послаблений. Некоторые воеводы и князья не желали признавать законность власти Василия, ибо он не был избран Земским собором.

На престоле Шуйский держался непрочно. Тем более что на западной

границе вновь стало беспокойно. Польские шляхтичи желали реванша. Масла в огонь подливали некоторые сторонники Лжедмитрия, бежавшие за рубеж, например, Молчанов, выступивший от имени якобы живого самозванца.

Однажды польские власти задержали подозрительного русского, который пробирался из Венеции в Московию. Его привели к Молчанову. Выяснилось, что это Иван Исаевич Болотников. В юности он был холопом князя Телятевского, состоял на военной службе. Бежал от хозяина на Дон и стал вольным казаком. В стычке с татарами он попал в плен, был продан в рабство туркам, после чего несколько лет «рабычил» на галерах. Ему удалось бежать в Венецию. Узнав о смуте на родине, он решил вернуться домой.

Молчанов проникся уважением к Болотникову – личности действительно незаурядной и достойной – и решил направить его к воеводе Путивля князю Шаховскому, противнику Шуйского, чтобы организовать народное войско. По видимому, Молчанов именем Дмитрия назначил Болотникова главнокомандующим (большим воеводой) еще не существующей повстанческой армии.

Как писал С.Ф. Платонов: «Иван Болотников стал знаменит на Украине тем, что первый поставил целью не только политический переворот – свержение боярского правительства Шуйского, – но и переворот общественный – низвержение крепостного строя. Звал он в поход на Москву для восстановления царя Дмитрия, которого у него не было, но возбуждал к действиям вообще против действующих классов».

Пожалуй, в таком суждении есть некоторое преувеличение: свержение господствующих классов не входило в политические планы Болотникова, и вряд ли такая цель могла быть понята крестьянами и посадскими, даже вольными казаками. Их идеалы были более реалистичны: заполучить «крестьянского царя», при котором будет резке ограничена и подчинена государственным интересам власть бояр-олигархов, князей, дворян и низшие слои общества получают льготы. Народный гнев Болотников направлял на крупных землевладельцев, купцов, призывая убивать бояр и торговых людей, а дома их грабить.

Иной идеологией руководствовались восставшие в Рязани. Они, как пишет Платонов, «были недовольны олигархическим правительством московских «бояр», потому что оно давало торжество родословному началу и тем самым закрывало дорогу к широкой карьере людям не своего «высокородного круга». Здесь верховодили мелкопоместные дворяне.

Болотников был талантливым полководцем и смелым воином. Он разгромил несколько армий московских воевод, умея хорошо организовать и наступательные и оборонительные мероприятия. На его стороне были не только крестьяне, но и представители других групп российского общества, и уже одно это не позволяет называть его восстание крестьянским. Это, пожалуй, более походило на революцию и гражданскую войну.

Например, крестьянская война в Германии XVI века выливалась преимущественно в локальные бунты (страна тогда была разделена на множество мелких княжеств, что и мешало объединению повстанческих групп). Кроме того, крестьянское движение в Германии было тесно связано с Реформацией, тогда как в России подобные мотивы отсутствовали. По-разному вели себя и русские посадские люди, в отличие от немецких бюргеров. Последние занимали выжидательную позицию, поначалу даже поддерживали восставших, а затем их предали. На Руси же посадские люди, особенно торговцы, сразу же выступали главным образом против восставших (лишь в немногих городах примкнули к ним). Когда армия Болотникова подошла к Москве, столичный посад остался верен Шуйскому. И это понятно: боялись грабежей и потери имущества (это относилось прежде всего к зажиточному населению, а оно соответствующим образом настраивало и небогатых горожан).

Сыграла свою роль и православная церковь, выступившая на стороне существующей власти. Церковные иерархи не могли согласиться, в частности, с призывами Болотникова, отличавшимися революционным радикализмом, вроде «Грабь награбленное!» Осуждение церковью действий повстанцев усилило разобщение в их стане.

Подавление мятежа сопровождалось казнями и репрессиями, а также дальнейшим закрепощением крестьян. Стараясь сохранить патриархальные порядки и власть бояр-олигархов, царь Василий Шуйский давал повод для новых восстаний. Ведь причины недовольства народа не были устранены. Дворянские отряды предали восставших, перейдя на сторону царя. Они поняли, что их место – среди верхних, а не нижних слоев общественной пирамиды. Классовые интересы (эксплуататорские) возобладали. Хотя, конечно же, в рядах восставших оставалась часть дворян, а во главе стояли бояре, князья.

Не успел Шуйский погасить пожар на юге, как уже в конце лета того же 1607 года в городе Стародубе появился некто, называвший себя царевичем Дмитрием. Отзывы о нем современников были самыми нелестными, однако именно заурядностью и беспринципностью своей он привлекал тех, кому надо было захватить власть в Москве под предлогом восстановления законного претендента на трон – Дмитрия-царевича. Новый ставленник был марионеткой в руках польской шляхты, донских и запорожских казаков, литовских дворян.

Предводительствовали этой армией (и Лжедмитрием II) опытные люди: украинский магнат князь Рожинский, Ян Сапега, Александр Лисовский, казачий атаман Иван Заруцкий. Их войска подошли к Москве летом 1608 года, а руководство разместилось в Тушине (откуда и появилось прозвище Лжедмитрия II Тушинский вор). Началось противостояние; противники не имели сил для решительных действий. Новому самозванцу требовалась «информационная поддержка», для чего его свели с Мариной Мнишек, которая, оправившись от первого потрясения при виде такого «супруга»,

вынуждена была сыграть роль царицы, чудесным образом обретшей своего царя, считавшегося погибшим.

Не решаясь штурмовать столицу, пришельцы именем царя Дмитрия попытались установить свою власть в северной части Московского царства. Они были приняты настороженно, а затем враждебно, ибо вели себя как завоеватели. Городская беднота и крестьяне были возмущены грабежами и насилиями, осквернением церквей. Вместо «крестьянского царя», как стало ясно, они получили ставленника интервентов. Против них поднялся народ. Шуйский заключил договор со шведами, которые послали ему в помощь свое войско. Армии Скопина-Шуйского, молодого талантливого полководца, одерживали одну победу за другой. Его торжественно встретили в Москве, но вскоре он умер – двадцати четырех лет! – при неясных обстоятельствах; существует версия, что его отравили по указанию царя, видевшего в нем опасного конкурента.

В сентябре 1609 года, под предлогом того, что царь Василий Шуйский вступил в сговор со шведами, с которыми воевала Польша, король Сигизмунд III вторгся в Россию. Он осадил Смоленск. Гарнизон и жители города героически оборонялись два года, в труднейших условиях противостояли превосходящим силам поляков, препятствуя интервентам хозяйничать на Руси.

Лжедмитрий II

Тушинские поляки арестовали Лжедмитрия II, но ему удалось вбежать в Калугу. Тушинское правительство заключило с Сигизмундом III договор, по которому тот «отпускал» своего сына Владислава на русский трон. Эта

кандидатура устраивала и московских бояр. Участь Шуйского была решена. Он пытался хитроумно лавировать в политических играх, много говорил и мало делал, да и его права на трон были сомнительны, так как выборы были келейными. Этим (и болтливостью) он напоминает первого и последнего скоротечного президента СССР. «Идеологические хитрости», которыми он смущал умы горожан, обернулись против него.

Шуйский решил воспользоваться телом царевича Дмитрия для того, чтобы представить святым и невинно убиенным мальчика, которого сам же ранее называл самоубийцей (хотя и невольным). На останки царевича даже положили окровавленные орешки, чтобы видно было, будто он перед смертью не играл в ножички. Тогда же для одурачивания всего честного народа устраивали у гроба «чудесные исцеления» специально подобранных бродяг, после чего торжественно звонили в колокола. Народ ломился в Кремль, чтобы приобщиться к чуду (массовая «обработка умов!»). Вся эта трагикомедия закончилась, когда группа то ли противников Шуйского, то ли уверовавших в чудеса приволокла к гробу царевича мужика при последнем издыхании, который тут же благополучно скончался. Народ отхлынул от чудотворного гроба, на том и все чудеса прекратились.

Впрочем, в смутные времена смятение умов нередко достигает такой степени, что общество готово отказаться от здравого смысла ради химер и очевидных, казалось бы, нелепостей и обманов.

К чести тех, «старых» русских, такое состояние у них длилось недолго.

ЛИЧНОСТИ И ЭПИЗОДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

В свете событий, происходящих в России в последние два десятилетия, Смута начала XVII века привлекла особое внимание пытающихся выделить общие закономерности подобных явлений. Однако даже на серьезных исследователей существенно повлияло идеологическое давление со стороны Запада, упорно и умело внедрявшее сознание советских интеллигентов мифологемы типа «СССР – империя зла», «Сталин – злодей и тиран». Это наложило на исторические штампы, которые утверждались еще демократами XIX века: «Российская империя – восточная деспотия», «Иван Грозный – злодей и тиран».

Некоторые ловкие политологи стали винить в расчленении СССР и социально-экономическом упадке современной России... того же Сталина! Аналогично одной из решающих причин Смутного времени историки нередко называют политику Ивана Грозного. А Сталина и Грозного вдобавок стали представлять как маньяков, параноиков, психически ненормальных людей. Известный историк Р.Г. Скрынников в одном из интервью сказал: «Самый жуткий и кровавый террор происходил в то время, когда Грозный был еще здоров. Психическое расстройство действительно наступило к концу жизни.

Но именно в последнее десятилетие никаких казней не было».

Любопытный психологический нюанс: называя террор Грозного царя «жутким и кровавым», тот же автор справедливо отмечает: «Террор Грозного унес, как мне удалось доказать, около 4 тысяч жизней, четыре с небольшим, а гражданская война начала XVII века не тысячи, не десятки тысяч, а много-много сотен тысяч... При очень малочисленном населении тогдашнем (примерно 5-7 миллионов) – это, конечно, колоссальное потрясение, которое далеко отбросило Россию, русское государство, ослабило его на многие десятилетия».

Так какой же тогда период следовало бы называть жутким и кровавым?! То же самое относится и к XX веку. Обратите внимание на такое сопоставление. С 1926 по 1940 год население Советского Союза увеличилось благодаря естественному приросту со 147 миллионов до 171 миллиона человек, а с учетом присоединенных западных территорий – до 191 миллиона человек. Темпы прироста населения в СССР были больше, чем в США и крупных государствах Западной Европы. За тот же период смертность (еще раз подчеркиваем – смертность!) понизилась с 2,5 до 1,9%. А страна не только возродилась после разрухи Гражданской войны, но и стала сверхдержавой! Что произошло в последнее десятилетие XX века, в период правления Ельцина? Все в точности наоборот. Страна из сверхдержавы превратилась в третьеразрядное экономически зависимое государство, обремененное долгами. Смертность повысилась от 1 до 1,9% (и это с учетом достижений медицины за истекшие полвека!), а население России стало вымирать (!), так что убыль составила порядка 5 миллионов.

Заметим, что и в местах заключения при Ельцине находилось больше человек (в расчете на количество населения), чем при Сталине.

Так когда же был подлинный террор, переходящий в геноцид русского народа? Факты совершенно определенно свидетельствуют: в период большой смуты конца XX века и правления Ельцина.

Это не значит, что ни при Иване Грозном, ни при Сталине никакого террора не было вовсе. Он был, но только в меньшем масштабе, поскольку направлен он был преимущественно против «элиты» общества. По-видимому, историки и политологи, относящие себя именно к элите обществ, особенно остро переживают подобные события. Народ в таком случае выступает как безликая бессловесная серая масса. Но ведь именно Грозный и Сталин обращались к народу за поддержкой своих действий. Это подчеркнул, в частности, Скрынников:

«Царь не просто казнил бояр втайне от всех, а напротив, выводил осужденных на площадь и спрашивал у народа, верно ли он делает, что казнит своих изменников. Народ отвечал криками одобрения: «Живи, преблагой царь!» Бояре как бы становились врагами и народа и царя вместе... Шли десятилетия, и воспоминания о кровавых жестокостях блекли, зато вспоминались блеск и могущество власти...»

Иван Грозный казнил главным образом бояр, олигархов, а потому народ был

на его стороне. Он олицетворял законную власть.

Смута началась отчасти и именно потому, что законной власти не стало. На трон взошел не наследник престола, а шурин и первый приближенный царя, тогда как наследник погиб при подозрительных обстоятельствах. Уже одно это сильно пошатнуло доверие к высшей власти в народе.

В книге В. Андриянова и А. Черняка «Одинокий царь в Кремле» (М., 1999) Борис Ельцин сопоставляется с царем Борисом Годуновым. Некоторое сходство действительно имеется. Годунов нарушил законную династическую традицию, был обуян жадной властью, сумел стать едва ли не богатейшим олигархом на Руси. Однако кроме маниакального стремления к власти, добываясь ее правдами и неправдами, да личного обогащения (в случае Ельцина буквально озолотилась его обширная и криминальная Семья), не говоря уж об имени, в самом главном разница колоссальная.

Как подчеркивали едва ли не все современники, Годунов был незаурядным государственным деятелем. Он достойно правил державой уже во времена царствования Федора Иоанновича. Ельцин же при всех своих высочайших претензиях оказался совершенно бездарным, бессильным, беспринципным во всем, что касалось управления государством. Талант демагога позволил ему занять высокий пост...

Впрочем, как демагог Борис Годунов тоже был незауряден. Он и его сторонники организовали после смерти Федора Иоанновича (по одной из недостоверных версий, отравленного Борисом) шествия московского люда, требовавшего на царство Годунова.

Как пишут про Ельцина В. Андриянов и А. Черняк: «В Кремль, образно говоря, его внесла волна народного признания. Казалось бы, пришло время полного взаимопонимания народа и власти. Но, увы! Правление Ельцина лишь обострило противоречия между властью и народом. От него отвернулись все слои и группы населения...»

Однако уточним: не все слои отвернулись от него. Ельцина по-прежнему поддерживали те, кто боялся восстановления прежней власти: олигархи, частные торговцы, криминальные элементы, немалая часть идеологически обработанной интеллигенции, служащих, а самое главное – зарубежные антисоветские силы. Но может быть, самое главное, что немалая часть населения, поначалу поверившая посулам Ельцина в мечтах о буржуазном рае, не пожелала признать, что была наглешим и откровеннейшим образом обманута.

Правда, тут и Годунова можно вспомнить. Коронованный на царство, он вышел из Успенского собора и заверил народ: «Никто же убо будет в моем царствии нищ и беден, и тряся верх срамницу и сию последнюю, рече, разделю». Ельцин, держа в каждой руке по ваучеру, по ТВ на всю Россию объявил, что это сулит каждому «россиянину» две новеньких «Волги». Естественно, что оба Бориса свои обещания не выполнили. Хотя к чести Годунова надо сказать, что во время голода он выделял собственные средства для помощи голодающим. Ельцин же и его окружение продолжали

обогащаться за счет и без того обездоленного народа.

По словам Скрынникова: «У Годунова на исходе его лет наступил старческий маразм, он приглашал астрологов, окружил себя гадалками, т. е. потерял веру в свои силы, и это ускорило гибель его династии».

Здесь ссылка на старческий маразм у крепкого пятидесятитрехлетнего мужчины выглядит странно. А вот астрологам, гадалкам и колдунам и в правление Ельцина было раздолье (да и теперь они в чести). Трудно сказать, было ли нечто подобное в Московском Кремле, у представителей Семьи или у ее главы, но значительная часть россиян действительно «потеряла веру в свои силы», утратила и веру в будущее.

Кстати, появился и самозванец: так называемый Романов-Бельский, выдававший себя за сына чудесным образом спасшегося царевича Алексея Николаевича Романова.

У Годунова были влиятельные противники, у Ельцина тоже. Казалось бы, такое противостояние при общем расколе в обществе должно было вызвать в конце XX века не менее жестокую гражданскую войну, чем в начале века XVII. Почему же этого не произошло? Разве не стало очевидно, что Ельцин и олигархи привели страну и народ в постыднейшее состояние? Неужели народ утратил чувство собственного достоинства и инстинкт самосохранения?

Принято считать, что в XX веке время-события протекают с необычайным ускорением, люди живут более интенсивно... На самом же деле это относится, пожалуй, к области современной мифологии. В реальности даже мощнейшие социально-политические и экономические стрессы на вызвали сколько-нибудь адекватной реакции русского народа.

Выглядит это очень странно. Словно за минувшие столетия со времен Смуты, несмотря на повальное среднее и широко распространенное высшее образование, несмотря на динамичный XX век и необычайные технические достижения, русский народ оказался на более низком интеллектуальном и духовном уровне, чем в далеком прошлом!

Вновь возможны ссылки на «тоталитарное общество», которое подавило личность, превратило людей в тупое послушное стадо... Но в том-то и дело, что все произошло после нескольких лет «перестройки» и разгула полнейшей демократии (или демагогии?), постоянных проклятий именно в адрес тоталитаризма и сталинизма. Это были уже новые поколения, а не те, кто создавал (при «тоталитаризме») великую державу и победил мощнейшую фашистскую военную машину.

Выходит, все произошло потому, что были преданы и проданы идеалы социалистической цивилизации. В народе был утерян идейный стержень, духовное единство. Это стало результатом и «образованщины» (выражение А. Солженицына), и западной идеологической обработки, и активных действий антисоветских сил (они же – антинародные) внутри страны, и предательства многих партократов.

Князь Михаил Скопин-Шуйский

В Смутное время XVII века некоторые высокопоставленные деятели тоже мало считались с интересами государства. К примеру, прославленный молодой полководец М.В. Скопин-Шуйский.

Зимой 1609 года царь Василий Шуйский направил на переговоры со шведским правительством своего племянника князя Скопина-Шуйского, который, стремясь заручиться поддержкой иноземцев, на новгородских переговорах со шведами пошел на уступки и обязался передать им крепость Корелу с уездом, заключив неравноправный договор. Несмотря на это, шведский король не направил в Россию свою регулярную армию. Он разослал вербовщиков, которые руководствовались принципом «числом поболее, ценою подешевле». Весь этот сброд Стокгольм направил в Россию, где Василий Шуйский платил наемникам огромные суммы, из-за чего вынужден был облагать народ дополнительными налогами.

Весной Скопин-Шуйский выступил из Новгорода, имея под своим командованием 15 тысяч наемников и только 3 тысячи русских ратников. Но именно соотечественники обеспечили ему победу. Помогли и народные восстания в тылу войск Тушинского вора.

В марте 1610 года Михаил Васильевич Скопин-Шуйский триумфатором въехал в освобожденный им «Третий Рим». Общественные симпатии были на его стороне. Из Рязани вожак местного дворянства Прокопий Ляпунов, погубивший Болотникова своей изменой, ярый оппозиционер Василию Шуйскому, призвал Скопина на царство. Этот призыв поддерживало немало москвичей. Скоропостижная смерть этого молодого талантливого полководца

до сих пор окутана тайной.

Но можно вспомнить и его далеко не безупречное поведение во времена первого самозванца, у которого юный Скопин-Шуйский пребывал в любимцах и считался ближайшим другом, а потому был возведен в сан великого мечника. Однако в ночь государственного переворота после очередного приема во дворце «великий мечник» унес личное оружие царя, которого вскоре убили...

Вообще, родовитые бояре-олигархи вели себя в Смутное время – в большинстве своем – недостойно, преследуя почти исключительно личные или клановые интересы. Впрочем, не только бояре.

Поведение того же Прокопия Ляпунова в этом отношении очень показательно. Поддерживая Болотникова, он поставил Василия Шуйского на край пропасти. Однако в решающем бою переметнулся на сторону царя. Но и в этом лагере он оставался недолго – перешел к Лжедмитрию II. Из Тушина уехал в Рязань, где плел интриги против Шуйского. Ляпунов направил к князю Ивану Шуйскому гонца с уверениями в своей поддержке и с предложением поспешить. Это стало прологом свержения Василия Шуйского.

Группа бояр устроила что-то отдаленно напоминающее «переворот ГКЧП» 1991 года. Большинство бояр и воевод высказалось за низложение государя. Шуйского склоняли к отречению, суля за это богатое удельное княжество. Но Василий Иванович слишком долго и упорно поднимался к вершине власти, чтобы отказаться от нее. Тогда его принудили переселиться из дворца в свои родовые хоромы.

Этими неурядицами хотел воспользоваться Лжедмитрий II, потребовавший капитуляции Москвы и признания себя царем. Патриарх Гермоген обратился к народу с воззванием, моля вернуть на трон царя Василия. Начальник стрелецкого приказа Иван Шуйский пытался склонить на свою сторону дворцовых стрельцов. Казалось, дело заговорщиков проиграно...

Не тут-то было! Заговорщики 1610 года не были столь нерешительными и непоследовательными, как ГКЧПисты 1991-го. Они действовали продуманно, быстро и решительно. Собрав толпу москвичей и отряд стрельцов, они ворвались к Шуйскому, прихватив с собой некоего чернеца из кремлевского Чудова монастыря. Царь пытался сопротивляться, ибо монашеская схима означала для него политическую смерть. Мятежники крепко держали бившегося в их руках самодержца, один из заговорщиков читал за него обеты «Инока Варлаама», монах свершил обряд пострижения...

Филарет Романов мог теперь торжествовать победу над соперником, связанным с ним многими общими преступлениями. Через несколько лет Филарет Никитич Романов – патриарх Московский и всея Руси, мирской соправитель своего ничем не примечательного сына, царя Михаила Федоровича – будет торжественно встречать возвращенный на родину прах Василия Шуйского, умершего в польском плену. Демонстрация цинизма и лицемерия? Не только. Неглупый политик и государственный деятель Филарет понимал, как важно поддерживать авторитет и преемственность

власти (кстати сказать, этого не понимали ни Хрущев, ни Горбачев, ни Ельцин).

Олигархическое правление – Семибоярщина – было отмечено, как известно, прямым предательством национальных интересов России. Ведь родина для олигарха это его владения и капиталы.

Как только возникает опасность их потерять или как-либо ими поступиться, он готов идти на любое предательство (речь, конечно, не о всех поголовно, а о большинстве).

К чести тогдашней Русской православной церкви, она заняла патриотическую позицию и осталась, можно сказать, на стороне народа (чего, увы, нельзя сказать о тех церковных иерархах конца XX века, которые поддерживали Ельцина и возводили хулу на Советскую Россию, сея рознь среди поколений русских людей). В то же время патриарх Гермоген и его сторонники – патриоты старались не допустить народного восстания.

И вот, когда поляки обосновались в Москве, на шаткую и переменчивую сцену Смутного времени вновь вышел «переменчивый» Прокопий Ляпунов. Он стал создавать в Рязанской земле первое земское ополчение – на борьбу с интервентами.

Однако патриотические силы были расколоты. Многие «тушинцы» во главе с казачьим атаманом Иваном Заруцким были настроены против поляков, но сохраняли верность Лжедмитрию II. Его положение было сложным.

Значительная часть населения, особенно казаки, продолжала видеть в нем «доброе царя». Это была «третья сила», даже, пожалуй, «четвертая», если считать царя Василия Шуйского со шведским королем Густавом-Адольфом, лжецаря Дмитрия (Тушинского вора), польского короля Сигизмунда III и патриотическое земское ополчение (в ту пору еще наиболее слабое из этих «действующих лиц»).

Лжедмитрий II попытался выпросить помощи у Сигизмунда III, обещая ему 300 тысяч рублей золотом и «всю землю Ливонскую», часть которой принадлежала Швеции. Но польскому королю нужны были Смоленские земли и – в перспективе – царская корона. У Лжедмитрия оказалось слишком много врагов. Его решено было «убрать». 11 декабря 1610 года он выехал на санях за Калугу, где была его резиденция, с шутом, двумя слугами и охраной, начальник которой разрядил в него ружье, а затем отсек убитому голову.

Гибель Тушинского вора, так же как иностранная интервенция, оказалась событием, которое подвигло к объединению патриотические силы. Авангард первого ополчения под командованием князя Дмитрия Пожарского в марте 1611 года вошел в Москву, охваченную восстанием. По совету русских изменников, польский комендант столицы Гонсевский приказал поджечь город. Среди полыхавших пожаров завязались уличные бои. Нападение было отбито.

Когда подошли основные силы ополчения, Прокопий Ляпунов начал осаду Москвы. При всем своем политическом авантюризме, он оставался патриотом и сторонником перемен в обществе (в отличие от консервативно

настроенных Минина и Пожарского). Государство в перспективе представлялось ему управляемым самодержцем, опирающимся на дворянство, с устранением от власти боярской олигархии.

Прокопий Ляпунов был выдающимся дворянским деятелем той эпохи. В его метаниях отразилась судьба мелкого и среднего дворянства Смутного периода. Со временем на своем опыте

Ляпунов убедился, что в борьбе с Семибоярщиной и чужеземными завоевателями дворянство сможет победить, лишь опираясь на поддержку широких «низших» слоев населения. Но этого-то и боялись олигархии и интервенты. Летом 1611 года в казацкие таборы, составлявшие очень важную часть первого ополчения, попало письмо, в котором Ляпунов якобы призывал к массовому уничтожению казаков. Возмущенные казаки вызвали воеводу на круг и показали ему письмо. Ляпунов сказал: «Походит на мою руку, только я того не писал».

Страсти были так накалены, что один из казаков ударил Ляпунова саблей. Тот упал, обливаясь кровью. Сопровождавшие его несколько дворян бежали. Лишь один из них, Ржевский, остался.

Он не являлся сторонником Ляпунова, но был возмущен подлым самосудом и пытался остановить злодеев, крича, что земского воеводу убивают несправедливо, «за посмея!» Казаки изрубили и его и Ляпунова. Трупы несчастных валялись трое суток без погребения. Позже они были похоронены в Троице-Сергиевской лавре.

Долгое время причина этого события была окутана тайной. Но вот вышли в свет мемуары палача московского восстания Гонсевского, который признался, что по его приказу дьяки и подьячие семибоярцев подделали почерк Ляпунова в том провокационном письме. Доставил письмо в казачий табор некий Сидорка Заварзин.

Убийство Ляпунова произвело тягостное впечатление на русское общество. Положение страны казалось безысходным.

После героической обороны пал Смоленск. Из 80 тысяч его жителей осталась только десятая часть. Последние защитники города, не желая сдаваться, взорвали себя бочками пороха.

Шведы захватили Новгород.

В Пскове объявился самозванец Матюшка, ставший Лжедмитрием III. Он начал военные действия против земского ополчения.

В оккупированной Москве интервенты арестовали патриарха Гермогена и морили его голодом.

На что было надеяться, к кому взывать о спасении? Казалось, настала пора расчленения России...

Не правда ли, тогда ситуация была несравненно более тяжелой, чем в 1991 году, сравнивая лишь с декабрем 1941-го, когда фашисты вплотную подошли к Москве и оккупировали значительную часть Европейской России (СССР), где проживало около 40% (!) населения страны.

Тогда, в далеком XVII веке, родина была спасена русским народом,

руководимым Пожарским и Мининым-Сухоруком. В не очень далеком 1941-м советский народ выстоял под руководством Иосифа Сталина.

В 1991 году и позже можно было услышать (да и теперь говоря т): мол, не такое бы вало на Рус и, ничего, обойдется, поднимется держава, то бишь прогрессивная демократическая Россия... Нет, не поднялась – рухнула и была расчленена, опозорена и унижена перед всем светом олигархически-ельцинским руководством. Не оказалось в ней ни Мининых, ни Пожарских, ни, тем более, Сталиных. Не оказалось и того русского народа, который способен был выстоять в периоды смут и тяжелейших испытаний.

Впрочем, эту тему нам еще предстоит обсудить подробнее.

ЗАВЕРШЕНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

После раскола между земским ополчением и казаками, приведшего к убийству Ляпунова, большинство служилых людей разуверились в возможности противостоять интервентам и разошлись по домам. Под Москвой остались преимущественно казаки да те дворяне, которые раньше служили лжедмитриям. Фактически все они выступали сторонниками русского царя, тогда как в столице властвовали польские интервенты.

Казацкая вольница должна была чем-то кормиться, добывать провиант для себя и корм лошадям. Она стала обузой для населения, которому от нее не было никакого проку. Ведь изгнать поляков из Москвы казаки так и не смогли, а в Польше собиралась армия, которая должна была прийти на помощь осажденным. Дальнейшее промедление грозило обернуться полной победой интервентов. Тем более что войска Сигизмунда III взяли Смоленск, а «великие послы» Филарет и Голицын были арестованы.

«Осень 1611 года была безрадостной порой для московского общества, мучимого сознанием своего бессилия, – писал С.Ф. Платонов. – Русские люди ни на что не надеялись и молились только о том, чтобы Господь пощадил «останок рода христианского» и оградил миром «останок Российских царств и градов и весей»... Обе власти – польская в Москве и казачья под Москвой – были неприемлемы: первая представлялась вражеской и изменной, вторая – «воровской»... Страна пока не имела никаких вождей и правителей, которые бы так же уверенно, как в свое время Скопин и Ляпунов, увлекли за собой народную массу и стали бы во главе движения, дав ему направление и программу. Страстно желая спасения и возрождения, одни искали его в чудесах и видениях, звали к молитве и посту в надежде спастись нравственным обновлением и очищением.

Распространились сказания о чудесных явлениях и знамениях, в основе которых лежал именно призыв к покаянию».

Дошло до того, что казацкое правительство официально объявило, чтобы вся страна постилась три дня. При этом усердие постящихся доходило до того, что многие, особенно дети, теряли силы и умирали.

Подобные явления, так же как упования на молитвы и чудеса, безусловно свидетельствуют о «помрачении умов» от безысходности положения. Однако надо учесть, что в те времена христианская вера была глубоко укоренена в общественном сознании, способствуя объединению людей во имя высших идеалов. Такова была идеологическая основа общества, и даже нелепые суеверия способствовали ее укреплению.

Православная церковь в ту пору явилась едва ли не единственной скрепой, удерживающей общество от полного распада. У нее, конечно же, были на этот счет и свои собственные резоны: попади Россия под власть поляков – и хищное католичество рано или поздно установит свою власть над русскими душами, покончив с гегемонией православной церкви. Поэтому вся мощная и авторитетная церковная организация на Руси выступила за независимость страны, против иностранного владычества.

При этом, однако, выявились существенные разногласия. Патриарх Гермоген, находившийся в московском плену, призывал к освобождению, но только при условии, что будут отвергнуты претензии на престол со стороны сына Марины Мнишек, «проклятого Воренка», ставленника казаков. Эту задачу он считал первостепенной.

Другой была позиция Троице-Сергиевой лавры, где архимандритом был Дионисий. Они рассылали грамоты, в которых призывали к единению казаков и земцев против общего врага – ляхов и московских изменников. Правда, оставалось неясным, кто при этом должен пойти на уступки: казаки или земцы? Ведь ситуация могла повториться, как было при Ляпунове, и тогда освободительная война потерпела бы полный крах.

По-видимому, такие соображения заставили земцев принять сторону Гермогена. И этот выбор оказался верным.

К счастью для Руси, ее народ не только молился о спасении, уповая на чудо, но приступил к решительным действиям («на Бога надейся, да сам не плошай!»). В августе 1611 года горожане Нижнего Новгорода и Казани постановили совместными усилиями защищать Московское и Казанское княжества, прекратив раздоры, царя избрать на всеобщем Земском Соборе, а не по желанию казаков. Об этом решении оповестили города Северной Руси.

Тогда же был послан тайный гонец в Московский Кремль, к патриарху Гермогену, который благословил народ на защиту православной веры и призвал не считать законным царем «воровского сына» Марины Мнишек. В сентябре в Нижнем Новгороде по инициативе старосты посадской общины Кузьмы Минина-Сухорука начало формироваться народное ополчение. По словам Г.В. Вернадского: «Минин, зажиточный, но не богатый мясник и купец – одна из самых замечательных личностей России того периода. Честный, надежный, деятельный, изобретательный, он был исполнен гражданственности в самом истинном смысле этого слова. В такой сложной исторической ситуации он проявил себя поистине гениальным организатором.

Патриарх Гермоген

Кузьма Минин

В середине сентября Минин начал кампанию по сбору средств на содержание земской армии. Он побуждал всех добровольно жертвовать на дело, однако не полагался только на пожертвования. Он также убедил сельскую общину издать указ об обязательном сборе пятой деньги. Это фактически должно было стать сбором пятой части капитала каждого горожанина. Позже, с организацией нижегородского земского комитета, в котором будут участвовать священники, купцы и дворяне, сбор станут взимать и с монастырей, и с поместий».

Тревога Минина за судьбу Родины и стремление перейти к активным действиям передались нижегородцам. Общественное сознание было готово к восприятию клича «Отечество в опасности!»

...Вспоминается одно из собраний в Центральном доме литераторов, кажется, в начале 1991 года под тем же девизом:

«Отечество в опасности!» Один из авторов этой книги был сопредседателем на этом вечере. Выступали священник, предприниматель, представитель казачества. Публика была разношерстная, но по большей части так или иначе связанная с литературой, искусством, наукой. Некоторые из присутствовавших воспринимали ситуацию в стране всерьез и с тревогой. Но большинство сохраняло инертность или выказывало сочувствие курсу перестройки и радикальных реформ.

Что в то время могли дать подобные собрания, если по радио и телевидению в общественное сознание упорно внедрялись прямо противоположные идеи, призывы, лозунги? Горбачевско-яковлевская пропаганда, настроенная прозападно и проамерикански, расхваливала буржуазные ценности «открытого общества» и поносила тоталитаризм, сталинизм, а заодно и коммунистическую идею социальной справедливости и солидарности трудящихся. Идеологический базис общества подрывался последовательно и сосредоточенно, завершая победу Запада над Россией в холодной войне, когда на стороне противника оказались большинство партократов и влиятельной интеллигенции.

Ничего подобного, к счастью, не было в 1611 году. Народ ясно осознал, что олигархическая семибоярщина обернется распадом и порабощением родины. Нужна была твердая законная власть, именем которой в государстве будет наведен порядок, а границы его будут надежно защищены от интервентов. А добиваться этого следовало «всем миром». Только народная воля способна в такие моменты спасти отечество.

Командовать ополчением пригласили одного из наиболее прославленных воевод – князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Это был тоже верный выбор. Под знамя народного ополчения (на земские средства, конечно) стали стекаться ратники со всей Руси.

«Можно только удивляться, – писал С.Ф. Платонов, – той быстроте, с какой городское движение Нижнего перешло в областное, низовское, а затем и общеземское, охватившее всю северную половину государства. Начали его посадские мужики, поддержали провинциальные служилые люди; руководил

им князь высокой породы; провозгласило оно определенную национально-охранительную программу – все данные для того, чтобы к нему потянулись и примкнули все те слои населения, которые не желали Владислава с его ляхами и казаков с их Воренком. Движение объединяло земскую Русь и ставило ее против одолевавших врагов, внешних и внутренних одинаково». У атамана Заруцкого с его казацким войском устремления и мотивы действий были иными. Они желали быть привилегированными служащими при «своем» царе, пусть бы даже и сомнительного происхождения. Они попытались отрезать нижегородцев от северных русских земель, захватив Ярославль. Пожарский предугадал их планы. Он перебросил свое войско по Волге на север и, выбив отряды казаков из Ярославля, обосновался здесь. По прикидкам Г.В. Вернадского, под началом Пожарского находилось не менее 20 тысяч ратников из Поволжья и Северной Руси, около тысячи стрельцов и трех тысяч казаков, отряды сибирских, касимовских и некоторых других групп татар.

На несколько месяцев Ярославль стал не только резиденцией Пожарского, но и своеобразной столицей объединенной Земщины. Здесь был организован Совет «всея земли», взявший на себя функции законной власти. Народное войско Пожарского со временем стало хорошо оснащенной, обученной, спаянной армией, которая постоянно увеличивалась. С казаками Заруцкого и Трубецкого было как раз наоборот, тем более что к ним примкнуло немало всяческого сброда.

Тем временем надвигалась новая опасность: из Смоленска на Москву двинулось войско гетмана Хоткевича, чтобы укрепить Московский гарнизон и разгромить противников. Если бы Заруцкому (за спиной которого стояла Марина Мнишек с сыном) удалось договориться с Хоткевичем о союзе, они могли бы добиться хотя бы временного успеха. Однако у поляков были собственные интересы в Московии, и переговоры с ними не удались. Тогда Заруцкий с частью верных ему казаков отошел к Коломне, а оттуда с Мариной Мнишек и ее сыном отправился далее на юг в сторону Дона. Теперь путь к объединению двух русских армий был открыт. В середине августа земское ополчение под командованием Пожарского подошло к Москве и стало дожидаться поляков Хоткевича. В ожесточенном сражении, как известно, казаки поддержали ополченцев. Хоткевич был разбит и убрался восвояси. Однако между казаками и земскими по-прежнему не было согласия. К тому же казакам хотелось бы получить какие-то личные блага, привилегии, а Трубецкой как высокородный боярин претендовал на первенство в объединенном войске и общем правительстве.

Постепенно разногласия были улажены, и в октябре было заключено соглашение между Пожарским и Трубецким о том, что они «по челобитью и по приговору всех чинов людей стали во единачестве и укрепились, что им да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства доступать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости». Так был создан триумvirат: Трубецкой, Пожарский, Минин. Этот союз был

символичным, потому что демонстрировал объединение трех слоев общества.

Смутное время закончилось. Пожалуй, оно завершилось даже раньше – когда было организовано второе всерусское ополчение, которое вдобавок поддержала часть казаков. Гражданская война закончилась победой народа, а не олигархов, поддерживаемых иноземцами.

Нечто подобное произошло в России в результате Гражданской войны XX века, что явилось прологом к невиданно быстрому возрождению и усилению державы. Нечто противоположное этому произошло в конце XX века.

Смутное время XVII века было периодом, как мы теперь говорим, *комплексного кризиса общества* : социально-экономического, политического, духовно-идеологического. Сходная ситуация была в начале и конце XX века. Кризисы такого масштаба ставят вопрос не только о каких-либо изменениях, но и о самом существовании общества.

Подобная опасность для Руси-России угрожала всегда: сначала с юго-востока (Хазарский каганат), затем с востока (татаро-монгольская Орда), наконец, с запада (шведы, литовцы, поляки) и юго-запада (географически отдаленный, но идеологически агрессивно настроенный Ватикан). К счастью для Московского царства, в конце Средневековья его западные соседи, а также Ватикан были ослаблены бурными событиями Реформации и Контрреформации.

В конце Смутного времени на Московскую царскую корону претендовали короли Швеции и Польши. Но даже в союзе с боярами-олигархами иноземцы не смогли укорениться на Руси. Свое веское слово сказал народ, главным образом средние общественные слои.

Может показаться странным или даже нелепым, что на московский трон был возведен шестнадцатилетний Михаил Романов, не блещущий ни физическими, ни умственными достоинствами, весьма заурядный внучатый племянник первой (из многих) жены Ивана Грозного, который по малолетству, а может быть, и по немощи не принимал никакого участия в освободительной войне.

Как известно, выбор оказался непростым, мучительно долгим, связанным с избирательными «пиар-технологиями» того времени. Среди претендентов помимо шведского принца и польского королевича Владислава были и достойные люди из русских.

Королевич Владислав имел немало шансов победить. Тем более что крупный польский отряд, разбойничавший под Костромой, в районе вотчины Михаила, имел намерения убить только что избранного царя, который никак не мог собраться со средствами и обзавестись охраной для поездки на коронацию в Москву. Спас его деревенский староста Иван Сусанин, который завел вражеский отряд в болотистые дебри.

Некоторые историки оспаривают реальность Сусанина и его подвига. Но, во-первых, есть более или менее убедительные свидетельства, подтверждающие этот эпизод. Во-вторых, если даже это легенда, то весьма

показательная. Она демонстрирует отношение крестьянина к новому царю, который должен был символизировать приход старой династии (пусть даже наследник был не по прямой линии), а значит, стабильности и независимости. За это можно было пожертвовать жизнью.

Михаил Романов

Именно за это и шли на смертный бой ратники народного ополчения. Михаил Романов, узнав о том, что избран на царство, пришел в ужас, заплакал и стал отказать, ссылаясь на свое малолетство, неподготовленность для столь высокого поста и тяжелое положение страны. Однако и на этот раз выбор собора оказался более разумным и дальновидным, чем может показаться на первый взгляд. Хотя Михаил по слабости здоровья прожил сравнительно недолго, 49 лет, царствовал он все-таки немало: 32 года. Он отличался спокойствием, смиренностью, добротой, не был корыстолюбив и заносчив. Нельзя было назвать его и бесхарактерным. Он опроверг то мнение, которое высказано в веселой песенке: «Но что ни говори, жениться по любви не может ни один, ни один король!»

Когда овдовевшему (по-видимому, жена была отравлена) тридцатилетнему царю Михаилу предоставили для выбора невесты 60 наиболее знатных девиц государства, ему понравилась больше всех... одна из прислужниц, дочь небогатого можайского дворянина Евдокия Стрешнева. Выбор был ни с чем не сообразный (кроме веления сердца), унижавший достоинство

родовитых бояр. Умная и волевая мать Михаила – боярыня Ксения Ивановна, монахиня Марфа, – пыталась отговорить его, но он настоял на своем.

И все-таки личные качества Михаила играли второстепенную роль. Более того, его посредственность и молодость оказались как нельзя кстати. Это означало, что в государственных делах важная роль должна была принадлежать органу демократического правления – Земскому собору. Вот что пишет о нем историк Л.Е. Морозова:

«В полном составе Земской Собор состоял из четырех курий: Боярской думы, Освященного собора высшего духовенства, представителей от московского и городского служилого дворянства, выборных от посадского населения всех городов и иногда от чернососного крестьянства. В специальных грамотах, рассылаемых перед соборами, царь просил, чтобы выборные были людьми разумными и добрыми, могли толково рассказать об «обидах и насильствах» городской администрации и разорении от налогов. Это свидетельствовало о том, что царь хотел знать правду о состоянии своего государства и принимать меры по его улучшению.

Работа Земского собора обычно проходила в Золотой или Грановитой палате, но иногда и в Столовой избе. В особо важных случаях на первом заседании выступал сам царь. Иногда думный дьяк излагал вопросы, на которые участникам собора следовало ответить. Затем по куриям они обсуждались, и подавался коллективный ответ в письменном виде. Могли быть и устные выступления, если кто-либо имел свое мнение, отличное от коллективного. Все письменные ответы поступали в царскую канцелярию, где царь и его ближайшее окружение знакомились с ними. Принятие окончательного решения по каждому вопросу зависало от самого царя, но он выносил его, считаясь с мнением большинства соборных заседателей».

Ксения Романова – старица Марфа

В Смутное время Земской собор, существовавший с середины XVI века, оказался наиболее важным государственным органом: при нескольких претендентах на царский трон и фактическом безвластии именно он стал ведущей организующей и направляющей силой, благодаря которой Русь была спасена. Собор выбрал царя, а не наоборот. И правил Михаил хотя и под патронажем своего отца, патриарха Филарета, но при активном участии Земского собора.

Правда, это учреждение прекратило свое существование к началу XVIII века. И для этого были серьезные объективные причины. Они обычно то ли забываются, то ли не осмысливаются теми, кто постоянно сетует на «рабскую душу» русского народа, восточную деспотию, характерную для России, и дурные дороги. А причины прежде всего в том, что отличает нашу страну от других европейских государств: огромнейшая территория, преобладание сурового климата, соседство с агрессивными воинственными соседями на Западе. Конечно, на состоянии дорог последнее обстоятельство не сказывается, но и первых двух достаточно.

Сошлемся в этой связи и на мнение Л.Е. Морозовой: «Особенности российской государственности связаны с тем, что страна в течение веков была вынуждена не только вести войны с враждебными соседями, но и

осваивать новые территории и держать в подчинении большие географические пространства. Все это требовало жесткой централизации и единовластия, которое обеспечивала монархическая форма правления». Добавим, что при этом неизбежен и хорошо налаженный многочисленный аппарат чиновников, бюрократия.

Итак, еще раз по второму раз, что, на наш взгляд, завершением Смутного времени следует считать осень 1611 года, когда весь народ поднялся на защиту Отечества. Брожение умов – главнейший признак кризисного состояния общества – прекратилось.

ИТОГИ БОЛЬШОЙ СМУТЫ

Финал этого периода достаточно точно охарактеризовал С.Ф. Платонов:

«Нижегородскими вождями социальная борьба была ликвидирована. После поражения и разгрома боярского правительства 1610 года, после распада ляпуновского дворянского правительства 1611 года дело дошло до «последних людей» (как выразился один современник), и почин этих последних московских людей, посадских тяглецов Нижнего Новгорода привел к решительному успеху. По очереди, в порядке сословной иерархии, брались за дело государственного восстановления разные классы московского общества, и победа досталась слабейшему из них. Боярство, богатое правительственным опытом, гордое «породою» и «кипящее» богатством, пало от неосторожного союза с иноверным врагом, в соединении с которым оно искало выхода из домашней смуты...»

Прервем цитату. Вновь вспоминается ситуация в СССР времен правления Горбачева и Ельцина. Тогда быстро стало ясно, что взят курс на соединение олигархического капитала и олигархической власти в СССР-России с иностранными и причем постоянно враждебными нашей стране силами. Это вело к предательству интересов содружества социалистических государств, а затем и нашей страны.

Прикрывалось это фальшивыми лозунгами борьбы с тоталитаризмом и за права человека. Но вскоре выяснилось, что насаждается жесточайший экономический тоталитаризм и обеспечивается свобода для наихудших категорий населения при бесправии трудящихся и уничтожения под предлогом борьбы с милитаризмом и нерентабельными производствами наиболее наукоемких, экономически выгодных, хорошо развитых отраслей. Для того чтобы не замечать и не понимать всего этого, надо было обманывать прежде всего самих себя, в надежде получить какую-то долю материальных благ с барского стола, пусть бы даже принадлежащего теперь иностранным хозяевам. Стало вдруг принято обращение не «товарищи», а

«господа». Только вот ни безработный, ни бомж, ни мелкий бесправный служащий, ни скудно оплачиваемый пролетарий физического или умственного труда в эту категорию никак не вписывались. А вписались в нее те, кто говорили на блатном жаргоне.

Вновь приходится с горестным чувством повторять, что в конце XX века в России народ оказался морально, интеллектуально, духовно на значительно более низком уровне, чем в начале XVII столетия. Ведь духовный и даже умственный уровень измеряется не числом аттестатов и дипломов, кандидатов и докторов, академиков и народных артистов на душу населения, а теми поступками, той великой интуицией, которая позволяет народу сохранять свою независимость, культуру, чувство собственного достоинства, готовность к великим свершениям...

Впрочем, вернемся в XVII век и продолжим прерванную цитату: «Служилый землевладельческий класс, несмотря на то, что владел воинской организацией, потерпел неожиданное поражение от домашнего врага, в союзе с которым желал свергнуть иноземное иго. Нижегородские посадские люди в начале своего дела были сильны только горьким политическим опытом и научились на чужих примерах бояться неверных союзников больше, чем открытых врагов... Это была общественная середина, которая не увлекалась ни реакционными планами «княженецкого» боярства, ни тем исканием общественного переворота, которое возбуждало крепостную массу крестьян и холопей».

Если снова перекинуть мысленный мостик в конец XX века, то нельзя не отметить, что именно средний класс составлял подавляющее большинство советского общества. В отличие от капиталистических стран, здесь не было ни чрезмерно богатых, ни безнадежно бедных. Разница между самыми богатыми и наименее обеспеченными составляла небольшую величину, примерно как в Швеции, при среднем уровне доходов, отвечающем среднеевропейскому. Хотя в нашей стране природные условия значительно более суровые, чем в США или Западной Европе, географическое пространство более обширное и удовлетворять жизненные потребности населения труднее, чем на Западе. Тем более что наша страна в XX веке пережила две разрушительные войны с внешними врагами и одну гражданскую.

Как показывает опыт Смутного времени, позиция «среднего класса» в критический период становится решающей (ведь тогда даже бунтовавшие крестьяне были, по верному определению И.В. Сталина, «царистами», то есть предполагали установление царской власти, или стихийными анархистами).

И эта социальная группа продемонстрировала патриотизм, мужество, политическую зрелость, ясный рассудок. Можно ли то же сказать о среднем, а уж тем более правящем социальном слое СССР-России конца XX века? Нельзя.

Если надо тут что-либо доказывать, сошлемся хотя бы на то, что в

результате горбачевской «перестройки» и ельцинских «радикальных реформ» был почти полностью уничтожен именно средний класс. Теперь под ним подразумевается незначительная (около 20%) категория, в которую входят преимущественно те группы, которые обслуживают имущих власть и капиталы. Это менее всего похоже на дворянство или «трудовую интеллигенцию», а скорее в большинстве своем – на холопов при олигархах или крупном начальстве...

Стрельцы

«В смуте окончательно погибла вековая московская знать, недобитая Грозным, – писал Платонов. – Озлобленные его гонениями «княжата» все-таки пережили Грозного и видели конец его династии... Новое правительство образовалось без них в Ярославле; новая династия была создана без них в Москве».

В смуте конца XX века борьба за власть шла между двумя группами партократов: новыми, жаждущими буржуазного рая как вполне достижимого (для себя) идеала, и старыми, старавшимися сохранить прежние общественные устои, коммунистические идеалы. Победили «новые». Не только потому, что за них были тайные и явные олигархи, а также ведущие страны Запада. Преобразилось большинство представителей среднего класса, прежде всего многие идеологические работники и деятели культуры,

а также значительная часть обуржуазившихся служащих и рабочих, научных работников, инженеров.

Все эти люди – не менее трети населения – разительно отличаются от тех «старых русских», которые вышли победителями из самых страшных испытаний, необыкновенно быстро преодолели большую Смуту начала XVII века, победили в двух отечественных войнах. К концу XX века средний класс в СССР в значительной мере выродился, морально и интеллектуально ослаб, утратив самостоятельность мышления и высокие идеалы (попытка компенсировать их стояниями в церквях со свечками стало отвратительным лицедейством).

«Смута не изменила общественного строя Москвы, – продолжим цитировать Платонова, – но она переместила в нем центр тяжести с боярства на дворянство. Произошла смена господствующего класса, и новый господствующий класс сохранил на будущее время за собой и право на крестьянский и холопий труд, и право на придворную и служебную карьеру». В конце XX века фактически господствовавший в СССР средний класс добровольно передал власть олигархам и их прислужникам, представителям местного и чужеземного капитала, криминально-экономическим кланам. И если в XVII веке это привело в конце концов к закреплению крестьян, то теперь экономическое закрепление охватило практически всех трудящихся. Давняя победа дворянства стала торжеством нового эксплуататорского (в марксистской терминологии) класса. Но при этом он осуществлял и важные государственные функции как в мирное, так и в военное время.

Победа олигархов и вороватых чиновников-казнокрадов в СССР-России стала торжеством не только антинародности, но и антигосударственности. По-видимому, многие оголтелые низовые «демократы» не понимали, что они свергают «коммунистическую диктатуру» под лозунгом: «Свободу эксплуататорам!» Они почему-то решили, что эксплуататоры будут грабить кого-то другого, но только не их, и будут радостно делиться этим награбленным со своими обездоленными ближними.

Надо иметь в виду, что Смута начала XVII века действительно сильно смутила умы людей, привыкших к верховной царской власти и видевших в ней промысел Божий. «Но потрясающие события смуты, – писал Платонов, – и необходимость строить дом без «хозяина» (т. е. царя. – *Авт.*) заставили московские умы прозреть и понять, что страна без государя все же есть государство, что «рабы» суть граждане и что на них самих лежит обязанность строить и блюсти свое общежитие. Возникли системы местного самоуправления.

Московские щеголи XVII столетия

«На той же самой основе, – продолжал Платонов, – возник и выборный «Совет всея земли» – в тот момент, когда советные люди из городов соединились впервые в общеземском со боре и ста ли считать себя выше й властью в государс тве...

Рядом со старым понятием «царя государя и великого князя всея Руси» стало новое представление о «всей земле», олицетворяемой ее выборными... Старинный вотчинно-государственный быт уступал место новому, более высокому и сложному, – государственно-национальному». Поначалу избранный царь и собор были едины в своей заботе о сохранении и усилении государства. «Всякое «великое государево и земское дело» делалось тогда «по указу великого государя и по всей земли приговору». При этом государев указ охотно опирался на земской приговор». И вновь приходится признать, что в конце XX века в России произошло нечто прямо противоположное. Избранный президент пошел наперекор Верховному совету, выполняя волю олигархов и зарубежных сил. Он не остановился ни перед чем в стремлении сохранить свое господство, расстрелял Верховный совет и его защитников. Это чудовищное преступление совершалось на глазах сотен миллионов людей во всем мире. Под личиной «борца с привилегиями» и радетеля «свободы личности» в Кремль пролез человек с низким интеллектуальным и нравственным уровнем, не гнушающийся предательства и обмана, худший представитель партократии. Его отвратительные качества стали проявляться сразу же, как только он достиг «высшей власти» путем предательства интересов Великой

России (СССР) и русского народа.

Но дело даже не в том, каков тот или иной лидер сам по себе (подлецов и предателей немало у каждого народа), а в том, каково состояние общества, каково самосознание народа, который не отверг с презрением такого лидера и его приспешников, а охотно смирился с их безраздельным и разорительным хозяйничанием в стране.

Совсем иначе обстояли дела после Смуты начала XVII столетия. «В 1613 г. позиции боярства все еще были не блестящи, – писал Г.В. Вернадский, – а противоречия между разнородными элементами боярства оставались острыми. Поэтому неудивительно, что самым влиятельным человеком в Думе был не аристократ, а думный дворянин, Кузьма Минин... Вне всякого сомнения, что Минин продолжал действовать в тесном контакте с Пожарским...

Примечательно, что поляки, прекрасно осведомленные о московских делах, называли Минина «казначеем и главным управителем» Московии, добавляя, что немало людей его социального статуса занимали основные позиции в административных ведомствах. Поляки даже насмеялись над боярами, утверждая, что в Москве «посадские, поповичи и простые мясники» допущены управлять государством и земскими делами и даже руководить внешней политикой».

Как видим, на Руси в результате Смуты произошло нечто невиданное по тем временам: государством правили не олигархи-бояре, окружающие царя, а руководили возникшие элементы народовластия, и общая беда заставила сплотиться патриотические силы вокруг избранного государя.

Прежде в трудные времена русский народ демонстрировал свою сплоченность, твердую волю, мудрость и духовную мощь. В конце XX века он оказался разобщенным, слабозвольным, интеллектуально немощным, духовно опустошенным. В этом, как нам представляется, главный фактор краха СССР и последующей деградации России. Все остальные факторы – а их немало – отступают на второй план. Ибо без негласного соучастия значительной части населения невозможно было произвести тот колоссальный переворот, который привел в изумление весь мир.

Как пишет американский буржуазный журналист (русского происхождения) Павел Хлебников: «Превращение России из мировой сверхдержавы в нищую страну – одно из самых любопытных событий в истории человечества. Это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. По темпам и масштабу этот крах не имеет в мировой истории прецедента».

клеветой на советский народ, совершавший поистине подвиги в труде и сражениях на благо Родины, отстаивавший независимость Отчизны в боях с иностранными интервентами и в Первую мировую, и в Гражданскую, и в Великую Отечественную войну. Так что если и надо каяться, то нынешним предателям Родины и тем, кто поддержал и благословлял их. Если мы не найдем в себе силы признать чудовищные преступления этих деятелей перед Россией, ее народом и культурой, то ни о каком возрождении страны не может быть и речи ни вскоре, ни во веки веков...

Надо знать ПРАВДУ о себе и своем окружении, о стране и природе. Путь лжи привел нас к краху.

ПРИОРИТЕТ ДУХОВНОСТИ

Дилемма о приоритете бытия или сознания решается, по нашему мнению, просто: они взаимосвязаны и взаимозависимы. Хотя в конкретных ситуациях определяющим может стать либо то, либо другое.

Например, в Смутное время выход из кризиса обеспечил в первую очередь духовный фактор, подъем национального самосознания. Во всем остальном ситуация была если не безнадежной, то критической. И долго еще сказывались негативные последствия Смуты.

Во внешней политике России надолго осталось главное направление – насущная необходимость вернуть утраченный выход к Балтийскому морю. Южное направление – прочные позиции на берегах Черного моря – сделалось второстепенным. Контакты с Западом, пускай даже главным образом военные, показали необходимость сотрудничества с наиболее развитыми странами прежде всего в техническом и культурном отношении. Экономическое положение страны тоже было тяжелым. Помимо всего прочего сказывались последствия войн и междоусобиц. Но несмотря на это, духовно народ не был сломлен. Вот что писал в конце 1614 года из Новгорода шведский генерал Горн королю Густаву-Адольфу: «Новгородцы так ценят свою независимость, так воодушевлены идеей иметь собственного русского царя, что готовы пожертвовать ради этого своей жизнью... Кроме того, в Новгороде сейчас такая нищета, что некоторые люди действительно не могут ничего платить (имеются в виду налоги. – *Авт.*). После жатвы они немедленно сожгли всю солому, чтобы лишить шведов корма для лошадей. Сено достать невозможно. Через два месяца погибнут наши последние лошади. Многие люди тоже умирают. Крестьяне так бедны, что не в состоянии засеять свои поля».

Это свидетельство помогает понять, какая часть населения оказалась наиболее пострадавшей в период и после Смуты: подавляющее большинство простых крестьян. Об этом упомянул и С.Ф. Платонов: «Насколько успела общественная середина, настолько проиграли

общественные низы, действовавшие в смуту под именами казаков и воров. Им удалось тремя ударами (1606, 1608, 1611 годов) расшатать и опрокинуть государственный «боярский» порядок... Но они не принесли с собой, взамен нарушенного ими строя жизни, ничего нового ни в идее, ни в практической форме. Они были силой разрушительной, но отнюдь не созидательной...» Тут хотелось бы оспорить мнение видного историка. Во-первых, на стороне лжецарей («воров») были не только общественные низы. Во-вторых, сам факт низвержения «боярского порядка» уже является не только разрушительным, но и созидательным, позволившим укрепить позиции «среднего класса». В-третьих, ни казаки, ни крестьяне даже не помышляли о каком-то самоуправлении, установлении демократического порядка. Они желали «доброто», можно сказать, народного царя. И это было в конце концов осуществлено. Как известно, кандидатуру Михаила Романова активно поддерживали именно казаки.

Однако победа и укрепление позиций «среднего класса», дворянства, привела не только к усилению государственных структур, но и к порабощению крестьян, которые были закрепощены по Соборному уложению 1649 года.

По мнению некоторых историков, у России была в ту пору альтернатива абсолютизму и крепостничеству. Во многих городах, особенно северных, уже начали развиваться элементы предкапиталистических отношений. Однако Россия не ступила на западный буржуазный путь развития. Более того, со времен Смуты отношения России с Западной Европой складывались трудно. И это неудивительно, если учесть шведскую и польскую интервенции, захват русских земель. А негативное отношение к России со стороны Запада уже стало входить в традицию.

Медленное социально-экономическое развитие России по сравнению с некоторыми странами Западной Европы объясняется, по-видимому, не столько своеобразием населения, сколько географическим положением, природными условиями и быстрым расширением «встречь Солнцу», на восток. Много сил уходило на освоение новых обширных неведомых земель. Смутное время при всех его негативных последствиях было кризисом роста. В горниле бедствий и страданий исчезли пережитки удельной обособленности многих земель Руси. Сформировалось общественное сознание как проявление духовного единства народов, населяющих страну. Отстаивание религиозной и государственной независимости укрепило национальное единство и патриотизм. Русский народ приобрел ценный опыт самоорганизации в период безвластия и иностранной интервенции. Во второй половине XVII века русский мыслитель (хорват по национальности) Юрий Крижанич справедливо отметил, что «мудрость переходит от народа к народу», подчеркнув: «Теперь пришло время для нашего народа учиться. Бог возвысил на Руси такое славянское государство, какого подобия не было в нашем народе в прежних веках; а мы видим у других народов: когда государство возрастает до высокой степени величия,

тогда и науки начинают процветать в народе».

Правда, до процветания наук на Руси дело еще не дошло, но это время было не за горами.

К сожалению, укреплялась российская государственность в немалой степени за счет закрепощения и жестокой эксплуатации крестьян. О том, что это были люди, умевшие постоять за себя, свидетельствует череда крестьянских бунтов и восстаний, из которых наиболее ярким было движение под руководством Степана Тимофеевича Разина. Хотя был Разин из вольных казаков, причем не из бедных. На протяжении почти всей своей жизни он и не помышлял устраивать великий бунт. Став народным вождем, он, по-видимому, искренне провозглашал свою верность царю.

«Народные восстания конца 40 – начала 60-х годов, – писал историк В.И. Буганов, – свидетельствовали о резком обострении классовых противоречий в обстановке увеличения налогового бремени, тягот военных лет, насилий правящих кругов, усиления гнета феодалов по всей стране, крайне неудачных экспериментов правительственных финансистов с солью и медными деньгами. Ко всему этому прибавился еще один, и притом кардинальный момент – введение в действие нового кодекса законов – Соборного уложения 1649 года. Он обозначил... окончательное закрепощение больших масс зависимых людей. После принятия закона началась жестокая политика беглых. Все это накаляло и без того напряженное положение в государстве».

В такой взрывоопасной среде достаточно было появиться незаурядному атаману, удачливому разбойнику-герою, чтобы привлечь к «вольной жизни» немалые массы народа и вызвать крестьянские бунты. На Дону в ту пору скопилось избыточно много бедноты и голытьбы, тогда как и местным казакам приходилось несладко. Вот и подался Разин с товарищами в разбойники. Как писал в Москву царицынский воевода, Разин сказал ему: «В войске им пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалования присылают им скудно, и мы пошли на Волгу-реку покормитца». После пиратских набегов на Каспии и Волге он вновь вернулся в Царицын и в 1670 году стал действовать «против бояр». Теперь в его рядах были не только вольные казаки, но и батраки, холопы, беглые крестьяне. Они захватили Царицын, а затем и Астрахань, где им помогла городская голытьба. Степан Тимофеевич стал заложником своей популярности. О нем слагали небылицы: будто он заговорен или колдун, так что пули его не берут. Народ воспринимал его как героя, борющегося за справедливость, против мироедов, богатеев, притеснителей.

Тогда царская власть воспринималась как единственно законная, дарованная свыше, установленная самим Господом. В народе порядок и справедливость были связаны – в плане социально-экономическом – с существующим государственным устройством. И такая позиция была объективно оправдана. Ведь данное общество сложилось в соответствии с данной природной обстановкой и ее изменениями человеком; в результате естественного

исторического процесса.

Подлинная смута сопряжена и определяется не столько межклассовыми или внутриклассовыми противоречиями (они существуют практически постоянно), а прежде всего с нарушением самой структуры общества, воцарением хаоса в общественном сознании. А уже дальше все зависит от того, как это самое сознание преодолеет интеллектуальную или духовную смуту. Если это удастся – это явится кризисом роста, а если нет – кризисом деградации.

ПРИЧИНЫ ЯВНЫЕ И ТАЙНЫЕ

Обстоятельно проследив зарождение и ход Смуты, В.О. Ключевский сделал вывод: «Смута была вызвана... случайным пресечением династии... У нас в конце XVI века такое событие повело к борьбе политической и социальной, сначала – к политической – за образ правления, потом к социальной – к усобице общественных классов».

Надо сразу сказать, что династическая причина – самая сомнительная. Ведь кризисы были характерны в тот же период практически для всех крупных европейских стран. Одно это показывает, что к Смуте вели мощные общественные течения – и политико-экономические, и духовно-интеллектуальные.

Не случайно «смута в умах» произошла вскоре после целой серии великих географических открытий, словно разорвавших интеллектуальную ограниченность того мироздания, образ которого сложился в Средние века. А свободомыслие, лишенное организующего начала, вызывает стихийное брожение умов.

Происходили и естественные перестройки социальных слоев: увеличивался «средний класс», набирали общественный вес купцы-торговцы, зажиточное посадское население. Цепко пытались держаться за власть местные господа-олигархи (князья, бояре).

По словам Ключевского: «Каждый класс искал своего царя или ставил своего кандидата на панство; эти цари и кандидаты были только знаменами, под которыми шли друг на друга разные политические стремления, а потом разные классы русского общества. Смута началась аристократическими происками больного боярства, восставшего против неограниченной власти новых царей».

Вряд ли все-таки правомерно говорить о кандидатах на царство от разных классов. Мечта о «крестьянском царе» не означала, будто в те времена низшие общественные слои желали иметь руководителем государства своего пр е д с т а в и т е л я. Н а р о д х о т е л «законного царя», имеющего право на владение державой.

Но такая законность вовсе не обязательно была связана с правящей династией. Это до казал, к примеру, избранный на царство Романов. Не его же ничем не приметная личность убедила русское общество, что именно этот

род имеет законные права на трон! Тем не менее его кандидатура и последующее правление прошли без социальных потрясений. Одно уже это показывает, что угасание предыдущей династии не могло дать толчок Смуте.

Царь Михаил Федорович. Рис. 1672 г.

Нам представляется, что главная проблема того времени в нашем отечестве была примерно та же, что и в 80-е годы XX века: сохранится ли и будет набирать мощь единое государство Российское, или власть в нем захватят бояре-олигархи, которые расчленят его на части (пусть даже формально под общим названием и с формальным правителем) и будут господствовать в них. Царем олигархи готовы были признать иноземца (например, сына польского короля), лишь бы были ограничены его притязания на их господство в своих вотчинах.

В XVII веке народ – никак не претендуя на власть – выступил за единство страны (уже тогда – многонациональной), за крепкую государственную власть царя-самодержца, за усмирение и подавление бояр-олигархов, многие из которых готовы были предавать государственные интересы ради личных выгод.

В конце XX века «новый» русский народ, даже высказавшись на всесоюзном референдуме против развала державы, не сверг тех, кто ее расчленил, а напротив, оказал им поддержку под лозунгом: «Лишь бы не коммунисты, лишь бы не социализм». У слишком многих сохранялась надежда на

мифические личные выгоды от ваучеризации и банковских операций, хотя бы и на руинах реальной экономики. Суть ее коротко и ясно определил Пушкин, по словам которого Евгений Онегин:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой* продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Удивительным образом многие люди, считающие себя неглупыми и даже интеллигентными, поверили бредовым утверждениям о том, что не нужен никакой простой продукт труда, а надо отдать немногим олигархам все национальные богатства, и они, предварительно обогатившись сами, щедро поделятся своими несметными богатствами с гражданами, которые все сразу чудесным превращением станут зажиточными буржуа по типу тех, кого демонстрируют голливудские (не из лучших, правда) и прочие «фабрики грёз».

Так вот, в XVII веке дворяне и крестьяне не поддались на лживые посулы, не предали национальные общегосударственные интересы в надежде получить от этого выгоду. Они понимали, что останутся в проигрыше, взвалив на свои плечи дополнительное ярмо, налоги, обязанности. У них была, скажем так, «интуиция государственников». Они сознавали или чувствовали инстинктивно, что слабое государство на огромных российских просторах не сможет существовать; что бедное государство – значит, бедное большинство граждан.

Правда, на этот счет у В.О. Ключевского было иное мнение: «За столичными дворянами поднялось рядовое провинциальное дворянство, пожелавшее быть властителем страны; оно увлекало за собой неслужилые земские классы, поднявшиеся против всякого государственного порядка, во имя личных льгот, т. е. во имя анархии».

Тут, нам кажется, уважаемый историк оказался во власти современной ему политической ситуации и явно исказил суть анархии. Она предполагает не личные льготы, а права личности на свободу (хотя это тоже можно считать льготой). За такие права – в пределах возможностей той эпохи – сражались закрепощаемые крестьяне, городская голытьба. Но даже вольные казаки соединяли свои анархические убеждения с идеей сильного и справедливого царя.

Более убедительно выглядит мысль Ключевского о притязаниях столичного

дворянства, «вооружившегося против олигархических замыслов первостатейной знати». И тоже это было связано с идеей самодержца, который предоставит больше прав (и личных льгот, между прочим) дворянству, в данном случае столичному.

«Но общество не распалось, – продолжал Ключевский, – расшатался лишь государственный порядок. Когда надломились политические скрепы общественного порядка, оставались еще крепкие связи национальные и религиозные: они и спасли общество. Казацкие и польские отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими население, заставили, наконец, враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и просто гражданской безопасности...»

Да чем же эта самая безопасность может быть гарантирована? Если не государством, то каким-либо анархическим устройством, о котором в ту пору никто и не помышлял. Да и в наши времена коммунистическая анархия представляется или непроглядным будущим, или несбытливой мечтой (хотя, как известно, на то и существуют идеалы, чтобы к ним стремились). Возможно, Ключевский для себя считал идеалом какое-то демократическое устройство, но все равно оно было бы государственным. А в России того времени речь могла идти о монархическом государственном устройстве, но только либо олигархического, либо анархического, либо дворянского типа. Против первого варианта было абсолютное большинство, поэтому он не смог установиться надолго. За второй вариант было большинство, но неорганизованное, отдаленное от власти. Поэтому, как можно предположить, победил в конце концов третий вариант.

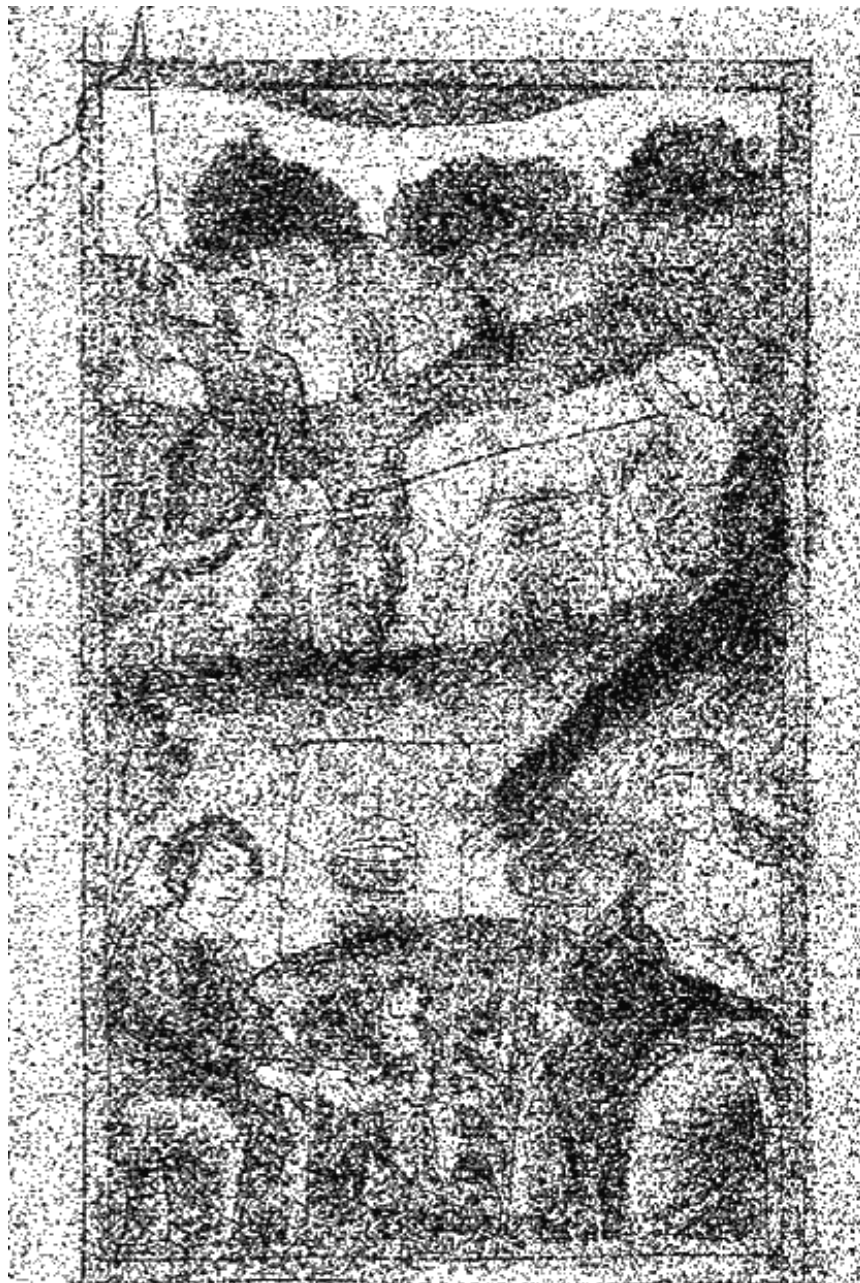
Общие устремления большинства были обращены к установлению сильной монархической государственной власти. Повторим, что для России с ее особенным и непростым геополитическим положением для самосохранения (тем более, при враждебном или хищническом окружении) необходимо сильное государство. Это благодаря инстинкту поняли духовно здоровые русские в XVII веке и не смогли осмыслить или почувствовать «новые» русские – не только богатые, но и «средние» – последних десятилетий века XX.

Можно возразить: но почему же тогда не удержался на троне мнимый Дмитрий? Ведь он после венчания на царство именовал себя – и требовал именоваться – императором: «Мы, непобедимейший монарх Божьей милостью император, и великий князь всея Руси, и царь-самодержец...» Он предоставил льготы холопам и старался угождать дворянам; был пущен слух, будто крестьяне вновь обретут Юрьев день как гарантию определенной свободы.

Однако в действительности той власти, на которую он претендовал, Лжедмитрий не имел. «Поначале бояре не смели открыто перечить самодержцу, – отмечал Р.Г. Скрынников. – Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться

с ним. Отрепьев привык лгать... Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал»... Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества московского государя... На самом деле боярская дума удерживала в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю».

Иначе говоря, правление было монархо-олигархическим. И хотя самозванный Дмитрий способствовал укреплению в народе благостного и сурового образа правителя, в действительности он таковым не являлся. Отчасти по этой причине, отчасти по причине могущества и авторитета бояр он был свергнут в результате дворцового переворота. Однако в народе сохранился его мифологизированный образ, что определило появление его самозванного «двойника» и продолжение Смуты. «Едва на трон взошел Василий Шуйский, – пишет Скрынников, – по всей стране распространилась весть о том, что «лихие» бояре пытались убить «доброего государя», но тот вторично спасся и ждет помощи от своего народа. Массовые восстания на южной окраине государства положили начало новому этапу гражданской войны...» По мнению В.А. Малинина: «Вставал один из вечных вопросов русской общественной жизни: кто виноват? Большая часть народа считала, что верхи, бояре «толстобрюхие». Так оно и было. Те, кто носил шапку Мономаха или примеривал ее к своей честолюбивой голове, столь же мало пеклись о действительных нуждах и потребностях народа, как и те, кто владел обширными угодьями и непомерной собственностью... Клубок социальных противоречий, завязанных в один узел неразумной политикой верхов, прежде всего в отношении крестьянства и казачества, не был разрешен, средства решения не были найдены, а иноземное вмешательство лишь усугубляло явления затяжного кризиса».

Пахота. Книжная миниатюра XVII в.

Классовый анализ событий здесь проведен достаточно убедительно. Однако надо учесть, что никакого решения крестьянского вопроса в пользу «низов» не было и впредь. Продолжилось закабаление крестьян. И то, что они знали,

кто виноват, ничему не мешало. Оставались лишь иллюзорные надежды на доброго царя. Если кто и выгадал, то прежде всего дворянство. Этот социальный слой продолжал увеличиваться и укрепляться, «выравнивая» контуры социальной общественной пирамиды и делая тем самым более устойчивой всю государственную структуру.

Парадоксальной оказалась роль открытой иностранной интервенции. Вдруг отчетливо определился общий (если не считать части боярства и дворянства) внешний враг. Он посягнул на независимость страны и сохранение ее традиций, прежде всего – православной веры.

Иноземное вмешательство не только усугубило кризис, но и содействовало окончанию Смутного времени. В сознании народа произошло «просветление», ибо стало ясно, что внутренние неурядицы грозят привести к последствиям катастрофическим не только для отдельных групп, но и для всей страны, ее народа и культуры. Общий враг сплотил на некоторый срок практически все общество. Гражданская война перешла в освободительную. Эта метаморфоза и стала одним из определяющих факторов прекращения Смуты.

Вновь вернемся к событиям современным, происходившим сравнительно недавно. Идеологической смутой в СССР, которая была успешно организована в период долгой информационной войны, тотчас воспользовались враги мощной сверхдержавы, прежде всего лишив ее внешнего дружественного окружения. Затем последовали удары на национальных фронтах в Прибалтике, на Украине и Кавказе. Показательно уже само название «национальный фронт», которое использовали националисты, имевшие поддержку извне.

Значительная часть населения не осознала, что речь идет о развале единой державы – СССР, а вовсе не о борьбе за национальную независимость. У любого эстонца, латыша, украинца, грузина была своя страна, раскинувшаяся поистине на полсвета. Они были полноправными гражданами этой великой державы, а не угнетенными «нацменьшинствами». Никакой «империи» не существовало. Не бывает империй, в которых жители метрополии, в данном случае русские, имели бы не больше прав и жили бы не богаче, чем представители других народов.

Достаточно вспомнить Римскую или Британскую империи, где метрополии буквально высасывали последние соки из покоренных стран и народов, порой самым безжалостным образом уничтожая коренное население. В СССР прибалты, украинцы, грузины жили в целом богаче и пользовались большими благами, чем русские. Будь они очень толковыми в труде, управлении, изобретательстве или науках, они бы резко пошли вверх в результате обретения «независимости». Все произошло как раз наоборот. Даже богатейшие по своим природным ресурсам республики – Украина и Грузия оказались в безнадежном упадке и не рухнули окончательно до сих пор только благодаря энергетической подпитке из России да возможностям обедневшего населения этих государств подрабатывать именно в России.

Русский народ в СССР не был имперским ни в каком смысле, так что об «империи СССР» не может быть и речи. Этот штамп – продукт грязных идеологических технологий.

Почему же народ не опомнился в первые же годы этого смутного времени конца XX века? Прежде всего потому, что иностранная интервенция была не явной, а тайной – идеологической и экономической. Но разве уж так трудно было это понять? Разве не ясно было, в чьих интересах проводились горбачевская «перестройка» и ельцинские «реформы»? Об этом немало писали в оппозиционных изданиях. Большого эффекта это не произвело, потому что значительная часть населения (не менее трети) соглашалась передать власть в стране и национальные богатства в руки олигархам и иностранцам, в надежде получить богатый куш за, прямо скажем, распродажу Родины.

Изменилась не просто национальная политика. Изменилась та часть населения, которая имела возможность активно влиять на судьбу страны. Это вырождение определило особенности Смуты конца XX века. В старые времена за сохранение независимости страны выступили практически все слои населения, и конечно же мужчины. В новые времена вершителями судеб явились представители номенклатуры, служащих, интеллигенции (прежде всего работники средств массовой информации), а среди избирателей преобладали женщины (они, как известно, наиболее внушаемы, эмоциональны, поддаются агитации и пропаганде, склонны к самообману).

Глава 4. БУНТЫ, ПЕРЕВОРОТЫ И ДЕРЖАВА

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Максимилиан Волошин

О СЛАВЯНСКОМ ЕДИНСТВЕ

За последние полтора-два десятилетия о славянском единстве говорилось неоднократно и на высоком государственном уровне в частности. Хотелось бы вкратце затронуть эту тему в связи с событиями XVII века в Восточной Европе.

Нынешние разговоры о братском единении трех восточнославянских народов – русского, украинского, белорусского – вызывают противоречивые чувства. С одной стороны, вряд ли можно усомниться в том, что во всех аспектах (историческом, этнологическом, культурном, экономическом, духовном) – наиболее важных для общества – эти народы не только очень близки, но и

прочно взаимосвязаны. С другой стороны, их резкое и практически насильственное расчленение (что называется, резали по живому), которое произошло скоротечно, почти мгновенно в исторических масштабах времени, за многие годы так и не привело не только к объединению, но даже к заметному сближению.

Правда, политики ссылаются на независимость. Однако Украина, к примеру, никогда не находилась в такой экономической зависимости от других держав, как ныне. Ее состояние может радовать разве только лютых недругов украинского народа, вороватых политиков и бизнесменов, да оголтелых националистов, которым до народа нет, в сущности, никакого дела. Во многом они-то и привели богатую страну к упадку.

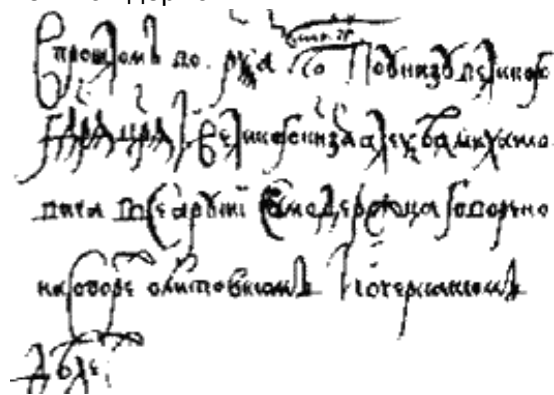

Богдан Хмельницкий

В XVII веке все было наоборот. В мае 1648 года в битвах при Желтых Водах и под Корсунью украинские казаки под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого разгромили польские войска. Казаков поддерживали украинские крестьяне, а также – по договору с ханом Ислам-Гиреем – крымские татары. Началось освобождение Украины от польского владычества. В конце года казаки взяли Киев. В январе 1654 года в Переяславле состоялся верховный собор (рада) украинского казачества – по инициативе гетмана Богдана Хмельницкого. Рада приняла решение: воссоединить Украину с Русским государством. В ту пору разумные украинцы ясно понимали, что обеспечить их независимость и достойное существование может лишь вхождение в состав братской Руси. Поляки –

тоже сильная ветвь славянства – относились к украинцам и белорусам свысока, как вельможные господа к холопам. Сходным было и отношение их к русским, что особенно ярко проявилось, когда «паны» захватили Москву. Неудивительно, что в те далекие времена и белорусы, и украинцы тяготели к Москве, а не к Варшаве.

Как мы уже говорили, осознали свое единство не сразу даже многие русские племена. Как обычно, против этого активно выступали удельные владыки (местные олигархи), не желавшие делиться с центральной властью своими доходами, а также внешнеполитические силы, опасавшиеся создания великой державы.

Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией

Однако в XVII столетии появились мыслители, понимавшие необходимость самого широкого объединения славян. Одним из таких был Юрий Крижанич, хорват по национальности, получивший хорошее образование в Венской семинарии и Болонском университете, где изучал главным образом богословие и юриспруденцию. В 1640 году (ему было двадцать три года) он поселился в Риме и вступил в коллегиум Св. Анастасия, учрежденный католической церковью для распространения унии, власти папы, над православными греками. Однако после посещения Стамбула (Константинополя) Юрий проникся неприязнью к грекам, как он писал, за их высокомерие, лживость и невежество.

В 1658 году он поступил на службу к царю Алексею Михайловичу. Однако его не устраивали некоторые русские обычаи, которые он считал варварскими. К тому же он, причащаясь в православном храме, отказался вторично креститься по православному обряду. Его отправили из столицы в Тобольск, где он получал денежное пособие и трудился над своими сочинениями. Здесь он оставался 16 лет, до смерти Алексея Михайловича, после чего получил разрешение вернуться в Москву.

Не слишком гостеприимный прием, который был оказан ему на Руси, не

озлобил Юрия Крижанича. Он с гениальной прозорливостью отметил достоинства русского языка (зная хорватский, немецкий, итальянский, латинский и греческий) и значение Руси для объединения – на этой культурной основе – всех славян. Сравнивая сочинения, написанные на разных славянских языках, он признавался: «Я не могу читать киевских книг без омерзения и тошноты. Только в Великой Руси сохранилась речь, пригодная и свойственная нашему языку, какой нет ни у хорватов и ни у какого другого из славян. Это оттого, что на Руси все бумаги государственные, приказные, законодательные и касающиеся народного устройства писались своим домашним языком». Тем не менее Крижанич предлагал выработать еще более полный и общедоступный славяно-русский язык (что и произошло в конце XVIII – начале XIX веков).

Развитие самобытной русской культуры и экономики тормозится, по мнению Крижанича, засилием немцев, особенно в торговле, производстве и управлении. Россия должна поощрять в первую очередь русских и, более широко, славянских деятелей.

«То, что заявил Крижанич, – писал Н.И. Костомаров, – остается в главной своей мысли неизменно истинною: только Россия – одна Россия может быть центром славянской взаимности и орудием самобытности и целостности всех славян от иноплеменников, но Россия просвещенная, свободная от национальных предрассудков». (Заметим, что подобные предрассудки у русских выражены несравненно слабее, чем едва ли не у всех народов мира.) Эти идеи подхватил через три столетия после Юрия Крижанича В.И. Вернадский. На лекции в Праге (1922 год), посвященной проблемам геохимии, он сказал во введении: «В тесном единении всех славянских ученых – в их более влиятельном положении в жизни – лежит будущее всех славянских народов».

В середине XX века такое политико-экономическое и культурное единство сформировалось на основе СССР и дружественных ему стран Восточной Европы. Однако к концу века оно было разрушено по тем причинам, о которых мы упоминали выше.

При всем уважении к русской духовной культуре Крижанич с негодованием обрушивался на низкую бытовую культуру знати, привилегированных групп общества. Он отмечал, что простой люд на Руси живет в общем лучше, чем во многих западных землях. В то же время государственные служащие нещадно грабят народ и быстро богатеют, имея даже небольшое жалование. «Чем они живут? – вопрошал Крижанич и отвечал: – Легко понять: продажей правды. Неудивительно, что в Москве много воров и разбойников».

В порыве негодования он обвиняет и весь русский народ: «Привыкшие всякое дело делать скрытно, потакать вора, всегда находиться под страхом и обманом, русские забывают всякую честь...» Причины этого он видел в социально-политической зависимости людей: «Везде кабаки, монополии, запрещения, откупы, обыски, тайные соглашения; везде люди связаны, ничего не могут свободно делать, не могут свободно употреблять труда рук своих и

пота лица своего».

Свободу Крижанич понимал, сообразуясь с западными нравами. Например, предлагал и русским беспощадно сжигать еретиков, как это принято было в Западной Европе, и подавлять лютеранство, кальвинизм и гуситов, храня дружеские отношения с католической церковью. Он призывал к избавлению от инородцев как таковых, вне зависимости от их талантов и готовности честно служить России.

И в те времена, и раньше, и позже нередко заедино выступали русские с татарами, башкирами, мордвой и другими неславянскими народами.

Исторически сложились менее дружеские отношения русских с этнически родственным славянским народом католиками-поляками, чем с мусульманами-татами. Одно уж это показывает, что в дружбе, как и в политике, далеко не всегда важна принадлежность к одному и тому же племени или к одной религиозной конфессии. Тут ситуация значительно сложнее. Крижанич этого не учитывал. Хотя в русском народе было на этот счет более верное понимание.

О какой же свободе действовать, «употреблять труда рук своих» говорил Крижанич? Ведь он, в отличие от демократов, признавал необходимость и справедливость самодержавной власти царя. Он имел в виду освобождение народа. из-под ига чиновников и олигархов (говоря современным языком): «Свобода есть единственный щит, которым подданные могут прикрывать себя против злобы чиновников, единственный способ, посредством которого может в государстве держаться правда. Никакие запрещения и казни не в силах удержать чиновников от худых дел, а думных людей от алчных, разорительных для народа советов, если не будет свободы». При этом царя он желал видеть просвещенным, добродетельным и гуманным.

Интересны замечания Крижанича, относящиеся к развитию культуры. По его словам, «мудрость переходит от народа к народу». И в то время как одни, ранее отличавшиеся высоким развитием, могут впасть в невежество, другие, напротив, обретают высокую культуру. «Теперь пришло время для нашего народа учиться, – писал он. – Бог возвысил на Руси такое славянское государство, которому подобного не было в нашем народе в прежних веках, а мы видим у других народов: когда государство возрастает до высокой степени величия, тогда и науки начинают процветать в народе».

Исторический опыт подтверждает три его обобщения. Во-первых, культурный (духовный, интеллектуальный) уровень народов может не только возрастать, но и падать. Хотя, добавим, признать последнее многим мешает именно недостаток культуры. Во-вторых, периоды подъема культуры наблюдаются у разных народов в различное время. В-третьих, развитие наук и народного просвещения зависит от состояния государства.

При всей кажущейся простоте мыслей Крижанича они до сих пор недостаточно оценены и поняты не только обществом, но даже специалистами-историками и философами. Наибольшей популярностью в Новое время стали пользоваться гипотезы неуклонного прогресса,

поступательного развития духовной культуры, прежде всего науки. В XX веке, когда стихийно сложилось более или менее единое мировое хозяйство при господстве технической цивилизации, подавляющей локальные культуры, приводящей их к единому стандарту, реализуется *идея глобализации*. Под нее начинают подводить и теоретическую базу.

Однако в мировом хозяйстве, как в биосфере или экосистеме, огромное, а то и решающее значение имеет принцип разнообразия. Он исходит из разнообразия природных условий Земли, сложной организации живых организмов. Уменьшение разнообразия есть признак деградации, наиболее четкий показатель которой – стандартизация социумов, культур и личностей. Можно возразить: а как же тогда оценивать вхождение в состав единого государства представителей разных народов и культур? И как тогда расценивать требование признания единого государственного языка? Все зависит от того, на каких условиях осуществляется такой синтез культур и народов. Если сохраняются условия равноправия, сохранения и развития национальных культур (что предполагает, конечно, знание родного языка), то такое государство отвечает критерию разнообразия.

Украинские и белорусские (к чести белорусов – малочисленные) националисты упирают почти исключительно на то, что их не устраивает гегемония русского языка. По узости своих воззрений они не желают замечать безусловно всемирного значения именно русской литературы и русской науки, а в начале XX века еще и русской философии. Это и есть тот фундамент, на котором стоит и стоять будет русская культура. Если русские писатели Достоевский и Толстой признаны величайшими писателями XIX века; если Ломоносов, Менделеев и Вернадский были (во всяком случае Менделеев – согласно результатам опроса иностранных специалистов) величайшими учеными соответственно XVIII, XIX и XX веков, то почему бы украинцам и белорусам не считать себя причастными к той культуре, к которой они принадлежали? Ведь это не унижает, а возвышает их. И разве плохо, что их на Западе продолжают называть русскими?

Кстати сказать, В.И. Вернадский был по национальности украинцем, организовал Украинскую академию наук и был ее первым головой (президентом). И он по праву считал себя представителем великой русской культуры. Но националистам, преследующим свои личные корыстные цели, до всего этого и дела нет.

И еще. В XVIII веке был на Украине замечательный философ Григорий Сковорода. Появились у него последователи-националисты? Нет. Его труды – достояние украинского народа – стали явлением русской культуры. Казалось бы, радоваться надо, что у нас (русских, белорусов, украинцев) единая культура. Однако националистов это не устраивает. Хотя противопоставленные русской эти две национальные культуры превращаются из мировых в местные, отчасти даже этнографические. Подобные нехитрые рассуждения были понятны украинцам прежних столетий, и только ярые современные националисты не желают этого

осознавать. Вернее сказать, они готовы резко снижать культурный уровень народа ради собственных корыстных интересов, чтобы получить доступ к власти и национальным богатствам.

Напомним, что Юрий Крижанич не мог быть «русским националистом» хотя бы потому, что был хорватом. Однако он имел мудрость и мужество признать, что для славянских народов необходим путь единения; без сильного восточнославянского государства невозможен расцвет культуры – на новом этапе развития.

Хотелось бы добавить: политику Крижанич считал частью этики, понимая ее как «науку об управлении народом и королевскую мудрость, которая учит справедливо и достойно управлять народами, городами и странами».

...Трудно сказать, насколько глубоко в сознание правителей и всего русского народа проникли идеи Крижанича. С горечью писал он: «Я никому не нужен, никто не спрашивает дел рук моих, не требует от меня ни услуг, ни помощи, ни работы, питают меня по царской милости, как будто какую скотину в хлеву». Хотя уже то, что его труды не затерялись, а имя не забылось, свидетельствует об интересе к его творчеству.

Ему удалось отметить и подчеркнуть одно из важнейших направлений развития русского общества: движение к объединению славянских народов. Оно, конечно, не осуществлялось по его указаниям. Но важно, что он понял объективность и неизбежность этого процесса и сделал его объектом философского осмысления. Ясность его мысли контрастирует с предельно политизированными, стоящими вне нравственности рассуждениями современных националистов – одних из вдохновителей и зачинателей смуты в СССР, как тогда называлась великая Россия.

ЦЕРКОВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

В 1652 году патриархом всея Руси стал Никон – человек высокообразованный, волевой, сильный духом и телом. Он пользовался уважением и покровительством царя Алексея Михайловича. Как человек решительный, он уже весной 1653 года стал осуществлять церковную реформу.

В определенном смысле и Никон тоже покровительствовал царю. Надо учесть, что патриарху было 47 лет, тогда как царю всего 23.

Интеллектуально, духовно Никон влиял на царя. Возможно, по этой причине церковная реформа проводилась без долгой подготовки, слишком быстро и в неподходящее – с позиций государственных – время.

Начало правления Алексея Михайловича было непростым. Его отец умер в 1645 году, и юный царь попал под влияние своего родственника и наставника боярина Б.И. Морозова, который фактически стал регентом. Он руководил правительством и администрацией, не забывая о личной выгоде.

Внешне на верхних ступенях общественной пирамиды дела обстояли чинно и благородно. По свидетельству англичанина Карлейля: «Двор московского государя так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил в этом московский. Все сосредотачивается около двора. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются тем более благоговеть перед царем и чтят его почти наравне с Богом».

И хотя молодой царь был «тишайшим», как его прозвали, в его царствование хорошо жилось только чиновникам и «олигархам», тогда как народ и даже немалая часть дворян и купцов находились в трудном положении из-за тяжелых налогов.

Н. Н. Костомаров сравнил царей Ивана IV и Алексея. Оба устанавливали самодержавное правление, имели склонность к торжествам и зрелищам, «к упоению собственным величием». Но только Грозный «был от природы злого, а царь Алексей – доброго сердца». Отвлечемся от достаточно наивной ссылки на «природу» и обратим внимание на дальнейшие соображения:

«Иван в служилом классе (по-видимому, имеются в виду крупные государственные чиновники. – *Авт.*) видел себе тайных врагов и душил его самым нещадным образом, но в то же время, сознавая необходимость его службы, разъединял его, опираясь на тех, которых выбирал в данное время, не давая им зазнаваться, и держал всех в повиновении постоянным страхом; царь же Алексей, напротив, соединял свои самодержавные интересы с интересами служилых людей. В чем это выражалось? Оказывается, в том, что он давал «много власти своим чиновникам – высшему (т. е. служилому) сословию над народом».

(Это сословие было, по сути своей, той же самой «номенклатурой», сросшейся с «олигархами», которая во второй половине XX века установила свою безраздельную власть в Советском Союзе, а затем и Российской Федерации и других частях расчлененного СССР.)

Костомаров поясняет, что к служилому сословию относились главным образом «начальники приказов, дьяки и воеводы, а затем вообще все те, которые стояли на степени какого-нибудь начальства». Этим людям было выгодно самодержавие, потому что оно передавало в их руки реальную власть над народом. «Злоупотребления насильствующих лиц, – писал Костомаров, – и прежде тягостные, не только не прекратились, но еще более усилились в царствование Алексея, что и подало повод к постоянным бунтам».

Учтем, что Костомарову очень не нравился «деспотичный» Иван Грозный, а царь Алексей вызывал симпатию. Но несмотря на это историк вынужден был признать, что народу при

Иване IV жилось лучше, чем при Алексее. Более того, во времена царствования Алексея «в почтении, какое оказывали тогдашние московские люди верховной власти, было не сыновнее чувство, не сознание законности, а более всего рабский страх, который легко проходил, как только

предоставлялся случай, и оттого, если по первому взгляду можно было сказать, что не было народа более преданного своим властям и терпеливо готового сносить от них всякие утеснения, как русский народ, то, с другой стороны, этот народ скорее, чем всякий другой, способен был к восстанию и отчаянному бунту».

Нам кажется, что это замечание Костомарова очень близко к истине. Даже не желая того, он вынужден был признать, что народу (в отличие от власть имущих, крупных чиновников и т. п.) под властью Ивана Грозного жилось лучше, свободней, чем при «тишайшем» Алексее Михайловиче.

«Несмотря на превосходные качества этого государя как человека, – заключает Костомаров, – он был неспособен к управлению: всегда питал самые добрые чувства к своему народу, всем желал счастья, везде хотел видеть порядок, благоустройство, но для этих целей не мог ничего вымыслить иного, как только положиться во всем на существующий механизм приказного управления. Сам считая себя самодержавным и ни от кого независимым, он был всегда под влиянием то тех, то других; но безукоризненно честных людей около него было мало, а просвещенных и дальновидных еще менее. И оттого царствование его представляет в истории печальный пример, когда под властью вполне хорошей личности строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже». Как показал исторический опыт, бывает и намного хуже, когда при тех же претензиях на самодержавие на высшей государственной должности пребывает личность недостойная, что определенно продемонстрировало правление Горбачева и Ельцина. Тем более что и до них, при Хрущеве и Брежнев, постоянно укреплялось господство номенклатуры над народом. В отличие от этого при Сталине, как и во время правления Ивана Грозного, хищные и вороватые чиновники испытывали страх перед верховной властью (чего не было в народе), а потому вынуждены были умерять свои материальные потребности. Как только этим людям была предоставлена свобода, они начали превращаться в откровенно паразитический класс (как отметил югославский политолог Милован Джилас – сам выходец из партноменклатуры).

Значит, добрые намерения государя остаются благодетельными лишь в его близком и дальнем окружении, а для народа оборачиваются кабалой и невыносимыми тяготами, которые вызывают постоянные волнения.

25 мая 1648 года в Москве вспыхнул бунт, который принято называть «соляным». В действительности, к этому времени появилась обременительная пошлина на соль, которая привела к печальным экономическим последствиям (в частности, недосолу рыбы и ее порче в большом количестве: а это был один из важных продуктов питания населения). Недовольство народа было велико, и в начале 1648 года соляная пошлина по случаю царского бракосочетания была отменена. Однако это не дало быстрых благоприятных для народа результатов. Обладавший реальной властью боярин Морозов поставил на многие

«доходные места» своих близких людей и родственников жены царя – в девичестве Милославской. Сам он тоже женился (вторично) на сестре царицы. Новые «начальники» принялись увеличивать свои богатства, пользуясь своим высоким положением. Вдобавок взамен пошлины на соль были введены новые явные и скрытые налоги, а боярин Морозов благоволил (надо полагать, не бескорыстно) иноземным купцам и перекупщикам. Были обижены очень многие: от простых крестьян до богатых купцов. Тем более что и состоятельным людям приходилось не сладко. Заведовавший земским приказом Леонтий Плещеев, например, создал систему доносчиков, по ложным обвинениям которых обвиняемых бросали в тюрьму, а за освобождение брали взятки. Подобные беззакония заставили толпу остановить царский кортеж и молить государя сменить Плещеева и уменьшить налоговое бремя: «иначе народ погибнет вконец». Царь обещал разобраться с жалобами. Но его подручные решили действовать силой и принялись разгонять толпу кнутами. Народ не разбежался, а ответил градом камней. Царь успел отбыть в Кремль. Толпа двинулась следом, требуя выдать Плещеева на расправу. К ним вышел боярин Морозов с увещеваниями, но люди слушать его не стали, крича: «Мы и тебя хотим взять!» Он поспешил скрыться во дворце, охраняемом стрельцами. Народ бросился к его дому и учинил там погром, да и перепились многие, добравшись до погребов, где стояли бочки с хмельным мёдом и винами.

Потом стали громить и грабить дома некоторых других бояр и дьяков, а затем вновь собрались у дворца. Царь вынужден был выдать Плещеева, и его тут же заколотили палками до смерти: «Вот как угощают плутов и воров!» После смертной казни еще нескольких высоких должностных лиц и крупного московского пожара бунт затих, и царь, прося оставить в живых Морозова как своего воспитателя и обещая отстранить его от дел, расплакался, чем вконец разжалобил народ.

Позже мятежи прокатились и по другим городам, были попытки поднять народ и в Москве, но на этот раз власти сумели подавить эти выступления в зародыше, казнив зачинщиков и подстрекателей. В 1650 году бунты произошли во Пскове, а затем и в Новгороде. Дольше всех держались псковичи.

Царь Алексей Михайлович стал бояться народа, окружил себя стражей, не принимал лично просьб, учредил Приказ тайных дел – предтечу тайной полиции. Делалось это не для того, чтобы оградить народ от злоупотреблений местных и центральных властей, а для подавления его недовольства и пресечения бунтов. Под таким предлогом власть имущие имели возможность творить всяческие злоупотребления.

Торжественно начав войну с Польшей, царь сперва добился успеха и присоединил к своим владениям Литву, Белоруссию и Правобережную Украину. Но затем удача ему изменила, началась война со Швецией, и было потеряно больше, чем приобретено. Расходы на войну истощали

государство. Народ был изнурен повинностями и налогами. Правительство пустило в оборот массу медных денег. Поднялись цены на серебро, началась инфляция. Выпускалось огромное количество поддельных монет. Летом 1662 года за серебряный рубль платили 8 рублей медных. (Тут, по-видимому, есть определенная аналогия с постоянной, порой чудовищной инфляцией, поразившей Россию конца XX века. Однако в наше время причины ее не в расходах на какие-то разорительные войны, а прежде всего в экономическом упадке, расхищении национальных богатств и вывозом капиталов за рубеж.) И вновь в Москве вспыхнул бунт. Царь находился в это время в Коломенском и опять обещал толпе разобраться с делами и наказать виновных в ограблении народа и злоупотреблениях. Но увидев, что к нему движется большой отряд стрельцов, «тишайший» громко завопил: «Ловите и бейте бунтовщиков!» Началось избиение безоружной толпы, многие были убиты или утонули в Москве-реке. В тот же день по приказу царя у Коломенского повесили полторы сотни бунтовщиков; многих пытали, отсекали им руки и ноги; других нещадно стегали кнутами и клеймили раскаленным железом...

Царь Алексей Михайлович

Как видим, царь был горазд расправляться с простым людом, но всячески оберегал своих вельмож. Самодержавие превращалось во власть «номенклатуры» (говоря современным языком). Не случайно в сказаниях народа Грозный выступал как справедливый царь, тогда как об Алексее этого не говорили.

Итак, мы вкратце охарактеризовали тот социально-экономический фон, на котором Никон проводил церковную реформу. Суть ее была в том, чтобы «очистить» греческо-византийский церковный ритуал от западных и местных, русских влияний и отредактировать в этой связи некоторые литургические тексты в соответствии с греческими оригиналами.

Пока он боролся с западными влияниями в религиозной живописи, особых проблем не было. Из многих домов были изъяты иконы западного образца, преимущественно французские. В начале 1655 года после воскресной службы Никон в присутствии царя показывал собравшимся «ложные» иконы и швырял их на пол. Предполагалось их сжечь: по предложению царя они были погребены. Но когда пришла пора менять некоторые тексты псалтыри, ревнители старины оказали Никону яростное сопротивление.

Поспешность, с которой осуществлял Никон реформы, имела и политическую подоплеку. Было желательно, чтобы не существовало религиозных препятствий для воссоединения с Украиной, где церковный ритуал более соответствовал православной византийской традиции, чем в Москве.

В 1658 году Никон оставил патриарший престол по причинам внутривластных. Боярам не нравилось, что он оказывает влияние на царя, да и Алексей Михайлович начал тяготиться возвышением главы Русской православной церкви, который считал, что светская власть должна находиться под духовной опекой патриарха. А самодержец не желал поступиться своей властью.

С отставкой Никона церковный раскол не был преодолен. Старообрядцы упорно отстаивали свои убеждения. Их вдохновлял мятежный протопоп Аввакум, которого не могли сломить ни лишения ссылки, ни тяготы тюрьмы, ни ужас пребывания в сырой холодной яме, где, по его словам, он был превращен в «живого мертвеца».

Формальная причина раскола, потрясшего в ту пору Русскую православную церковь, вряд ли может считаться сколько-нибудь серьезной и принципиальной: надо креститься двумя или тремя перстами, ходить крестным ходом посолонь (по солнцу) или против, дважды или трижды повторять «аллилуйя»... Разногласия отражали и некоторые идейные расхождения, но не существенные. Как писал историк Н.Ф. Каптерев: «Жалко смотреть на эту нашу вековую церковную распрю, всю основанную с начала до конца на недоразумении, на непонимании, на незнании иногда самых элементарных христианских истин».

Такое мнение складывается, если иметь в виду только религиозные и, еще более узко, богословские причины. Однако ситуация была значительно сложнее и серьезнее. Шла борьба за власть и в верхах (церковный собор 1660 года лишил Никона сана; царь получил полное превосходство над патриархом), и за господство над народом, вернее сказать, за возможность его максимально эксплуатировать. Ответом на это стали многочисленные бунты, в которых принимали активное участие и старообрядцы.

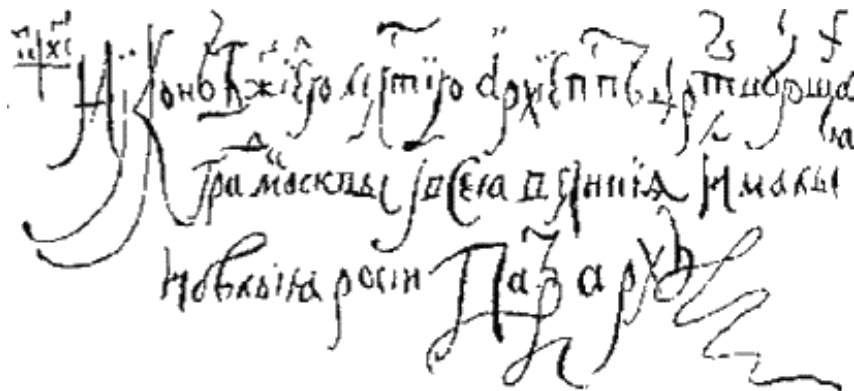
В общем, раскол ослабил позиции православной церкви и укрепил

самодержавие, а также его опору, новый господствующий класс дворян. Трудно сказать, по какой причине Никон стал проводить радикальную реформу, обрушившись на старообрядцев как на еретиков, с чрезмерной яростью. «Главная острота Никоновой реформы, – писал философ-богослов Г. Флоровский, – была в резком и огульном отрицании всего старорусского чина и обряда. Не только его заменяли новым, но еще и объявляли ложным, еретическим, почти нечестивым. Именно это смутило и поранило народную совесть».

Возможно, сказались интриги греческого авантюриста Паисия Лигарида, который подсказывал царю, находившемуся под его влиянием, действия, укрепляющие самодержавие, ослаблявшие Русскую православную церковь и сближавшие Россию с государствами и культурой Запада, а также, пожалуй, и с католической церковью (Паисий прошел обучение в иезуитской коллегии). В распри царя с Никоном были заинтересованы прежде всего бояре. Ведь у Никона речь шла о двоевластии, «симфонии» царя и патриарха, что грозило перейти в теократическое правление. Лигарид, судя по всему, все делал для того, чтобы гонения на старообрядцев ожесточались. Собор 1667 года, не без рекомендации греческого авантюриста, предал старообрядцев анафеме, предложив царю расправляться с ними как с еретиками и раскольниками. Специалист по истории русской церкви А.В. Карташев писал, что тем самым собор «посадил на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудил и отменил ее». В этих словах можно усмотреть преувеличение. Однако и в таком случае церковная смута выглядит какой-то нелепой, не только как выступление против старорусского культа, но и против традиций русской культуры, ибо в те времена религия была очень важной составной частью культуры народа. Все это было выгодно лишь врагам России. Странно, что церковные иерархи не обратили на это никакого внимания. Ведь они имели возможность осуществлять реформы, начатые Никоном, постепенно и без категорического осуждения традиций прошлого.

Печатный герб Никона

Подпись Никона

Это был, пожалуй, очень важный шаг. Он не только способствовал распространению религиозной смуты среди русских православных людей, но и способствовал подчинению церкви государству, патриарха – царю. Кроме того, этим усугубилось разобщение между «простым» народом и власть имущими, значительную часть которых тяготили патриархальные порядки и привлекали западные. Все это не смущало, а в чем-то даже устраивало царя Алексея.

«Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ!»

Укрепление централизованной государственной власти – процесс, как мы видим, противоречивый. В одном случае приходится жестокими мерами подавлять привилегированные группы условно говоря, «номенклатуру»). В другом случае предоставляются благоприятные условия для процветания «номенклатуры» за счет народа при ослаблении роли в обществе церкви. По этой причине народные восстания происходили не при Иване Грозном, а при «тишайшем» Алексее Михайловиче.

Наиболее знаменито восстание, руководителем которого стал легендарный Степан Разин. По словам Г.В. Вернадского: «Бунт донских казаков и крестьян под предводительством Степана Разина был яростным выражением оппозиции московским способам управления и тяготам общественного строя Московии, многие годы копившейся в различных слоях населения Руси».

Было бы точнее, на наш взгляд, говорить о слоях населения, находящихся в

основании общественной пирамиды, которые обобщенно принято называть народом.

До сих пор не все выяснено об этой смуте. Виной тому и недостаток документальных данных, и противоречивый образ Разина – разбойника, пирата, «вора» и в то же время умелого дипломата, ставшего из атамана предводителем народного восстания. Показателен интерес к нему Александра Пушкина, который еще в 1824 году писал брату: «Вот тебе задача: историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Два года спустя поэт написал три песни в народном стиле, посвященные атаману. Однако Бенкендорф не разрешил их напечатать: «Песни о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». Очень показательно, что с начала горбачевской «перестройки» и особенно в период ельцинских «реформ» пропаганда постоянно и упорно, обычно с восторгом и упоением, внедряет в общественное сознание образы царей и вельмож, богатейших купцов и прочих представителей господствующих классов, предпочитая умалчивать о народных героях и вождях или отзываться о них с осуждением, а то и с отвращением. Настойчивые призывы к смирению и покорности определенно показывают, на чьем услужении находятся средства массовой пропаганды и с каким презрением относится новейший правящий слой к народным массам. Увы, презрение это отчасти заслуженное.

В прежние периоды смут народ очень быстро умел спохватиться, понять нависшие над ним угрозы и выступить против угнетателей-кровопийцев за свою свободу, права и человеческое достоинство. На этот раз, в конце XX века непомерно разросшийся слой служащих озаменовал начало духовного перерождения, распространения холопства и угодничества по отношению к имущим власть и капиталы, а для интеллигенции – то самое «лакейство мысли», о котором с негодованием писал еще Ф.М. Достоевский.

Безусловно, в определенных кругах все эти качества присутствовали с давних пор. Но в русском народе всегда сохранялся дух бунтарства, стремления к вольности, активного протеста против несправедливости, анархизма (не как хаоса, а как свободы). Выразителем этого духа и стал Степан Тимофеевич Разин.

Необходимо одно уточнение. Из сказанного вовсе не следует, будто анархический склад присущ единственно только русскому народу. Как показали многочисленные революции и восстания в разных странах, прежде всего – в Западной Европе, у всех народов есть те же самые качества. У русских они проявлялись особенно резко, возможно потому, что наш народ сравнительно поздно встал на путь цивилизации, жесткого государственного устройства.

Во времена Степана Разина для вольнолюбивых или обиженных господами русских людей оставалась возможность бежать на Дон, к казакам. В

середине XVII века этой возможностью пользовались многие, что заставило правительство уже – сточить меры против беглых крестьян и холопов. Но и на Дону житье беглым было не сладкое. Чтобы не обострять отношения с Османской империей, Крымским ханством, а также с Ираном, русское правительство не поощряло набегов казаков на побережья Черного и Каспийского морей. Беглый люд бедствовал и вынужден был идти в услужение к богатым казакам. Ведь на Дону казакам запрещали заниматься хлебопашеством, опасаясь, что с крупными землевладениями придет на Дон и крепостное право.

По некоторым сведениям Степан Разин, принадлежавший к зажиточной казацкой семье, неоднократно участвовал в составе посольств (станец) на дипломатических переговорах в Москве и у калмыков. Вряд ли он помышлял о каких-либо выступлениях против существующей власти до 1665 года. Но в том году был несправедливо казнен царским воеводой Долгоруким старший брат Степана, лихой казачий атаман Иван Разин.

На следующий год летом произошло неординарное событие. Казачий атаман Василий Ус, под командованием которого находилось полтысячи человек, двинулся походом в Центральную Россию. По пути к нему присоединялась гольтьба, беглые крестьяне. Возникали местные бунты, крестьяне грабили поместья своих господ. Отряд Уса увеличился в несколько раз, превратившись в своеобразную народную армию. Однако она была плохо организована, и на серьезные военные действия атаман не решился. Не дойдя Тулы, он повернул обратно. С ним пришли на Дон толпы беглых крестьян и холопов. Здесь Василий Ус и его ближайшие сподвижники были арестованы и подверглись наказанию плетьюми.

Поначалу Разин не имел намерений повторять поход Уса. Он был лишь атаманом, под начальством которого находилось несколько сот казаков и беглых людей. В народной песне, записанной в конце XIX века, об этих событиях сказано так:

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе,
Породился удалой добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал:
Он с нами, казаками, думу не думывал;
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с гольтьбою.
«Сударь мои, братцы, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разоб ъемте, бра тцы, бусур манские ко рабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,

Покупивши цветно платье, да на них поплывем».

Понятно, это не исторический документ, хотя почти все изложенное в нем выглядит правдиво. Степан затевал походы, не советуясь с казачьим кругом, на свой страх и риск. Сначала он повел отряд по реке в Азовское море. Не сумев прорваться мимо турецкой крепости Азов, вынужден был пойти на Волгу.

Здесь ему улыбнулась удача: удалось захватить и разграбить богатый караван, принадлежавший московскому купцу Шорину. Попутно были освобождены заключенные. Из Астрахани против разинских разбойников был послан отряд стрельцов. Но их количество было велико, да организовал их атаман по-военному. Так что стрельцы были разбиты.

Дальнейшие действия Разина показывают, что он не имел в виду поднимать народное восстание. Об этом пишет историк Г.А. Санин: «Но вот загадка: отряд Разина к осени 1667 г. насчитывал около 3000 человек. Царских войск в поволжских городах почти не было: самый крупный, астраханский гарнизон, насчитывал 1600 человек. Разин был хозяином положения и на Нижней Волге, и на Яике. Почему же он не пошел по Волге на север, почему, перезимовав в Яицком городке, двинулся на юг, на Персию? Ответ может быть только один: весной 1668 г. Степан Разин вовсе не собирался воевать с московскими боярами. Ему нужно было быстрее, пока не собрались правительственные войска, вывести казаков за пределы России». Выйдя в Каспийское море, разинская вольница принялась грабить приморские поселения. Посланный для их усмирения персидский флот был разбит.

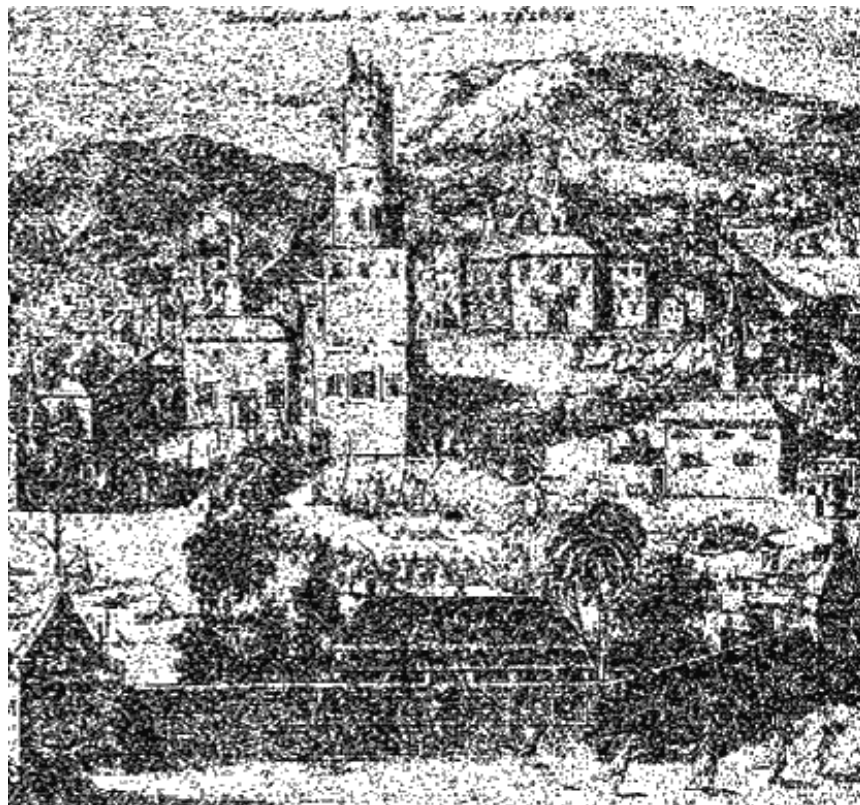
Степан Разин в персидском одеянии

Обычно эти набеги историки расценивают как пиратские акции с единственной целью – грабежа, взятия заложников (их чаще всего

обменивали на русских, находившихся в рабстве). Но есть и другая версия. «Целью похода, – пишет Г.А. Санин, – был не примитивный грабеж, а создание свободного казацкого поселения, подальше от жестких и жадных рук российских бояр. Это была народная утопия о свободной «подрайской земле», о «стране Беловодье», в поисках которой землепроходцы освоили Сибирь и дошли до Тихого океана. Конечно, ничего не получилось – пришлось заняться грабежом. Многие города северного побережья Персии были разграблены, казацкие струги забиты до отказа дорогими восточными товарами».

Трудно согласиться с тем, будто в Сибири искали «подрайскую землю»: слишком уж мало походит природа Центральной, а тем более Северной Сибири под описания райских садов. Но у Разина, возможно, и была надежда обосноваться со своей армией где-нибудь в Южном Прикаспии. (Приходят на память не вполне достоверные сведения о существовании анархической республики Либерталии, якобы созданной пиратами на Мадагаскаре; между прочим, одно время у Разина была база на острове недалеко от Баку, но ни о каких попытках превратить ее хотя бы в долговременное поселение неизвестно.)

С богатой добычей Разин возвратился в низовья Волги. Его люди щеголяли в роскошных нарядах, приводя в изумление местных жителей. Астраханский воевода не посмел их задержать и разоружить. Царицынского воеводу Разин велел выпороть за злоупотребление властью. Трудно сказать, какие теперь были планы у Разина, когда он после столь успешного (по части обогащения) похода пришел на Дон. Вполне возможно, что у него был замысел пойти на Москву. Ведь он знал о тяжелом положении и недовольстве крестьян, готовых к восстанию.

Разинцы в захваченной Астрахани

Но сколь бы ни была сильна и авторитетна личность Степана Тимофеевича, сколь убедительно ни умел он выступать перед народом, далеко не все зависело от его желаний. Он был вынужден считаться с мнением большинства.

Если верить тамбовскому воеводе Я. Хитрово (у которого были, конечно же, среди казаков свои люди), Разин в Черкасске на казачьем Кругу задал три вопроса. Первый: хотят ли казаки идти на Азов? Ответом было молчание (как знак несогласия). Вторым был вопрос, на который Разин, возможно, хотел получить согласие: на Русь ли, на бояр идти? Немногие крикнули «любо!» И тогда пришлось спросить, уже заранее предполагая ответ: идти на Волгу? Раздалось дружное: «Любо!»

Понять казаков было нетрудно. Поход на Москву опасен, а успех его вызывает сомнения, да и предприятие чересчур грандиозное – настоящая война. То ли дело – похозяйничать на Волге: где еще сыщешь столь богатые купеческие караваны при незначительной охране?

Расчет оказался верным. Легко овладели Царицыным, а затем с боем взяли

Астрахань, учинив жестокую расправу над защитниками. В захваченных городах учредили систему управления по образцу казачьей вольницы. «Фактически Разин начал создавать новый государственный аппарат», – пишет Санин. Но допустимо ли говорить о госаппарате, когда нет соответствующего государства? Скорее, речь должна идти о местном самоуправлении анархического типа (что вовсе не исключает дисциплину и порядок).

Былинно-песенный эпизод о том, как Стенька бросил матушке-Волге в подарок персидскую княжну, некоторые историки считают поэтическим вымыслом. Свидетельств, его подтверждающих, не имеется. Более правдоподобен другой эпизод, подчеркивающий «вольнодумство» и здравый смысл Степана Разина.

Некоторые казаки обратились к нему с просьбой выделить средства на восстановление храмов, сгоревших в Черкасске. Он якобы ответил: «На что церкви? К чему попы? Венчать, что ли? Да не все ли равно: станьте в паре под деревом, да пропляшите вокруг, вот и повенчались».

После того как разинцы захватили несколько крупных городов, чиня расправу над местными властями и сжигая деловые бумаги, разбойный поход превратился в самое настоящее народное восстание. Городская беднота порой сама открывала крепостные ворота перед восставшими. По-видимому, Степан Тимофеевич был готов к такому развороту событий. Теперь он замыслил поход на Москву не с Дона, а от Волги. Об этом можно судить по описанию Н.И. Костомарова:

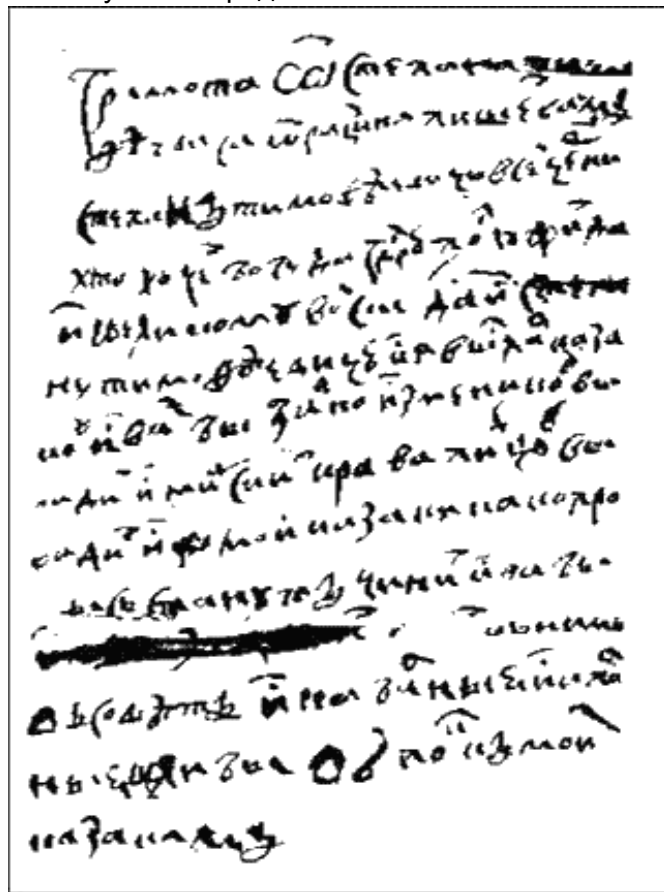
«Посланцы Стеньки разошлись по всему Московскому государству до отдаленных берегов Белого моря, пробираясь и в самую столицу, распространяли в народе «прелестные» (в смысле – прельщающие. – *Авт.*), в которых он извещал, что идет истреблять бояр, дворян и приказных людей, искоренять всяческое чиновничество и власть, установить казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен. «Я не хочу быть царем, – говорил и писал Стенька, – хочу жить с вами как брат». Он знал, что крепко насолили народу бояре, дворяне и приказные люди, и удачно направлял свои удары; но знал он также, что крепко в народе уважение к царской особе, и решил прикрыться личиной этого уважения. Он распустил слух, будто с ним находится царевич Алексей (который в действительности умер, а его роль исполнял какой-то черкесский князек. – *Авт.*) и низверженный патриарх Никон. Посланцы Стеньки толковали народу, что царевич убежал от суровости отца и злобы бояр, и Стенька идет возводить его на престол, а царевич обещает льготы и волю».

Как видим, была развернута идеологическая война (говоря по-современному). Разин ясно сознавал, что надо заручиться поддержкой общественного мнения – не в господствующих кругах конечно же, а в народе. Хотя в те времена сделать это в короткие сроки и в больших масштабах было практически невозможно.

При Степане Разине народ, узнав о начавшемся восстании, пришел в

волнение. Там и сям вспыхивали отдельные бунты против угнетателей. Мародерствовали банды разбойников. Пожары огненным вихрем пронеслись по городам, деревням, а более всего – по имениям. Была самая настоящая смута... Но не было единой организации, согласованности действий, ясного понимания смысла и целей восстания.

Царские войска легко подавляли бунты, жестоко казня восставших. Главный каратель – князь Долгорукий – превратил свою резиденцию в Арзамасе в место массовых пыток и убийств. По свидетельству современника: «Страшно было смотреть на Арзамас; его предместья казались совершенным адом: стояли виселицы и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов, валялись разбросанные головы и дымились свежую кровью, торчали колья, на которых мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неопишуемые страдания».

«Прелестная грамота» Разина

Расправа над восставшими. Гравюра XVII в.

Несмотря на это бунты вспыхивали по-прежнему, а там, где «народ безмолвствовал», его симпатии были явно на стороне восставших. Про Разина ходили легенды; считалось, что он заговорен от пуль. Тем временем церковные иерархи внесли свою лепту в борьбе с бунтовщиками, предав анафеме вора и богоотступника Стеньку Разина со всей его вольницей. А воеводы продолжали жечь мятежные деревни и проводить массовые казни. Предполагается, что тогда на Руси погибло около ста тысяч человек! Как тут снова не сопоставить царствование «тишайшего» Алексея и Ивана Грозного. При первом страдал народ, а жертв было в 20-30 раз (!) больше, чем в опричнину, которую «демократически» настроенные публицисты и историки – прежде и теперь – именуют не иначе как «террором». Или другое сопоставление. Если при Сталине в 1930-е годы русский народ увеличивался в числе, а террор был направлен главным образом на привилегированные группы, то при «демократизаторе» Ельцине русский народ стал невероятно быстро вымирать (!). Это приходится повторять потому, что фальсификация истории в наше время процветает, а демагоги пользуются авторитетом и популярностью. Но если нет осмысления достоверных фактов истории, тем более если они извращаются, а пропаганда занимает место правды, то такая история, предельно опошленная и политизированная, теряет смысл. И не случайно сейчас попытки переиначить всемирную и отечественную историю приняли

патологический характер.

Вернемся к Степану Разину. В начале октября 1670 года он потерпел крупное поражение под Симбирском, был ранен и бежал на Дон. «Но в целом, – пишет Г.А. Санин, – Крестьянская война только-только достигает апогея в октябре – ноябре 1670 г.». Итак, еще одна загадка: Крестьянская война под предводительством Разина достигает наивысшего подъема без Разина!

Дело в том, что когда возможности казацких окраин были на исходе, начали подниматься крестьяне глубинных районов страны. Причины, вынудившие мужиков схватиться за топоры и вилы, были настолько болезненны, крепостнические тенденции настолько ненавистны народу, что война уже не могла быть связана только со Степаном Разиным. Разин превратился в знамя этой войны, на первое место выдвинулись его сподвижники: Василий Ус, Михаил Харитонов, Никифор Черток, Максим Осипов, Илья Пономарев, Алена Арзамасская, Асан Карачурин, Акай Боляев...

Иначе говоря, Разин оказался на гребне волны народного негодования и бунта. Он не был организатором восстания, а стал его вдохновителем.

Добавим, что выданный царю зажиточными казаками, Разин достойно выдержал пытки и казнь. Он, судя по всему, понимал, что стал не только исторической, но и легендарной личностью. Его мысль выразил Максим Горький в жестких словах, обращенных к обывателям:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют.

СМУТА ВРЕМЕН ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Разинский бунт, обернувшийся Крестьянской войной, был подавлен так свирепо и безжалостно, словно русский народ подвергся нападению лютых иноплеменников-иноземцев. Это со всей определенностью показало, что все население разделилось на две касты: власть имущих господ и подвластный им народ.

Такая классификация предельно проста и, как нам представляется, бесспорна. Она схематична, но именно поэтому помогает избавиться от лишних деталей, ничего по сути дела не меняющих. Какие бы хитроумные доводы ни выставлялись против так называемого классового подхода, его недопустимо отвергать или недооценивать. Он особенно важен, когда речь идет о духовных, идейных основах общества.

В отличие от схематичной экологической пирамиды, у каждого социального слоя есть своя осознанная или стихийно сложившаяся идеология. У людей материальная и духовная жизнь взаимосвязаны и взаимно обусловлены. Их единство и определяет человеческое бытие.

Мы не станем вдаваться в философские рассуждения. Сойдемся хотя бы на

том, что не только положение, но и взгляд на мир зависит от того, подневольный работник ты или господин. При этом подневольность может выражаться по-разному в зависимости от общественной системы; при капитализме под угрозой безработицы и превращения в бомжа она, быть может, не менее безнадежна, чем при крепостничестве или даже некоторых формах «милосердного» рабства (как известно, положение раба существенно, а то и радикально менялось в зависимости от конкретных места и времени).

В любом государстве так или иначе неизбежны эти две основные идеологии, определяемые социальным положением. Во время народных восстаний и революций это выражается в особо обостренных формах. В этом суть любой гражданской войны.

Вот и всю эту стихийную систему бунтов и восстаний в России времен Разина можно назвать гражданской войной. Этим объясняется и зверская жестокость с обеих сторон. Низшие слои восстали на своих господ, выплескивая накопившиеся вековые обиды. Господа с не меньшей яростью отстаивали свое привилегированное положение.

«Так окончилась кровавая драма, – писал Костомаров, – имевшая значение попытки ниспровергнуть правление бояр и приказных людей, со всяким тяглом, с поборами и службами, и заменить старый порядок иным – казацким, вольным, для всех равным, выборным, общенародным. Попытка эта была задушена в пору: дух мятежа не успел еще охватить большей части Московского государства; нестройные толпы поселян не в состоянии были выдержать борьбу с войском, уже отчасти знакомым с европейским военным обучением. Известно, что правильно обученное войско, составляющее притом отдельное от народа сословное тело, везде было лучшей опорой властей против народных волнений».

В случае с Крестьянской войной, о которой идет речь, победа осталась не на стороне народных масс, неорганизованных и имеющих весьма туманное представление о том, каким должно быть справедливое государственное устройство. Хорошо вооруженные, обученные, дисциплинированные полки «иноземного строя» в этом отношении имели колоссальные преимущества. Они действовали как завоеватели, усмиряющие туземцев (пусть даже и одной с ними национальности). Все происходит так, как обычно на войне, и победитель получает право распоряжаться покоренным людом по своему усмотрению. Это полностью относится к Крестьянской войне, где народ, привыкший к труду, а не войне, обречен на поражение.

С той поры на Руси долгое время простой народ пребывал в покорности победителям-господам.

Поражение народа было жестоким. Теперь пришел черед борьбе за власть среди господствующих группировок. Пришло время дворцовых интриг и переворотов «сверху» и наверху.

«Бунташный» XVII век заканчивался, как и начинался, смутой, но уже, можно сказать, другого типа, оказавшей определенное влияние на личность и

поступки великого преобразователя России – Петра I.

В апреле 1682 года скончался старший брат Петра (по отцу) царь Федор Алексеевич. На престол должен был взойти его родной брат Иван. Но он, подобно Федору, был болезненным, отставая в физическом и умственном развитии даже от младшего по возрасту десятилетнего Петра. Почти до четырехлетнего возраста он жил в роскоши, имел сложные технические игрушки, которые дарил ему отец. В январе 1676 года Алексей Михайлович скончался. Корона перешла к старшему сыну от первой жены Федору, а реальная власть – к приближенным к нему боярам. Вдовствующая молодая царица и ее сын были отстранены от престола.

Царь Федор Алексеевич. С картины XVII в.

На похоронах Федора Алексеевича знать целовала руки обоим царевичам: Ивану и Петру. Но кого из них возвести на трон? Патриарх Иоаким, сторонник Петра, произнес речь о кончине царя и предложил назвать его преемника. Громче всего прозвучало имя царевича Петра. Сказались прежде всего дворцовые интриги, да и малолетство царевича было на руку боярам, позволяло управлять государством за его спиной. Хотя и без того слабый понурый Иван-царевич не вызывал симпатии, в отличие от младшего Петра – рослого не по годам, с блестящими смыслеными глазами и румяными щеками.

С этого момента борьба за власть вспыхнула с новой силой. Родственники Петра без промедления принялись разбирать доходные должности и грабить казну. Однако время для обогащения было выбрано крайне неудачно.

Царь Алексей Михайлович оставил сыновьям тяжелое наследство. Страна была истощена гражданской войной. К этому добавлялись тяготы и жертвы из-за войн с Польшей, не желавшей признавать воссоединение Левобережной Украины с Россией, а также со Швецией за выход к Балтийскому морю. Кроме того, не затихали внутренние распри среди господствующих групп, связанные с превращением сословно-представительной монархии в абсолютную.

При царе Федоре Алексеевиче было отменено местничество, основанное на принципе «по отцу и сыну честь». То есть высшие должности переходили по наследству. Это влекло за собой немалые беды, особенно в военном деле, где знатности отдавали предпочтение перед доблестью и полководческим талантом. (Странным образом местничество в новых формах возродилось на исходе советской власти, особенно во времена Брежнева, Горбачева и Ельцина, когда родственники высокопоставленных особ получили возможность занимать ответственные и выгодные должности.) Отменив Земские соборы, Федор Алексеевич сохранил Боярскую думу. Это было косвенным свидетельством того, что бояре несколько укрепили свои позиции в управлении государством.

Но если волнения и бунты народных масс были в основном подавлены, то возникла другая проблема, связанная отчасти с теми, кто подавлял восстание. Стрельцам – полурегулярной армии, созданной Иваном Грозным, – часто задерживали денежное довольствие. Им разрешили заниматься хлебопашеством, ремеслом и торговлей. Такая армия не могла толком заниматься ни гражданским делом, ни военным, ни находиться на самообеспечении.

Иоанн V и Петр I. Гравюра 1685 г.

Стрельцы, понимая свою ценность для господствующих классов, стремились улучшить свое благосостояние, получить привилегии. Являясь опорой власти, они имели основания для этого. Тем более что страдали от поборов со стороны своих начальников и приказных чиновников.

Их жалобы оставались безответными. Тогда стрельцы стали собираться тайно и на открытые совещания, составлять списки своих обидчиков, чтобы потом расправиться с ними. К стрельцам примкнули солдаты из полков «иноземного строя», пушкари и прочие мелкие служилые люди. 30 апреля 1682 года они предъявили царице-регентше и правительству ультиматум, требуя выдать 16 своих начальников. Требование было выполнено, и провинившихся били кнутами. Стрельцы, составлявшие основу гарнизона столицы, осознали свою силу и власть над обитателями Кремля.

Воспользовавшись беспорядками, некоторые горожане принялись за грабежи. Но стрельцы фактически взяли власть в свои руки, публично казнили воров и грабителей (в их числе и некоторых своих товарищей), закрыли кабаки.

Отстраненные от правления и государственной казны бояре Милославские и дочь царя Алексея Софья пустили слух, будто Федора Алексеевича отравили, а царевича Ивана задушили.

15 мая под звуки набата взбунтовались стрельцы. Во главе с новыми, избранными, командирами, с хоругвями и знаменами, под звуки полковых оркестров они в полном вооружении двинулись из стрелецких слобод к центру столицы и взяли его в кольцо. К ним примкнула кремлевская охрана. Бунтовщики подошли к дворцу. Раздавались крики: «Нарышкины задушили царевича Ивана!»

Испуганная царица Наталья вывела на Красное крыльцо двух царевичей. Но толпе требовались жертвы. Царице был предъявлен список сорока «изменников». На глазах малолетнего Петра стрельцы учинили зверскую расправу, «рубили и крошили в мелочь» многих бояр, среди которых были наставники и родственники царевича.

Это страшное зрелище запечатлелось в душе мальчика и на всю жизнь оставило шрам. Почти все близкие родственники Нарышкиных и их приближенные были убиты или сосланы. Обоих царевичей признали царствующими при первенстве Ивана Алексеевича. Правление государством взяла в свои руки царевна Софья. Правда, тогда она еще не упоминалась в правительственных документах.

Стрельцы и их начальник князь Хованский выдвигали все новые требования. Софья поначалу их выполняла, вела сложные переговоры с бунтарями, выдала им задолженности, увеличила денежное жалование, дала им привилегированное название «надворной пехоты» и даже велела соорудить в центре Москвыobelisk в честь событий 15 мая.

Стрельцы пребывали в радостном состоянии, упиваясь своей

«демократической» властью. Все лето 1682 года в стране царило двоевластие (нечто подобное происходило в нашей стране в 1607-1609 годы, весной 1917 года, в октябре 1993-го). Они арестовывали, казнили или ссылали не угодных им бояр, приказных, командиров. Вмешивались в деятельность правительства, Боярской думы.

Громя 15 мая Холопий приказ, стрельцы кричали: «Всем слугам боярским дана от нас полная воля на все стороны!» А когда через десять дней холопы подали челобитную с просьбой о получении вольности, те же стрельцы, уже заимевшие власть, приступили к репрессиям. Холопов пытали и вешали.

Стрельцы быстро теряли своих союзников в Москве.

Воспользовавшись этим, Софья призвала себе на помощь дворянское ополчение, приказала схватить и казнить Хованского с сыном. Горожане выступили на ее стороне. Стрелецкий бунт был подавлен.

Отметим, что и на этот раз, в период стрелецкой смуты, как нередко бывало на Руси, да и в других странах, церковь оказалась в центре политических и социальных столкновений. (Притязания религиозных деятелей на единственно «духовную власть» вольно или невольно переходят в социально-политические сферы, в особенности когда встает вопрос, чью сторону поддерживать – господствующих или угнетенных классов; и хотя Иисус Христос всегда оставался на стороне бедных, униженных, угнетенных, для слишком многих церковных иерархов ближе, родственней и выгоднее были и остаются имущие власть и капиталы.)

В июле 1682 года произошло знаменательное событие. В Москве обрели авторитет раскольники, у которых оставалась поддержка в народе. К тому же Хованский старался использовать их в своих политических целях. Лидеры раскольников обратились к стрельцам с просьбой о защите: «И вы, братие, нас в поругание по-прежнему не дайте, якоже и братию нашу жечь да мучить, но будите готовы обличать их новую веру». Среди стрельцов стала составляться челобитная о восстановлении старой веры и отмене реформы бывшего патриарха Никона.

Москва забурлила. Начались избиения представителей официального духовенства и активных никониан. Раскольники, пользуясь сочувствием и поддержкой многих стрельцов и посадских людей, двинулись к Кремлю, требуя искоренить никонианство. Патриарх Иоаким, по настоянию которого в апреле того же года были сожжены лидеры старообрядчества (протопоп Аввакум, Епифаний и другие), струсил. Он начал оправдываться тем, что-де «новая вера» была заведена до него. Потом прибежал к царевне и начал плакать: «Теперь-де наша конечная погибель пришла, напрасно-де их раздразили».

Царская семья и двор были уведолены стрельцами, что если кто-нибудь из них заступится за церковные «новые» власти, то им, пусть даже это будут юные царевичи, «от народа не быть живым». Как видим, смута достигает апогея, когда и церковная и царская власти теряют авторитет.

Софья не растерялась, проявив хитрость и мужество. Она повелела

«расколоучителям» явиться на «прения о вере» в Грановитую палату. Там она заняла Царское место и умело вела «прения», показывая выборным стрельцам, что староверы – бунтари, буяны и враги государственного порядка. Выступления затянулись, многие люди стали терять к ним интерес и расходиться по домам.

Царевна Софья Алексеевна. Рис. А. П. Антропова

Под вечер стрельцам был преподнесен от царей-государей подарок: на каждый десяток человек выдали по ушату простого и «поддельного» пива, «такоже и мера мёду». Тотчас собравшиеся стрельцы «и думать перестали» о бунте, «да и побежали всякий десяток со своим ушатом, да перепились пьяны». Тогда уже пошли другие разговоры, и все обиды на начальство позабылись, а любовь к царям нахлынула такая, что начали колотить раскольников как еретиков и бунтовщиков.

В результате стрельцы принесли затребованную Софьей «повинную» и арестовали лидеров раскольников, которых вскоре казнили. Церковные иерархи были спасены. Так стрельцы лишились опоры на тех, кто был сторонником старой веры. Окончательно капитулировали стрельцы в январе 1683 года. По всей Руси читались царские указы, скрывавшие правду о московской смуте. Она в них была представлена как заговор Хованских. Ее стали называть впоследствии «хованщиной». В 1686 году правительство Софьи добилось крупного успеха во внешней политике: был заключен Вечный мир с Польшей, по которому Левобережная Украина навсегда оставалась с Россией, имея значительную автономию. По существу, Софья была царицей. Царствующие особы величались так: «Великие государи цари

и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царица и великая княжна Софья Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые России самодержцы».

Князь В. В. Голицын

Однако братья выросли. И хотя власть Софьи укреплялась, наступал черед правления кого-нибудь из них. Петр все более интересовался государственными делами, в чем его поощряла мать Наталья Кирилловна. Он все более ненавидел Софью, тем более что ему нередко шептали о том, будто сестра замышляет против него недоброе.

Софья постоянно присутствовала на придворных церемониях. Петр посещал их редко и неохотно. Получалось так, что перед знатью и народом главной правительницей представала она. Находясь постоянно в тени, Петр сдерживался, не показывая своей растущей неприязни к сестре, проводя время в воинских играх и нередко следовавших за ними грубых увеселениях. В стране было неспокойно. На дорогах пошаливали разбойники, временами вспыхивали бунты. Был предпринят поход пылко любимого Софьей фаворита князя В.В. Голицина против Крымского ханства в 1687 году, закончившийся бесславным отступлением. Через год поход был повторен. Отдельные отряды крымских татар были разгромлены, но осадить укрепленный Перекоп Голицын остерегся. Эта неудача осложнила положение Софьи.

Царица Наталья, демонстрируя возмужание сына, женила его на красавице боярышне Евдокии Лопухиной. Однако Петра привлекали больше корабли,

построенные на Переяславском озере, да учения с потешными полками. В скором времени эти его потехи обернутся нешуточными делами. А пока в письмах матери он о жене и не вспоминает, сообщая о своих занятиях и подписываясь: «сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка».

После женитьбы царей Ивана и Петра стало ясно, что время правления Софьи заканчивается. Есть версия, что она по этой причине замыслила дворцовый переворот. Новый начальник стрелецкого приказа, ближний окольничий Ф.Л. Шакловитый, к тому же ее «новый галант», пытался возвести царевну на трон, избавившись каким-либо образом от Петра. Пригласив к себе стрелецких начальников, он предложил им подписать челобитную о том, чтобы возвести регентшу на трон. Те, вспомнив ужасы подавления «хованщины», стали отговариваться неграмотностью. Шакловитый настаивал, показывая подготовленное им прошение не только от стрельцов, но и от всех жителей Москвы.

Дело сорвалось, и приглашенные разошлись. Правда, некоторые из стрельцов изъявили готовность поддержать замысел, предложив даже убить Петра. Один из вариантов покушения – напасть на него во время пожара. Они тогда случались часто, а Петр любил участвовать в их тушении, нередко бросаясь в самые опасные места.

Подобное злодеяние могло восстановить против Софьи народ. Тогда она и ее сторонники прибегли к хитрости: пустили слух, будто царица Наталья и ее сын готовятся убить царя Ивана и царевну Софью. Шакловитый призвал отряды вооруженных стрельцов на Лубянку и в Кремль.

Однако большинство стрельцов бунтовать отказалось. Им были непонятны дворцовые интриги, а сломя голову следовать за своим начальником в столь неопределенной ситуации они не захотели. Возможно, Шакловитый решился на отчаянный шаг: организовать убийство Петра. Во всяком случае, именно это сообщили Петру два стрельца, которые ночью 7 августа 1689 года явились к нему в Преображенское и сообщили об опасности.

Спросонок Петр в ужасе бросился в конюшню босой, в одной сорочке, вскочил на коня и умчался в лес. По жалу и, его об уял страх, пережитый им в детстве, во время стрелецкого бунта.

Его отыскивали слуги, одели, вернули домой, откуда он отправился в Троице-Сергиеву лавру. Туда стали стягиваться верные ему бояре, стрельцы и потешные отряды, ставшие к тому времени нешуточным войском. А когда прибыли еще и служивые иноземцы, стало ясно, что дело Софьи проиграно. Она вынуждена была выдать заговорщиков. Ее отправили в Новодевичий монастырь и постригли, нареча Сусанной. Шакловитый и его сторонники после пыток были казнены.

Большая и малая смуты времен царевны Софьи свидетельствовали о том, что началась новая эпоха. Боярская олигархия, хотя и не исчерпавшая свои силы, но напуганная народным восстанием, вынуждена была уступить служилому дворянству. Обретали значительную власть государственные чиновники. Полное и окончательное установление абсолютной монархии

становилось неизбежным.

Стрелецкое восстание 1682 года ускорило не только создание регулярной армии, но и петровских реформ вообще. Оно же положило начало активному участию армии в политике, которое особенно сильно проявилась в период дворцовых переворотов 1725-1741 годов.

Был создан прецедент, сыгравший немалую роль в последующую эпоху: впервые за 150 лет после Елены Глинской к власти пришла женщина – царица Софья Алексеевна. Поэтому, когда после смерти Петра I на трон вступила Екатерина I, дело не пошло дальше ворчания: «какое житье под бабой...» Тем более что ворчавшие попадали в пыточные застенки Тайной канцелярии.

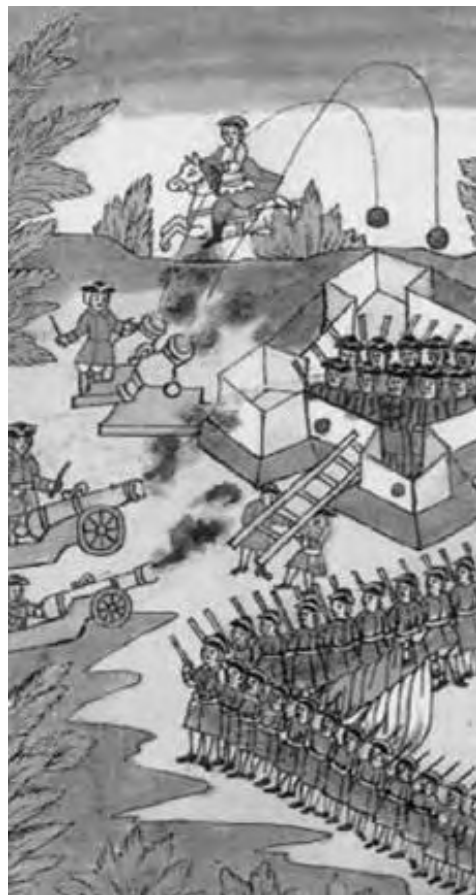
Стрелецкие смуты оказали немалое влияние на личность Петра I, главным образом отрицательное. Они впоследствии тормозили, а то и сводили на нет некоторые его важные преобразования.

У него бывали приступы жестокости, доходившей до бешенства. Порой он поддавался страху, подозрительности, эмоциям. А главное, в нем развилась стойкая неприязнь к боярской патриархальной Москве, которая привела к недооценке некоторых важных сторон наследия Московской Руси. Он готов был рвать все связи с прошлым.

Петр I был противоречив и по своему характеру, и по деяниям. Он «прорубил окно в Европу». Однако сделано это было за выкуп в 2 миллиарда ефимков (серебряных рублей), заплаченных шведам за прибалтийские земли и часть Финляндии. Только отчаянный человек, ненавидящий Москву, рискнул бы заложить новую столицу на гиблых болотах. А он не только задумал, но и частично осуществил этот грандиозный замысел. Десятки тысяч крестьян мучались, болели, умирали на этой стройке.

Петр I создал военный российский флот и мощную армию. При нем было основано более 200 фабрик и заводов. Но все это потребовало огромных затрат сил и средств. На логистику, на строительство, на содержание армии, на торговлю, на проезд, на баню, бороду и даже гроб.

Усилив государственную власть и самодержавие, введя обязательное образование для дворян и содействуя просвещению, он наложил на крестьян тяжкое бремя подневольного непосильного труда. Излишне высоко ценя западных специалистов, император невольно содействовал засилью на Руси иностранцев, прежде всего немцев. Это предопределило «бириновщину» и дворцовые перевороты. Только в XIX веке настала пора торжества русской культуры, соединившей классическое европейское Просвещение с народными традициями и национальной самобытностью.

«Потешные игры» Петра I

Петр I. Гравюра с портрета Г. Келлера, 1689 г.

Петровское время было трудным для всех слоев российского общества. Но все-таки можно согласиться с В. И. Вернадским: «Великим счастьем русского народа было то, что в эпоху перестройки своей культуры на европейский лад он не только имел государственного человека типа Петра, но и научного гения в лице Ломоносова» (знаменательно, что этот гений – был плоть от плоти русского народа).

О ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОШЛОГО

Стрелецкие смуты были предтечами петровских революционных реформ, направленных на преодоление прошлого. Так было, в той или иной степени, и едва ли не со всеми смутами. Но есть и одно странное исключение. Вновь придется обратиться к новейшей истории России. Что было провозглашено, точнее, не сразу оглашено перестройщиками Горбачева и реформаторами Ельцина? Они призывали к преодолению недавнего прошлого, целого семидесятилетия советской власти, и делали все, что было в их силах, чтобы при всякой возможности очернять этот период в жизни страны.

Показательно, что главным объектом постоянных нападок и проклятий была давно завершенная эпоха Сталина, когда якобы в стране был «большой террор» и была создана «империя зла».

Тогда же были пущены «утки» о «периоде застоя», «совке» и «деревянном рубле». Совслужащие, а в особенности журналисты и прочие интеллектуалы, смаковали на разные лады эти «слоганы». И это в ту пору, когда рубль был одной из самых устойчивых валют на свете! Прирост валового

общественного продукта был при «застое» в десятки, если не сотни раз выше, чем в 2001 году, когда правительство радостно рапортовало о небывалом подъеме экономики.

Вот, к примеру, данные, опубликованные 3 ноября 2000 года в «Независимой газете»: отношение доходов 10% самых богатых и 10% наиболее бедных семей (можно его назвать коэффициентом несправедливости) составило 47, тогда как даже в США он равен 14, в Швеции – 11, Германии – 7, Японии – 6, Китае – 3. Разве это не полнейший позор, особенно после того, как даже в самом глухом «застое» при господстве брежневской партократии этот коэффициент был у нас примерно вдесятеро ниже!

Откуда вдруг взялись огромные суммы у «новых русских» олигархов? Ну, конечно же, из разворованной государственной казны, из карманов и сберкнижек трудящихся. Тут бы и содрогнуться обкраденному, обманутому, оболганному и униженному населению, как это было не раз в истории России даже при менее веских обстоятельствах. Но «новые русские» обыватели внимают увещаниям «олигархов» и их интеллектуальных лакеев, а также совершенно безответственным руководителям государства, маниакально продолжающим губительные для народа (но, естественно, не для них и их ближних) «реформы», да еще и награждают «За заслуги перед отечеством» Ельцина...

В данном случае преимущество (в наихудшем) очевидна. Но если взят курс на полное преодоление советского прошлого, то во имя чего? Какие стоят, маячат, рисуются впереди ориентиры? Что предлагают народу средства массовой пропаганды и агитации, находящиеся под призором государства и олигархов?

Ответ отчасти дает принятый герб государства: двуглавый орел с короной между головами. Спрашивается, чем не угодили колосья, серп и молот, красная звезда? Уж не тем ли, что под флагами с этой звездой были одержаны великие победы? Что колосья, серп и молот наводят на мысль о правлении народа, трудящихся? В XX веке двуглавый отечественный орел и трехцветный флаг (он был принят у власовцев) терпели только поражение за поражением. Почему этим символам отдано предпочтение? Не потому ли, что они – самодержавные и имперские? Но страна считается демократической, а империей ругательно обзывают СССР.

Говорят, что возрождают старые русские традиции. Как это понимать? Принцип: самодержавие, православие, народность? И к чему с этой троицей пришли в начале XX века? Неужели надо снова возродить то, что отжито, опровергнуто самой жизнью?

О народности, конечно, говорить не приходится при откровенной плутократии (власти богатых) и коэффициенте несправедливости – одном из самых высоких в мире. Самодержавие? Судя по тому, как Ельцин передал власть своему «наследнику», что получило одобрение большинства голосовавших на выборах, какая-то ностальгия по царю появилась. Возможно, это результат опять-таки оглушительной пропаганды и агитации, когда

монархистами (без царя на троне, в изгнании или в голове) вдруг стали популярные деятели «новорусской» культуры.

Так может быть, православие спасет Россию? Теперь только с ним связывают духовность, словно забыв в религиозном экстазе (хочется сказать: «не верю!») о том, что у же очень много веков в духовной культуре всех народов, сколько-нибудь цивилизованных, религия занимает свое особое, но достаточно скромное место. Даже введение в СССР единой атеистической религии сделало ее одним из компонентов идеологии при небольшой роли в духовной культуре. О теократическом правлении в нынешней России речь вроде бы не идет. А количество православных, более или менее регулярно посещающих церкви, у нас вполне соизмеримо с числом мусульман (больше всех, пожалуй, атеистов или безверующих).

Выходит, нашему народу предлагают преодолеть свое недавнее славное прошлое во имя более отдаленного и бесславного (в XX веке, повторим) прошлого? Это же получается какой-то театр идеологического абсурда! Вывод напрашивается один: смута конца XX века не просто затяжная, а совершенно невыносимая, фантастическая по своей нелепости. Она перешла на начало XXI века, не прекращаясь в умах очень многих людей и в обществе в целом.

Представьте себе нынешние торжественные выходы: президент РФ у трехцветного знамени под двуглавым орлом с короной и при звуках гимна... Советского Союза с переименованным Сергеем Михалковым собственным текстом. Разве это не символично? Президент, корона, СССР... Тройная несовместимость!

Трудно придумать нечто столь же полно и ясно отражающее смутное состояние (если не сумеречное) общественного сознания. Такое впечатление, что у многих уже нет никакого желания выходить из него, ставшего привычным за долгие годы. Одних оно ввергает в эйфорию, других в беспросветное отчаяние, третьих в тупое равнодушие и покорность.

БОРЬБА У ТРОНА

Смерть крупного государственного деятеля нередко оборачивалась смутой в борьбе за власть. Вот и кончина Петра Великого не стала исключением. Тем более что он фактически сделал все, чтобы после него началась борьба за трон.

Покончив с нелюбимым сыном Алексеем, который в случае прихода к власти мог отменить все его реформы, Петр не испытывал доверия и любви к сыну Алексею, своему полному тезке цесаревичу Петру Алексеевичу. В результате царь постановил, что право престолонаследия передается не обязательно его потомкам и даже роду, а зависит от воли самого государя.

Сам Петр I своим примером доказал неразумность такого постановления,

чреватого дворцовыми интригами и переворотами: он умер, так и не назвав имени своего преемника.

С общих умозрительных позиций он рассуждал верно: среди законных – по линии родства – претендентов на престол могут оказаться люди недостойные, а то и умственно слабые. Почему бы не предоставить право власти тому, кто это заслужил своими делами, кто наделен государственным умом и всеми другими качествами подлинного государя?

Однако в реальных условиях ситуации возможны разные, и закон должен это предусматривать. Как в случае с Петром, государь может не успеть назначить своего преемника. Да и так ли уж важно, чтобы у власти всегда находился выдающийся деятель? Значительно важнее – фактор преемственности, когда после крупных и разумных преобразований требуется их упрочить, укоренить в обществе. В частности, за той «революцией сверху», которую осуществил Петр Великий, требовались усилия иного рода: стабилизация обстановки, консервативная политика. В этом отношении показателен (если не сказать трагичен) пример совсем недавний, когда Ельцин передал, в сущности, свою власть В.В. Путину. Последний тотчас уведомил, что будет продолжать «путь реформ», а для этого, чтобы привести общество к процветанию, требуется полный отказ от революционных настроений (то, о чем вещал снятый с должности революционер-разрушитель Е.Т. Гайдар). Теперь необходимы эволюционные процессы...

Такой принцип управления государством был бы вполне оправдан лишь в том случае, если бы ельцинские реформы дали хоть какой-то положительный результат и оставалось только удерживать и далее развивать достигнутое. Однако факты свидетельствуют о том, что именно эти «реформы» стали губительными для страны, народа, культуры, научно-технического и промышленного потенциала России, ее внешнеполитического положения. Весь мир был поражен невиданным преобразованием сверхдержавы в жалкую побирушку, находящуюся в финансовой кабале у Запада, с вымирающим населением и чудовищной коррупцией при фактически олигархическом правлении.

Так вот, присягая на верность экономическому, социальному и политическому курсу Ельцина, его преемник подписывает приговор на полное уничтожение России как независимой державы и русского народа как носителя великой культуры. «Страну разграбили и развалили новые собственники», – справедливо пишет П. Хлебников. Так почему же этим врагам России и русского народа предоставляются и впредь те же права?

Бунт стрельцов. Рис. XVIII в.

Вопрос риторический. Придя во в ласть, даже хорошие люди начинают меняться, и чем власть несправедливее, тем не менее сильнее эти изменения. Когда под видом реформ осуществляется развал страны, то любой разумный, честный и самостоятельный политик должен как можно скорее и решительнее воспрепятствовать этому. В России этого не происходит. Удалось создать коррумпированное полицейское государство, ставшее сырьевым придатком развитых капиталистических держав. Такова реальность. В дальнейшем предполагается лишь закреплять достигнутое. При Петре Великом все было наоборот. Осуществлялись реформы, обновляющие и укрепляющие государство. Продолжение этого курса было жизненно необходимо, потому что в наступающую научно-техническую индустриальную эру отставшим державам грозило подчинение более сильным соседям или даже полный развал. Конечно, главное тяжкое бремя преобразований несли на себе русский народ. Но и в господствующих классах не поощрялась праздность; к государю приближены были люди деятельные и толковые (хотя масштабы коррупции, надо признать, были огромными).

Петр и сам позаботился о том, чтобы его прогрессивные преобразования стали необратимыми: укрепил новый господствующий класс – дворянство, приобщил его к западной цивилизации основав новую «прозападную» столицу, создал гвардейские полки как опору трона, изменил структуру государственной системы. Кроме того, в последние годы своего правления он стал приближать «птенцов гнезда Петрова». Это особенно сильно беспокоило его прежних соратников, прежде всего «полудержавного властелина» А.Д. Меншикова. Ему приходилось опасаться опалы и потому, что он попал под следствия за казнокрадство, а в 1724 году был отстранен от руководства военным ведомством.

Петр Великий еще дышал, находясь без сознания, в низкой комнате деревянного Зимнего дворца (почему-то потом уничтоженного). А в соседнем помещении уже собрались сановники, чтобы решить вопрос о преемнике. Завещания государя отыскать не удалось. Как поступить?..

Приходит на память историческая аналогия: 4 марта 1953 года на даче умирающего Сталина собрались члены советского руководства старшего поколения. К этому времени по предложению Сталина был избран расширенный президиум ЦК КПСС, куда впервые вошли многие молодые сталинские выдвиженцы. А на окружение руководящей четверки – Маленкова, Берии, Хрущева, Булганина – обрушились репрессии. Благодаря «своевременной» смерти вождя, эта четверка не только удержалась на вершинах власти (Берия – ненадолго, возможно, потому что он слишком много знал), но и вывела из Президиума ЦК молодежь.

«Для них дело было не в праве и законности, а в том, чья возьмет: проиграли они – им ссылка или из-под кнута каторга, а Екатерине с дочерьми – монастырь». Как нетрудно догадаться, это сказано В.О. Ключевским о дворцовых интригах после кончины Петра I. В отличие от сталинских и последующих времен, когда в борьбе за власть главными интриганам были партийные боссы, в ту далекую пору собрались знатные сановники, но как вскоре выяснилось, под призором офицеров гвардии, которых официально никто не приглашал. «Подобно хору античной драмы, – писал Ключевский, – не принимая прямого участия в разворачивавшейся на сцене игре, а только как бы размышляя вслух, они до неприличия откровенно выражали свои суждения о ходе совещания, заявляя, что разобьют головы старым боярам, если они пойдут против их матери Екатерины. Вдруг раздался с площади барабанный бой: оказалось, что перед дворцом выстроены были под ружьем оба гвардейских полка, тоже неизвестно кем и зачем сюда вызванные из казарм».

Фактически царицу Екатерину I возвели на трон гвардейцы. Но этот выбор в значительной степени определился обстоятельствами не столько моральными или политическими, сколько финансовыми. В конце петровского правления даже гвардейцам стали задерживать плату. А Екатерина выдала им деньги из собственных запасов. Меншиков привел гвардейских офицеров проститься с покойным императором, а затем они подошли к императрице и

рыдая вместе с ней поклялись, что не допустят никого другого на трон, кроме нее. Гвардии были обещаны дополнительные льготы и послабления по службе.

Можно сказать, что за неимением завещания Петра I состоялись фактически выборы. Но сделали это не олигархи, не выборные от разных сословий, а дворяне-гвардейцы. Пришло время дворцовых переворотов.

Несмотря на все ухищрения, Меншикову не удалось занять первое место у трона. Этому препятствовала, между прочим, и новая система государственного управления. Внешне все пошло прямо противоположным образом по сравнению с петровскими временами. Петр I был действительно самодержец не только по названию. Он твердо держал в своих руках бразды правления государством. Екатерине I же было не до того. Она была занята увеселениями, главным образом пьянством и распутством.

Невоздержанность в том и другом быстро свела ее в могилу.

Самое замечательно при этом, что для страны такое ее правление было во благо. По словам польского историка К. Валишевского. «самодержавие сделалось самой полной фикцией». Управлял страной созданный уже в конце 1725 года Верховный тайный совет (указ о его создании появился в начале февраля следующего года), состоявший из девяти человек. В его работе Екатерина I не принимала участия, а в указах, издаваемых Советом, государыня никогда не именовалась самодержицей, что вполне отвечало действительности.

В сущности, правление стало аристократическим. Члены Верховного тайного совета были в основном сподвижниками Петра Великого, и насколько было возможно старались продолжать его дело. «Царствование Екатерины I означало, – писал Валишевский, – застой в начавшемся развитии. Но, может быть, это еще не было несчастьем». С историком можно согласиться. Если бы императрица принялась за какие-то активные мероприятия, это грозило бы ошибками, впустую растраченными усилиями народа и без того уставшего от реформ и войн Петра I. Застой не превратился в смуту, потому что был передышкой перед новым подъемом страны в царствование Екатерины II. В этом отношении прямой противоположностью явилось правление Хрущева после смерти Сталина. Вместо того, чтобы всячески стабилизировать внутреннюю и внешнюю государственную политику, Хрущев стал судорожно осуществлять целый ряд нелепых и не вызванных необходимостью реформ и мероприятий. Деятельный глупец всегда наносит значительно больше вреда, чем бездеятельный. Народу нужна была длительная передышка и улучшение материального состояния после страшных бедствий и тягот войны и последующего восстановления народного хозяйства. Однако именно со времен Хрущева началось обогащение деятелей госхозпартаппарата, тогда как в то же время постепенно увеличивалась смертность населения СССР, которому приходилось «отвечать» за хрущевские эксперименты. Ну, а что касается правления Екатерины I, то ни в этот период, ни после серьезных изменений в стране не было, что в данной ситуации следует,

пожалуй, считать благом. Вопрос о престолонаследии был заранее решен в пользу Петра II. По малолетству государя реальную власть захватил Меншиков, поспешивший обручить одиннадцатилетнего мальчика-царя со своей дочерью Марией, которая была значительно старше жениха. Поднаторевший в придворных интригах Меншиков удостоился чина генералиссимуса, сделался опекуном Петра II (который называл его «батюшкой») и четыре месяца оставался фактическим самодержцем России. Как известно, на всякого мудреца довольно простоты. И «полудержавный властелин», ставший теперь «полнодержавным», не учел, что бывают интриганы похитрее его. Под их влиянием Петр II рассорился с Меншиковым, приказал его арестовать, а гвардейским полкам – повиноваться только его царским приказаниям. Обручение с Марией Меншиковой было расторгнуто, а ее отец, возвысившийся в полном смысле «из грязи в князи», был окончательно низложен, унижен и сослан с семьей.

На состоянии государства все это не оказало практически никакого воздействия. Продолжалось теневое правление сановников-олигархов. Петра II обручили с дочерью нового приближенного к трону деятеля князя Долгорукого – Екатериной. Мальчику-монарху дали полную свободу в развлечениях, увеселениях и занятиях охотой. Он поздно узнал, что у невесты, которая была значительно старше его, имеется любовник – племянник австрийского посла.

Петр II

Эта новость так подействовала на него, что он на зимнем параде 1730 года,

возможно, нарочно, стоял в тонком плаще и легкой треуголке. Что случилось далее, восстановить трудно. Известно, что юный царь сильно занемог и вскоре умер. Говорят, что в этот момент князь Иван Долгорукий, выхватив шпагу, побежал по дворцу с криком: «Да здравствует государыня-императрица Екатерина Алексеевна!» Никто его не поддержал, даже близкие родственники. Они понимали, что невеста царя так и осталась невестой, не возведенной на трон. На этот раз не было никаких оснований надеяться на поддержку гвардии.

Надо сказать, что «застойное» олигархическое управление государством времен Екатерины I и Петра II оставило в народе добрые воспоминания. Крестьяне получили некоторое налоговое послабление, все шло ни шатко, ни валко. К. Валишевский даже высказал мысль, будто тогда страна пребывала в анархии (но в прямом смысле этого слова, в относительном безвластии, а не в хаосе). Возможно, отсутствие сильного давления центральной власти, предоставленная возможность мирно трудиться действительно были проявлением анархического порядка, которые народу всегда по душе. Однако в классовом обществе, да еще феодального типа, говорить о воцарении анархии можно лишь условно и относительно. Государственная система, скрепляющая общество незримым каркасом, в таких условиях не может быть отменена или даже сильно ослаблена. Более того, отсутствие единовластия в огромной стране грозит опасной нестабильностью.

ИНОСТРАНЩИНА

Со смертью Петра II пресеклась прямая мужская линия Романовых. При отсутствии завещания и очевидного наследника, в государстве могла возникнуть смута в борьбе за верховную власть. Правящим олигархам требовалась «для прикрытия» фигура декоративного монарха, исполняющего их установления.

Екатерина I

Так началась «затейка верховников», которые сумели подобрать подходящую, как им казалось, кандидатуру на трон: племянницу Петра Великого Анну Иоанновну. Она проживала в Курляндии после смерти своего мужа, Фридриха Вильгельма, герцога Курляндского, не имела крепкой опоры в России и нередко брала в долг у своего дядюшки-императора, а затем и у Екатерины I. Олигархи были уверены, что она станет послушным орудием в их руках.

Верховный тайный совет был несколько лет у власти и не желал ее лишаться. Члены совета составили «кондиции», существенно ограничивавшие власть государыни. Они заканчивались так: «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны Российской».

Анна подписала «кондиции» и прибыла в Москву на похороны Петра II. Но уже вскоре она нарушила один из пунктов «кондиций», вызвав к себе часть гвардейцев и объявив себя полковником. В честь этого всем присутствовавшим налили по стакану водки, что еще более усилило энтузиазм гвардейцев, приветствовавших своего нового командира (в юбке). В Москве началось брожение. Предлагались даже проекты конституционной

монархии, где исполнительная власть принадлежит Верховному совету (правительству), а законодательная – Сенату и Дворянской палате. Но все такого рода «крамольные идеи», грозившие беспорядками, были в скором времени пресечены. На собраниях помещиков и офицеров определенной и громче всего высказывалась мысль: лучше подчиняться одному властелину, чем целой толпе правителей.

Анна Иоанновна

Дворяне не желали политических перемен и экспериментов. Они стремились упрочить свою власть при самодержцe. Опираясь на поддержку все тех же гвардейцев и большинства представителей господствующих классов, Анна Иоанновна отказалась подчиняться Верховному тайному совету и распустила его. Русские олигархи кончили плохо. Через несколько лет большинство их погибло на эшафоте или оказалось в казематах (не потеряв мужества и достоинства). Во всей этой истории опять свое веское слово сказали гвардейцы, обещавшие отсечь головы всякому, кто воспротивится называть императрицу самодержавной.

Настал период, получивший название «бионовщины» – от имени камергера, фаворита, любовника Анны Эрнеста Иоганна Бирона. «У этого немца... – писал К. Валишевский, – была нестерпимо высокомерная, тираническая и

дерзкая манера обращения, и сенаторы, которым он однажды сказал, что велит положить их под колеса своей кареты, после того, как его растрясло при переезде через один мост, должны были затаить законную злобу на подобный язык». В это время, по выражению одного историка, немцы посыпались, как мука из прорванного мешка. Иноземцы захватили многие важные и второстепенные посты в государстве.

Правда, по мнению Н. И. Костомарова: «Много распоряжений тогдашнего правительства были совершенно в духе Петра I, и недаром Анна Ивановна поручала государственные дела умным и даровитым «птенцам» Петровым. Благодаря им, во многих отношениях царствование Анны Ивановны может назваться продолжением счастливого царствования ее великого дяди; вообще жизнь русская двигалась вперед и не была в застое». Засилие иностранцев не было смутой, потому что многие из них старались честно служить новому своему отечеству. К тому же среди них не было единства. После смерти императрицы Анны Бирон стал регентом при младенце Иване, сыне ее племянницы Анны Леопольдовны. Учитывая то, что до совершеннолетия малютки оставалось 16 лет, Бирон получал на этот срок высшую власть в России.

Это было слишком. Уже до этого, как отмечал В.О. Ключевский, «народная ненависть к немецкому правительству росла, но оно имело надежную опору в русской гвардии». Тем более что был создан новый гвардейский полк, состоявший преимущественно из украинской мелкой шляхты, а также иноземцев. Гвардейских офицеров стали использовать и для исполнения жандармских обязанностей.

Э. И. Бирон

Хотя среди гвардейцев назревало активное недовольство бироновщиной, главную опасность для Бирона представлял человек, которого он считал преданным себе (отчасти потому, что оба были немцами). Это был глава военного ведомства, успешно проведший Русско-турецкую войну 1736-1739 годов, фельдмаршал Бурхардт Христофор Миних. Позже он утверждал, что причиной переворота стала возрастающая коррумпированность герцога Курляндского Бирона: «Так как герцог, будучи еще обер-камергером, стоил России несколько миллионов... он в течение шестнадцати лет регентства, будучи единовластным правителем империи, переберет у казны еще миллионов шестнадцать и более». Переворот прошел быстро и легко. Фельдмаршал выделил для ареста Бирона только своего адъютанта подполковника Манштейна и 20 солдат. Офицеры из охраны регента охотно помогли Манштейну. Вытащенный из постели Бирон пустил в ход кулаки, но был сильно побит и связан. 9 ноября 1741 года он был препровожден в Шлиссельбургскую крепость. Миних стал первым кабинет-министром. Это событие вызывает в памяти другое, которое произошло 212 лет спустя. Хрущев, воспользовавшись огромным авторитетом в обществе и мощью Советской армии, руками маршала Жукова арестовал могущественного руководителя секретных служб Берию. Жуков получил возможность (и по-видимому, ожидаемую) занять высокий пост в государстве. Но явно недооценил хитрость Хрущева. И хотя был назначен 1955 году министром обороны, вскоре был снят с поста все тем же Хрущевым, а затем уволен из Вооруженных Сил СССР.

Вот и Миниху не довелось долго пользоваться своим высоким положением. Его вскоре отправили в отставку, а во главе кабинета министров поставили графа А.И. Остермана. Генералиссимусом стал муж Анны Леопольдовны принц Брауншвейгский Антон-Ульрих. В общем, немецкая гегемония сохранилась.

При почти полном отсутствии у русских националистических чувств, находиться под долгим иноземным владычеством желающих было мало, – разве что лишь приближенные к верховной власти и государственной казне. Это предопределило популярность новой претендентки на трон – привенчанной (рожденной до законного брака) дочери Петра I Елизаветы, известной своим легкомыслием, пристрастием к нарядам, спиртному и мужчинам и отличавшейся незаурядной красотой. Среди гвардейцев она была очень популярна, многие звали ее «кумой» (она охотно соглашалась быть крестной матерью их детей). Опалы, которым она подвергалась, лишь увеличивали симпатию и уважение к ней – незаслуженно обижаемой страдальце.

Возможно, сказала еще одна традиционно русская черта: жалость и

симпатия к униженным и оскорбленным (недаром в народе и любить, и жалеть – едино).

На этом чувстве ловко и бесстыдно сыграл Ельцин, когда его лишили высоких партийных постов. Казалось бы, какое дело народу до интриг партократов, номенклатурных правителей? Возникла иллюзия, будто этот самый «обиженный» деятель пострадал «за правду», а то и за народ. Никого всерьез не интересовали причины «разжалования» Ельцина, которому предлагали вполне приличный пост министра. Казалось бы, что тут ужасного? Пусть партийный босс поработает теперь руководителем производства! Почему бы не дать ему показать свои способности на конкретной работе?

Однако общественное мнение, в особенности, пожалуй, в среде женщин (основного контингента избирателей), оказалось на стороне «обиженного» партократа. Этим людям не было никакого дела до того, насколько справедливы во всем казались. Главные, есть кого пожалеть.

Конечно, в данном случае ситуация была сложнее, и работали на Ельцина самые разные организации и обстоятельства. Но у многих народов проигравшего партийного деятеля восприняли бы по меньшей мере равнодушно или как существо, вызывающее жалость, но не внушающее уважения и доверия. Для России вышло в точности наоборот.

Если же говорить о Елизавете, то она была достойна жалости-любви многих русских людей, обиженных, а то и оскорбленных гегемонией иноземцев.

Вокруг цесаревны сплотился небольшой, но деятельный кружок из дворян гренадерской роты. Однако помимо целеустремленности и решимости требовались и в те далекие времена деньги на проведение успешной политической кампании. Цесаревне не хватало денег даже на личные нужды, а у ее сторонников финансовые дела обстояли еще хуже.

И все-таки деньги нашлись. Их предоставил Елизавете ее личный врач француз Лесток, к услугам которого она нередко прибегала. Дар этот был не бескорыстным (в политике вряд ли бывают бескорыстные «спонсоры»). В то время как глава русской дипломатии Остерман старался укреплять русско-австрийский союз, Франция стремилась расчленивать австрийские владения. Французский посол в России маркиз де ля Шетарди получил из Версаля инструкцию: обеспечить цесаревну средствами на подготовку переворота. В эту же игру включился шведский посол в Петербурге Нолькен. А за кулисами готовившейся политической драмы стоял ее подлинный режиссер – Фридрих II. Его Пруссия была союзницей Франции и Швеции. Но в интересах Потсдама (где находилась резиденция Фридриха II) было столкнуть Францию, Швецию и Россию с Австрией. В обмен на материальную поддержку Шетарди и Нолькен требовали от Елизаветы передать Швеции петровские завоевания на балтийском побережье. Цесаревна лавировала, не давая твердых гарантий. Ей надо было совершить переворот, а уж затем действовать так, как будет целесообразно.

В конце июня 1741 года Швеция объявила войну России. В приказе

шведского главнокомандующего говорилось, что «шведская армия вступила в русские пределы с целью требовать удовлетворения за обиды, нанесенные шведской короне иностранными правительственными лицами, господствующими с некоторого времени в России, и в то же время, чтобы избавить русский народ от несносного ига и жестокости этих иностранцев». Начались военные действия. Русские разбили шведов в Финляндии, взяв много пленных и трофеев, а в начале ноября расположились на зимних квартирах. Остерман и его сторонники обратились к Анне Леопольдовне с призывом немедленно принять титул императрицы. Она отложила церемонию до 7 декабря, дня своего рождения.

Агенты русских спецслужб доносили в Петербург из Франции и Швеции, что цесаревна имеет контакты с неприятелем, а шведы намерены возвести ее на трон. Но и на это Анна Леопольдовна предпочла не обращать внимания. Возможно, она была слишком увлечена своим романом с послом Саксонии графом Динаром. Только после письма Фридриха II, предупреждавшего правительницу о грозящих ей опасностях, она в конце ноября на куртаге в Зимнем дворце решила объясниться с цесаревной. Анна Леопольдовна напрямик спросила ее о переговорах со шведами и французами.

...Верно сказано в одной из пьес Горького: «Все женщины – актрисы. Русские женщины по преимуществу драматические актрисы». И хотя Елизавета была наполовину латышкой, свою драматическую роль она сыграла отменно: изобразив отчаяние и негодование несправедливо обвиненной невинности, так страстно отвергла все обвинения, что Анна Леопольдовна не нашла оснований провозгласить сакраментальное – «не верю!» Эта уверенность не оставила ее и на следующий день, когда ее муж сообщил о том, что есть сведения о готовящемся Елизаветой государственным перевороте. Он предложил арестовать Лестока и расставить по улицам вооруженные пикеты. Она таких действий не одобрила.

Анна Леопольдовна

На всякий случай была все-таки предпринята одна мера предосторожности. В тот же день 24 ноября был отдан приказ гвардии выступить из Петербурга в поход против шведов, к Выборгу. Елизавета поняла, что дальнейшее промедление, как говаривал Суворов, «смерти подобно».

(Любопытная аналогия. В октябре 1917 года Временное правительство отдало приказ петроградскому гарнизону – опоре большевиков – выступить на фронт. Это послужило неожиданным для правительства сигналом к государственному перевороту.)

Был второй час ночи 25 ноября 1741 года, когда Елизавета вышла из своего дома в сопровождении трех человек, села в сани и велела доставить ее в расположение Преображенского полка. Там она обратилась к собравшимся преображенцам: «Ребята! Вы знаете, чья я дочь!» Они поняли, что наступил решающий момент. Надев кирасу поверх платья и вооружившись, она в санях направилась к Зимнему дворцу. За ней шла Гренадерская рота. А другие преображенцы двинулись арестовывать Миниха, Остермана и прочих

из окружения правительницы.

Войдя в опочивальню Анны Леопольдовны, Елизавета сказала: «Сестрица, пора вставать!» Та стала умолять о пощаде себе и своей семье. Елизавета Петровна заверила, что их не тронут. Затем последовала театральная сцена. Цесаревна подошла к колыбельке младенца-императора, взяла его на руки, поцеловала и торжественно произнесла: «Дитя, ты не виновато в преступлениях твоих родителей». Этому ребенку она уготовила страшную жизнь секретного арестанта в одиночном каземате Шлиссельбургской крепости...

Уже в 8 часов утра был готов манифест о восхождении на российский трон императрицы Елизаветы Петровны.

ПЕРЕВОРОТЫ ВМЕСТО РЕВОЛЮЦИЙ

В книге, посвященной преемникам Петра, К. Валишевский утверждал, что французы не передавали никаких крупных сумм цесаревне для совершения переворота. Поэтому Елизавета вынуждена была заложить свои драгоценности. При этом он ссылаясь на слова принца де Конти: «Революция свершилась (в России) без нас».

Но если опираться на свидетельства очевидцев, то призывая гвардейцев к восстанию, она вовсе не раздавала при этом никаких «подарков» и не разжигала их энтузиазм с помощью денег. Да и вряд ли ради подачи гвардейцы стали бы действовать так смело и решительно. Они уже до этого были готовы к выступлению против правительства, а поторопиться их заставило сообщение о предстоящем походе против шведов.

Не следует преувеличивать (хотя и недооценивать тоже) националистический характер выступления против засиления немцев. Так, сообщая о том, каким образом удалось уговорить прежде всего саму Елизавету взбунтоваться, Валишевский упоминает о том, что сделать этот шаг ее убедили несколько гвардейцев, которых привел с собой Лесток: «Говоривший от их имени сержант Грюнштейн выказал особое красноречие». Фамилия сержанта явно не русская. Он безусловно был немцем, как и многие гвардейцы. Хотя к тому времени многие из прибывших в Россию иноземцев основательно обрусели. Да и сама Елизавета, повторим, была «по крови» наполовину литовкой. Так что о чисто русском заговоре против засиления иностранцев вряд ли допустимо говорить.

Елизавета Петровна

Кстати сказать, и с «бионовщиной» покончил немец Миних. А многие дворяне вели свое происхождение (обоснованно или нет – вопрос другой) от немцев, литовцев, поляков, французов, англичан, шведов, от татарских и кавказских князей и казачьих офицеров Запорожской вольницы. Нет веских оснований предполагать, что русский народ в массе своей тяготился «иноземным игом». Потому-то в России и происходили не революции, а дворцовые перевороты. Революционный по сути переворот был осуществлен раньше – стараниями Петра I. При нем набравшая немалую силу держава особенно резко изменилась в социальном, экономическом и культурном отношении. На этот счет хотелось бы привести рассуждение проницательного мыслителя В. В. Кожина: «Великие революции совершаются не от слабости, а от силы, не от недостаточности, а от избытка.

Английская революция 1640-х годов разразилась вскоре после того, как страна стала «владычицей морей», закрепилась в мире от Индии до Америки; этой революции непосредственно предшествовало славнейшее время Шекспира (как в России – время Достоевского и Толстого). Франция к

концу XVIII века была общепризнанным центром всей европейской цивилизации, а победоносное шествие наполеоновской армии ясно свидетельствовало о тогдашней исключительной мощи страны. И в том, и в другом случае перед нами, в сущности, пик, апогей истории этих стран – и именно он породил революции...»

Только хотелось бы добавить. Революции чаще всего происходят не просто от избытка сил, а от невозможности их реализовать в рамках традиционного, застарелого устройства общества. Это первое. Но для этого, помимо всего прочего, как верно отмечает марксизм, необходимы социальные изменения в обществе, которые требуют соответствующих перестроек государственной структуры в пользу народившихся и усиливающихся классов. Это второе. И первое и второе может быть осуществлено не обязательно революционным путем. В некоторых случаях может реализоваться эволюционный, мирный переход. Но если этого не происходит, если велико сопротивление консервативных сил, если они достаточно сильны и не намерены сдавать своих позиций, то в результате должна разразиться революция. Это третье.

Наконец, последнее (по счету, а не по значению): революция представляет собой не только разрешение комплексного кризиса в материальной и социальной сфере, но и кризис духовный, смуту в общественном сознании. В. В. Кожин имел в виду революционный переход общества в новое состояние, некий «квантовый скачок» на более высокий энергетический уровень; или, если угодно, это можно считать острой социальной болезнью переходного периода, после которой общественный организм обновляется. Ничего подобного в эпоху дворцовых переворотов в России не было. Изменения происходили только в правящей верхушке.

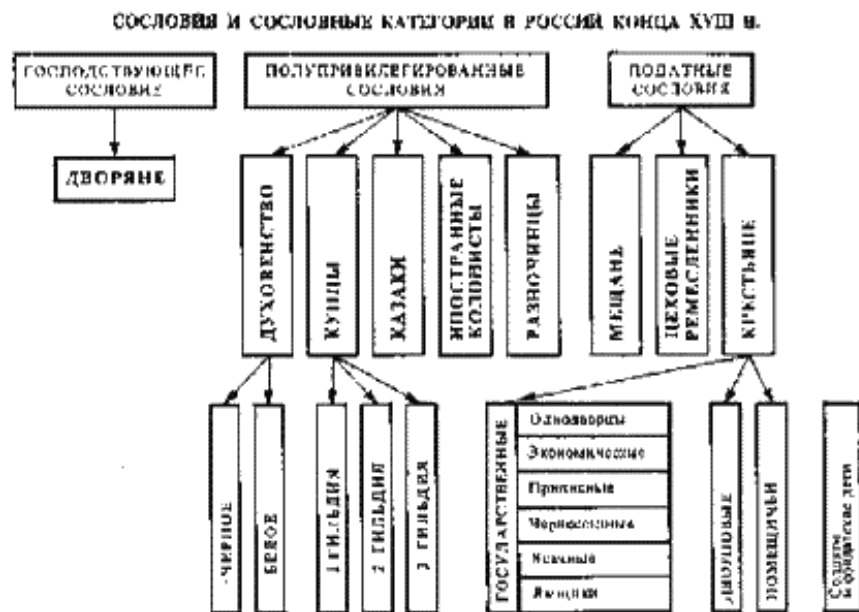
Можно возразить: да разве этого мало? Разве серия подобных переворотов не свидетельствует об определенной смуте? И разве так уж безразлично для общества, какая группа находится у власти?

Нам кажется, что легкость совершаемых переворотов свидетельствует об устойчивом состоянии социальной общественной пирамиды при значительном отрыве правящей верхушки от народных масс, которым безразлично, кто находится у власти: хрен редьки не слаще.

Если бы речь шла о каких-то коренных переменах в жизни общества, то тогда бы перевороты грозили смутами и революцией. А перевороты были подобны порывам ветра, которые вызывают мелкую рябь или небольшие волны, но затрагивают только поверхностные слои водоема. Это можно наблюдать, например, на Неве, когда даже немалое волнение не препятствует ровному течению реки. Но стоит только прийти сильным устойчивым ветрам из залива, как течение реки замедляется в устье, и вся водная масса поднимается и обрушивается на берега.

Подобно тому, как вздымается река от сдерживающей ее преграды, выходя из берегов, так «эволюционные потоки» развивающегося общества приобретают в определенных условиях разрушительную мощь. И в этом

смысле прав был Вадим Кожин, говоря о том, что революции (оговоримся – часто) являются показателем силы и развития общества, а не слабости и упадка.

Сословия в России конца XVIII в.

И еще несколько слов о «поверхностном» характере дворцовых переворотов. Они стали демонстрацией господства в российском обществе дворянства. Об этом же свидетельствует переворот 1762 года, когда к власти пришла Екатерина II (кстати сказать – немка). Никаких серьезных волнений в глубинных слоях общества, в народных массах это не вызвало.

Совершенно иначе все обернулось через 11 лет, когда началась знаменитая Пугачевская Смута. Тогда заявил о себе народ, и это можно считать революционным выступлением. А вот убийство кучкой офицеров Павла I или даже попытку восстания, предпринятую в 1825 году декабристами, вряд ли допустимо относить в разряд революционных событий. Когда мы пытаемся поджечь сырые дрова и это нам не удастся, такое событие нельзя называть пожаром.

Темы: (нет)[[Редактировать](#)]

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Баландин Р., Миронов С. Тайны смутных эпох

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава 5. ОТ ВОССТАНИЙ К РЕВОЛЮЦИИ

Дерзновенны наши речи,
Но на смерть обречены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Дмитрий Мережковский

НАЗВАНИЕ И СУЩНОСТЬ

Один из важных факторов, вызывающих сумятицу в умах людей, связан с неточностью, а то и с сознательным искажением формулировок. Наиболее преуспевают в этом неблагоприятном занятии политические деятели. В крупных политических баталиях не бывает сколько-нибудь значительной группировки, выступающей как «регрессисты». А вот «прогрессистов» всегда с избытком. Есть, конечно же, консерваторы, но и они вынуждены изменяться в угоду текущей ситуации. Впрочем, свои взгляды они никогда не называют регрессивными, а напротив, всячески доказывают, что они – передовые, а их противники – безнадежно отсталые. Победившая партия непременно провозглашает свой курс наиболее прогрессивным. В этом усматривается обычная закономерность, которую еще в XVI веке отметил остроумный англичанин Джон Харрингтон (перевод С.

Web www.gumer.info

- [Опытный переводчик немецкого.](#)

Устный и письменный перевод. Высокий профессионализм. Низкие цены.
qualit.centro.ru - Москва

- [Facebook переведён на русский](#)

Как сообщает сообщество переводов Facebook. основной интерфейс был www.newsland.ru

- [Тайна реки Сучжоу](#)

Редкие кадры, неизвестные детали. Посмотри и обсуди! АКАДО.Телегид
tv.akado.ru - Москва

- [Заработай на ксероксе](#)

Ксерокс без оператора "Копиркин". Установи его в библиотеке!

Я. Маршака):

Мятеж не может кончиться удачей.
В противном случае его зовут иначе.

По той же причине бунт не принято считать революцией. Хотя в подобных случаях между бунтом, восстанием и революцией нередко усматривается различие и по существу. Более того, даже принято отделять перевороты от революций, несмотря на то, что в русском языке эти два слова синонимы, точнее, одно есть перевод на русский язык другого.

Например, И.В. Сталин обычно писал об «Октябрьском перевороте», тогда как официальная советская версия была иной: Великая Октябрьская Социалистическая Революция. На чьей стороне в этом случае была правда? Что произошло 25 октября (7 ноября) 1917 года: вооруженный переворот или революция?

Ответ зависит от того, как понимается в данном случае понятие «переворот». Он может захватывать только руководящую верхушку общества (дворцовый переворот). Однако результат даже такого небольшого по первоначальным масштабам изменения в общественной жизни может в последующем привести к серьезным переменам, социальным катаклизмам и перестройкам, которые вполне обоснованно можно считать революционными.

Перевороты совершаются быстро, порой в считанные часы, тогда как настоящие революции длятся чаще всего годами. Хотя в масштабах исторических событий несколько лет – срок малый, когда речь идет о значительных социально-политических и экономических преобразованиях. «Революция, – писал П.А. Кропоткин, – это быстрое уничтожение, на протяжении немногих лет, учреждений, установившихся веками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкие реформаторы едва осмеливались нападать на них. Это – распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это – полный переворот в установленных понятиях и в ходячих мнениях по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами человеческого стада».

Тут следует сделать оговорку. Разрушение в несколько лет, скажем, религиозной жизни общества вряд ли возможно: для этого требуются по меньшей мере десятилетия.

Вообще, все те революционные изменения, которые упомянул Кропоткин (у него «общественный» в данном случае, по-видимому, синоним «социальный»), не происходят синхронно. Быстрее всего может измениться политическая ситуация, когда к власти приходит новая партия со своей программой решительных преобразований общества. Только окончательная и безоговорочная ее победа может считаться завершением первого этапа революции.

kopirkin.ru - Москва

• [Бесплатная консультация юриста](#)

Бесплатная юридическая консультация. Юрист ответит на Ваши вопросы.

juridconsult.ru - Москва

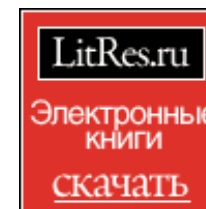
• [Отобрали права? Помощь онлайн.](#)

Юридическая консультация. Задать вопрос, ответ по телефону. **Бесплатно.**

uristkonsult.msk.ru - Москва

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

Но возникает еще один вопрос: всегда ли революцию допустимо считать прогрессивным явлением? Ведь и паралич бывает прогрессивным. За последние полтора десятилетия в нашей стране, как во всех капиталистических странах, официальная пропаганда, стоящая на стороне имущих власть и капиталы, постоянно и громогласно выступает против революций. Именно под этой шумовой завесой удалось совершить в СССР, а затем в России сокрушительные революционные перевороты. И те, кто их осуществлял, при этом твердили о благодати прогрессивного эволюционного пути развития и гибельности – революционного (ссылаясь прежде всего на Социалистическую Революцию).

Как тут не вспомнить образ Тарелкина из пьесы Сухово-Кобылина: «Когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом – так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади!»

Подобные субъекты, стремящиеся бежать впереди прогресса, основательно запутали это самое понятие «прогресс». Они чаще всего склонны считать прогрессивным все то, что нравится им. Политики при этом стараются потрафить подспудным желаниям и мечтаниям образованной толпы. Многолетние усилия буржуазных демагогов привели к тому, что полностью извратилось, к примеру, такое часто звучащее понятие, как «демократия». Изначально оно толковалось как народовластие. Но вот образовались страны «буржуазной демократии», которые гордятся своими свободными, всеобщими демократическими выборами. В то же время они не скрывают, что для победы на выборах требуется иметь мощнейшую финансовую поддержку. Но если побеждают на подобных выборах только ставленники богачей, то эту систему власти следует называть плутократией (от «плутос» – богатство).

Казалось бы, почему не называть вещи своими именами? Если в странах Запада сложился культ материального благополучия и богатства, то почему бы не признать наиболее богатых и самыми достойными (тем более что они – самые влиятельные) и провозгласить торжество плутократической системы?

Тут проявляется, можно сказать, стыдливость богатых, о которой писала Марина Цветаева:

...Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану.
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

Иза то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят, –

Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на брিতость,
Сытость, питость (моргну – и трачу!),
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой – то их взгляд собачий...

Такой бывает потаенная «стыдливость» вора, живущего среди тех, кого он обокрал, у кого постоянно ворует те самые деньги, которые составляют основу его благосостояния. Не этим ли объясняется их какая-то растерянная (под нарочитой важностью) повадка?

Но ведь это все не более, чем моральные сентенции. На них практически все богатые стараются вовсе не обращать внимания, утверждая перед другими свое положение как наилучшее, достойное зависти, уважения и преклонения. То же самое внедряют в общественное сознание средства массовой пропаганды, находящиеся на услужении у богатых. И все-таки до сих пор плутократы (плуты!) предпочитают называть свое правление демократическим. Значит, в такой хитрой подмене есть определенный смысл, имеется своя выгода.

Буржуазные революции потому так и называются, что к власти приходят вовсе не народные массы, а наиболее богатые буржуа. Они пользуются для установления своего полного господства смутой, волнениями в обществе. При этом и народные массы, а точнее сказать, определенная часть народа получает возможность улучшить свое благосостояние или даже получить более высокий общественный статус. При этом формируется новый слой Государственных Владык (сокращенно – ГВ), состоящий из наиболее богатых и влиятельных лиц. Он явно или неявно противостоит Народным Массам (НМ).

Такова предельно упрощенная схема. Но она позволяет четко отделить демократию (приоритет НМ) от аристократии, плутократии, партократии (приоритет ГВ). Подобным образом определяется сущность власти. Каким образом такая власть поддерживается – вопрос второй. Бывает диктатура НМ, а бывает – ГВ, основу которых могут составлять представители какой-то партии или определенного социального слоя.

Революционные изменения в общественной структуре, как следует из предыдущего, могут быть двух типов. В одном случае борьба идет среди представителей ГВ (или претендующих на эту роль) за власть над народом. В другом случае власть переходит к преобладающим по численности слоям Народных Масс при подавлении или физическом уничтожении прежних ГВ. Революцию этого типа принято называть социалистической.

При всем величайшем уважении к НМ, надо признать, что не их поработают, а они сами соглашаются, верней, вынуждены соглашаться с господством ГВ. Без малого пять столетий назад об этом писал Этьен де ла Бозси: «Народ сам отдает себя в рабство, он сам перерезает себе горло, когда, имея выбор

между рабством и свободой, народ сам расстается со своей свободой и надевает себе ярмо на шею...»

Так-то оно так, но приходится помнить о том, что некоторая часть народа за определенные блага идет в услужение ГВ, а поэтому безоружная основная часть народа вынуждена подчиняться своей небольшой, но вооруженной части, которая служит интересам ГВ.

Все это, в общем-то, вещи достаточно примитивные и очевидные. О них бы и не следовало говорить, если бы не одно важное обстоятельство. Вопрос в том, может ли народ осуществить революцию?

Если под ней понимать не волнения, бунты, восстания, то ответ, пожалуй, должен быть отрицательным. Ведь требуется не просто свергнуть существующую власть. Победа революции предполагает не только разрушение, но и созидание, установление нового общественного порядка. В этом отношении народные массы подобны природным стихиям, которых Федор Тютчев назвал «демонами глухонемыми», а Максимилиан Волошин продолжил: «Они творят, не сознавая Предназначенья своего».

Разнородная, рассеянная на обширной территории основная масса народа не может создать государственную структуру. Для этого требуется определенная программа, заранее разработанная, а также более или менее подготовленные люди.

Конечно, может быть партия, представляющая интересы народа. Но тогда в случае победы она становится у власти и... неволью (а то и осознанно) превращается в ГВ. Если это не случится сразу, то должно произойти со временем. Чтобы этого не было, необходимы какие-то специальные меры или какие-то особые люди у власти.

Известно, что революция, подобно греческому богу Крону, пожирает своих детей. Первое поколение победителей, ставших у кормила власти, в большинстве своем обречено на репрессии или уничтожение. Таковы жестокие законы революционной борьбы, когда после успешных восстаний и переворотов приходится переходить к строительству нового общественного порядка. Изменение революционных задач требует радикальной смены стратегии, а значит и притока новых людей. Но методы остаются прежними: революционный террор.

Таковы, судя по всему, объективные закономерности революционного процесса, не зависящие от личных качеств отдельных вождей. Они вознесены на гребень революционной волны, но не они направляют ее движение: здесь задействованы более могучие социальные силы. Не только с подачи отдельных историков, но и вообще в общественном сознании происходит персонификация отдельных событий, связанных с восстаниями, переворотами, революциями. Мы привычно говорим о разинском или пугачевском движении, о вожде революции Ленине, о сталинских репрессиях. Здравомыслящий человек понимает, что это – условность. Однако со временем здравый смысл улетучивается, а в горьком осадке остается пресловутый культ личности, когда заслуги человека в одних

случаях непомерно возвеличиваются, а в других – трактуются как величайшие преступления. Если при советской власти официальная пропаганда превозносила Разина, Пугачева и декабристов как национальных героев, то антисоветские деятели выставляют их как злодеев. Если Ленин считался гением революции и «самым человечным человеком», то в противовес этому его личность стали демонизировать, считая его едва ли не антихристом. О Сталине и говорить нечего: посмертное очернение его образа может сравниться разве только с его прижизненным восхвалением. Подобные чрезмерные контрасты характерны для революционных периодов. Наконец, и отношение к революциям тоже отличается контрастностью оценок. Одни считают их прогрессивным явлением, а другие – сугубо отрицательным, тогда как третьи стараются отличать и характеризовать их в связи с конкретной ситуацией. Как мы уже говорили, А.А. Богданов, один из первых идеологов большевиков, затем перешедший в оппозицию ленинскому курсу, предлагал отделять *кризисы развития* от *кризисов деградации*. Его позиция заслуживает внимания уже потому, что он исходил из наиболее общих представлений, рассматривая законы существования и развития (деградации) сложно организованных систем вообще – биологических, социальных, философских, идеологических, религиозных. Для общественных систем такая классификация имеет смысл уже потому, что кризисные ситуации (одним из воплощений которых являются революции) действительно ведут или к переходу данного социума на более высокий уровень развития, или к его деградации. Таким образом, следует различать *революции развития* и *революции деградации*. Как всякий кризис, они на первом своем этапе схожи, потому что вызваны смутой и общественным комплексным кризисом. Они сопровождаются и естественным «противотечением» – контрреволюцией. Принципиальная разница обнаруживается в дальнейшем. Страна либо усиливается, либо деградирует.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Страна есть единое целое. Общество в основе своей разнородно. Мы уже сравнивали социальную структуру общества с экологической пирамидой. Для стабильности эко– или социосистемы требуется определенное гармоничное соответствие отдельных слоев. Когда один из них получает значительные преимущества, вся система дестабилизируется. Яркий пример такого явления – период правления Екатерины Великой. Она продолжала вслед за Петром Великим реформировать российское общество во многом на западноевропейский манер. Ее по праву можно считать одной из наиболее просвещенных государственных деятелей того времени. Известно, что она вела переписку с французскими просветителями,

философами-вольнодумцами. Ее работоспособность внушает уважение, так же как ее здравый смысл. Дени Дидро предложил ей проект идеального устройства государства Российского. Приняв советы с благодарностью, Екатерина не торопилась их исполнять. Обиженный философ высказал ей свое недоумение, на что она резонно отвечала, что философ имеет дело с бумагой, которая может все стерпеть, тогда как в ее подчинении живые люди, которые не столь бесчувственны.

Несомненно, она была выдающейся государыней. Она умела, оставаясь женщиной, демонстрировать лучшие мужские качества, включая мужество. Карамзин был недалек от истины, когда отметил: «Ею смягчилась власть, не утратив силы своей». При ней Россия окончательно укрепилась как великая мировая держава...

Однако именно в ее правление произошло самое крупное в истории России крестьянское (и не только крестьянское) восстание, грозившее свергнуть существовавшую власть. Эта великая смута вошла в историю как «Пугачевщина». Хотя корни ее уходят глубоко в прошлое и связаны отчасти с особенностями воцарения Екатерины II на престоле.

Она не имела совершенно никаких юридических прав на российский трон. Бедная дочь захудалого немецкого князька, жена императора Петра III сумела отстранить его от власти путем дворцового переворота, опираясь на дворянскую гвардию. Хотя Петр III, издав «Указ о вольности дворянства», освободил представителей этого набравшего силу класса от обязательной воинской службы. Получив такую привилегию, они стали обустроивать свои скромные имения. До этого манифеста 1762 года, неся пожизненную воинскую повинность, дворянин не обращал серьезного внимания на свое домашнее хозяйство. Порой дом небогатого помещика мало отличался от деревенской избы.

Дворянская усадьба XVIII в.

Побывав за границей, русский дворянин имел возможность убедиться, как роскошно живут тамошние привилегированные сословия (ведь еще не грянула Великая Французская революция). И на этот западный манер стали перестраивать свои владения молодые и «свободные» помещики. Как пишет историк Е. Багрова: «У помещиков появляются новые каменные дома, возле них разбиваются парки, устраиваются фонтаны, причудливые гроты, искусственные развалины. Иной чудака-помещик строит зараз и дом, и оранжереи, и фабрики, и заводы, и ничего не доводит до конца. Дом, красиво убранный внутри, снаружи похож на казарму, сад так и остается не огороженным, но ворота, ведущие в него, немецкой причудливой работы... А в столице роскошь все увеличивается. Чтобы быть светским человеком, надо иметь, по крайней мере, несколько кафтанов с золотым шитьем, бархатную шубу с золотыми кистями, несколько золотых табакерок, осыпанных бриллиантами, золоченую карету, запряженную шестеркой белых лошадей. У графа Орлова парадная одежда, осыпанная бриллиантами, стоила миллион рублей».

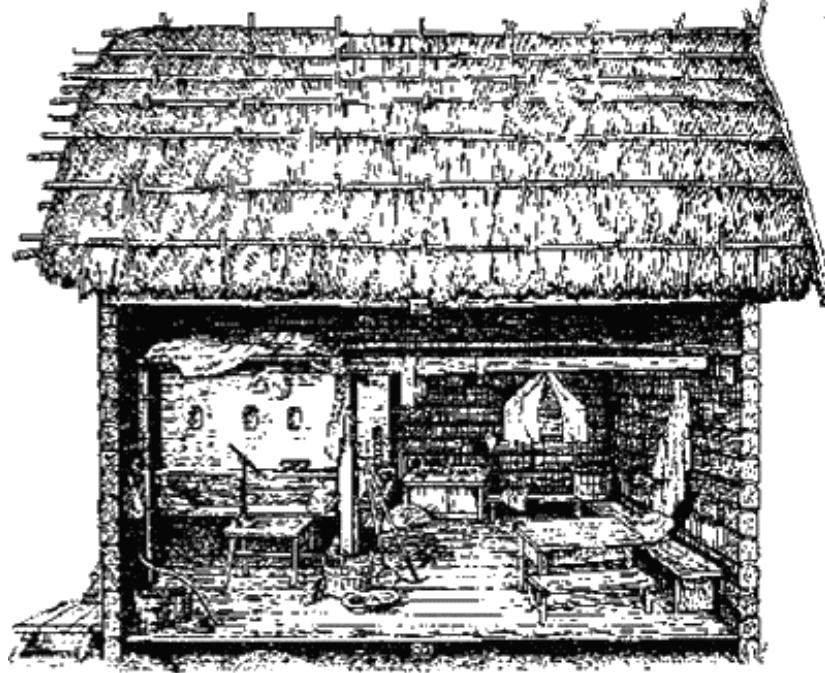
Говорят, что Екатерина II, представляя приехавшему в Петербург австрийскому императору Иосифу II своего царедворца графа Строганова, заметила: «Он так крестовски богат, что не придумает средств промотаться». Польский король Станислав Понятовский, побывавший в гостях у графа Безбородко, не смог сдержать удивления: «Золотая резьба работана в Вене... В обеденной зале уступы парадного буфета уставлены множеством сосудов золотых, серебряных, коралловых и др. Обои чрезвычайно богаты, некоторые из них выписаны, иные сделаны в России. Прекрасная китайская мебель».

Ежедневно у Безбородко накрывали обеденный стол на сто человек. Он проживал в месяц несколько тысяч рублей – огромные по тем временам суммы. Своим любимцам он щедро дарил деревни, которых у него было множество. Заезжей итальянской певице мог сделать подарок в 40 тысяч рублей.

Что уж говорить о празднествах, которые устраивались с необычайным великолепием и в которых участвовали тысячи приглашенных! Возникает законный вопрос: откуда на все это брались средства? Практически единственным классом, который обеспечивал подобную роскошь, было крестьянство. И чем богаче становились привилегированные социальные группы, тем более тяжелый гнет ложился на крепостное крестьянство.

Екатерина II укрепила финансовое положение государства, изъяв из церковной собственности земли и крестьян, а также отменив гетманство на Украине. Казалось бы, пришла пора отменить крепостное право, облегчить жизнь крестьян. На словах императрица была к этому готова. Например, в «Уставе благочестия» (1782 год) она провозглашала приоритет моральных ценностей, основанных на христианских заповедях. Вот ее семь заповедей:

«I. Не чини ближнему, чего сам терпеть не можешь. II. Не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь. III. Буде кто ближнему сотворил обиду личную, или в имении, или в добром звании, да удовлетворит по возможности. IV. В добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю неимеющему, напои жаждущего. V. Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему. VI. Блажен кто и скот милует, буде и скотина злодея твоего спотыкнется, подыми ее. VII. С пути сошедшему указывай путь».

Курная изба второй половины XVIII в.

Приведя этот перечень, современный российский историк А.Б. Каменский счел нужным выразить свое умиление: «Как важно, что эти внушения исходили от того, кто для русского человека был олицетворением власти Бога на земле».

Трудно удержаться от возражения. Во-первых, тогдашний русский человек знал, что Екатерина II не по праву заняла место своего супруга, а благодаря дворцовому перевороту. Во-вторых, государственный деятель обязан не провозглашать моральные сентенции, всем и без того известные, а создавать в стране такие условия, чтобы эти самые заповеди воплощались в жизнь. А то ведь получалось сущее лицемерие. Государыня увещевала даже скотину недруга миловать, тогда как сохраняла дичайшее крепостное рабство!

Большинство дворян вполне устраивало подобное лицемерие. Однако

крестьяне были все-таки не безропотными скотами. Они прежде терпели крепостной гнет, зная, что их барин находится на важной и опасной государственной службе. Да и царь представлялся помазанником Божиим, законным правителем страны.

Теперь выходило иначе. Государыня, хотя и благословленная на царство, взошла на трон незаконным путем. А помещик, вместо того, чтобы служить царю и Отечеству, занят всяческим благоустройством своего быта и развлечениями. И ради чего терпеть все повинности, тяготы и унижения? Вряд ли Екатерина II не понимала, что в народе зреет серьезная смута. Об этом свидетельствовали не прекращавшиеся крестьянские бунты. Но даже при всем своем желании она не могла хоть как-то урезать привилегии дворянства. Ведь именно благодаря дворянам она пришла к власти и удерживалась на троне. Их недовольство было бы для нее смерти подобно. А потому просвещенная императрица, которая вела переписку с философами и провозглашала моральные заповеди, под угрозой жестокого наказания запретила крестьянам жаловаться на своих господ.

Таким образом, смута в России началась задолго до того, как вспыхнуло пугачевское восстание. Уже в начале царствования Екатерины II по стране прокатилась волна бунтов крестьян, казаков, работных людей. В отдельных уездах крестьянские волнения продолжались годами. «На их подавление, – писал советский историк М.Т. Белявский, – правительство двинуло крупные воинские части с артиллерией, предписав им действовать столь же решительно и беспощадно, как и при осаде неприятельских крепостей. Особенно «отличился» при этом генерал князь Вяземский. Он устроил настоящую бомбардировку восставших сел и деревень, расстрелял из пушек фактически безоружных крестьян, а затем провел зверскую экзекуцию над усмирившими».

...Правительство издало ряд указов, в которых подчеркивало, что оно намерено «помещиков в их владениях и имениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать». Одновременно оно грозило, что в случае «вредного от грубиянства и невежества непослушания крестьян», с ними «яко с сущими злодеями и нарушителями общего покоя поступлено будет с таковою же военною строгостью». Сенату и этих драконовских мер показалось мало... По екатерининскому указу 1763 г. крестьяне были обязаны оплачивать не только расходы на посылку и содержание воинских команд, но и стоимость розг и плетей, которыми их наказывали, веревок, на которых их вешали, пуль и ядер, которыми их расстреливали».

Несмотря на подобные меры, предпринятые государыней-моралисткой, бунты крестьян и рабочих вспыхивали с новой силой. Восстание в Кижях (Карелия) продолжалось с 1769 по 1771 год и было подавлено, в результате чего были убиты около двух тысяч крестьян. Волнения рабочих уральских заводов пришлось подавлять карательной экспедицией, которую возглавил все тот же А.А. Вяземский.

На Правобережной Украине чуть раньше бунтовали крестьяне и запорожские казаки, захватывая и грабя усадьбы и замки, давая отпор польским войскам. А в 1771 году во время эпидемии чумы восстал московский люд, ведя уличные бои, захватив на три дня Кремль и убив главу московской церкви архиепископа Амвросия.

Правительство постаралось ограничить вольности яицких казаков и лишиться их некоторых привилегий, в частности, беспошлинного соляного промысла и рыбной ловли. В ответ на Яике (река Урал) вспыхнуло восстание казаков, которое пришлось подавлять с помощью регулярных войск.

Тогда же объявился на Яике человек, который стал выдавать себя за спасшегося от смерти императора Петра III. В этом отношении он оказался не оригинален: в России в ту пору было уже несколько самозванцев.

Появились они, конечно же, не случайно. Официальное сообщение о его естественной смерти было воспринято в народе с недоверием. Возродилась мечта о царе, покровителе крестьян, радетеле за их интересы. Прошли слухи о том, что на него совершили покушение дворяне, потому что он пожелал даровать волю крестьянам. Но царю удалось чудом спастись (в одной из деревень отслужили благодарственный молебен о его спасении). Он вынужден скрываться в народе до поры до времени.

Самозванцев правительство вылавливало и казнило, но это не могло искоренить легенду о добром царе. Настали смутные времена, когда народ, подавленный угнетателями, разуверился в верховной власти. Кризис доверия народа к власти – один из важных симптомов серьезной смуты.

«КРЕСТЬЯНСКИЙ ЦАРЬ»

Предки Емельяна Ивановича Пугачева (Пугача) были выходцами с Украины на Дон. Он появился на свет в родной станице Степана Разина – Зимовейской. Но если Степан Тимофеевич происходил из семьи зажиточных «домовитых» казаков, то Пугачев – из голытьбы.

Ему довелось участвовать в Семилетней и первой Русскотурецкой войнах. Проявив храбрость и сообразительность в боевых действиях, он получил младший офицерский чин хорунжего в казачьих войсках. Пугачев принимал участие в поимке беглых раскольников, но карателем быть не пожелал и ударился в «бега». Скитания привели его в Белоруссию, в район Гомеля. Он поселился там весной 1772 года в раскольничьем ските.

До него, конечно же, доходили слухи о чудесном спасении «заступника за народ» Петра III, а также о тех, кто выдавал себя за императора. По-видимому, тогда-то он и задумался о том, чтобы воспользоваться случаем и сыграть смертельно опасную роль Петра III.

...В период горбачевского перестроечно-смутного времени в «Военно-историческом журнале» один автор, верно уловив негласный социальный

заказ, постарался доказать, будто екатерининская эпоха была светлой и радостной для русского крепостного крестьянства, а Пугачев был в раскольничьем ските завербован представителями иностранных спецслужб! Возможно, этот автор намекал на то, что и в XVIII веке революционные идеи проникли в Россию с Запада, подобно марксистскому учению во второй половине XIX века.

Подобная идеологическая установка была весьма выгодна антисоветчикам, которые вбивали в головы некоторой части «патриотов-почвенников» мысль о том, что русскому народу чуждо возмущение против царской власти, что триада «самодержавие, православие, народность» есть нечто подобное чудесному заклинанию, способному спасти Россию. В таком случае и две революции 1917 года можно было представить как результат коварного заговора гнусных «жидомасонов» (словно не было Гражданской войны, в которой победили не белые, которых поддерживал Запад, а красные, на стороне которых оказалось большинство русского народа).

На примере гипотезы, представляющей Пугачева ставленником иностранных спецслужб, видно, насколько политизированными бывают иные историки. Хотя у этой гипотезы есть и некоторые основания. У следователей, которые допрашивали пойманного Пугачева, были подозрения относительно его связи с границей. Но, как писал историк В.И. Буганов, «следователи убедились, что восстание, которое он возглавил, не было кем-то инспирировано, что оно было стихийным движением народа против крепостничества, дворянства».

Император Петр III

Кстати сказать, во времена горбачевско-ельцинские постоянно в массы запускались мифы о добреньких царях-императорах, при которых русскому народу жилось вольготно и благостно. И это делали те, кто ненавидел Советскую Россию, а то и Россию вообще, только для того, чтобы пробуждать в массах ненависть и презрение к недавнему прошлому. Тогда же появились и самозванцы. Один из них уверял, что является сыном чудесно спасшегося цесаревича Алексея Романова, а стало быть, имеет все права на российский престол. В одном из опубликованных интервью расторопная журналистка, беседуя в 1995 году с этим «сыном» цесаревича Алексея, сослалась для пущей убедительности на результаты международной акмеологической конференции, состоявшейся в марте того же года в Москве.

«Кроме астрологов и экстрасенсов, – писала журналистка, – в ней приняли участие экономисты, социологи, политологи. Они попытались сделать прогноз развития событий в российской политической жизни на 1995-1997 годы. По докладам сопредседателей международного фонда «Стратегия» академика С.П. Преображенского и профессора Дж. Фитджопса (США), на основании других футурологических исследований предсказано, что вскоре

Николай Алексеевич Романов-Дальский будет коронован в Кремле под именем Николая III».

Все это не было сказано 1 апреля и не украшало страницы сатирического журнала. Теперь каждый усмехнется и скажет, что все это чепуха. Но тогда, в 1995 и 1996 годах, было в нашем обществе немало людей (да и куда бы они делись сейчас?), которые воспринимали подобные откровения с полнейшей серьезностью. Разве это не показатель чудовищной смуты? В последние годы о Николае III не слышно вовсе. Это лишний раз доказывает, что когда Ельцину и его олигархам надо было во что бы то ни стало удержать свою власть и продолжать в этой связи порочить Советскую Россию, было выгодно рекламировать самозванцев, претендующих на отсутствующий российский трон. Реанимировалась легенда о добром царе и благоденствующих подданных, идиллию которых зверски разрушили злые большевики, одурманенные западными крамольными идеями марксизма.

Однако самозванцы конца XX века вносили сильнейшую смуту в умы главным образом вполне образованных интеллектуалов и служащих.

Основная масса народа оставалась равнодушной к подобным идейным вывертам.

Иная ситуация была в 1772 году. Наиболее образованная часть общества отдавала себе отчет в том, что царь свергнут и убит, а опорой власти служит дворянство. Но в народе крепла вера в «своего царя», заступника за простой люд. Это понимал Емельян Пугачев, решивший использовать смуту для того, чтобы организовать восстание.

Осенью 1772 года он перебрался на Яик, где еще продолжались волнения казаков. Осмотревшись, он «признался» одному казаку, будто является царем Петром Федоровичем. Слух постепенно распространялся среди казаков, о чем было доложено начальству. Пугачева схватили и посадили в тюрьму. Однако ему удалось бежать, и уже ничего не оставалось, как открыто заявить о своих правах на российский трон. Он пообещал казакам восстановить их старинные порядки и предоставить им дополнительные льготы.

Безусловно, далеко не все были введены им в заблуждение. Тем более что власти поспешили сообщить, что он – самозванец, донской казак.

Ближайшие соратники Пугачева вряд ли сомневались в этом. Для них этот вопрос не был принципиальным. Если нет законного государя, а на троне утвердился немка, то почему бы не поставить вместо нее русского казака? Емельян Пугачев проявил себя хорошим организатором, и в его окружении было немало талантливых людей. Среди них выделялся Падуров – один из депутатов от казачества в «Уложенной комиссии», созванной в Москве Екатериной II для либерального прикрытия своей крепостнической политики. Там Падуров ознакомился с идеями французских просветителей, что отразилось в наказе от казачества, в составлении которого он принимал участие.

В отличие от Разина, не поднявшегося в своей деятельности выше казацких

анархических стереотипов, Пугачев понимал важность социальной организации. Он попытался даже создать государственный аппарат восставших и придавал большое значение агитации и пропаганде. Он решительней, чем Разин, выступал против бесцельного разрушения и постарался, хотя и безуспешно, наладить военное производство на уральских заводах.

Как обычно бывает при стихийных народных восстаниях, разрушительные действия удаются гораздо лучше и радикальней, чем созидательные. Ненависть рабочих к каторжному заводскому труду была так велика, что они в большинстве случаев громили все заводское хозяйство.

Пугачевское восстание, в отличие от разинского, быстро приобрело ярко выраженный крестьянский характер. По мере того как оно охватывало новые районы, роль яицких казаков сокращалась. Многие из них не захотели оставлять свои земли (только в пугачевском руководстве они оставались в большинстве).

Емельян Пугачев

Была у пугачевщины еще одна важная отличительная черта: в восстании участвовали почти все сословия (работные люди, горожане, духовенство), а также представители разных национальностей – башкиры, киргизы, черемисы. Старообрядцев он привлек тем, что обещал пожаловать «древним крестом и бородой». Но больше всего благ обещал он в манифесте сентября 1773 года казакам, жалую их «рякою с вершины и до усья, и землю, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом и порохам и хлебным

провиянтам».

Пугачев стал народным вождем, предводителем крестьянского восстания. Он был, конечно же, не революционером в полном смысле слова, а, как выразился И.В. Сталин, – «царистом». Но в тогдашней России иначе и не могло быть. Однако главнейший пункт его политической программы с полным основанием можно считать революционным: целью своей он провозглашал уничтожение дворянства как класса.

В манифесте, составленном после взятия Саратова летом 1774 года, Пугачев провозглашал: «Я – ваш законный Император. Жена моя увлеклась в сторону дворян, и Я поклялся Богом истребить их всех до единого. Они склонили ее, чтобы всех вас отдать им в рабство, но Я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убийц, но Бог меня спас».

Он стремился не только захватить власть в стране, но и изменить социальную структуру. Хотя, конечно же, в то же время признавал незыблемость царского самодержавия. По его мысли, царь должен был выражать интересы не дворянского меньшинства, а крестьянского большинства.

Согласно этим представлениям, система правления в России предполагалась монархической по форме и анархической по содержанию. Об этом можно судить по его манифесту от 31 июля 1774 года, где говорилось:

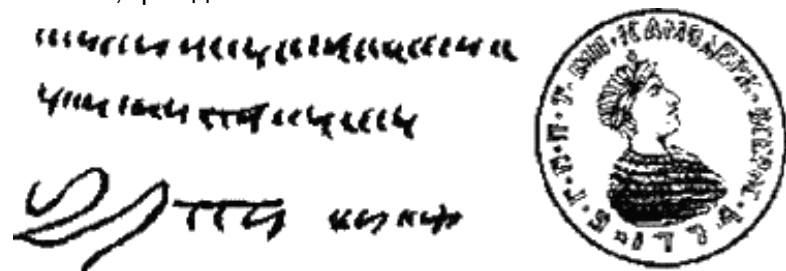
«Сим именным указом с монаршим и отеческим Нашим милосердием, всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короны и награждаем древним крестом и молитвою, и головами и бородами, вольностью и свободой, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владения землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброку».

Каким образом все это можно организовать, он не указывал, зато провозглашал метод революционного террора по отношению к дворянам, с которыми надо поступать так же, как они поступали с крепостными: ловить, казнить и вешать. После чего в стране воцарятся мир и покой, «кои до века и продолжаться буд ут».

Проще всего оказалось организовать «революционный террор» и разорять, грабить и разрушать помещичьи усадьбы, крушить фабрично-заводское хозяйство. Народная стихия в этом отношении подобна природной. Надо только иметь в виду, что и противная сторона, дворянство, не менее жестоким образом расправлялось с восставшими крестьянами, а крепостной гнет, на котором держалось их благосостояние, был подлинным и часто беспросветным рабством.

По словам А.С. Пушкина, произошел «мятеж, начатый горсткой непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов». Но кое в чем можно не согласиться и с Александром Сергеевичем.

Распространение казацкого мятежа и превращение его в народное крестьянское восстание зависело не от нерадения местного начальства, а от его беспомощности перед лицом массового движения. Это была, можно сказать, гражданская война.

Автограф и печать Пугачева

Она оказала заметное влияние не только на русскую, но и на европейскую, а отчасти и на мировую историю. Ведь одновременно с этим восстанием боролись за свою независимость североамериканские колонии Англии, создавшие свое государство. Считается, что победе американской революции способствовали тогдашние враги Лондона – Франция и Испания. Но вряд ли устояла бы американская держава, если бы Екатерина II исполнила просьбу английского короля, оказав ему помощь русскими войсками.

В то время эти войска передислоцировались с фронта окончившейся русско-турецкой войны во внутренние области России для подавления пугачевского восстания. По-видимому, только по этой причине Екатерина II отклонила просьбу английского короля. Ей приходилось сражаться за сохранение собственного государства.

Североамериканские повстанцы остались победителями. А русским бунтарям была уготована страшная доля. Сжигались деревни, виселицы на плотах плыли по Яику и Волге, на Болотной площади в Москве торжественно казнили Пугачева.

Когда парижские бунтари полтора десятилетия спустя взяли Бастилию, перед русской императрицей вновь встала тень донского казака, поднявшего пол-России на грозное восстание.

Она не решилась послать русскую армию к границам революционной Франции. По тем временам это была лучшая армия Европы, и она смогла бы справиться с восставшими. Была бы задушена в зародыше французская революция, про которую Ленин сказал, что весь XIX век был ее продолжением.

Тут кстати вспомнить пушкинское: «Не приведи Господь видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Из этого нередко делают вывод, будто в отличие от всех прочих, русский бунт какой-то особенно ужасный, словно чем-

то лучше, «цивилизованней» были бунты и революции в Англии, Франции, Германии. В этом отношении восстание под руководством Пугачева не было исключением.

Любая природная стихия бессмысленна (бессознательна) и беспощадна. Народные восстания вызваны всегда гневом и возмущением, а вовсе не какими-то кабинетно-идейными соображениями. Здесь эмоции всегда преобладают над разумом. Ведь это – периоды смуты духовной. В такие моменты не только народные массы, но и отдельные личности «теряют голову».

Есть основания считать пугачевское восстание революционным выступлением. Оно предполагало установление особенной, можно сказать, народной монархии (монархо-анархического государства) при коренном изменении социальной структуры общества. И если его так не называют, то по упомянутой нами причине: «Мятеж не может кончиться удачей...»

СМУТА И РЕВОЛЮЦИЯ

Вряд ли было случайным совпадение пугачевского восстания по времени с Великой Французской революцией, грянувшей в 1789 году. Для истории расхождение в полтора десятилетия незначительно. В обеих странах существовала просвещенная монархия, а основанием для восстаний послужили народные волнения.

В России с казнью Пугачева восстание не прекратилось. Как писал А.С. Пушкин: «Совершенное спокойствие долго еще не воцарялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление... и искореняя последние отрасли пресеченного бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение и поведено все дело предать вечному забвению. Екатерина, желая искоренить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские... Но имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую – так выразительно – прозвал он пугачевщиною».

Неудивительно, что «замирения» народа с правящим классом не состоялось. Никаких принципиальных изменений к лучшему не произошло. Простой русский народ оказался в положении побежденного, покоренного, вынужденного смириться со своим унижительным положением.

Это в конце XX века хитрые политики и журналисты, а также наивные или обманутые «патриоты» и странные монархисты, неведь какую монархию представляющие, вдруг дружно стали рисовать идиллические картинки жизни народа в царской России. Конечно, в хлебородные годы, да у хорошего помещика крестьянам жилось действительно не худо. Только и всего. В

остальном их положение было незавидным. Иначе не бунтовали бы они, не шли на смертный бой против регулярных войск, как это было во время пугачевского восстания (обратим внимание на то, что Пушкин считал назвать «ужасной эпохой» восстание, длившееся сравнительно недолго).

Уже после того как страсти, казалось бы, улеглись, дворянин А.Н. Радищев правдиво описал свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Он побывал в тех краях, которые не восстали. Почему? От хорошей жизни? Вот характерный разговор Радищева с безымянным пахарем, который есть смысл привести целиком.

– Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, заканчивал начатую борозду. – Бог в помощь, – повторил я.

– Спасибо, барин, – говорил мне пахарь, отряхивая сошник и перенося соху на новую борозду.

– Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

– Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А Бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

– Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще в самый жар?

– В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину, да под вечер возим оставшееся в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для прогулки, ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай Бог, – крестясь, – чтоб под вечер сего дня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у Господа молят.

– У меня, мой друг, мужиков нет, и оттого никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

– Три сына и три дочки. Первенькому-то десятый годок.

– Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

– Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

– Так ли ты работаешь на господина своего?

– Нет, барин, грешно было бы так же работать. У него на пашне – сто рук для одного рта, а у меня две – для семи ртов.

Не удивительно, что Радищев, обращаясь к помещикам, восклицал: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, – воздух. Да, один воздух».

Правда, порой чаша терпения крестьян переполнялась. И тогда они могли при случае даже убить своего мучителя и кровопийцу-помещика. В XIX веке российская статистика в этом пункте была фальшивой: не учитывалось, сколько помещиков погибало от рук своих крепостных (в официальных сводках обычно в таких случаях констатировали смерть от апоплексического

удара). Наказать конкретных виновников чаще всего не было возможности, потому что у крестьян практиковалась круговая порука.

Спору нет, со временем суровость крепостных порядков не увеличивалась, а уменьшалась, а там и произошла «революция сверху»: отмена Александром II крепостного права. Впрочем, революцией называть такой шаг можно только для красного словца, ибо государственный строй и соотношение социальных групп в результате не изменились.

Но если велико было внутреннее возмущение крепостных и работных людей своим бесправным положением, то почему же не превратилось пугачевское восстание в полноценную революцию, подобно тому, что произошло во Франции? Там ведь тоже все начиналось со смуты, огромного числа нищих и обездоленных, отдельных бунтов.

Советская историософия давала этому такое объяснение. «Трагедией восставшего крестьянства было то, – писал М.Т. Белявский, – что, поднявшись на борьбу, героически сражаясь со своими угнетателями, оно не могло противопоставить самодержавно-крепостническому строю новый общественный строй. Восстание, несмотря на размах, как и прежние выступления народных масс, было стихийным – восставшие не имели ясной политической программы борьбы и могли лишь противопоставить «плохой дворянской царице» Екатерине II «хорошего», «доброе» царя».

Такое объяснение трудно считать убедительным. Как мы видели на примере некоторых указов Пугачева, у него достаточно ясно очерчивалась политическая программа установления монархически-анархического государства. По тем временам, учитывая особенности общественного сознания, это была вполне разумная и реалистическая идея. Поставить во главе государства «крестьянского царя» – разве этого мало?

Для России того времени это была, можно сказать, программа-максимум. Кстати, и французы не выступали за коммунистические идеалы. Лозунг «Свобода, Равенство, Братство» вполне подходил не только для масонских лож и французских революционеров, но и для русских мужиков, которые пошли за Емельяном Ивановичем Пугачевым. То, что у них, мужиков, такие слова не были в обиходе, ничего принципиально не меняет. Русский вариант можно сформулировать так: «Воля, Справедливость, Братство». Суть остается все той же.

Екатерина II

Во Франции большинству крестьян жилось не лучше, чем в России (и это несмотря на то, что там природные условия несравненно благоприятнее для сельского хозяйства, чем у нас). Как писал П.А. Кропоткин: «Бедственное положение громадного большинства французского крестьянства было, несомненно, ужасно. Оно, не переставая, ухудшалось с самого начала царствования Людовика XIV, по мере того, как росли государственные расходы, а роскошь помещиков принимала утонченный и сумасбродный характер, на который ясно указывают некоторые мемуары того времени. Особенно невыносимыми делались требования помещиков оттого, что значительная часть аристократии была в сущности разорена, а потому старалась выжать из крестьян как можно больше дохода... Через посредство своих управляющих дворяне обращались с крестьянами с суровостью настоящих ростовщиков. Обеднение дворянства превратило дворян в их отношениях с бывшими крепостными в настоящих буржуа, жадных до денег, но вместе с тем неспособных найти какие-нибудь другие источники дохода, кроме эксплуатации старых привилегий – остатков феодальной эпохи... Крестьянские массы разорялись. С каждым годом их существование становилось все более и более неустойчивым; малейшая засуха вела к недороду и голоду. Но рядом с этим создавался – особенно там, где раздробление дворянских имений шло быстрее, – новый класс отдельных зажиточных крестьян... В деревнях появились деревенские буржуа, крестьяне побогаче, и именно они перед революцией стали первые протестовать против феодальных платежей и требовать их уничтожения... Накануне революции именно благодаря им, крестьянам, занимавшим видное положение в деревне, надежда стала проникать в села и стал назревать

бунтарский дух... И нужно сказать, что если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции».

Мы привели эту большую цитату потому, что Петр Алексеевич Кропоткин, заставший крепостное время в России, писал, словно одновременно имея в виду не только Францию, но и свое Отечество. Хотя не образовалось еще в России при крепостничестве значительной прослойки «кулаков», деревенских аналогов буржуа, а самое главное, так называемый «третий класс» и пролетариат находились если не в зачаточном, то в младенческом состоянии. В XVI веке во всех развитых государствах значительный удельный вес обрели горожане, а их роль в управлении государством и соответствующими переворотами становилась решающей. Недаром такое символическое значение обрел факт захвата в Париже Бастилии.

За Пугачева была крестьянская, фабрично-заводская, городская беднота, – массы, не имевшие единого идейного стержня и сколько-нибудь определенной организованности. Была бушующая стихия, но отсутствовала целеустремленная направленность на революционный переворот, который можно свершить только там, где находится правительство. Требуется кинжальный удар в центр управления страной, чтобы парализовать действие государственной машины, точнее сказать, органов управления государством. Подобной возможности у пугачевского восстания не было. Вот если бы восстание декабристов 1825 года совпало по времени с народными волнениями типа пугачевщины, тогда еще могло бы свершиться нечто подобное Великой Французской революции. Государственный переворот должен происходить на фоне большой смуты, только в таком случае он может стать революционным.

Для буржуазной революции необходима достаточно крепкая и претендующая на власть буржуазия; для пролетарской революции требуется как минимум немалое количество пролетариев. А вот крестьянские революции, несмотря на огромное количество крестьянских масс во всех странах (во всяком случае, до XX века), так и не свершились. Постоянно вспыхивали крестьянские восстания и бунты, переходящие порой в крестьянские войны. Но последний шаг – к победоносной крестьянской революции – так и не был сделан.

Пример Франции в этом отношении красноречив. Ведь уже «блестящее» царствование Людовика XIV привело к тому, что начались бунты, которые продолжались практически во все время правления следующего Людовика и особенно обострились после неурожайного 1774 года. Позже, при улучшении урожаев, волнения пошли на спад, но не прекратились. Так что смута продолжалась достаточно долго, и Великая революция стала, по существу, ее переходом на новый уровень. Без этих бунтов она бы не свершилась. Но и без государственного переворота, который произошел в Париже, волнения народа были бы в конце концов подавлены если не силой оружия, то благодаря либеральным реформам.

Когда в России в середине XIX века стала назревать революционная

ситуация, царское правительство сумело ее преодолеть без серьезных социальных потрясений, путем реформ. Эта мера помогла избежать крупных народных волнений, но революционные идеи проникали в российское общество не снизу, а сверху, из среды наиболее просвещенных граждан. Дело тут не столько в тех или иных политических группировках и партиях, а в том, что не народ, а именно наиболее просвещенные граждане в большинстве своем были настроены против самодержавия. Одни мечтали его ограничить парламентом, другие выступали за парламентскую республику, третьи – за полное свержение существующего государственного строя.

В этих условиях едва ли не самыми консервативными социальными слоями были, помимо небольшой правящей прослойки, крестьяне. Революционные идеи находили отклик в умах наиболее образованных рабочих.

В своих замечательных «Записках революционера» П.А. Кропоткин свидетельствовал, что ему приходилось с большой опаской подводить сезонных рабочих, среди которых он вел народническую пропаганду, к мысли о возможности свержения царской власти. Приходилось делать упор главным образом на просветительские беседы, одновременно переходя на социальные темы. Среди квалифицированных заводских рабочих делать этого не требовалось, потому что они неплохо разбирались в политэкономии и революционных идеях.

Как о типичном эпизоде Кропоткин рассказал о случае с народником Сергеем Кравчинским. Он и его товарищ, идя по дороге, попытались завести с нагнавшим их мужиком на дровнях разговор о тяжких податях, произволе чиновников и необходимости бунта. Мужик стал погонять лошаденку, агитаторы поспешили за ним, продолжая толковать о податях и бунтах, пока мужик не стал стегать лошадь, чтобы она вскачь умчала его от народников. Кстати сказать, и Кропоткина выдал жандармам кто-то из рабочих-ткачей, среди которых он вел пропаганду. Никаких выступлений рабочего класса таким путем добиться не удалось.

Еще один вид деятельности революционеров – террористические акты – тоже оказался бесполезным. Идеологи таких акций (хотя и не всегда – исполнители) понимали, что таким образом невозможно запугать, а тем более свергнуть существующий строй. Однако можно было добиться ответных репрессивных действий правительства, ужесточения режима, а значит и более благоприятной революционной ситуации.

Ужесточения режима они добились после убийства Александра II и смещения в результате «бархатного диктатора» Лорис-Меликова, относительного либерала. Но революционная ситуация от этого не возникла. Потому что никакой смуты тогда в России не было: страна была стабильной и развивающейся.

...В 1924 году талантливый человек и большой фантазер А.Л. Чижевский издал книгу «Физические факторы исторического прогресса», в которой попытался доказать, что революционные и другие социальные возмущения

возникают в периоды повышения солнечной активности. Для России такое совпадение пришлось на 1905 и 1917 годы, причем в первом случае число солнечных пятен было меньше, чем во втором, в соответствии с интенсивностью революционных потрясений.

Некоторые интеллектуалы и сейчас верят в подобную зависимость социальных катастроф от активности Солнца или «парада планет» (когда они выстраиваются примерно в одной плоскости). Как писал Чижевский:

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы...

...И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас – буйствовал народ,
А над землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход...

Однако в действительности еще более, чем в 1917 году, вспышка солнечной активности была в 1837, 1847, 1870, 1780, 1789 годах. Но почему-то в эти годы никакой революции в России не произошло. Да и самая большая всеобщая «смута» начала XX века приходится, пожалуй, на 1914 год, когда вспыхнула Первая мировая война. Не будь ее, неизвестно, что произошло бы в стране позже.

Так что не космические факторы, а прежде всего смута и на ее фоне государственный переворот являются обязательными признаками подлинной революции.

ПОШАТНУВШАЯ УСТАНОВКА

В индивидуальной психологии есть понятие установки. Это нечто, подобное эмоциональной предрасположенности, предвзятости, готовности к определенным реакциям в соответствующих обстоятельствах. Такая реакция вырабатывается в результате опыта, знаний или традиций.

В простейшем виде установка вырабатывается у животных при дрессировке или при экспериментах, которые проводил, в частности, И.П. Павлов на собаках. Человек способен выработать установку самостоятельно и вполне сознательно, но в дальнейшем она может проявляться у него вне зависимости от рассудка, подсознательно.

Особенность установки в том, что она может со временем закрепляться (переходя в подсознание), если она периодически подкрепляется. Так действуют, например, влюбленные, которые преподносят предмету своей страсти подарки и говорят комплименты. При постоянном повторении такого

рефлекса (появление данного человека – подарок – удовольствие от подарка) через некоторый срок предмет любви может испытывать удовольствие уже при встрече с данным субъектом. Возможно, такой способ ухаживания, увенчанный успехом, породил известную поговорку: «Любовь зла, полюбишь и козла».

Шутки шутками, а в политической жизни установка играет немалую роль. Например, когда после Великой Отечественной войны снижались цены (а до нее – увеличивалось благосостояние советского народа), это серьезно укрепляло авторитет Сталина и установку на признание его великим вождем и отцом народа. Дело тут не просто в задабривании населения, а в подтверждении верности взятого им политического курса, в реальности и честности его обещаний.

Правда, со времен горбачевской «перестройки» в общественное сознание стали вколачивать мысль, будто замечательные успехи советского народа в труде и в боях объясняются... животным страхом сталинских репрессий, что «стройки коммунизма» возводили главным образом заключенные, а в атаки против гитлеровцев шли либо штрафные батальоны, либо подневольные бойцы, подгоняемые сзади заградительными отрядами.

Увы, подобные бредовые для здравого ума идеи не только пропагандировались, но и находили благоприятную почву в умах немалого числа служащих, интеллигентов. Им даже не приходило в голову, что число работавших заключенных составляло ничтожную долю от числа всех трудящихся (один-два человека на сотню), «штрафников» – еще в десять или сто раз меньше. Но главное, пожалуй, другое.

В нашей стране появилось немало граждан, которым трудно было поверить, что возможен подлинный трудовой энтузиазм, а также подлинный героизм в войне. Это скептики, циники, приспособленцы и лицемеры, не способные не только на героические, но и просто на достойные поступки. Опошление героического прошлого, да еще своего собственного народа, своих действительно героических недавних, а отчасти еще живущих предков – показатель глубокой духовной эрозии, нравственной деградации. У такого народа не может быть достойного будущего.

Увы, такую подлейшую установку вырабатывали долго и упорно внешние и внутренние враги СССР. И когда Хрущев выступил с докладом, ниспровергающим культ Сталина, это был удар колоссальной силы по сложившейся идеологической установке. В данном случае совершенно неважно, насколько справедливы или несправедливы были обвинения Хрущева в адрес недавнего вождя, которому он сам пел дифирамбы. Не имеет существенного значения и то, в какой степени был оправдан культ личности Сталина. Важно, что восхищение вождем и доверие к нему культивировались годами и подтверждались замечательными достижениями страны, а затем еще победой в Великой Отечественной войне. Это было чувство, укоренившееся в подсознании миллионов граждан как четкая установка. Она в значительной степени содействовала единению людей и

признанию коммунистической идеологии в массах.

Эта установка основательно пошатнулась после выступления Хрущева на XX съезде партии. С этого времени начался идейный разброд. А все приспособленцы и лицемеры, вступившие в партию из-за карьерных соображений, получили подкрепление своим самым низменным устремлениям и оправдание подлости своей и лжи.

В общественной жизни феномен коллективного подсознания играет существенную и до сих пор не оцененную по достоинству роль. Комплекс установок обеспечивает общественную стабильность. Крушение установки – подрывает ее, содействует наступлению смутного времени разброда и шатаний.

Для России конца XIX века такой устойчивой официальной идеологической установкой продолжала быть триада: «Самодержавие, православие, народность». Ее укоренению содействовали экономические успехи страны в конце XIX века во время правления Александра III. Индустриализация, расширение сети железных дорог, оживление торговли, а еще раньше, при Александре II, отмена крепостного права – все это подтверждало истинность идеологической установки. Безусловно, немалое количество демократически и республикански настроенных граждан стремилось свергнуть или ограничить конституцией самодержавие; о революционерах и говорить нечего.

В народе было иначе. Самодержавие было освящено не только вековой традицией, но и авторитетом православной церкви.

Правда, последнее десятилетие XIX века было омрачено страшным голодом в 1891 и 1892 годах. Затем началась эпидемия холеры в Прикаспии и Поволжье, сопровождавшаяся холерными бунтами: расползся слух, будто врачи и фельдшеры специально морят народ по приказу высшего начальства. Но и при этом вера в царя сохранялась.

Александр III умер в 1894 году. На престол вступил его сын Николай II. В связи с этим земские деятели передали ему письмо, в котором, помимо изъявления верноподданнических чувств, высказывалась надежда на то, что будет предоставлено больше свободы печати, возможности «для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребности и мысли не одних только представителей администрации, но и народа русского».

Надо сказать, что представители земства, в отличие от царских чиновников, были более или менее близки к народу. Например, во время голода они вели большую работу по организации столовых для голодающих и санитарных пунктов. Они понимали, что обязанность царя – служить русскому народу (они так и написали царю), для чего необходимо лучше знать заботы, нужды, надежды простого люда.

19 января 1895 года на торжественном приеме Николай II дал суровую отповедь тем, кто надеялся на более тесное сближение самодержавия с

народом и низшим дворянством, разночинцами, мелкими служащими, интеллигенцией. Он сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я... буду охранять начало самодержавия так же твердо, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

У многих людей, безропотно принимавших самодержавие и желавших укрепить его, модернизировать в связи с изменившейся исторической и социальной ситуацией, это вызвало сильное чувство разочарования. «Но в простом и темном народе, – писал в этой связи В.Г. Короленко, – надежда еще жила, и нужно было много тяжелых уроков, чтобы ее разрушить».

И один из подобных уроков не заставил себя ждать. 14 мая 1895 года в Москве происходило коронавание Николая II и его молодой жены. В честь этого события москвичи вышли на улицы как на великий праздник. На обширном Ходынском поле было организовано массовое гуляние.

Сообщалось, что в качестве подарков будут розданы кружки с царскими вензелями и портретами. Сотни тысяч людей отправились на Ходынку.

Вот как описал дальнейшие события В.Г. Короленко:

«День выдался хороший, праздничный. Народу высыпало видимо-невидимо, так что становилось страшно глядеть на это людское море, колыхавшееся, точно настоящий океан. Особенная давка происходила около деревянных балаганов, где были выставлены царские подарки. Ожидали сигнала, чтобы броситься к этим балаганам, а в ожидании толпа колыхалась без мысли и воли, точно колосья под ветром. Очевидцы говорили, что уже заранее ужас охватывал от предчувствия беды; уже некоторые падали, кричали дети, женщинам становилось дурно. Наиболее благоразумные старались выбраться из толпы. Но вся толпа была охвачена точно безумием – желанием получить десятикопеечную царскую бирюльку, чтобы с торжеством принести ее домой и поставить в красный угол под иконами».

Такова была общая установка. Она основывалась не только на стремлении добыть кружку (будто в таких вещах была острая необходимость), а более всего на желании получить именно памятный царский подарок. Тут проявлялась любовь не столько к данной вещи, сколько к царю.

Дальше произошло вот что (продолжим рассказ Короленко):

«И вот сигнал был подан. Толпа ринулась к балаганам. Задние напирали на передних. Передние не могли попасть в тесные проходы. Их прижимали к углам ограды, к стенам, перегибали пополам на барьерах и раздавливали. Раздались нечеловеческие крики. Начался слепой ужас. Кто падал, тот уже не подымался, – его топтали, не глядя и не рассуждая, насмерть... Толпа, не зная, куда податься, кидалась из стороны в сторону. Люди мяли друг друга... Кинулись в одну сторону, где была канава, ничем не огражденная. Толкаемые сзади, люди падали друг на друга и задыхались».

Коронация Николая II

Когда это торжество с царскими подарками кончилось, – на площади оказалось множество трупов. Их уложили рядами. Родные узнавали тут своих, и над Ходынкой, над прилегающими к ней местами, над всей Москвой встали плач, стоны, отчаяние...»

А что сделал царь? Он не отменил празднеств, не объявил траурные дни, не приказал выявить виновников катастрофы, которые организовали дело так, что произошли массовые убийства. Царь с женой в тот же вечер присутствовали на придворном балу и, по-видимому, участвовали в танцах и веселье.

В тот день на Ходынском поле погибли 1389 человек, а около полутора тысяч получили тяжелые увечья. Суеверные люди сочли это дурным предзнаменованием, обещающим «кровавое» царствование. Для здравомыслящих людей стало ясно, что доброта и заботливость царя распространяются лишь на его близкое окружение, а до народа ему, в сущности, дела нет. В его намерения не входила служба на благо России, ему больше нравилось, чтобы Россия служила ему.

В те дни, когда множество москвичей оплакивало своих убитых или изувеченных родных и близких, царь и его окружение продолжали участвовать в придворных торжествах, о чем уведомляли ежедневные газеты. Трудно было придумать более резкий контраст между правителем и народом. Самодержавие и православие (во всяком случае, церковные иерархи) оказались на одной стороне, а народ – на другой, и между ними все

шире разверзалась пропасть.

Слухи и толки о торжествах и трагедии в Москве распространялись по России. Вера в справедливого и доброго царя сильно пошатнулась. В коллективном подсознании народа стала рушиться установка, закреплявшаяся десятилетиями (явно или неявно): самодержавие – православие – народность. И этот удар должен был отозваться в дальнейшем, в периоды испытаний японской и мировой войнами, а также в период экономического кризиса начала XX века.

Трагедия на Ходынском поле

К сожалению, эффект крушения общественной установки остается практически неизученным. В индивидуальной жизни такое явление приводит к депрессии, истерике, психическим аномалиям. Характерный пример – вспышки ревности, приводящие порой к убийствам. Вспомним, как действует Отелло, когда рушится его вера в любовь Дездемоны (сильная установка). В обществе крушение установки происходит не очень быстро и может привести к разброду и смуте, когда доверие и любовь к властителю переходят в прямо противоположные чувства. Установка основана на вере, и уже одно только ослабление ее способствует целому ряду социальных конфликтов.

Развитие технической цивилизации привело к преувеличению значения в жизни общества экономических материальных факторов. В этом особенность и буржуазных и марксистских обществоведов. На первый взгляд может показаться бесспорным, что сознание, духовное бытие определяется

материальными факторами. Из этого следует логический вывод о существовании «классового сознания», особенностей психологии различных социальных групп.

Социальное положение и профессия накладывают свой отпечаток на склад ума и характера. Но насколько существенно такое влияние? Вспомним знаменитейших анархистов – дворян Бакунина, князя Кропоткина. Да и Маркс, Энгельс, Ленин вовсе не были обездоленными пролетариями. Наиболее революционно настроенными были достаточно обеспеченные и образованные рабочие. И это понятно. Подсознательную установку на сохранение традиций, верований, общественного уклада способны преодолеть люди свободомыслящие или доведенные до отчаяния. Как писал французский социолог и психолог Густав Лебон: «Идеи могут оказать настоящее действие на душу народов, только когда они, после очень медленной выработки, спустились из подвижных сфер мысли в ту устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются мотивы наших поступков. Они составляют тогда некоторым образом часть характера и могут влиять на поведение».

В массе людей господствует главным образом коллективное подсознание – те самые идеи, которые сделались привычными и воспринимаются как аксиомы, можно сказать, превратившиеся в условные рефлексy. «Так принято», «так надо», «в это верят все» – вот основания для подобных идей. Надо обладать немалой смелостью, дерзостью мысли, надо уметь подчинить чувства рассудку для того, чтобы опровергать общепринятую установку. До 1895 года в России лишь сравнительно небольшая часть населения полностью разуверилась в триаде «православие, самодержавие, народность» (как говорили: «За Бога, царя и Отечество!»). В этом году, однако, произошел и сильный сдвиг в массовом сознании, пошатнувший официальную установку. Это напоминает тектонические движения земной коры. В результате действия внешних и внутренних сил происходит накопление напряжения, потенциалов, сил сжатия и растяжения до тех пор, пока они не достигнут критического значения. А тогда происходят резкая разрядка, содрогание каменных блоков и землетрясение. А в стране подобным образом накапливается духовная напряженность, пока она не достигнет такой силы, что снесет традиционные установки и начнется общественная катастрофа.

ВОССТАНИЕ МАСС

Ходынская трагедия не вызвала смуту, но содействовала ее появлению через десятилетие.

Успехи индустриализации страны, распространение грамотности, – все это способствовало сохранению в народе веры если не в благо, то в естественность и традиционность для России самодержавия.

Индивидуальный террор, который осуществляли представители крайне

левых политических течений, не вызывал одобрения в массах. Напротив, сохранялась вера в «доброе царя» и в то, что он не ведает о произволе, который творят чиновники.

В общем, и в этом случае проявлялась здоровая интуиция народа, направленная на сохранение стабильности общества. Нетрудно представить, что означала бы в той ситуации борьба за свержение самодержавия и создание, например, парламентской республики. Это было бы прежде всего острое политическое противостояние, всеобщий разброд, ослабление централизованной власти, а возможно, и смута. Но зачем все это, если страна успешно развивается, а народу живется лучше, если сравнивать с началом 1890-х годов, когда свирепствовал голод.

Индустриализация страны и развитие капитализма благоприятствовали не только увеличению промышленной продукции, но и концентрации производства, увеличению численности рабочего класса. Возникли организации рабочих, усилилось забастовочное движение. Однако никакой «революционной ситуации» не было. Для нее, как нам представляется, требуются и экономические причины, и духовные.

9 января 1905 года многолюдные толпы преимущественно рабочих Питера и их семей, исполненные верой в «доброе царя», вышли на улицы. Это была мирная демонстрация – с иконами и царскими портретами.

В это время продолжалась безуспешная война с Японией. И хотя экономический кризис кончился, его последствия вызвали определенное недовольство в массах, но не более того. Стачки рабочих, требовавших улучшения условий труда, проходили мирно, несмотря на отдельные призывы к революционному восстанию. Общее одобрение вызвало предложение устроить мирное шествие к Зимнему дворцу с петицией о нуждах рабочих. (Одним из главных организаторов этой акции был поп Гапон.)

Тогда же, в начале января 1905 года, большевики распространяли листовки с призывами к революционному перевороту. В них, в частности, говорилось: «Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку – только таким путем можно завоевать свободу».

Трудно не согласиться с такими рассуждениями в общефилософском смысле, но очень нелегко принять их как руководство к действию. Здесь говорится о достаточно абстрактной «свободе», тогда как у рабочих были конкретные интересы: улучшение условий труда и повышение уровня жизни. К междоусобицам стремятся отдельные партии, группы, борющиеся за власть, но не народ. Он рассуждает здраво: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Ведь речь идет о власти именно над народом.

Идеи свержения самодержавия и установления парламентаризма могут всерьез увлечь сравнительно немногих людей, искушенных в политических

проблемах, ориентированных на республиканское правление по типу западного. Для простого люда важней всего освобождение от экономического гнета тех, кто их непосредственно эксплуатирует. И помочь в этом, как полагали питерские рабочие в начале 1905 года, может и должен царь, он же – помазанник Божий, царь-батюшка.

После разгона демонстрации. Рис. Б. М. Кустодиева. 1906 г.

9 января тысячи людей направились к Зимнему дворцу для вручения петиции царю с выражением верноподданнических чувств (о чем свидетельствовали иконы и портреты царя, которые они несли). Правительство, зная о демонстрации, подготовилось к ее разгону. У Нарвских ворот, на Петербургской стороне и Дворцовой площади путь толпе преградили войска и полиция. На демонстрантов налетели казаки и стали рубить их шашками, хлестать нагайками и топтать лошадьми. Было убито около 1200 человек, а в несколько раз больше – ранено.

Пули солдат и сабли казаков попадали не только в людей, но и в иконы, и в портреты царя. Это было символично. Уничтожалась вера в доброго царя-батюшку, пошатнулась вера в церковь, рухнула установка на «самодержавие, православие, народность».

Владыки государственные и духовные опять оказались не на стороне народа. Трагическое «кровавое воскресенье» 9 января со всей очевидностью

показало, что существует непримиримое противоречие между народными массами и теми, кто обладает властью и капиталами.

Впрочем, такие противоречия неизбежны, и далеко не всегда они разрешаются кровавыми трагедиями. Показательно, что в 1905 году с мирной инициативой выступили народные массы, рабочие. А ведь у них к этому времени был уже немалый опыт классовой борьбы, забастовочного движения, столкновений с полицией. Тем не менее преобладало стремление к внутренней стабильности, а не к восстанию.

«Толпа, масса – это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе с подчинением рассудку», – пишет современный буржуазный социолог С. Московичи в книге «Век толп». Таков слишком примитивный и односторонний взгляд на «массы» интеллигента, гордого своей индивидуальностью, интеллектуальностью и умственной свободой. Хотя в данном случае он повторил постулат, высказанный еще в конце XIX века и воспринятый им некритически.

Однако, как мы видим на примере 9 января 1905 года, толпа толпе рознь. Нередко она проявляет высокие человеческие качества и здравый смысл в отличие от «избранных личностей», готовых идти на преступления ради личных выгод. Людская масса может быть благородной и героической, тогда как отдельный индивидуум – подлым и пошлым. Индивидуальность – еще не синоним высоких человеческих качеств. Индивидуальность бывает разная, так же как толпа, масса.

Или вот высказывание отечественного мыслителя, раскаявшегося антисоветчика А. Зиновьева: «Справедливость и глубокие идеи индивидуальны. Идеи ложные и поверхностные являются массовыми. В массе своей народ ищет ослепления и сенсации».

То, что массе недоступны сложные идеи – с этим спорить не приходится. Они обычно недоступны и большинству интеллектуалов-индивидуалистов. Вновь хочется напомнить: а разве не за справедливость выступали трудящиеся, требуя восьмичасовой рабочий день и стремясь передать свою петицию царю? Они руководствовались при этом идеей стабильности общества, – разве она ложная и поверхностная?

К сожалению, немало теоретиков, восхищаясь собственной образованностью, чрезмерно принижают массовое сознание. При этом наблюдается и некоторая путаница, смешение и смазывание понятий. Дело в том, что массовое сознание предполагает не обязательно огромное количество народа, да еще собранное в одном месте.

«Масса, – писал известный мыслитель Ортега-и-Гассет, – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, как и все». И добавлял: «Плебейство и гнет массы даже в кругах элитарных – характерное свойство нашего времени».

Так, в среде интеллектуалов устанавливается мода на определенные идеи, одна из которых – отношение к толпе, массе (а в сущности – к народу или простолюдинам) как к «социальному животному» с примитивными и низкими

чувствами, мыслями. В этом смысле масса интеллектуалов наглядно демонстрирует свое самодовольство и убогость.

Кстати сказать, отчасти и в таком противопоставлении одной группы (одних социально-психологических типов) другим, а то и всем прочим – видится источник смуты в обществе. В России начала XX века (в отличие от его конца) происходило нечто иное. Массы рабочих обретали организацию и комплекс идей, связанных преимущественно с понятиями солидарности и справедливости. Моральные запреты, вопреки утверждениям Московичи, не сметались, а чувства подчинялись рассудку. Именно поэтому произошла грандиозная мирная демонстрация 9 января 1905 года.

В отличие от них правительство и карательные войска руководствовались аморальными принципами и вели себя, как животные, сорвавшиеся с цепи. И тем самым они, вне зависимости от своей воли и желания, содействовали, как писал В.И. Ленин, пробуждению «колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе».

По этой причине революционные выступления 1905-1907 годов называть смутой было бы неточно. Ведь более ранние волнения среди рабочих и студентов уже демонстрировали достаточно четкое понимание целей и задач выступлений против властей. Правда, требования рабочих были главным образом экономические.

Во время кризиса начала XX века, в 1903 году поднялась мощная волна забастовочного движения. На Обуховском заводе в Питере забастовка переросла в столкновение с полицией и войсками. И рабочие всех крупных заводов столицы тогда поддерживали обуховцев. В больших городах проходили совместные демонстрации рабочих и студентов. 1 июля 1903 года началась забастовка в Баку, а затем поднялись Донбасс, Крым. Стихийные массовые беспорядки переходили в организованные выступления.

Создавались и крепились различные политические партии, большинство которых выступало за ограничение или свержение самодержавия, за полное искоренение феодальных пережитков. Земства – органы самоуправления, «дарованные» Александром II, – стали базой буржуазно-либерального движения, требовавшего введения конституции.

Реакция на расстрел демонстрации 9 января не заставила себя ждать: вооруженные восстания, баррикады на улицах, грандиозная забастовка 440 тысяч промышленных рабочих. Весной стали особенно часты крестьянские бунты. В июне вспыхнуло восстание матросов на броненосце «Потемкин». С мая по июль длилась всеобщая стачка иваново-вознесенских текстильщиков. Тогда впервые возникла новая форма самоорганизации трудящихся – Совет рабочих уполномоченных (151 депутат, избранный на многотысячном митинге). Совет организовал боевую дружину и рабочую милицию, обеспечивающую порядок в городе.

В то же лето был создан Всероссийский крестьянский союз, а затем и «Союз союзов», в который вошли 14 профессионально-политических союзов интеллигенции. Ленин охарактеризовал его как «первый шаг

мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом». Хотя, пожалуй, главными застрельщиками революции выступали не столько народные массы, сколько представители интеллигенции, включая и самого Ленина.

Баррикады в Москве в 1905 г.

Сентябрьская стачка в Москве переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую забастовку, завершившуюся баррикадами на Красной Пресне и вооруженным восстанием.

Чтобы снять социальную напряженность, Николай II 17 октября 1905 года издал манифест, которым в России была учреждена конституционная система. Народу гарантировались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов». Устанавливалось «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных властей».

Вдобавок последовала политическая амнистия и ряд демократических постановлений, а обнародование новых правил выборов в Думу стало шагом ко всеобщему избирательному праву.

Умеренные оппозиционеры достигли своей цели: осуществился переход к конституционной монархии. Дальше можно было рассчитывать на

продолжение либерально-демократических реформ. Надежды крайне левых на большую смуту и всеобщее вооруженное восстание не оправдались. Почему не произошло восстание масс? На этот вопрос отвечают по-разному. Одни полагают, что не было надлежащей подготовки и организации, другие ссылаются на «предательство» отдельных партий и деятелей, третьи говорят о жестоких карательных акциях царского правительства, четвертые, напротив, уверены, что революционный порыв был погашен благодаря либерально-демократическим нововведениям правительства... По-видимому, сказался целый комплекс различных факторов, включая упомянутые выше. Но главная причина, на наш взгляд – не утраченный кредит доверия к существующему общественному порядку, надежды на мирное разрешение кризисной ситуации (что и произошло в действительности). Это можно отнести на счет пресловутого долготерпения русского народа, его склонности к мирному сосуществованию, независимо от сословной принадлежности и национальности, политических взглядов и религиозных верований.

Любопытный факт. Отдельные группы революционеров призывали к государственному перевороту и фактически к гражданской войне. Однако в народе подобные настроения не были преобладающими. Напротив, опасность кровавой междоусобицы настораживала и пугала народные массы. И в этом случае сказывался их здоровый инстинкт самосохранения. Тогда впервые громко прозвучало имя будущего «демона революции» Троцкого (Л. Д. Бронштейна), который под фамилией Яновский принимал активное участие в деятельности Петербургского совета рабочих депутатов. Он вместе с Парвусом (А. Л. Гельфандом) разработывал теорию «перманентной революции», уготовившей русскому рабочему классу роль порохового заряда, благодаря которому вспыхнет пожар мировой революции. Несмотря на то что председателем Совета был Г.С. Носарь (Хрусталева), Троцкий играл в руководстве одну из ключевых ролей, проявляя недюжинные организаторские способности. «Я помню, – писал А.В. Луначарский, – как кто-то сказал при Ленине: «Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас самый сильный человек в Совете – Троцкий». Ленин как будто омрачился на мгновение...» И не зря.

По какой-то причине в декабре 1905 года Петроградский совет не поддержал восставших рабочих Москвы, не воспрепятствовал переброске верных правительству войск из Питера в Москву. Попытки заблокировать Николаевскую железную дорогу были слабыми и безуспешными. Чем это объясняется, сказать трудно. Однако приходит на память судьба Хрусталева, который был в Гражданскую войну арестован ЧК и подозрительно быстро расстрелян. Уж не потому ли, что мог рассказать немало интересного о деятельности своего заместителя по Совету Льва Троцкого, ставшего председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором?

И все-таки не станем преувеличивать роли отдельных личностей в крупных социальных движениях. Безусловно, массам необходим вождь или группа

лидеров, помогающих единению. А раз так, то вожди непременно появляются и порой высоко возносятся на гребне революционной волны. Вот только способен ли какой-либо вождь вздыбить такую волну? Это не по силу, по нашему мнению, не только выдающейся личности, но и целой партии. Для масштабного социального взрыва, как для мощного землетрясения, требуются условия: напряженность в обществе, игра разнонаправленных сил в народных массах – тех сил, которые накапливаются исподволь и очень долго. Можно предложить и другую аналогию: раствор, в котором при небольшой затравке начинается кристаллизация или при добавлении фермента – активная реакция. Но и в подобных случаях требуется или насыщенный раствор, или определенные ингредиенты. Конечно, сравнения – не доказательство, но они помогают моделировать сложный и грандиозный процесс. Крупные общественные катаклизмы, революции сродни природным стихийным бедствиям. Это прежде всего стихия, совершенно естественная, хотя и развивающаяся по своим законам. Но элементы порядка накладываются на общий и преобладающий хаос (государственный переворот накладывается на общую смуту). Восстание масс – процесс стихийный. И хотя отдельные личности или партии могут ему содействовать, решающая роль принадлежит не им, а народным массам. Пока они по каким-либо причинам готовы терпеть существующий общественный порядок, надеются на лучшее при его сохранении, победоносная революция не произойдет. Для нее требуется разгул стихии, смута. По этой причине Великая революция свершилась в России не в 1905-1907 годах, а спустя целое десятилетие.

ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ

Обеспокоенное (если не напуганное) революционными выступлениями царское правительство пошло на уступки. В частности, указом от 4 марта 1906 года были легализованы профсоюзы. Это были подлинные организации рабочих, а не управляемые сверху бюрократические учреждения, в которые они выродились во второй половине XX века.

Два императора: Вильгельм II и Николай II

Стремление рабочих масс к самоорганизации проявилось в том, что уже в 1907 году существовало 744 профессиональных союза. Рабочие спланировались и получали возможность бороться за свои экономические интересы не стихийно, а «цивилизованно», путем переговоров с работодателем.

В апреле 1906 года открылась первая Государственная Дума. Это тоже было большим достижением трудящихся. Вот что писал об этом событии очевидец В. Петров: «В конце апреля собрались в Петербурге выбранные люди – депутаты. 27 апреля на набережной Невы густой толпой стоял народ. По Неве на пароводиках из Зимнего дворца, где их только что принимал царь, депутаты ехали в Таврический дворец, где сегодня они начнут свою работу.

Вот пароходики поравнялись с тюрьмой. Из окон тюрьмы, из-за решеток машут платками депутатам. Они снимают шапки; многие крестятся, другие плачут. С берега кричат из толпы: «Амнистия, прощение и свобода всем, кто добивался свободы для народа!..» Депутаты выходят на берег. Толпа окружила их. Кого-то высоко подняли на руках. Депутат, старик-крестьянин, снял шапку. Он крестится и клянется постоять за народ и амнистию... Так открывалась первая Государственная Дума, с такой радостью и надеждой встречал народ зарю своей свободы».

Однако первый блин вышел комом. Дума существовала всего 72 дня. Представители народа и либеральной буржуазии не нашли общего языка с царскими слугами, членами Государственного совета. Да и сам Николай II сильно разочаровал.

То, что произошло в первый день работы Думы, оказалось символичным и могло бы послужить хорошему уроком царю, если бы он был склонен учиться, а не поучать других.

«Стали собираться депутаты, – писал историк В. Сыроечковский, – и разделились на две толпы. С одной стороны стояли члены Думы в черных сюртуках и простой одежде; с другой стороны – члены Государственного Совета в орденах, крестах и расшитых золотом мундирах. Впервые встретясь, они оглядывали друг друга.

Вошел царь с царицей... Без признаков смущения, с застывшей улыбкой на лице царь прослушал молебен и затем, обернувшись к членам Думы, прочел по бумаге свое пустое, полное высокопарных слов приветствие. В речи царя депутаты не нашли ничего, что ждали от него услышать, и глубоким молчанием отвечали они на его слова. Громкое «ура» бывших в зале офицеров и старческое шамканье членов Государственного Совета только больше оттеняло молчание Думы. Царь вышел, и, говорят, судорога свела ему горло. Два часа после этого он не мог вымолвить ни слова».

Этот эпизод резко контрастирует с тем, как бездумным ликованием встречали «народные избранники» в конце XX века демагогические речи сначала Горбачева в Верховном Совете СССР, а затем Ельцина в Верховном Совете РСФСР. Возможно, помимо всего прочего сказался состав всех этих органов. В первой Думе служащих и людей с высшим образованием было меньшинство, а в Верховных Советах (так же, как в нынешней Думе) – абсолютное большинство. Если в начале XX века Государственная Дума защищала интересы народа, то в конце века аналогичные учреждения стояли на стороне правителей, партократии, а затем – наиболее обеспеченных слоев населения.

Получается так, что толпа, состоящая почти сплошь из высокообразованных индивидуумов, руководствуется преимущественно личными, корпоративными или партийными интересами. В этом отношении она менее нравственна и даже менее разумна, чем толпа более разнородная и менее образованная (имеется в виду первая Дума), которая защищает общенародные, а значит и общегосударственные интересы. Вот и выходит, что наиболее низменные

эмоции и цели – у толпы «образованцев», служащих, интеллектуалов. У этого парадокса объяснение нехитрое. Дело в том, что в толпе проявляются не какие-то специальные знания, а наиболее общие эмоции, явные или подсознательные устремления. Достоинства высшего образования остаются вне интересов толпы. Она обнажает глубинные свойства личности.

Но есть и другое объяснение (не исключающее первого): изменился духовный строй образованных людей, служащих, интеллигенции. Они стали в большей степени приспособленцами, эгоистами, лицемерами, пресмыкающимися перед имущими властью и капиталы.

Мы сейчас не станем обсуждать вопрос о перерождении интеллигенции во второй половине XX века. Это прискорбное и даже трагическое явление определяется, на наш взгляд, прежде всего успехами технической цивилизации потребления, ориентированной на примитивные материальные, а не высокие духовные ценности.

Император Николай II

При этом происходят подчас поистине катастрофы сознания и совести, когда один русский писатель (В. Астафьев) сетует на то, что в Отечественной войне победил советский народ, а не гитлеровцы, а другой (А. Солженицын) – посылает поздравительную телеграмму Ельцину после расстрела Белого дома, парламента РСФСР. Правда, в этих двух случаях писателей обуревала

ненависть к коммунистической партии, но они даже не почувствовали, что это чувство распространилось на все советское государство и весь советский народ. Эти люди приветствовали уничтожение Советского Союза, словно не понимали, что это и была Великая Россия.

Впрочем, духовная деградация интеллигенции во второй половине XX века не была каким-то исключением. То же стало происходить и с другими социальными слоями. Конечно, процесс этот идет сугубо индивидуально, и немало людей остаются верны высоким идеалам разума, добра, справедливости. Но как массовое явление все отчетливее проявляется, можно сказать, прогрессирует духовный регресс.

В первой Государственной Думе большинство принадлежало представителям левой буржуазно-либеральной партии конституционных демократов (сокращенно – КД, или кадетов).

Они вовсе не были настроены революционно. Но когда 8 июля 1906 года Николай II приказал распустить Думу, депутаты уехали в Выборг (тогда Финляндия) и опубликовали воззвание к народу, в котором предложили не платить налоги и не сдавать рекрутов.

Армия поддержала депутатов. Последовали волнения в Свеаборге и Кронштадте, в гарнизонах Сибири и Средней Азии. Это тоже показывает, что ситуация в российской армии в начале XX века была совершенно иной, чем в его конце, когда в октябре 1993 года танкисты за доллары расстреливали Белый дом.

Разгон первой Государственной Думы трудно назвать продуманным, а тем более – верным шагом. В стране бурлили революционные настроения. Их удалось несколько остудить с помощью либерально-демократических реформ, а тут правительство само пошло на обострение, подливая масла в тлеющий костер народного недовольства. «Если на время работы Думы, – писал Сыроечковский, – затихла борьба между революционерами и правительством, то теперь она вспыхнула снова...»

Пожалуй, было бы точнее сказать, что у революционеров появилась причина прибегать к крайним методам борьбы, к террору и призывать к свержению существующего строя. Начиналась смута.

«Снова волновался народ, – продолжал Сыроечковский. – Снова в городах начались стачки, останавливались фабрики и заводы, и по камням мостовых раздавался топот копыт казачьих сотен. Снова в деревнях рубили помещичьи леса, снова поднималось зарево над дворянскими усадьбами, а потом снова толпа крестьян стояла без шапок перед исправником или земским начальником.

...Повсюду начались убийства крупных и мелких полицейских чиновников, начиная с губернаторов и кончая простыми жандармами. Всего за 10 дней – с 29 июля по 9 августа – было убито 101 полицейских, жандармов и военных и ранено 72. Правительство отвечало на это военными судами и смертными приговорами... Казни все множились; за 3 месяца после роспуска Думы их было 469...

Но когда были новые выборы в Думу, то народ в ответ еще больше, чем раньше, выбрал в депутаты революционеров. И вторая Дума была так же недолговечна, как и первая... После первых Дум стала мельчать русская жизнь. Наступило затишье. Сломив революцию, правительство повсюду ввело строгую охрану и за всякое нарушение приказа и слова губернатора грозило арестом на 3 месяца или штрафом в 3000 рублей... Закрывали десятки газет, а редакторов сажали в тюрьму. И тогда замолчали газеты и настала в стране тишина...»

Короче говоря, социальную болезнь загнали внутрь с помощью сильнодействующих средств. Успокоению народа способствовал не только государственный террор, но и улучшающаяся экономическая ситуация в стране. Россия была быстро прогрессирующей страной, войдя в группу наиболее промышленно развитых государств мира. Общий уровень грамотности вырос настолько, что в России издавалось больше книг, чем в любой другой стране.

Все это подтверждает вроде бы вывод, сделанный В.В. Кожинным: «Великие революции совершаются не от слабости, а от силы, не от недостаточности, а от избытка».

По его словам, «в России были три основные силы – предприниматели, интеллигенты и наиболее развитый слой рабочих, которые активнейше стремились сокрушить существующий в стране порядок, и стремились вовсе не из-за скудности своего бытия, но скорее напротив – от «избыточности»; их возможности, их энергия и воля, как им представлялось, не уместались в рамках того порядка».

Однако только этой причиной революцию не объяснишь. Даже осуществить государственный переворот подобные «избыточники» не могут, ибо достаточно далеко отстоят от правящего слоя. А для великой революции, как мы уже говорили, требуется и немалая смута. Она затрагивает не столько экономическую, материальную, сколько психическую, духовную жизнь общества.

Обратим внимание на искреннее и продуманное признание религиозного философа Сергея Булгакова, относящееся к 1912 году: «Россия гниет заживо – вот что похоронным мотивом ныло у меня в душе. Она глубоко отравлена смертоносным ядом, и яд этот – нигилизм, двойной по происхождению и характеру, – нигилизм интеллигентский и бюрократический. Интеллигенция, следуя своим учителям, верит в «дух разрушения как дух созидающий», она из революции создала для себя религию... Административный нигилизм, который не останавливается перед цинизмом и из нигилизма и политического шулерства делает программу государственного управления, – он неизбежно приводит к собственному самоупразднению и торжеству «духа разрушения» с праведным и неправедным его гневом... Надежды на органическое развитие становятся все слабее. Пусть наши финансы находятся в блестящем состоянии, а бюджет перевалил за три миллиарда, пусть порядок в стране еще поддерживается, но общественная атмосфера по-прежнему,

нет, больше прежнего отравлена нигилизмом, для которого нет ничего святого, и этот яд обнаружит свое действие при первой возможности».

Сергий Булгаков

Поясним, что нигилизмом С. Булгаков называл не атеизм (справедливо считая его одной из разновидностей религиозной веры), а именно безверие, отсутствие устремленности к высоким идеалам и озабоченность только личным благополучием, доходами и развлечениями.

«И в такую минуту истории, – продолжал он, – мы «делаем» выборы и проводим в Государственную думу (так у него. – *Авт.*) подобранными голосами губернатора и иных правительственных кандидатов, мы занимаемся политической буффонадой, отцеживаем всякого проходящего в думу прогрессиста, а в международной политике играем жалкую роль... Торжествующее хамство несовместимо с всемирно-историческими задачами, атмосфера сервиллизма (угодничества, приспособленчества. – *Авт.*) не вырабатывает граждан, а только рабов или же революционных бандитов, и нигилизм под националистическим соусом не родит настоящей любви к своей родине и своему народу».

Духовная пагуба коснулась в то время и художественной литературы, которая традиционно играла важную роль в русской общественной жизни. Но вместо писателей и поэтов мыслителей взошла густая поросль пишущих на потребу публике, производителей, как теперь говорят, «чернухи и порнухи» (хотя и более высокого качества, чем нынешние такого рода сочинения), мистицизма (низкого пошиба) и абсурдизма. Модный тогда К.Д. Бальмонт писал:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу, спеша,
Мое единое отечество –
Моя пустынная душа.

Понятно, это была поза, но – модная и востребованная. Как тут не вспомнить песенку периода смуты конца XX века:

Маленькая страна, маленькая страна,
Там ждет меня красивый мальчик,
Там буду счастлива я...

Что пробуждают в душах пошлейшие песенки и прочие «развлекалочки», которыми ныне заполняют эфир и души?
И вот в довоенные годы была популярна совершенно другая песня:

Широка страна моя родная!

Песни, стихи, кинофильмы, театральные постановки, книги, воспевающие родину, помогли советскому народу выстоять в жесточайших испытаниях Великой Отечественной войны, победить врага, а затем возродить страну. Очень показательны и то, что в новейшей политической жизни практикуется все тот же принцип «подбирания» голосов избирателей, сколачивания беспринципных проправительственных блоков, что и в 1912 году, о чем писал С. Булгаков. Торжествующее хамство в избытке, а все, что относится к всемирно-историческим задачам, не упоминается даже руководителями государства и их идеологическими подпевалами. «Маленькая моя страна...» Не означает ли это, что с великой Россией уже покончено навсегда? Кстати, о партиях. У С. Булгакова есть высказывание, относящееся к 1906 году: «Вот первая классификация политических партий или различных форм отношения к политике: отношение эгоистическое, определяемое классовым или групповым интересом, и идейное или религиозное, приводящее политическую деятельность в связи с высшими духовными ценностями». Можно сокращенно и упрощенно сказать: одни партии бьются за *власть*, другие – за *идеалы*.

У партий, отражающих интересы различных групп, классов, главнейшая задача – добиться привилегий «для своих», а это возможно при активном участии в управлении государством, распределении финансовых потоков, получении доступа к государственной казне и вообще возможности регулировать общественную жизнь по своему усмотрению. При этом вовсе не обязательно предлагать высокие общественные идеалы, более важно улавливать настроение толпы, играть на чувствах и чаяниях избирателей.

В современной России правящие группы делают все возможное, чтобы сколотить

в Государственной Думе «партию власти», большинство, которое полностью поддерживает все предложения и начинания правительства и президента. Вообще-то, такое единство всех ветвей власти было бы необходимо и полезно, но только в тех случаях, когда четко и ясно обозначены идеалы, к которым следует стремиться, ближние и дальние цели общественного развития. Наиболее просто и определенно это проявляется во время войны. Однако в периоды смут и разброда борьба за власть ради власти и ее привилегий – не более того! – грозит обществу деградацией и развалом, духовным обнищанием... или революционными потрясениями.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Смутным временем принято у нас называть период бунтов, междоусобиц, восстаний, социальных катастроф. Но чтобы понять особенности такого периода, совершенно недостаточно ограничиваться только им. Лишь умозрительный теоретик, далекий от реальной жизни, может предполагать, что революции происходят из-за усиления солнечной активности или по воле и желанию одной личности или партии.

Очень важно обратить внимание на то, как «вызревала» революционная ситуация, на период «предсмуты», а также на то, чем она завершилась. Без того и другого невозможно оценить в полной мере характер произошедших перемен.

Множество умных и образованных свидетелей революции и Гражданской войны (из интеллигенции, служащих) было уверено, что такие «окаянные дни» (говоря словами Бунина) – это русский апокалипсис, крушение не просто тех или иных государственных структур, а уничтожение государственности вообще, крах России, погружение в бездну. Примерно так считал П.И. Новгородцев, правовед и философ, один из основателей кадетской партии, демократ, участник Белого движения, эмигрировавший в Чехословакию (его друг и во многом единомышленник В. И. Вернадский, как известно, остался в России). Он писал в 1923 году: «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ. Революция оставит за собой глубочайшие разрушения не только во внешних условиях, но и в человеческих душах. Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни, не уничтоженные сокрушительным вихрем жестоких испытаний. Тлетворное дыхание большевизма всюду оставит следы разложения и распада...» Придется действовать в условиях ужасных и первобытных...» Так писал Новгородцев незадолго до своей смерти. Так позже продолжал писать его ученик и последователь И.А. Ильин. Слепленный

антикоммунизмом, Ильин ухитрился даже не заметить великие успехи России в социалистическом строительстве и, создавая лживый образ «империи зла», договорился до того, что Западу следовало бы напасть на ослабший после войны 1941-1945 годов СССР и усмирить его посредством американских атомных бомб.

Новгородцева, видевшего страну в период Гражданской войны и последующей разрухи, нетрудно понять и простить. Но И.А. Ильин, оторванный от родины (его в 1922 году выдворили из страны как идеологического врага), свою ненависть к большевикам невольно распространил на СССР и советский народ, словно забыв, что это и есть реальная Россия и реальный русский народ, а не иллюзорные искаженные представления о нем мятущихся интеллигентов.

Эти примеры приведены для того, чтобы показать, насколько важно учитывать «постсмутный» период для понимания сути самой смуты и революции. По этой причине следует с осторожностью и критически относиться к многочисленным свидетельствам тех, кто пережил ужасные годы Гражданской войны и последующей разрухи. Для них действительно все было трагично и безысходно.

П.И. Новгородцев считал, что в 1917 году произошла «диссолюция», то есть «разрыв связей, возмущение страстей против обязанностей и частей против целого, разложение государства и народа».

Мысль интересная, хотя и не бесспорная. Исходя из нее, он и прогнозировал безнадежное пребывание России в первобытном состоянии, в хаосе. По его словам, возобладали «грубые инстинкты», «буйные и слепые страсти масс. Так низверглась Русь в бездну» (далее он привел отрывок из стихотворения М. Волошина: «Поддалась лихому подговору...»).

Однако с Россией произошло нечто совершенно иное. Она не только быстро возродилась, но и обновилась радикально, окрепла не только в экономическом, но и в духовном отношении, что доказала победа в Великой Отечественной войне. Следовательно, смута и революция, которые пронесли над страной, оказались в конечном счете не «диссолюцией», вестниками разложения и распада, а временной, хотя и очень тяжелой, мучительной болезнью – кризисом, ознаменовавшим переход на новый, более высокий уровень общественного бытия.

И все-таки надо отдать должное проницательности П.И. Новгородцева в другом аспекте. Незадолго до свержения самодержавия он начал писать (завершил уже в 1917 году) работу: «Об общественном идеале». Она была направлена против идей марксизма и анархизма. До этого он издал другое исследование: «Кризис современного правосознания», в котором попытался «изобразить кризис политических и общественных идей, совершающийся в наше время», и «крушение веры в совершенное правовое государство». Это он толковал как полный провал идеи земного рая, мечты о создании процветающего, благообильного справедливого для всех общества.

По его мысли, следует стремиться не к иллюзорному совершенству, а к

бесконечному совершенствованию. Но не через смуты, социальные конфликты и революции, а эволюционным путем. В этой связи он предрекал неизбежность крушения идеи коммунизма, даже если она победит на какое-то время и установится соответствующее государство, старающееся ее реализовать.

«Не земной рай, – писал он, – как *вечная награда за употребленные ранее усилия*, а неустанный труд, как *долг постоянного стремления к вечноусложняющейся цели*, – вот что... должно быть задачей общественного прогресса... Свободная личность – вот основание для построения общественного идеала, но личность не отрешенная от связи с другими, а носящая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу».

Трудно сказать, почему он в таком случае обрушивался на анархизм, видя в нем только торжество хаоса и своеволия, тогда как вполне анархически (по крайней мере в изложении П.А. Кропоткина) звучит его афоризм: «Общество держится личностью, ее подвигом и трудом». Осталось бы только добавить – «и солидарностью личностей, трудящихся» – и получилось бы примерно то же, о чем писал Кропоткин.

П.И. Новгородцев

П.И. Новгородцев призывал «приучить свой взор смотреть в бесконечность и понять, что общественный идеал *только в бесконечном развитии находит свое выражение*».

Правда, как нам кажется, все эти утверждения чересчур абстрактны, отвлеченны. Подобные идеи чужды массовому сознанию. Они представляют

интерес для теоретиков, но не для практиков, которым обычно требуются конструктивные предложения, конкретные модели общества. А ведь народные массы – не скопление теоретиков, а самые что ни на есть практики. Мысли Новгородцева не нашли отклика в массах (даже в массах интеллигенции), потому что имели весьма косвенное отношение к чаяниям большинства населения России. Русский народ победил в Гражданской войне белых, черных, зеленых и иностранных интервентов вовсе не потому, что верил в коммунистическую утопию. Ее обсуждали, критиковали и воспевали преимущественно интеллигенты.

В реальной жизни у каждого человека имеются свои частные идеалы, надежды, стремления, принципы жизни. Сопоставляют подобные идеалы с абсолютом и бесконечностью только теоретики. В такой роли и выступил Новгородцев, рассуждая об общественном идеале. Он был реалистом, когда признавал определенную правду марксизма: «Идея достойного человеческого существования, которое должно быть обеспечено для каждого, и составляет ту жизненную правду, которая раскрывается в глубочайших прозрениях марксизма». Его совершенно не устраивала теория классовой борьбы, которую развивали Маркс, Энгельс (как известно, капиталист, который мог понимать толк в данной проблеме), Ленин. «Своей теорией классовой борьбы, – утверждал Новгородцев, – он разрушает идею общего народного дела, осуществляемого правовым государством, отрицает принцип сотрудничества и солидарности классов, составляющий идеальную цель правового порядка...»

Но ведь в том-то и дело, что классовые противоречия – не выдумка теоретиков, а реальность. В любом обществе существуют острые противоречия и внутриклассовые и надклассовые (связанные с различными типами личности, жизненными идеалами и верованиями, которые вовсе не всегда определяются узкоклассовым мировоззрением). Когда мы выстраиваем социальные (классовые) пирамиды, то демонстрируем лишь схемы, которые не претендуют на титул полноценной модели общества. Было бы не менее важно и более интересно составить подобные пирамиды общественных идеалов, которые в любом обществе представляют собой иерархическую структуру: от самых примитивных, низменных, до наиболее возвышенных, идеальных в полном смысле слова.

В теоретических установках Новгородцева была своя правда. Он словно предчувствовал будущее России (причем – советской, ко торую не желал призн авать), когда писал в 1918 году: «Только любовь к своему общенародному достоянию, к своей культуре, к своему государству исцелит и всех нас, и Россию от безмерных тяжких испытаний». И другое верное его суждение: «Естественное многообразие и конкретная сложность жизни не могут быть заменены никакими упрощениями отвлеченной мысли. Жизнь выше теории...» Добавим: и несравненно сложнее ее.

К сожалению, до сих пор теоретики-обществоведы не смогли построить модели духовной структуры общества. Под этим мы понимаем прежде всего

систему общественных идеалов. Потому что единого такого идеала, по-видимому, не существует. Он может провозглашаться официально, но порой в него не верят и некоторые из тех, кто его провозглашает (так было, например, с коммунистической идеологией в СССР; она частенько становилась «прибежищем негодяев», лицемеров и приспособленцев). Общественные идеалы в первом приближении можно разделить на три основных слоя. Нижний, наиболее общий, отражающий животную примитивную сущность человека, ориентирован сугубо на материальный фактор. Цель существования – предельно полное потребление материальных благ.

Уточним: речь идет не о потребностях. Ведь некоторый минимум материальных потребностей совершенно необходим для поддержания жизни и для интеллектуальной деятельности. Вопрос в том, что от потребности люди могут переходить к ее идеологизации, точнее сказать, к превращению в жизненный идеал, предел желаний. С развитием материальной культуры подобные потребности усложняются. Требуется комфортабельная квартира, коттедж, автомобиль модной марки, а затем яхта, самолет.

На втором уровне при преобладании материальных идеалов присутствуют идеалы духовные, определяющие интерес и тягу к искусствам, философии, религии, наукам, общественным занятиям. В таком случае забота о комфорте может ограничиться достаточно высоким, но не чрезмерным уровнем благосостояния.

На третьем уровне абсолютный приоритет отдается духовным потребностям. А как же «воля к власти», о которой так вдохновенно писал Фридрих Ницше? Она стоит несколько особняком и может объясняться примитивными чувствами, характерными для высших животных: стремлением занять высшее иерархическое положение в группе, стае, стаде, утвердить собственное превосходство над другими. Причем в человеческом обществе с развитием государственности и общественных организаций занять верхнее иерархическое положение может (чаще всего так и бывает) полнейшая посредственность в нравственном, интеллектуальном и физическом отношении.

Впрочем, нечто подобное в виде исключения бывает и в сообществах животных. Известная исследовательница поведения обезьян Левик-Гудолл наблюдала, как один шимпанзе, занимавший низкое положение в группе, поднялся на вершину власти благодаря своему умению производить дикий грохот, колотя по пустым канистрам из-под бензина. Убедительная модель возвышения демагога в демократическом обществе...

Однако вернемся к нашей теме. Естественно полагать, что смута не возникнет в том случае, если общество в основном ориентируется на более или менее определенный и осознанный (тоже – более или менее) идеал. И тут возникает любопытная ситуация.

Представим себе, что такой идеал наиболее примитивный – материальный. Что произойдет в таком случае? Ведь в любом государстве существуют

социальные слои, резко различающиеся по уровню материального благосостояния. Логично ожидать, что наименее обеспеченные, наиболее обездоленные слои населения вступят в конфликт с богатыми и обеспеченными, а уж тем более с обладающими избытками материальных благ.

Выходит, преобладание идеала материального благополучия чревато серьезными социальными катаклизмами, когда лозунги типа «грабь награбленное!» найдут незамедлительный отклик в массах.

Иное дело, когда общественный идеал возвышен и отрешен от простейших потребностей личности: например, величие государства, любовь к родине или популярное – «свобода, равенство, братство». Прагматик может скептически отметить: но ведь это все иллюзии, мечтания. На это следует возражение Густава Лебона:

«Из всех факторов развития цивилизаций иллюзии составляют едва ли не самый могущественный. Иллюзия вызвала на свет пирамиды и покрывала Египет в течение пяти тысяч лет каменными колоссами. Иллюзия выстроила в средние века наши гигантские соборы и заставила Запад броситься на Восток для завоевания фикции. В погоне за иллюзиями основывались религии... ими же созидались и уничтожались самые громадные империи. Не в погоне за истиной, но скорее в погоне за ложью человечество истратило большую часть своих усилий. Преследуемых им химерических целей оно не в состоянии было достигнуть, но в их преследовании оно совершило весь прогресс, которого вовсе не искало».

Только высокие (добавим – и недостижимые) идеи могут объединять общество; низкие побуждения его разъединяют и грозят смутой. Надо только оговориться, что низость идеалов выражается не в призывах грабить награбленное и, тем более, добиваться справедливости. Определяющим является показатель духовного состояния именно высокопоставленных слоев общественной пирамиды. На что они ориентированы не на слова, а в делах, не в призывах к другим, а в собственном поведении? Вот вопросы, от ответа на которые во многом зависит смутное время.

«ГРЯДУЩИЙ ХАМ»

Так называлась во многом пророческая статья Дмитрия Мережковского, опубликованная до революции. Она, как нам кажется, во многом предсказала великую смуту 1917 года.

Многие из современных читателей увидят сходство этой работы с «Собачьим сердцем» Михаила Булгакова. Мол, речь идет о «безродном пролетарии», претендующем на власть в обществе и готовом ради этого пойти на любые

подлости и преступления. Примерно так должен думать интеллеktуал-«россиянин», пропитанный антисоветской пропагандой конца XX века.

Может показаться странным, что эта знаменательная и принципиальная статья не была включена в «Избранное» Д. Мережковского, составленное А. Горло и изданное в 1989 году в Кишиневе. Это произошло, скорее всего, не случайно, ибо составитель, извергавший проклятья в адрес советского государства, был знаком со статьей и понимал, что она разоблачает вовсе не пролетариат, а мещанскую буржуазию, озабоченную лишь личным комфортом и благополучием.

Можно отметить, кстати, и то, что пресловутый Шариков из «Собачьего сердца» является не столько отрицательным, сколько страдающим и одурманенным пропагандой персонажем, тогда как едва ли не единственный отрицательный герой повести – Швондер.

Мережковский писал о торжестве мещанского духа, пагубного для культуры, нормальных общественных отношений, человеческой личности. По пророчеству Мережковского, наступает царство Грядущего хама: «Одного бойтесь – рабства, и худшего из всех рабств – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам... – грядущий Князь мира сего».

Это было сказано в начале XX века в предреволюционной России и нашло свое полное воплощение в России второй половины XX века, завершившегося великой смутой. Мережковский не имел в виду традиционное толкование мещанства в смысле – горожане. Он уточнял: «Мещанство – самодержавная толпа *сплоченной посредственности*»; «мещанство – *окончательная форма западной цивилизации*».

Мережковский одним из первых в России заговорил о демократии западного образца как власти толпы, осредненного мелочного и лишеного высоких идеалов человека, который сводит жизнь «на интересы торговой конторы или мещанского благосостояния». Упований марксистов на победу и власть пролетариата он не разделял, резонно полагая, что такая победа окажется временной, ибо городской пролетариат «весь пройдет мещанством».

Не произошло ли именно так в СССР? Только не забудем, что Грядущий хам – это не пролетарий и революционер, а именно «мурло мещанина», говоря словами Маяковского, пьесы которого «Клоп» и «Баня» подтвердили верность опасений Мережковского, вовсе не отвергавшего революцию. Он утверждал, что свободу нельзя получить по приказу начальства; ее можно только завоевать, доказав, что ты достоин свободы: «Нет, не свободен освобождаемый и не освободивший себя народ. Свобода – не милость, а право».

Вспоминается из «Фауста» Гете: «Лишь тот достоин счастья и свободы, Кто каждый день идет за них на бой!»

Тем, кто осознанно жил в России конца XX века, покажутся актуальными слова Мережковского: «Какая самодовольная пошлость и плоскость в

выражении лиц! Смотришь и «дивишься удивлением великим», как сказано в Апокалипсисе: откуда взялись эти коронованные лакеи Смердяковы, эти торжествующие хамы?»

Писатель приметил черты опошления прежде всего западной цивилизации, достигшей уже тогда, столетие назад, вожделенного сытого рая, «Срединного Царства» (по Мережковскому) самодовольного мещанства. Что еще желать в таком состоянии, кроме добавочной доли благ, кроме максимального удовлетворения своих постоянно растущих материальных потребностей? У русского беспокойного человека возникают злые мысли: «Социализм без революции, лев без когтей, социализм, переваренный в страусовом желудке буржуазии... в земном раю мещанства».

В то же время писатель задает резонный вопрос: «нет ли праведного, мудрого, доброго, *святого* мещанства?» И хочется ответить: конечно же – есть. Мещане бывают разные, и если они составляют определенную среднюю часть общества, то можно ли обойтись вовсе без такой середины, пусть бы даже и посредственной, не отличающейся ни талантами, ни бунтарским духом, столь необходимым для творчества.

Значит, все дело в торжествующем, агрессивном, претендующем на власть, насаждающем свои идеалы мещанстве – воинствующем, а не смиренном. Против такого активного и самодовольного, жаждущего власти мещанина, Грядущего хама и выступал Мережковский. Тогда это был Грядущий, а ныне стал Явленным и поистине торжествующим в России, прибравшим к рукам ее богатства и продавшим их за бесценок ради собственной выгоды.

Предреволюционная духовная смута, поразившая русское общество, определялась, как нам представляется, распространением идеологии низменного мещанства, Грядущего хама: не столько столкновением идей, сколько торжеством безыдейности, безверия (а не атеизма), отстранением от высоких общественных идеалов.

В нынешнее время, когда постоянно обеляется Белое движение и очерняется Красное, столкнувшиеся в Гражданской войне, может показаться странным, что победа оказалась на стороне «плебеев», а не «благородных». Но в том-то и дело, что идеалы, которые провозглашали (хотя и не всегда, конечно, реализовали) большевики, были ясны, актуальны и заманчивы: «Власть – рабочим, земля – крестьянам (вообще-то лозунг эсеров), хлеб – голодным, мир – народам». В то же время провозглашалась и дальняя, вполне утопическая идея о светлом и справедливом коммунистическом обществе.

Что противопоставляло этому белогвардейское движение? Даже не возврат к монархии, а общественный идеал западной демократии, сытого земного рая, ориентированного на материальные ценности.

Герои идут на жертвы и на смерть во имя идеалов высоких, превышающих ценность личной жизни. Нелепо отдавать жизнь за то, чтобы тебе жилось более сытно и комфортно.

Кстати сказать, В.И. Вернадский, который побывал в тылах деникинской

армии, где не раз встречался и беседовал с П.И. Новгородцевым, отмечал в своем дневнике признаки моральной деградации белогвардейцев и предвидел их поражение. Это вынужден был признать и сражавшийся против красных В.В. Шульгин – сначала монархист, принявший отречение Николая II, затем идеолог Белого движения. Он писал в 1920 году: «Белое движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники». Много позже, побывав в лагерях и освобожденный по амнистии 1953 года, он уточнил: «Красные, начав почти что разбойниками, с некоторого времени стремятся к святости». Но тотчас, перечислив некоторые преступления большевиков, все-таки вынужден был признать, что даже и будучи разбойниками, красные стремились к высоким идеалам. И привел слова А. Блока из поэмы «Двенадцать»:

Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес.
Впереди – с кровавым флагом,
и за вьюгой невидим,
и от пули невредем,
нежной поступью надвьюжной,
снежной россыпью жемчужной,
в белом венчике из роз –
впереди – Иисус Христос.

Почему Блок осенил революционных полубандитов образом Иисуса Христа? Отчасти и потому, что поэт до глубины души ненавидел самодовольную пошлость сытых воинствующих буржуа, распространяющих вокруг идейную заразу. В своем дневнике он писал о таких буржуа как об исчадиях дьявола, алчных всеопошляющих бесах. Российская революция была не только порождением смуты, но и восстанием против смуты в умах, против опошленных общественных идеалов, во имя высших ценностей... Впрочем, всякое бывало и всякими были революционеры.

Глава 6. ВЕЛИКИЕ СМУТЫ XX ВЕКА

Враг шептал: «Развей да растопчи...
Ты отдай казну свою богатым,
Власть – холопам, силу – супостатам,
Смердам – честь, изменникам – ключи».

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлева,
Разорила древнее жилище

И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба...

Максимилиан Волошин

ДВЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Строки, выбранные эпиграфом этой главы, звучат сейчас пророчески. А написаны они в 1917 году, после победоносной (до поры) буржуазной революции в России, завершившейся Октябрьским переворотом и Гражданской войной.

В частном письме М. Волошин высказал удовлетворение тем, что стихотворение «Святая Русь» (откуда взяты эти строки) распространяют большевики и запрещают местные исправники. По знаменательному совпадению та же «Святая Русь» была популярна и среди монархистов. Это, конечно же, не свидетельствует о том, что идеологические позиции большевиков и монархистов были схожи. Общими у них были лишь противники – те, кто свергли в феврале 1917-го монархию и создали буржуазное правительство.

Максимилиан Волошин

Неудивительно, что значительная часть царских офицеров и генералов не только за страх, но и за совесть служили в Красной армии. Многие из них были отстранены от службы именно «демократическим» правительством.

А сколько было расстреляно в период развала царской армии солдатами-анархистами! И в этом развале была явная вина «демократов» буржуазного толка. Интересное совпадение. В конце века, в 1980-е годы смута началась в значительной мере с развала Советской армии и в дальнейшем – оборонной промышленности. Знаменательно и то, что теперь уже многие советские офицеры вспомнили о монархических временах (о которых имели смутные представления), и среди них нашелся даже самозванный внук царя Николая II. Споры нет, ситуации в России в первые и последние десятилетия XX века во многом были различны. При царской власти страна была преимущественно аграрной, с преобладанием сельского населения и малограмотных, с невысоким научно-техническим потенциалом и неизжитыми окончательно феодальными отношениями, и относительно слабой буржуазией.

К 1980-м годам она превратилась в мощнейшую индустриальную державу с преобладанием горожан, с высочайшим уровнем образования и большим научно-техническим потенциалом. В социальном отношении разница была еще в том, что если в начале века в стране отмечался быстрый рост рабочего класса, то к концу века начался обратный процесс, относительное уменьшение количества рабочих при увеличении числа служащих. Причина – механизация и автоматизация большинства трудоемких производств. Уже при этом самом беглом сопоставлении становится ясно, что в первом случае смута и революционные потрясения были проявлениями кризиса роста, ибо свершился переход на более высокий уровень развития. Во втором случае произошло нечто прямо противоположное: распад глобального содружества социалистических государств и великой державы – СССР, небывалый развал почти всех отраслей производства и сельского хозяйства, разгул преступности, падение нравственного и интеллектуального уровня (прежде всего в среде служащих, интеллигенции), вымирание населения, финансово-экономическая зависимость от «мировых олигархов». В чем же сходство? В первом случае тоже рухнула и поначалу распалась великая Российская империя...

Правда, слово империя до сих пор многих вводит в заблуждение. Оно было введено официально в те времена, когда еще не имело негативного оттенка, в XVIII веке. Так именовали крупную державу с монархом во главе, вобравшую в себя ряд провинций или даже некогда независимых государств. В словаре В. Даля слово «империя» толкуется как «государство, которого властелин носит сан императора, неограниченного, высшего по сану правителя». А в «Словаре иностранных слов», изданном через столетие после труда В. Даля, дополнено: «империей называют иногда организацию колониального господства отдельных буржуазных государств (Британская и Французская колониальная и.)».

Однако с некоторых пор в информационной войне США и их союзники стали употреблять определение «империя» для характеристики СССР. Этот нехитрый пропагандистский прием оказался весьма действенным. Не только советские «внутренние эмигранты» (так называемые диссиденты), но и

многие интеллектуалы проглотили эту информационную наживку, не пожелав разобраться в сути дела. А произошла явная подмена понятий. Никакое из первых двух толкований для Советского Союза совершенно не подходит. То, что он не имел монархаимператора, вроде бы бесспорно. А имел ли он колонии? Хитроумные идеологи Запада предлагали считать таковыми союзные и автономные республики. Но это явная чепуха, ибо во многих этих республиках местные жители обладали не меньшими правами и были даже богаче, чем русские.

Где это видано, чтобы колонии жили более благополучно, чем метрополия? Или, может быть, англичане, французы, немцы, итальянцы жили беднее, чем местное население их колониальных и зависимых стран? Нет, конечно. В СССР русские не имели никаких привилегий в сравнении с прочими гражданами. Правда, были определенные ограничения для тех, кто желал жить в Москве, Ленинграде. Но такие ограничения одинаково касались и русских, и представителей других национальностей. Кстати говоря, процент евреев в этих городах был значительно выше, чем по всей стране в целом (чего нельзя сказать о русских). А ведь порой говорят, будто представителей этой нации в России сильно притесняли.

Короче говоря, СССР называли «империей» только для того, чтобы придать этому понятию соответствующую негативную окраску: «империя зла». Еще раз повторим, что столь гнусный прием сработал успешно, и немалая часть отечественных «интеллектуалов», а вернее сказать, служащих поддалась на него. Это обстоятельство немало содействовало распаду Советского Союза... Итак, и царская Россия и Советский Союз испытали серьезные социальные потрясения и рухнули быстро под гул митингов, массовые шествия и манифестации, демагогические речи и ликование толпы. Но все это происходило в сравнительно немногих городах и захватывало вряд ли менее одной десятой всего населения.

Привычка праздновать годовщины Великой Октябрьской социалистической революции укоренила в сознании многих граждан убеждение, что с царизмом было покончено именно благодаря революционной деятельности партии большевиков. Как-то забывалось, что прежде октябрьского переворота произошла февральская буржуазная революция, что именно после нее были арестованы и находились под строгой охраной Николай II, его родные и близкие, сподвижники.

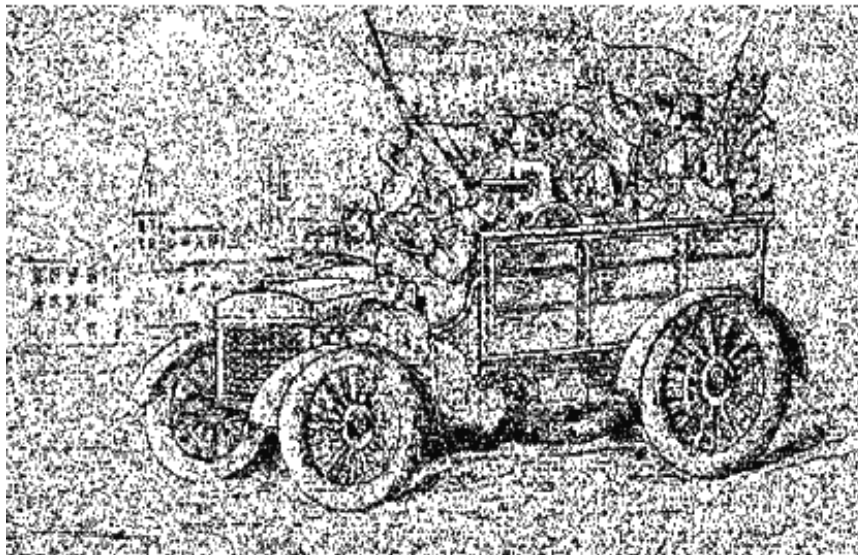
Царя и его семью можно было без особых хлопот выпроводить за рубеж, в частности, к их родственникам, царствующим в Великобритании. Но буржуазные демократы этого не сделали, что предопределило трагическую гибель не только царя и царицы, но и их ни в чем не повинных детей.

Как известно, Николай II, подобно последнему генеральному секретарю КПСС, добровольно-принудительно отказался от власти. Однако генсеку посчастливилось благоденствовать и после падения с высоты иерархической пирамиды. Это свидетельствует о том, что он не был противником для тех, кто свершал в СССР буржуазную революцию сверху. Он был их сторонником

и пособником, но только на вершине власти у него оказался более удачливый и наглый конкурент. Горбачев признался в этом в своей лекции, прочитанной в Турции.

Победа буржуазии в России означала, что с этой поры знатность, заслуги перед Отечеством (или царем, правящей партией) уступили место капиталу, изворотливости, умению накапливать, добывать и преумножать деньги. Восторжествовала идеология личного благоденствия, обогащения любой ценой. В начале XX века она не смогла прочно укорениться в стране, где народ и в большинстве своем аристократия не привыкли поклоняться «золотому тельцу». Не случайно даже некоторые русские богачи материально поддерживали большевиков, признавая их правду. Свергнуть царизм первая буржуазная российская революция смогла достаточно просто, ибо этот государственный строй уже не отвечал изменившейся социально-экономической обстановке. Ускоренная индустриализация страны стала выдвигать на первый план руководителей производств, финансистов, инженеров и техников, рабочий класс. А в условиях военного времени значительную роль стали играть солдатские массы.

Однако торжество буржуазной революции оказалось скоротечным, временным, подобно правительству того периода. У нее не оказалось глубоких корней в российском обществе. По свидетельству посла Франции при дворе Николая II, его правительство исходило из подобия российской февральской революции и Великой Французской, полагая, что после свержения самодержавия воодушевленные победой и упоенные свободой русские солдаты с удвоенной силой ринутся на бой с Германией. Все произошло совершенно иначе. Буржуазная идеология оказалась чуждой для значительной части аристократии, творческой и технической интеллигенции, разночинцев, подлинных православных крестьян, не говоря уже о народных массах. Конечно, свержение Временного правительства и победа большевиков в Гражданской войне были результатом комплекса факторов, но один из наиболее существенных, как нам кажется, был фактор духовный. Это было поражение буржуазного или, как у нас говорили, мещанского, низменно-материального духа и индивидуализма. Очень показательно, что уже через десятилетие после окончания Гражданской войны в России снова стала складываться буржуазно-революционная ситуация. Материальные ценности стали привлекать многих советских чиновников, служащих, рабочих, военачальников, парработников (или их близких). Далеким коммунистическим идеалам становились все более чуждыми этим людям. Впечатляющие реалистические образы «совбуржуев» были воплощены в произведениях Маяковского и Заболоцкого, Булгакова и Зощенко и других.

Открытка. Февраль 1917 г.

Во время социальных конфликтов сталкиваются в беспощадной борьбе идеологии, порой облеченные в яркие демагогические наряды, выступающие под светлыми знаменами, хотя в основе своей сохраняющие нечто совсем иное. Как писал М. Волошин:

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль Империй,
Все золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Но в их борьбе в конечном счете победителем оказываются другие, не те, кто готовы рисковать жизнью ради идеи, а те, кто стараются приспособиться к любому государственному устройству:

А вслед героям и вождям
Крадется хищник стайей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,

Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

Эта готовность паразитировать на ослабленном общественном организме – характерная черта определенной категории людей в благоприятной для них исторической ситуации. Как бы мы ни превозносили или ни кляли революции, они подобны кризису в период тяжелой болезни. Если общественный организм сможет оправиться от такого потрясения, значит, нашлись какие-то силы, сумевшие преодолеть, перебороть, подавить хищные инстинкты беспринципного собственника, озабоченного только личными интересами. Такие силы в русском обществе нашлись после Гражданской войны. Но их не оказалось во времена брежневско-горбачевско-ельцинские, да и путинский период в этом отношении мало чем от них отличается к лучшему. В этом принципиальная разница между двумя революционными периодами XX века. Первый был кровавый, разрушительный, принесший огромное количество жертв и разруху. Однако последствия его были созидательными, потому что в стране был установлен жесткий государственный порядок, не позволивший паразитическим группам и прослойкам присваивать национальные богатства. Вновь хочется обратиться к свидетельству мудрого, чуткого и честного поэта Максимилиана Волошина, который в августе 1919-го так охарактеризовал этот подвид человека – падальщика, спекулянта, паразита:

Кишетъ на всех путях, вползатъ сквозь все затворы,
Менять все облики, все масти, все оттенки,
Быть торгашом, попом и офицером,
То русским, то германцем, то евреем,
При всех режимах быть неистребимым,
Всепроникающим, всеядным, вездесущим,
Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известия и зажигать пожары,
Бунты и паники; одним прикосновеньем
Удорожать в четыре, в сорок, во сто,
Пускать под небо цены, как ракеты...
Пресуществлять за трапезой вино и хлеб
Мильонами пудов и тысячами бочек –
В озера крови, в груды смрадной плоти;
В два года распродать империю,
Замызгать, заплевать, загадить, опозорить,
Кишетъ как червь в ее разверстом теле...

Устремления таких людей были подавлены после Гражданской войны

благодаря установлению жестокой диктатуры партии большевиков. И хотя в самой партии копошилось немало паразитических элементов, они вынуждены были подчиняться суровой партийной дисциплине. Им приходилось юлить, притворяться, приспосабливаться, и от этого они становились едва ли не самыми убежденными, хотя и скрытными, врагами советской власти.

Второй революционный период «горби-ельцинизма» был сравнительно мирным, почти бескровным, сам по себе не сопровождавшийся миллионами жертв и разрухой. Однако последствия его оказались губительными для общества. Потому что в стране власть захватили казнокрады, предатели, спекулянты, воры в законе и вне закона, мошенники от финансов и от политики...

Все это осуществлялось под дымовыми завесами борьбы за свободу предпринимательства и прессы, за права человека, гуманистические идеалы и цивилизованное государство. Возникло государство, построенное на лжи, все устои которого разье дены лжой, как ржой. Честные предприниматели оказались банкротами, пресса – продажной, народ – бесправным, государство – криминальным. И это – не эмоциональные характеристики. Каждую из них можно подтвердить огромным множеством фактов.

...Вспоминается 22 августа 1991 года, бурное ликование московской интеллигенции по случаю победы ельцинистов (ельциников?). Были радостные митинги и демонстрации по случаю свершившейся бескровной революции.

«Нестреляет, незвонит, нецарствует». Карикатура Д. Моора. Февраль 1917 г.

Один из авторов этой книги в утро того дня оказался свидетелем символического эпизода: в одну из частных лавочек вошел молодой человек и громко сказал скучавшей продавщице: «Мы победили!» Действительно, они победили.

«Между тем обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию, как свершение всех своих исторических чаяний. Происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя. Русское общество, уже много десятилетий жившее ожиданием революции, приняло внешние признаки... за сущность события и радовалось симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления. Эти месяцы были вопиющим и трагическим противоречием между всеобщим ликованием и трагической действительностью. Все дифирамбы в честь свободы и демократии – все митинговые речи и газетные статьи того времени – были нестерпимую ложью...»

Это уже выдержка из записей М. Волошина, относящихся приблизительно к началу 1918 года. И в те давние, и в недавние времена наименее понятливой частью общества оказалась интеллигенция. Она привыкла питаться иллюзиями, заниматься самообманом, при этом не забывая прислуживать имущим власть и капиталы. В первом случае (февраль 1917-го) внешними признаками, ее обманувшими, Волошин назвал такие: «падение династии, отречение, провозглашение республики». Во втором (август 1991-го) это были: падение господства КПСС, свержение правительства СССР, арест членов ГКЧП. Хотя фактически произошел развал СССР, а к власти пришли демагоги, казнокрады и дельцы теневой экономики, – буржуазные элементы в верхах КПСС и вне ее.

Впрочем, эти два смутных периода более обстоятельно проанализированы в отдельных главах. Однако приходится помнить, что и тем и другим событиям посвящено огромное количество разнообразной литературы: от свидетельств очевидцев и хроник до аналитических исследований. Мы не можем претендовать на более или менее полный обзор и обобщение всех этих чрезвычайно разнородных и преимущественно субъективных сведений.

ПРЕДРЕВОЛЮЦИЯ

Предреволюционные месяцы 1916-1917 годов в мемуарах современников обычно характеризуются как тревожные, пронизанные ощущением надвигающейся трагедии. Однако не всегда можно определить, когда возникло это ощущение: до или позже февральских событий. Человеческая память выборочна и подвержена воздействию эмоций. После того как грянул 1917 год и затем началась Гражданская война, многие события предшествующего времени стали выглядеть по-иному, осмысливаться по-новому, так что вспоминалось не все, а преимущественно негативное,

соответствующее последующей катастрофе.

Тем интересней обратиться к свидетельствам, которые относятся непосредственно к этим дням и были тогда же обнародованы. Вот некоторые выдержки из интересной книги В.П. Лапшина «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году» (1983). Слишком часто политики, увлеченные текущими делами и партийными склоками, менее чутко воспринимают общественное мнение, чем деятели искусств или простые обыватели. Со страной происходило что-то непонятное. Газеты пестрели тревожными сообщениями о несчастных случаях, распространении наркомании (тогда наиболее популярным наркотиком был кокаин), пожарах, убийствах, грабежах, забастовках. В конце ноября 1916-го «Петроградский листок» писал: «Надвигается несурaziца. Пустыми, непонятными страхами пугает. Чьи-то рожи в сумерках корчатся, мерещатся».

Шла война, отдельные победы сменялись поражениями, но ничего окончательно не прояснялось, веры в разгром врага не было, да и трудно было понять, за что идут бои, тысячами ежедневно гибнут люди. Терялась вера в царя и правительство, тем более что царь постоянно менял министров и премьеров. Власть демонстрировала свою беспомощность и растерянность; Совет министров стали называть «кувырк-коллегией»; распространялись слухи об измене в высшем руководстве и о том, что царь и царица находятся под влиянием нестарого «старца» Григория Распутина...

Григорий Распутин

То, что Распутин был выходцем «из низов», оскорбляло и возмущало аристократию (кроме очарованных им экзальтированных дам). Но и в народе верховенство Григория Распутина над царем воспринималось болезненно и скептически. То, что придворные могли толковать как сближение царя с простым народом, в народе понималось как унижение царской власти. Война не только не объединила все социальные слои перед лицом общего врага, но наоборот, еще больше разобщила – одним она принесла беды и страдания, для других она была выгодным предприятием.

А до войны экономически укреплявшаяся Россия испытывала мучительный идейный разброд. Впрочем, это касалось не только России, но и всей западной цивилизации. Удивительно верный прогноз на XX век (прежде всего, на его начало) дал французский писатель и врач Макс Нордау в книге под недвусмысленным названием «Вырождение»:

«Мы изучили разнообразные формы, принимаемые вырождением, и истерию в искусстве, поэзии и философии. Главными проявлениями умственного расстройства наших современников в этой области служат: мистицизм как результат неспособности к сосредоточенному вниманию, ясному мышлению и господствованию над эмоциями, вызываемый ослаблением мозговых центров; эгоизм как результат ненормального состояния чувствующих нервов, притупления воспринимающих центров, извращения инстинктов, желания доставить себе достаточно сильные впечатления и значительного преобладания органических ощущений над представлениями; ложный реализм, вызываемый туманными эстетическими теориями и выражающийся пессимизмом и непреодолимой склонностью к скабрёзным представлениям и самому пошлому, непристойному способу выражения».

Все это он называл печальным обозрением «больницы, какую ныне представляет если не все цивилизованное человечество, то, по крайней мере, высшие слои населения больших городов». Тот же диагноз вполне подходит к концу XX века и началу XXI, и это явно свидетельствует о какой-то всеобщей психической болезни, поразившей современную техническую цивилизацию потребления.

Словно подтверждая выводы Нордау, русский сатирик Арк. Бухов писал в 1913 году:

Каждый день, как ошалевший пьяный,
Бредит сном ужасной пустоты.
Все безмолвно, даже балаганы,
Где когда-то прыгали шуты.

Позабыться? Многие б хотели,

Да куда, куда же нам идти?
Так в глуши упрямые метели
Заметают наглухо пути.

Более остро и точно высказался Саша Черный:

Разорваны по листику
Программы и брошюры,
То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.

Славься, чистое искусство
С грязным салом половым!
В нем лишь черпать мысль и чувства
Нам – ни мертвым, ни живым.

Им подмечена та же духовная немочь, которая поразила и значительную часть современной «творческой» интеллигенции, удивительно бесплодной на подлинные произведения искусства и литературы, на новые открытия и концепции. Одна лишь существенная разница: то, что прежде относилось к сравнительно небольшой социальной прослойке, теперь характерно для широких масс интеллектуалов, служащих по разным ведомствам, включая науку.

Безверие и пустословие были представлены Сашей Черным как следствие разочарования в высоких идеалах, отсутствия цели в жизни, упадка воли:

Вечная память прекрасным и звучным словам!
Вечная память дешевым и искренним позам!
Страшно дрожать по своим беспартийным углам
Крылья спалившим стрекозам!

На этом фоне особенно ярко выделялись те, кто твердо верили в партийные программы, предполагающие радикальные преобразования общества во имя светлого будущего. Пусть эта вера в будущее мешала им хорошо понимать настоящее и, тем более, прошлое. У них были ясные цели (пусть даже иллюзорные, фантастические).

Критики революционных идеологий обычно подчеркивают, что ими была затронута лишь малая часть общества. Это так. Но даже если на сто таких, о которых написали Арк. Бухов и Саша Черный, был десяток целенаправленных и убежденных в верности своих идеалов, то именно этой небольшой активнейшей и целеустремленной части суждено было направлять общественные процессы.

Начавшаяся мировая война на некоторое время хотя бы формально сплотила общество и приглушила революционные страсти. Однако постепенно – продолжаясь без заметных успехов, хотя и без больших

поражений, она становилась все менее популярной, а затем и ненавистой. В стране начался хлебный кризис, продажа товаров по «купонам», повышение цен. У магазинов выстраивались очереди, потому что во многих городах периодически ощущалась острая нехватка некоторых продуктов, в частности хлеба.

На всем этом кое-кто неплохо наживался. Трудности, которые испытывал народ, вовсе не затронули наиболее обеспеченные слои населения. «В этом году, – писал в конце 1916-го «Петроградский листок», – наш тыл остался без хлеба и мяса, но с шампанским и бриллиантами...

Рабочие, отдавая труд и здоровье отечеству, не находят, чем утолить голод, их жены и дети проводят дни и ночи на грязных мостовых из-за куска мяса и хлеба, и в то же время взяточники... блистая безумными нарядами, оскорбляют гражданское чувство пиром во время чумы».

Писательница Тэффи перечислила в фельетоне наиболее часто встречающиеся существительные с глаголами. Среди них были следующие: «Общество возмущается. Министерство сменяется. Отечество продают. Редактора сажают. Дороговизна растет. Цены вздувают. На печать накладывают печать. Рабочий класс требует. Пролетарии выступают. Власти бездействуют».

А. Максимов. Обложка каталога

Ничего нет особенного в том, что граждане воюющей страны испытывают материальные затруднения, вынуждены переживать определенные лишения; естественно и то, что вводится строгая цензура. Кто не понимает, что приходится терпеть тяготы военного времени? А русский народ, как известно, один из наиболее терпеливых на свете.

Почему же тогда «общество возмущается»? Да ведь помимо всего прочего – «Отечество продают!» Спекулянты наживаются. Как писали петроградские «Биржевые ведомости» в начале февраля 1917 года: «Сотни, тысячи, а иногда и десятки тысяч рублей щедро швыряются к столу аукциониста». «В течение нескольких месяцев народились миллионеры, заработавшие деньги на поставках, биржевой игре, спекуляции... Пышно разодетые дамы, биржевики, внезапно разбогатевшие зубные врачи и торговцы аспирином и гвоздями». «Несмотря на высокие цены, которые продолжают все

непрерывно расти, спрос на старинную мебель, фарфор, картины, бронзу и т. д. продолжает повышаться».

Петроградский журналист Н. Брешко-Брешковский рассказывал в «Петроградском листке», что появились новые «ценители искусства» и покупатели художественных ценностей «от биржи, от банков, от нефти, от марли, от железа, от цинка, от всяких других не менее выгодных поставок. Лысые, откормленные, упитанные, с профилями хищников и сатиров, ходят они по выставке, приобретая не картину, не ту или иную хорошую вещь, а то или другое модное имя... не жалеют чересчур легко доставшихся денег и закупают картины целыми партиями».

(Не правда ли, словно вернулись те времена, и мы стали их свидетелями?)

Подобные контрасты были отмечены многими, на эти темы велись бесконечные разговоры в очередях. Очереди превращались в общественные собрания и своеобразные митинги, где проходил негромкий, но жаркий обмен мнениями. Понятно, что разговоры и мнения были далеко не в пользу имущих власть и капиталы.

Знаменательно: в начале февраля 1917-го публика артистического петербургского подвала «Бродячая собака», привыкшая ко всяким поэтическим вывертам, была шокирована хлестким выступлением Владимира Маяковского – «Вам!»:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

.....

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

Осенью того же года, вспоминал позже Маяковский, он в такт какой-то разухабистой музычке придумал две строки. «Это двестише, – писал он, – стало моим любимейшим стихом; петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй».

Впрочем, этому Октябрьскому революционному перевороту предшествовала своеобразная временная смута периода Временного правительства.

ЕДИНОДУШИЕ

Вызывает удивление тот факт, что февральская буржуазно-демократическая революция свершилась без острых конфликтов. Произошло нечто редко случающееся в истории: верховная власть пала как бы сама собой, без государственного переворота, под гул огромных митингов, демонстраций и под редкие выстрелы.

Вряд ли можно сомневаться, что это свидетельствовало о необычайной слабости и малой популярности царской власти.

Можно объяснять это тем, что успешно действовали агитаторы-революционеры. Но ведь и официальная пропаганда не дремала, не молчали и ярые приверженцы царя – черносотенцы.

Правда, контрреволюционная деятельность последних осуществлялась не столь решительно, без того масштабного террора, который культивировали некоторые революционные партии. Согласно исследованию современного историка С.А. Степанова: «В ходе первой русской революции (1905-1907 гг. – *Авт .*) только эсеры, эсдеки (социал-демократы) и анархисты убили более 5 тысяч правительственных служащих».

Но все эти убийства вовсе не увеличивали популярности террористов среди населения. Скорее – наоборот, вызывали настороженность, опаску, неприязнь, возмущение.

Была ли камнем преткновения война, малопопулярная в народе? Тоже – вряд ли. Хотя пропаганда военных действий велась значительно менее убедительно, чем агитация пацифистов. Вот, к примеру, что писал Федор Сологуб:

И наши станут шире дали,
И средиземный гул войны,
О чем так долго мы мечтали,
О чем нам снились только сны.

Понятно, что «мы» в данном случае вовсе не отражает мнение русского народа, который о войне, тем более захватнической, не мечтал. Ему не нужно было, чтобы российские дали – и без того неоглядные – стали еще шире.

Николай Гумилев постарался придать войне религиозный оттенок, как будто речь шла об отстаивании христианских святынь:

И поистине светло и свято
Дело величавое войны;
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

И хотя сам поэт был на фронте и проявил мужество, ничего величавого там не обнаружил... Нет, не совсем так. В «Записках кавалериста» он

высказался: «Дивное зрелище – наступление нашей пехоты». И описал это наступление, которое видел издали с вершины холма: «Действительно, по слову поэта, нас призвали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ».

Ему даже было как-то невдомек, что происходило смертельное сражение, а не театральное зрелище; что здесь убивали и калечили людей не понарошку. Приведя рассказ одного бывалого унтер-офицера, Гумилев сделал вывод: «Было бы дико видеть этого человека за плугом или у рычага заводской машины. Есть люди, рожденные только для войны...» Быть может, такие люди и есть, но они вряд ли неспособны к мирному труду. Несравненно больше тех, кто значительно лучше чувствует себя у плуга или у станка, чем в шинели с винтовкой или за пулеметом. Тем более что у них есть семьи, о которых надо заботиться.

Так проявляется чрезвычайно резкое разделение на тех, для кого война – захватывающее зрелище или профессиональное занятие, и на тех, кому она – горе и беда, которую можно терпеть, если знаешь, за что постоянно рискуешь своей жизнью.

Когда прошла по войскам весть, что царь отрекся от престола, а затем произошла революция, солдаты-фронтовики в большинстве своем пожелали вернуться домой, ибо ожидался передел земли. Недаром в Государственную Думу от крестьян проходили преимущественно эсеры с их лозунгом – «Земля – крестьянам!»

Учтем вдобавок, что по существу теряла смысл присяга, а среди солдат работали агитаторы-пацифисты. Это деморализовало армию, хотя Временное правительство приказывало вести войну до победы.

Все это способствовало смуте в войсках, постоянным митингам. Но самым важным фактором полного духовного разлада в вооруженных силах стал пресловутый приказ № 1, опубликованный 2 (15) марта 1917 года от имени Центрального исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Приказ был адресован конкретно Петроградскому гарнизону, хотя оказался распространенным по всей армии. Он вводил «демократические» порядки в войсках – типа самоуправления; нижние чины получали даже больше прав, чем офицеры.

Это был сильнейший удар по армейским порядкам, после чего многие части стали небоеспособны: многие офицеры избивались и расстреливались взбунтовавшимися солдатами. В мае, став военным министром, Керенский издал «Приказ по армии и флоту», который вновь был направлен на «демократизацию» армейских порядков. Эти два приказа нанесли более мощный удар по российской армии, чем агитация большевиков.

Впрочем, мы несколько опередили события. Ведь волнения среди солдат начались раньше, еще до отречения Николая II. Волнения, начавшиеся в Петрограде во второй половине февраля, правительство попыталось подавить силой. Полиция и войска открывали огонь по демонстрантам. Но в конце февраля некоторые части стали переходить на сторону восставших.

Теперь уже речь шла не об ограничении, а о свержении самодержавия. В общей смуте ясно обозначилась цель. Значит, действительно свершалась революция.

Отречение Николая II

Как известно, вынужденное отречение Николая II было не абсолютным, упраздняющим самодержавие, а в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. Обратим внимание на начало акта отречения: «Божьей милостью Мы, Николай II, император всероссийский, царь Польский...» Здесь показательна ссылка на милость Божью. Понятно, что такова форма. Но насколько расходится она с сутью ситуации. Получается, что государь лишился этой милости или пренебрег ею.

По всей вероятности, мало кто в те бурные дни обратил внимание на эту несуразицу. Получалось, что отрекается царь не только от власти, но и от сопряженной с ней Божьей милости. Так что в призыве «За Бога, царя и Отечество» оставался теперь только последний элемент этой триады. После того как великий князь Михаил не принял корону, участь самодержавия была окончательно решена. Казалось бы, в таком случае, когда рухнули многовековые устои государственности в России, должна была начаться невиданная смута, полное смятение умов и кровопролитные столкновения враждующих сторонников самых разных партий.

Действительно, начавшийся период более всего напоминал анархию: сильной централизованной власти уже не было (да и царская в конце концов сделалась слишком слабой), а было, можно сказать, ослабленное двоевластие Временного правительства и Совета рабочих и солдатских

депутатов. В этой ситуации местные выборные органы власти обрели решающее значение.

Приказ № 1, подписанный Соколовым, Нехамкесом и Скобелевым, по какой-то причине (нет ли тут «германского следа»?) получил значительно более широкое распространение и оказал свое негативное влияние и на действующую армию. Ослабшие государственные скрепы грозили полным развалом всей России.

Вот как рассуждал на этот счет в марте 1917-го проницательный политик, посол Франции в России Морис Палеолог: «Французская Революция начала с объявления Республики единой и неделимой. Этому принципу принесены были в жертву тысячи голов, и французское единство было спасено. Русская Революция берет лозунг Россия разъединенная и раздробленная... (имеется в виду, по-видимому, реальная ситуация, а не конкретный лозунг, который тогда вряд ли провозглашался. – *Авт.*) Анархическая пропаганда заразила уже большую часть фронта.

Революционные солдаты на улицах Москвы. Февраль 1917 г.

Со всех сторон мне сообщают о сценах возмущения, об убийстве офицеров,

о коллективном дезертирстве. Даже на передовой линии фронта группы солдат покидают свои части, чтобы отправиться посмотреть, что происходит в Петрограде или в их деревнях».

Морис Палеолог вел, можно сказать, хронику тогдашней русской смуты, в то же время стараясь осмыслить ее особенности. Полезно ознакомиться с его мнением на этот счет:

«1. Радикальное различие психологии революционера латинского или саксонского от революционера-славянина. У первого воображение логическое и конструктивное: он разрушает, чтобы воздвигнуть новое здание, все части которого он предусмотрел и обдумал. У второго оно исключительно разрушительное и беспорядочное: его мечта – воплощенная неопределенность.

2. Восемь десятых населения России не умеют ни читать, ни писать, что делает публику собраний и митингов тем более чувствительной к престижу слова, тем более покорной влиянию вожаков.

3. Болезнь воли распространилась в России эпидемически; вся русская литература доказывает это. Русские неспособны к упорному усилию. Война 1812 года была сравнительно непродолжительна. Нынешняя война своей продолжительностью и жестокостью превосходит выносливость национального темперамента.

4. Анархия с неразлучной с ней фантазией, ленью, нерешительностью – наслаждение для русского. С другой стороны, она доставляет ему предлог к бесчисленным публичным манифестациям, в которых он удовлетворяет свою любовь к зрелищам и к возбуждению, свой живой инстинкт поэзии и красоты.

5. Наконец, огромное протяжение страны делает из каждой губернии центр сепаратизма и из каждого города очаг анархии; слабый авторитет, какой еще остается у Временного правительства, совершенно этим парализуется».

В этих мыслях, пожалуй, есть доля истины. Русские, возможно, более эмоциональны, чем рассудительны, в отличие от обывателей Запада, более мечтательны, идеалистичны, а также склонны к анархии. Однако несмотря на это, как показал дальнейший исторический процесс, граждане СССР оказались способны к упорнейшему труду и к достижению победы в тяжелейшей и затяжной войне.

Совершенно справедливо Палеолог опасался того, что распространение анархии приведет к распаду страны. «Что Россия обречена на федерализм, – писал он, – это вероятно. Она предназначена к этому беспредельностью своей территории, разнообразием населяющих ее рас, возрастающей сложностью ее интересов».

Так почему же держава не распалась? Почему безудержная анархия, отчасти узаконенная свыше, не привела к катастрофическим последствиям?

И каким образом удавалось сохранить порядок в огромных массах демонстрантов, которые периодически шествовали по улицам,

останавливаясь для стихийных митингов? Сам Палеолог описал одно такое шествие – похороны жертв революции, состоявшиеся в конце марта (5 апреля по старому стилю):

«Сегодня с утра огромные, нескончаемые шествия с военными оркестрами во главе, пестря черными знаменами, извивались по городу, собрав по больницам до десяти тысяч гробов, предназначенных для революционного апофеоза. По самому умеренному расчету, число манифестантов превышает девятьсот тысяч. А между тем ни в одном пункте по дороге не было беспорядка или опоздания. Все процессии соблюдали при своем образовании, в пути, при остановках, в своих песнях идеальный порядок. Несмотря на холодный ветер, я хотел видеть, как они будут проходить по Марсову полю. Под небом, закрытым снегом и разрываемым порывами ветра, эти бесчисленные толпы, которые медленно двигаются, эскортируя красные гробы, представляют зрелище необыкновенно величественное».

И ведь это не блестяще организованный парад специально обученных войсковых частей, которые автоматически подчиняются своим командирам. Это – шествие стихийных толп народа, включая множество солдат, получивших самоуправление. Полное торжество анархии и в то же время – порядка!

Странно, что об этом не подумал Морис Палеолог. Поэтому он не мог себе представить, что революция в России может завершиться созданием великой державы. Напротив, по его словам: «Русская революция по существу анархична и разрушительна. Предоставленная самой себе, она может привести лишь к ужасной демагогии черни и солдатчины, к разрыву всех национальных связей, к полному развалу России. При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности: она неизбежно погибнет среди опустошения и варварства, ужаса и хаоса...»

Через месяц, наблюдая происходящее в России, Палеолог записывает: «Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой прилива в равноденствие...

Полиции, бывшей главной, если не единственной, скрепой этой огромной страны, нигде больше нет...»

Что же творится в Петербурге в то время, когда полностью отсутствует эта самая «скрепа»? Вот свидетельство самого французского посла, наблюдавшего первомайскую манифестацию:

«С утра по всем мостам, по всем улицам стекаются к центру шествия рабочих, солдат, мужиков, женщин, детей; впереди высоко развеваются красные знамена, с большим трудом борющиеся с ветром. Порядок идеальный. Длинные извилистые вереницы двигаются вперед, останавливаются, отступают назад, маневрируют так же послушно, как толпа статистов на сцене... Огромная площадь похожа на человеческий океан, и

движения толпы напоминают движение зыби...»

Приходит на память трагедия на Ходынском поле в Москве во время коронации Николая II. Катастрофа произошла несмотря на то, что порядок тогда поддерживала полиция. Теперь же полиции не было вовсе, а порядок поддерживался идеальный. Как тут не вспомнить тезис: «Анархия – мать порядка!» Хочется задать вопрос: а кто же тогда отец? И ответ: самоконтроль при единодушии.

В этой петербургской разношерстной толпе людей сплотило ощущение себя свободными. Казалось бы, если так, то все дозволено! Да, конечно. Но это еще не означает, будто люди в таком случае должны непременно превратиться в скотов, в тупое злобное стадо.

Морис Палеолог наблюдал вблизи поведение этой толпы: «Ораторы следуют без конца один за другим, все люди из народа: в рабочем пиджаке, в солдатской шинели, в крестьянском тулупе, в поповской рясе, в еврейском сюртуке. Они говорят без конца, с крупными жестами. Вокруг них напряженное внимание; ни одного перерыва, все слушают, неподвижно уставив глаза, напрягая слух, эти наивные, серьезные, смутные, пылкие, полные иллюзии и грез слова, которые веками прозябали в темной душе русского народа. Большинство речей касаются социальных реформ и раздела земли...»

Похороны жертв революции. Худ. Л. Петухов

Все тут очень реалистично. Вот только следовало бы сказать о СВЕТЛОЙ русской душе, ибо вся эта картина гигантской толпы при идеальном порядке, искренности и единодушии – доказательство именно светлости человеческих душ.

Пожалуй, этим объясняется основная причина того, что Февральская революция в России произошла без кровавых потрясений и яростных

междоусобиц. Да и Октябрьский переворот, как известно, не отличался кровопролитием (кроме Москвы и еще ряда мест). Анархия – это свобода. И когда народ достоин ее, он сохраняет порядок. Создается такое впечатление, что смута была в России до 1917 года, и разрешилась она революционными переворотами, которые прошли на удивление просто, как-то естественно, с минимальным количеством жертв (на Ходынке погибло больше людей, чем в Питере во время Февральской революции!). Значит, страна была готова к революциям и государственным переворотам; значит, анархия не обернулась всеобщим хаосом; значит, русский народ был достоин свободы.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СМУТА

В кратком вступлении к своим «Очеркам русской смуты» А.И. Деникин писал:

«В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия. Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины. Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме».

Так он думал сразу после поражения Белой армии в Гражданской войне. Он-то хорошо знал, с какой плохо скрываемой радостью воспринимали на Западе кровавую русскую междоусобицу. Ведь ему самому приходилось получать поддержку западных держав, но такую, чтобы ни у белых, ни у красных не было решающего перевеса, чтобы великая Россия – именно она – потерпела полное поражение и перестала быть великой державой. Деникин в ту пору уповал еще на свержение большевизма и установление в России демократических порядков, за которые он и его армия воевали. Однако его надежды не сбылись. А большевики сумели не только одержать победу, но и в кратчайшие сроки восстановить страну, хотя уже под новым именем – СССР.

Отвлечемся ненадолго и представим себе, что могло произойти, если бы власть большевиков была свергнута? Вопрос, конечно, вроде бы праздный и умозрительный. Однако ответ на него мы получили в конце XX века, когда действительно власть КПСС была свергнута и перешла в руки «демократов», ориентированных на Запад. Началась эта «революция сверху» в 1985 году, когда по инициативе М.С. Горбачева грянула «перестройка». Началась она с

чистки и обновления руководящего партийного аппарата, куда были введены, как потом оказалось, ярые антисоветчики Э.А. Шеварднадзе, Б.Н. Ельцин, А. Н. Яковлев и многие другие.

С той поры прошло 17 лет, и власть новоявленных «демократов» в стране укреплялась. И что в результате? Полный развал СССР, превращение России в третьеразрядное государство, торгующее своими природными ресурсами и залезшее в долги западным кредиторам (при резком обнищании и вымирании населения).

А теперь вспомним, что произошло через 17 лет после окончания в 1921 году Гражданской войны. В 1938 году СССР, с невероятными трудностями и напряжением преодолев разруху, превратился в сверхдержаву, уступавшую по своему экономическому потенциалу только США. При этом прирост населения в нашей стране был выше, чем во всех крупных западных державах, а благосостояние народа заметно росло.

Можно возразить: но если бы тогда к власти пришли не большевики, а демократы, если бы победило Белое движение, то все было бы не так, как в конце XX века, потому что правили бы страной не такие типы как Горбачев или Ельцин, а настоящие государственные мужи... Но разве все дело в отдельных личностях? Вопрос в том курсе, который предлагается для страны: идти своим путем или следовать указаниям «западной цивилизации». А у нее к России всегда было особое и недоброжелательное отношение. Об этом упомянул и Деникин, находясь, кстати сказать, на Западе.

Так или иначе, но реальный исторический опыт России XX века продемонстрировал то, что происходит со страной при правлении большевиков и «демократов». Да, при большевиках было не сладко, но в героические эпохи иначе не бывает. Величие страны и народа – достойная награда.

Столь необычайно быстрое возрождение великой России (под именем СССР) неопровержимо доказывает, что победа большевиков в Гражданской войне была не случайной, а стала волеизъявлением народа. И Октябрьский революционный переворот нет никаких серьезных оснований считать результатом тайного заговора группы большевиков под руководством Ленина и Троцкого. Происходившее в 1917 году Деникин (сошлемся на врага большевиков) охарактеризовал так:

«Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения...

После 3 марта и до Учредительного собрания всякая верховная власть носила признаки самозванства». О Временном правительстве он писал: «Вся его деятельность вольно или невольно имела характер разрушения, не созидания. Правительство отменяло, упраздняло, расформировывало, разрешало... В этом заключался центр тяжести его работы. Россия того периода представляется мне ветхим, старым домом, требовавшим

капитальной перестройки... Зодчие начали вынимать подгнившие балки, причем часть их вовсе не заменяли, другую подменили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свежими бревнами без скреп – последнее средство оказалось хуже всех. И здание рухнуло».

Победу большевиков в октябре 1917-го Деникин объяснял так: «Огромная усталость от войны и смуты (как видим, смуту он распространял на предшествовавший период. – *Авт*.); всеобщая неудовлетворенность существующим положением; неизжитая еще рабья психология масс; инертность большинства и полная безграничного дерзания деятельность организованного, сильного волей и беспринципного меньшинства; пленительные лозунги... Вот в широком обобщении основные причины... *непротивления* воцарению большевизма.

Власть падала из слабых рук Временного правительства, во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы».

Тут не со всем можно согласиться. Допустимо ли говорить о «рабьей психологии масс», которые сбросили царское правительство и выступили за изменение политического строя? Такова психология людей, жаждущих свободы.

Трудно принять тезис о беспринципности большевиков в борьбе за власть. Во всяком случае, официально принципы большевиков существовали и в значительной степени выдерживались на деле. Ну, а то, что они не были идеально принципиальными, то такого упрека заслуживают буквально все политические партии.

Но вот что интересно. Надеясь на скорое падение большевистского режима, Деникин прекрасно понимал, что в этом случае положение «демократической» России (за которую он боролся) станет вовсе не безоблачным: «Что же? Со дня падения большевизма сразу наступит мир и благоволение в стране, насыщенной рознью, ненавистью и... огромным количеством оружия? Или со дня падения русского большевизма отпадут своекорыстные вождения многих иностранных правительств, а не усилятся еще больше, когда исчезнет угроза советской моральной заразы?»

Демонстрация в Петрограде (июль 1917 г.)

А.И. Деникин

На эти риторические вопросы в конце XX века были даны убедительные ответы. Не зря Деникин опасался иностранных правительств, которые с вожделием глядели на природные богатства России. Как только рухнула советская власть и восторжествовали так называемые «демократы», они постарались в кратчайшие сроки разграбить и распродать национальные богатства страны. И Запад им в этом помог...

Даже если основываться на мнении А.И. Деникина, наибольшая смута в России наблюдалась до Октябрьского революционного переворота. Позиция большевиков позволила внести ясность в запутанную ситуацию. Произошло нечто подобное поступку Александра Македонского, который даже не стал пытаться распутать хитро запутанный гордиев узел, а разрубил его ударом меча.

В то же время сам факт захвата власти одной из партий – и даже не самой многочисленной – путем военного переворота изначально чреват был междоусобицей: разве могли другие партии смириться с такой узурпацией власти? (Хотя, заметим, сами не выказали стремления взять на себя ответственность руководить страной в сложный период фактического безвластия.)

Гражданская война стала продолжением смуты, но своеобразным. В основном это были не отдельные бунты и беспорядки, а организованные боевые и партизанские действия. Однако при этом, в отличие от обычной войны, сталкивались интересы разных партий, боевых отрядов и армий.

Различали их главным образом по цветам: красные, белые, черные (анархисты), зеленые (крестьяне-партизаны), желто-голубые (украинские националисты). В этом отношении, можно сказать, продолжалась смута, принявшая форму гражданской войны.

А 1917 год прошел под знаком революционной смуты. Казалось бы, после того как рухнула многовековая царская власть, народ должен был успокоиться и постараться мирно организовать новую государственную систему на демократических началах. Разве не этого желало большинство политиков?

Но дело, пожалуй, в том, что ситуацией владели не столько политики, сколько «революционные массы». А им, этим массам, всякая государственная власть внушала подозрение и неприязнь. Революционная смута – это торжество анархии, безвластия (но вовсе не обязательно – беспорядка, как мы уже убедились). Лозунг – «Власть – Советам!» – сам по себе анархический.

Буржуазия в России еще недостаточно окрепла, а буржуазная идеология не овладела массами. Поэтому совершившаяся буржуазная революция не прекратила смуту, а лишь придала ей новый вид. При двоевластии Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства первый оказался более влиятельным.

Падение монархии определило в России торжество анархии, вольности, а не той ограничительной свободы, которая характерна для буржуазно-демократических стран Запада. Переход из одной крайности в другую – достаточно характерная черта российской истории. Об этом хорошо сказал В. В. Кожин:

«Неограниченная монархия и беспредельная анархия – это в равной мере коренные российские феномены (вполне закономерно, например, что не столь давно громко заявившие о себе анархические группировки на Западе вдохновлялись прежде всего заветами Бакунина и Кропоткина!).

И можно утверждать, что история Руси-России благодаря сочетанию в ней подобных «крайностей» более драматична, или, вернее, более трагедийна, чем история стран Запада, но проклинать либо, напротив, восхвалять (что также нередко делалось) Россию за эти ее «крайности» – занятие, по сути дела, примитивное, уместное только в чисто эмоциональном плане, но не в русле историософской мысли».

В этом смысле революционную смуту вполне можно назвать революционной анархией масс, с которой не могло справиться буржуазное Временное правительство. И вполне закономерно буржуазная интеллигенция, придя к власти, выдвинула в лидеры человека, вполне подходящего для него, но совершенно не соответствовавшего тем задачам, которые приходилось решать. А.Ф. Керенский, как справедливо писал Михаил Зощенко, был порождением той интеллигентской среды, «которая в искусстве создала декадентство, а в политику внесла нервозность, скептицизм и двусмысленность».

Он умел произносить зажигательные речи, но плохо справлялся с повседневной работой. «Изучая по материалам и документам его характер, – писал Зощенко, – видишь, что ему, в су щн ос ти, н ич ег о не уд ав ал ось с де ла ть из т ог о, чт о он за ду ма л...»

Он хотел спасти Николая II и не спас его, хотя много старания приложил к этому. Он хотел вести войну до победного конца, но создал поражение. Хотел укрепить армию, но не мог это сделать и только разрушил ее. Хотел лично двинуть войска против большевиков, но не собрал даже и одного полка, хотя был верховным главнокомандующим. Он с горячими речами выступал против смертной казни, а сам ввел ее...

Несмотря на свой высокий пост, казалось, что он всего лишь бежал в хвосте событий. И это было именно так. Он, в сущности, был крошечной пылинкой в круговороте революционных событий».

Если учесть последнее замечание, то становится ясно, что не только Керенский, но и другой, более сильный государственный деятель не сумел бы с овладеть с мощными стихийными движениями народных масс (имеется в виду, конечно, не весь ро ссийский народ, а наиболее активная его часть, принимавшая деятельное участие в революционном движении). Со зда ет ся впе чат лен ие, ч то свержение Временного правительства и победа большевиков объясняются не столько тем, что они смогли увлечь за собой народ, сколько умением использовать в своих политических целях анархические порывы масс, прежде всего солдат и рабочих.

А.Ф.Керенский

Октябрьский переворот прошел удивительно легко и почти бескровно. Это

доказывает естественность его характера, соответствие революционной смуте. Но захват власти представителями одной партии, отрицание ими буржуазных целей и ценностей, провозглашение утопических идеалов коммунизма, вспышка контрреволюционных настроений (естественной реакции на революцию) – эти и другие факторы, в частности, полнейшее неприятие Западом власти трудящихся, все это определило переход революционной смуты в Гражданскую войну.

Важно и то, что коммунистический строй в то время вовсе не казался утопией. Вопрос был в том, о какой форме коммунизма идет речь. Крупный мыслитель и бывший большевик А.А. Богданов совершенно справедливо отметил в конце 1917 – начале 1918 года: «Армия вообще, и в мирное и в военное время, представляет обширную *потребительскую коммуну* строения строго *авторитарного*. Массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде доставляемые из производственного аппарата продукты... Коммунизм этот простирается, главным образом, на низы армии, на собственно «солдат», которые живут в общих казармах, получают общий стол, казенную одежду и снаряжение». Он отметил, что в сложившейся обстановке может идти речь о построении военного коммунизма, а не социализма: «Социализм есть прежде всего новый тип *сотрудничества* – товарищеская организация производства; военный коммунизм есть прежде всего особая форма *общественного потребления* – авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует».

В конце 1917 года, отказываясь от предложения Луначарского занять пост в большевистском правительстве, Богданов пояснил, как он расценивает сложившуюся ситуацию:

«Корень всему – война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие *военного коммунизма* .

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; *применительно к нему* , планировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как убудок капитализма и потребительного военного коммунизма...

Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская. И паразитально, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал...

А идеал социализма? Ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно порвал... он идет по пути военно-потребительного коммунизма... В России солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее...»

Богданов исходил не только из анализа текущей ситуации, но также из общетеоретических соображений (в ту пору он создавал свою «тектологию»,

всеобщую организационную науку, предтечу кибернетики, общей теории систем и информатики). Поэтому, даже не во всем с ним соглашаясь, следует принять к сведению его выводы о неизбежном военном коммунизме и государственном капитализме, а также авторитарной власти, к которым приведет Октябрьский революционный переворот вне зависимости от устремлений его организаторов.

ПОЧЕМУ УСТОЯЛИ БОЛЬШЕВИКИ?

К осени 1919 года советское государство стояло на краю гибели. Деникин, заняв Украину, рвался к Москве с юга. Его два кавалерийских корпуса, сопровождаемые бронепоездами и пехотным десантом, проникли глубоко в тыл Красной армии. Бело-казахьи разъезды объявились уже вблизи Серпухова. На северо-западе Юденич подошел к окраинам Петрограда. На востоке, потеряв Урал, но имея за спиной Сибирь и Дальний Восток, Колчак все упорней контратаковал красных. Иностранные интервенты угрожали с севера. В молодой советской стране усиливались голод и разруха. В Москве участились террористические акты и диверсии. Казалось, дни большевиков сочтены.

В это время в антисоветском лагере все более важную роль стала играть буржуазная Польша – единственная страна, выставившая против большевиков крупную боеспособную армию. Все остальные буржуазные государства были охвачены революционным брожением и движением солидарности трудящихся с революционной Россией.

Белополяков влекло на восток желание отомстить за притеснения, чинившиеся царской Россией, и стремление захватить прежние владения Польши: Украину, Белоруссию, Литву. Используя фанатичный католицизм многих поляков, Ватикан тоже подталкивал Польшу к нападению на Россию, ослабленную смутой и междоусобицей. До некоторых пор Красная армия Лит-Бела (Литовско-Белорусской ССР) сдерживала белопольские войска. Но Главное командование Красной армии вынуждено было перебрасывать отсюда все больше сил и средств на другие опасные направления. После падения Лит-Бела, как писал польский историк и политик Ю. Мархлевский: «Советская Россия, вынужденная напрягать все свои силы для обороны других фронтов, не могла защитить свой западный фронт».

А. И. Деникин очень рассчитывал на помощь польского главнокомандующего и фактического правителя Польши Ю. Пилсудского. Эта помощь могла бы гарантировать Деникину полный успех в разгроме большевиков. Таким образом, судьба Советской Республики оказалась в руках Пилсудского. И в этот момент Ленин направил в Польшу Юлиана Мархлевского, предоставив ему широкие полномочия.

Мархлевский – представитель Польши в Коминтерне, был хорошо знаком и с

Лениным, и с Пилсудским, который долгое время был социалистом, активным деятелем польского рабочего движения, хотя всегда оставался ярым националистом. Мархлевский работал в Наркомате иностранных дел РСФСР, был членом ВЦИК.

В марте Мархлевский нелегально прибыл в Польшу из Германии.

Впоследствии он писал, что мысль о переговорах с польским правительством возникла у него под влиянием «некоторого изменения в политическом положении и в настроении политических кругов Варшавы». Какие же это были изменения?

Дело в том, что Антанта признала своего ставленника Колчака верховным правителем России. А он выступал за «единую и неделимую Россию». Это озадачило и напугало польскую общественность, показав ей, что полная победа белогвардейцев несет угрозу ее независимости.

Мархлевский вел переговоры с белополяками под прикрытием официально объявленных встреч делегаций Красного Креста обеих сторон для организации обмена заложниками и пленными. Переговоры проходили в два этапа: во второй половине июля 1919 года в Беловежской пуще, а после перерыва – на станции Микашевичи. «Мархлевский имел конфиденциальные беседы с доверенными людьми Ю. Пилсудского», – писала историк М.Н. Черных.

Уже в начале этих переговоров советская сторона получила достоверную информацию о том, что командование польской армии ненамерено продвигать войска дальше на восток от той линии, на которой они находились, и «что помощь Деникину в его борьбе с большевиками не отвечает интересам польского государства», – как писали польские историки Ф. Тых и Х. Шумахер. А Деникин надеялся, что Пилсудский прикроет его левый фланг, займет Смоленск и нанесет удар по Серпухову, где находился полевой штаб Реввоенсовета Советской Республики.

Юзеф Пилсудский

Мархлевский по поручению Ленина предложил заключить мирный договор между РСФСР и Польшей, обещая значительные территориальные уступки со стороны первой. Но ему дали понять, что Польша зависит от Антанты и не может заключить даже такой выгодный для себя мир.

18 июня 1919 года польское командование предоставило Мархлевскому возможность перейти линию фронта. Так завершился первый этап переговоров, о результатах которых Мархлевский информировал не только Ленина, но и лидера польских коммунистов в Советской России Ю. Лещинского-Ленского. Последний выступил против продолжения переговоров. Разделяя концепцию Троцкого о разжигании мирового революционного пожара, он считал, что «не заключение мира приближает революцию, а революция ведет к заключению мира». Столкнувшись с такой позицией, Мархлевский писал: «Р-р-р-радикализм, р-р-р-революционность этих медных лбов могут наделать еще много бед». Он заявил польским коммунистам: «Установление коммунистического строя силой оружия вопреки устремлениям населения – невозможно».

В «Очерках истории советско-польских отношений 1917-1977» сказано: «Результатом переговоров в Микашевичах было устное соглашение о временном прекращении огня по всей линии фронта. Установившееся таким образом фактическое перемирие на Западном фронте позволило командованию Красной Армии перебросить часть своих войск на разгром войск Деникина, рвавшихся к Москве».

Антанта попыталась склонить Пилсудского к наступлению на Советскую Россию. Но этого так и не произошло. Как писал Мархлевский: «Польское правительство, очевидно, не желало содействовать победе Деникина, сознавая опасность для Польши полного торжества реакции в России. Господа Пилсудские с компанией сочли более удобным для себя, чтобы гражданская война в России продолжалась до полного истощения народных сил, и, вопреки Антанте, не помогли Деникину».

Вполне возможно, что и Антанта не особенно усердствовала, настаивая на вторжении Польши в Россию. Ведь ее помощь Деникину и Колчаку имела главной целью вовсе не восстановление великой России, а напротив, ее полное истощение в междоусобице.

Начальник польской военной миссии в Париже генерал Т. Розвадовский писал верховному командованию польской армии: «Лучше всего было бы подождать, пока большевики, разбив Петлюру, победят Деникина, чтобы после этого разгромить тех же большевиков... При известной воздержанности мы можем в ближайшее время добиться того, что нас здесь начнут рассматривать как единственную армию, действительно способную выступить против большевиков».

Однако в конце концов не белополяки использовали большевиков в своей геополитической игре, а большевики сумели использовать белополяков в своих целях.

Но, конечно, большевики устояли не только поэтому. У них в тылу было значительно меньше разброда, шатаний и, тем более, партизанских отрядов, чем у Белой армии. Идеология большевиков была ближе и понятней народным массам, чем буржуазно-демократические принципы, за которые сражалась Белая армия.

Из приведенного выше эпизода Гражданской войны видно, что отнюдь не белые сражались за единую великую независимую Россию. Возможно, многие или даже большинство из них считали именно так, но в действительности (и это ясно из признаний Деникина) Запад, который их поддерживал и от которого они зависели, имел в виду цель совершенно иную: расчленение России, ее максимальное ослабление и подчинение крупнейшим капиталистическим державам.

В начале XX века этой цели Западу добиться не удалось. Он взял реванш в конце века, всячески поддерживая антисоветчиков и «демократов».

Многие русские царские офицеры и генералы поняли, что большевики сражались за независимую и великую Россию, и перешли в Красную армию. Это вовсе не значит, что все они разделяли убеждения большевиков. У каждого из них были свои резоны служить красным. Некоторые делали это и по принуждению. Но в любом случае они могли оправдывать свои действия тем, что выступают против буржуазных «демократов», которые свергли царя (ведь не большевики же сделали это).

Например, очень популярный и прославляемый современными «демократами» адмирал А.В. Колчак признавался в частных письмах, что

является фактически военным наемником Англии и США. Это было правдой, о которой могли догадываться многие белогвардейцы. Несомненно, он был незаурядной и яркой личностью, но в политическом противостоянии оказался на стороне врагов великой России, стремясь разгромить большевиков, в которых видел наибольшую опасность для своей родины.

Во время Гражданской войны идейные позиции большевиков оказались более прочными и привлекательными, чем у их противников. В то же время можно согласиться с выводом В.В. Кожина: «В Гражданской войне столкнулись две по сути своей «революционные» силы. Отсюда и крайняя жестокость борьбы». Но если за спинами белых маячили фигуры представителей западного капитала, то Красная армия в значительной мере пользовалась поддержкой народных масс. Поэтому она и победила.

О «ДЕМОНЕ РЕВОЛЮЦИИ»

«Демоном революции» называли Льва Давидовича Троцкого. И действительно, его роль в российской революционной смуте была в значительной степени демонической, зловещей. Об этом приходится говорить потому, что в последние годы стало модным представлять Троцкого добрым гением революции, всячески противопоставляя его не только Сталину, но и Ленину (или, напротив, объединяя с Лениным как противовес «сталинизму»).

На этот счет хотелось бы привести мнение идейного противника большевиков, талантливого писателя и проницательного мыслителя Марка Алданова. В очерке 1927 года, посвященном Сталину и опубликованном в Париже, он уделил внимание и Троцкому. О Сталине он отзывался так:

«Это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся во всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная – этим он резко отличается от многих других большевиков».

А вот другая характеристика:

«У Троцкого идей никогда не было и не будет. В 1905 году он свои откровения взял взаймы у Парвуса, в 1917-м – у Ленина. Его нынешняя оппозиционная критика – общие места эмигрантской печати. С «идеями» Троцкому особенно не везло в революции. Он клялся защищать Учредительное собрание за два месяца до того, как оно было разогнано. Он писал: «Ликвидация государственного спаивания народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции» – перед восстановлением в сов. России казенной продажи вина. Но в большом актерском искусстве как в уме и

хитрости, Троцкому, конечно, отказать нельзя. Великий артист – для невзыскательной публики. Иванов-Козельский русской революции».

Троцкий на фронте (перед солдатами)

Столь хлесткий вывод Алданов подтвердил несколькими убедительными примерами. По его словам, Троцкий «разыграл Брестское представление, закончив спектакль коленцем, правда, не вполне удавшимся, зато с сотворения мира невиданным: «войну прекращаем, мира не заключаем». С началом гражданской войны самой бенефисной ролью стала роль главнокомандующего Красной Армией... После первого разрыва с Троцким большевики (т. е. Сталин) опубликовали несколько документов, из которых как будто неопровержимо следует, что роль эта была довольно скромной...» О литературном даровании Троцкого Алданов отозвался так: «Троцкий вдобавок «блестящий писатель» – по твердому убеждению людей, не имеющих ничего общего с литературой». Он привел несколько «перлов» этого «блестящего» политписателя. После покушения Каплан Троцкий воскликнул: «Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!» Или этакое сверхреволюционное: «Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!» Или образец сарказма: «империалистическое копыто г. Милюкова».

Обратим внимание на некоторые ключевые периоды революционной деятельности Троцкого: Октябрьский переворот, Брестский мирный договор, руководство Красной армией.

«Осуществление почти бескровной победы революции 25 октября (7 ноября) 1917 г., – писал известный английский советолог Э. Карр, – является

заслугой Петроградского совета и его Военно-революционного комитета... Как впоследствии сказал Сталин, съезд Советов «лишь принял власть из рук Петроградского Совета». Все очевидцы тех событий отдадут должное энергии и организаторским способностям, которые проявил в то время Троцкий... Но высшая стратегия революции проводилась Лениным с помощью созданного им инструмента – большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии. Хотя победа была завоевана под лозунгом «Вся власть Советам!», победили не только Советы, но и Ленин и большевики... Триумф партии почти полностью явился, по-видимому, результатом успешного и последовательного руководства Ленина». Можно, конечно, упрекнуть Ленина в том, что вся власть в конечном счете перешла не к Советам (это был бы анархический по сути вариант), а к большевикам, что и определило авторитарный режим правления. Но вспомним, что Троцкий был одним из яростных сторонников однопартийной диктатуры. Когда на Втором Всероссийском съезде Советов поступило предложение создать правительство, представляющее все социалистические и демократические партии, Троцкий ответил: «Мы им говорим: вы – ничтожества и потерпели крах. Ваша роль окончена, и дите же ту да, куда вы предназначены: на свалку истории». Значительно позже, в эмиграции, Троцкий сильно «задемократизировался», особенно злобно нападая на советскую авторитарную систему, на Сталина и диктатуру партии. Но следует принимать во внимание то, как он вел себя и что говорил в ту пору, когда сам был на вершине власти. То самое коленцо Троцкого в период заключения Брестского мира, о котором упомянул Алданов, могло бы дорого обойтись (да и недешево обошлось) советской власти. Тогда (в конце 1917 года) большевики оказались в труднейшей ситуации. Они победили отчасти благодаря широчайшей популярности их лозунга «Мир – народам!» Но пришла пора обеспечить этот мир, что было совсем не просто. Немцы соглашались на мир, но при больших территориальных уступках со стороны России. Ленин шел на это. Бухарин выступал за продолжение «революционной войны». Троцкий предложил компромиссное и невиданное доселе решение: ни мира, ни войны. Вот как описывает дальнейшие события французский советолог Н. Верт:

«26 января Троцкий вернулся в Брест. Прирожденный оратор, он пустился в словесные маневры. Германские военные начали тем временем терять терпение. Делегации центрально-европейских держав подписали мирный договор с представителями Рады. Те тут же попросили у Германии военной помощи, чтобы противостоять большевикам, войска которых только что вошли в Киев. Эта просьба послужила поводом к новому германскому вторжению. Отныне время играло против большевиков.

10 февраля Троцкий прерывает переговоры... Несколько дней спустя ленинские опасения подтвердились и центрально-европейские державы

начали широкое наступление от Прибалтики до Украины».

Ленин предложил срочно послать телеграмму в Берлин с согласием на мир. Троцкий и особенно Бухарин были против, считали, что надо ожидать скорой революции в Германии. Их сторонники оказались в большинстве. Однако наступление с Запада развивалось так быстро и неотвратимо, что вскоре было принято ленинское предложение. На этот раз условия германской стороны были более жесткими, чем на переговорах в Бресте. Вновь большинство ЦК, включая Троцкого, было против мира, так что Ленин вынужден был пригрозить отставкой, если не будет достигнуто мирное соглашение с Германией. Советская Россия потеряла огромные территории, где находилось 26% от общего числа населения. Это было в значительной степени результатом провала Троцким, тогдашним наркомом иностранных дел, Брестского (Брест-Литовского) мирного соглашения.

Но может быть, его кипучая деятельность во время Гражданской войны была безупречна? Нет, она вызывает немало сомнений, не говоря уж о том, с какой зверской жестокостью расправлялись по указаниям Троцкого с отступавшими с поля боя красноармейцами (особенно свирепствовал его ставленник Тухачевский).

Когда в начале 1918 года кипели страсти вокруг заключения мирного договора с австро-германским блоком, оставались без должного внимания события, разыгравшиеся на северо-западной окраине в районе Мурманска. Антанта под предлогом помощи России военными материалами ввела свои боевые корабли в Мурманскую бухту. А немцы надеялись захватить Мурманск руками белофинов (в Финляндии тоже шла гражданская война). Угроза Мурманску возросла после срыва Брестских мирных переговоров. Антанта предложила Советской России военную помощь против немцев и их союзников. Переговоры с ее представителями вел нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий. Британский представитель генерал Пуль телеграфировал по этому поводу из Москвы в Лондон: «Я считаю, что нужна немедленная военная акция для обеспечения захвата порта Мурманска англичанами. Я полагаю, что будет возможным получить искреннюю поддержку Троцкого». Действительно, такая поддержка была. На запрос Мурманского совета о том, как отреагировать на предложение Антанты оказать материальную и военную помощь в связи с угрозой немецкого наступления, Троцкий ответил: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против хищников». В результате 6 марта в Мурманске высадился отряд английских морских пехотинцев численностью до 200 человек с двумя легкими орудиями. В апреле представитель Великобритании Р. Локкарт направил в Лондон докладную записку об условиях военного сотрудничества с Советской Россией, выработанных в ходе переговоров с Троцким, ставшим к тому времени наркомом по военным делам.

Однако события в Мурманске получили и другую оценку. Олонецкий

губисполком заявил, что соглашение с Антантой «подчинит Мурманский край экономическому и военному влиянию европейских правительств, ведущих, в окончательном счете, к развитию сепаратизма в условиях, благоприятствующих капиталистическому строю». Столь же резко отреагировал и Архангельский Совдеп (Мурманск входил в состав Архангельской губернии).

На VII экстренном съезде РКП(б) Ленин предупреждал: «На нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск – это вполне возможно». Но Троцкий по-прежнему был поборником активного сотрудничества с Антантой. Локкарт писал 5 мая представителю США в России полковнику Р. Робинсу о том, что Троцкий «представил все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске». Гражданская война в Финляндии закончилась победой белых. На финском берегу Балтики высадились немецкая пехотная дивизия. Надо было оборонять Мурманск и от немцев, и от Антанты. Этого сделано не было. К руководству Мурманским советом пришел ставленник Троцкого – А.М. Юрьев. (До Революции он несколько лет жил и работал в США, а после роспуска Мурманского совета служил у местного американского консула переводчиком и занимался распределением западного продовольствия, поступавшего в город; после разгрома белогвардейцев был предан суду за контрреволюционную деятельность, получил расстрельный приговор, замененный 10 годами лагерей; дальнейшая его судьба неизвестна.)

Антанта при полном попустительстве Юрьева наращивала свои войска в Мурманске, доведя их до 4 тысяч человек. В конце июня с прибывших транспортов высадились 1,5 тысячи британских военнослужащих. При этом в Париже, Лондоне и Вашингтоне не скрывали своих антибольшевистских намерений.

В переговорах по прямому проводу Ленин требовал от Мурманского совета выражения протеста против увеличения военного присутствия западных стран и призывал дать им отпор. Но эти указания не были приняты во внимание. С подачи Юрьева члены Мурманского совета проголосовали за сотрудничество с Антантой – под гудение мотора пролетавшего низко британского самолета с прибывшего накануне авианосца «Найрана».

Так разворачивалась интервенция Антанты на Русском Севере. Оказывая ей поддержку, Троцкий нарушал Брестский мирный договор с Германией, по которому корабли Антанты должны были быть удалены из портов России. Почему он решился на этот шаг? Не ради ли срыва мирного договора с Германией? Или стремясь реализовать свою бредовую идею всемирной революции, в которой русскому народу была уготована роль «запала» для разжигания мирового пожара? Или у него были еще какие-то соображения?.. Обратимся к другому эпизоду.

Несмотря на все усилия внутренней и внешней контрреволюции в конце 1917 и начале 1918 годов не удавалось развязать крупномасштабную гражданскую войну в России. Происходили только локальные вооруженные выступления

белогвардейцев. Весной 1918 года едва ли не единственной пороховой бочкой, способной взорвать ситуацию и начать всеобщую смуту, был Чехословацкий корпус. Сформированный еще в царское время из австро-венгерских пленных чехов и словаков, желавших бороться за независимость своей родины, этот корпус после заключения Брестского мира погрузился в эшелоны и двинулся к Владивостоку, чтобы оттуда отправиться в Западную Европу и принять участие в военных действиях на стороне Антанты. Полностью разоружиться чехословацкий корпус не пожелал. Совнарком пошел на уступки и передал через И.В. Сталина: «Чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущая с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров».

И вдруг 21 мая многие Советы территорий, через которые продвигались чехословацкие эшелоны, получили телеграмму начальника оперативного отдела Наркомвоенмора С.И.Аралова: «...»

Однако еще раньше чехословацкое руководство провозгласило корпус «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции», и его переход на содержание западных союзников. Тем самым Троцкий помимо всего прочего обострял отношения России с Францией, в то время как в апреле японцы высадили десант во Владивостоке.

Секретные приказы Троцкого стали каким-то образом известны командованию Чехословацкого корпуса, которое приняло решение оружие не сдавать, а при необходимости пробиваться на восток с боем. А Троцкий 25 мая издал приказ № 377, согласно которому все Советы были обязаны немедленно разоружить чехословаков под угрозой расстрела.

Подчеркивалось, что если в одном из эшелонов окажется хотя бы один вооруженный, все должны быть выгружены из вагонов и заключены в лагерь для военнопленных. (И это секретное распоряжение тут же стало известно чехословакам.)

28 мая Аралова красных с юга. Был создан единый антисоветский фронт. Началась крупномасштабная Гражданская война.

В телеграмме, направленной Совнаркому 30 мая 1918 года, чехословаки справедливо возлагали ответственность за вооруженный конфликт на советскую власть, которая «...в лице военного комиссара Троцкого вела переговоры с чехословаками неискренним способом, обещая делегациям чехословаков одно и отдавая местным Совдепам тайные распоряжения совсем другого рода».

Троцкий продолжал настаивать на своем, подчеркивая, что «остается во всей силе приказ о расстреле застигнутых с оружием в руках».

Для чего же он упорно способствовал разжиганию крупномасштабной гражданской войны? Авантюрист и честолюбец, охваченный угаром вождизма и упоенный властью, он вел очень крупную политическую игру. Ему нужна была огромная арена для действий, в идеале – вся Евразия или даже

весь земной шар. Пусть эта арена будет залита кровью и слезами, но зато он проявит на ней во всем блеске свои ораторские, публицистические и организаторские способности!

Правда, и в этом случае не исключены какие-то иные, потаенные причины...

ТРОЦКИЙ И МАХНО

Поезд председателя Реввоенсовета РСФСР Троцкого, оснащенный всем, чем только можно было, даже типографией и аэропланами, постоянно передвигался по фронтам Гражданской войны. Весной 1919 года он прибыл на Украину. Обстановка здесь была сложной. Деникин усиливал свои удары, но кроме того действовали националисты-петлюровцы и интернационалисты-анархисты, наиболее влиятельными среди которых были махновцы. Они тогда были союзниками большевиков и назывались Первой Украинской Повстанческой дивизией.

Существовали определенные трения между Лениным и троцкистом Х.Г. Раковским, Предсовнаркома УССР. Была некоторая напряженность и в отношениях с Махно. Но в целом его повстанцы громили белогвардейцев, чем безусловно помогали Красной армии. В первой половине 1918 года Нестор Иванович Махно находился в Москве, где познакомился с Бухариным, Свердловым и имел беседу с Лениным, который произвел на него большое впечатление. (В своих воспоминаниях он неоднократно повторял: «мудрый Ленин».)

Махно был фигурой колоритной и непростой. Сын кучера, рано осиротевший, он перенес немало тягот и лишений, проникся ненавистью к угнетателям, был сельским учителем и превратился в анархиста-боевика и вождя партизанской вольницы, из которой он сделал боеспособную воинскую часть.

При необходимости его армия быстро увеличивалась за счет крестьян.

Ленин поручил В.А. Антонову-Овсеенко проинспектировать войска Махно.

Выполнив задание, Антонов-Овсеенко послал в Москву телеграмму:

«Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада и весь район – большая боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы...

карательные меры – безумие. Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев».

Кто же настаивал на карательных мерах против махновцев и организовал их газетную травлю? Троцкий. Как писал сын начальника штаба Махно А.В.

Белаш: «Революционно честный, отлично понимающий обстановку на Украине, патриотически настроенный, командующий войсками Украины Антонов-Овсеенко мешал Троцкому и был отстранен от командования войсками...

Это отстранение... нанесло громадный моральный и политический ущерб в сражающихся войсках, но развязало руки Троцкому».

Сложившуюся тогда обстановку Антонов-Овсеенко охарактеризовал так: «Астрахань под угрозой. Царицын в клещах. Советская власть на всем юге под вопросом».

В это напряженное время Троцкий взял в руки не «карающий меч революции», а топор палача и обрушил его на махновское движение. Из приказа Троцкого от 18 июня 1919 года, № 112, город Харьков: «Южный фронт наш пошатнулся. Кто виноват?.. Ворота открыты... анархо-бандитами, махновцами... Чрезвычайный Военный Революционный трибунал под председательством товарища Пятакова рассмотрел дело о предателях-махновцах... Трибунал сурово наказал изменников и предателей... Махновский штаб уничтожен, но яд махновщины еще не истреблен».

12 июня члены пятаковского трибунала развернули активную деятельность. Было арестовано несколько десятков махновцев, преимущественно штабных работников, которые находились в бронепоезде, где совместно работали штабы Махно и 14-й Красной армии под командованием К.Е. Ворошилова (он впоследствии сдал деникинцам Киев, Екатеринослав и пошел под трибунал, разжаловавший его в комдивы). Вскоре харьковская газета «Коммунар» на последней странице опубликовала сообщение: «Расстрел штаба Махно» (казнили семь махновских командиров).

В. Н. Волковинский, автор книги «Махно и его крах», пишет: «Обвинение Троцкий Махно в том, что он якобы умышленно открыл фронт деникинцам на 100-километровом участке, безосновательно. Потерпев поражение в 20-х числах мая, махновцы продолжали еще почти месяц сражаться с деникинцами. К тому же, как известно, батька отклонил предложение Шкуро перейти на сторону белых».

Из донесения командования Украинским фронтом:

«Махно еще сражался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия... Причины разгрома Южного фронта отнюдь не в украинской партизанщине (махновщине. – *Авт .*)».

20 июня 1919 года на запрос Наркома иностранных дел Г.В. Чичерина о причинах столь быстрого отступления красных войск на Украине, сотрудник комиссариата Д. Гопнер сообщил: «Одна из причин отступления Красной Армии под натиском Деникина – авантюра вокруг Махно и несвоевременное объявление открытой войны партизанщине». И далее он перечислял заслуги Махно в ликвидации австро-немецкой оккупации на Украине и в борьбе с гетманщиной, упомянул о стойкости махновцев в боях с деникинцами. Начальник штаба Махно В.Ф. Белаш вспоминал: «Действия Троцкого, особенно его предательское распоряжение № 96/с (секретное. – *Авт .*) от 3 июня и особенно Третий пункт этого распоряжения, где под страхом строжайшей ответственности запрещалось снабжать нас боевыми припасами и любым военным имуществом, – разрушали Красный фронт (мы ведь были дивизией Красной Армии и сражались в одной линии фронта с ней и

подчинялись одному командованию), разоружали нас в пользу Деникина». 6 июня от Троцкого к Ворошилову поступила телеграмма с напоминанием: «Махно подлежит аресту и суду Ревтрибунала, а посему Реввоенсовету Второй армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары». Что это за кара? Из приказа № 107 от 6 июня: «Кара может быть только одна – расстрел. Да здравствует... борьба с врагами народа! Л. Троцкий». Удивительным образом в данном случае «врагами народа» начальственный интеллигент называл представителей народа, которые сражались за свою свободу. Чудовищное лицемерие! Бывший командарм 2-й Украинской Красной армии А.Е. Скачко писал в своих мемуарах: «Приказ Троцкого об объявлении Махно вне закона настолько играл на руку белым, что они отпечатали его во множестве экземпляров и разбрасывали среди войск Махно». Ситуация фантастическая; вряд ли когда-то случалось нечто подобное. Выходит, Троцкий действовал как провокатор и самый настоящий враг народной армии.

О том, как реагировали на подобные приказы на фронте и в тылу Красной армии, сражавшейся на Украине, вспоминал В.Ф. Белаш: «Бойцы и гражданское население собирались толпами и обсуждали положение фронта и тыла, свою перспективу... Возникали стихийные митинги, на которых все чаще выступающие заявляли о бездарности военного и партийного руководства, о его предательской роли... об умышленной дезорганизации фронта с целью пропустить Деникина на Украину для уничтожения его руками революционных сил, оказавших сопротивление политике Троцкого-Раковского-Пятакова».

По словам В.Ф. Белаша: «После явного предательства фронта Троцким, после ухода Махно в тыл, в продолжающемся в повстанческих войсках красном терроре, повстанцы под руководством своих командиров не поддались троцкистским провокациям и не изменили Революционному фронту... Повстанцы не бросили фронт, не перешли к Деникину, не разошлись по домам, а продолжали проливать кровь во имя своих идеалов и светлого будущего... Уже бежали 14, 13, 8, 9, 10-я армии, противник занял Синельниково, Екатеринослав, Харьков, Белгород, Балашов, Царицын, не было уже Махно на фронте, а отношение к повстанцам не изменилось. В тот момент, когда необходимо было отбросить в сторону политические трения и разногласия, консолидировать силы и выступить единым фронтом против Деникина, Троцкий этого не сделал».

Махновцы не только продолжали сражаться, но и помогли красным войскам И.Ф. Федько вырваться из Крыма. По вине Троцкого была потеряна Украина, и белогвардейцы начали наступление на Москву. Хотя была возможность их контратаковать и отбросить на юг.

На этот счет есть убедительное свидетельство А.Е. Скачко: «Я лично 1 июня предлагал Южфронту перейти в наступление на Юзовку – Ростов с целью

подрезать наступление добровольцев на Харьков... Для выполнения моего плана нужно было:

1. получить те немногочисленные кавалерийские части, которые я просил;
2. возобновить добрососедские отношения с Махно, чтобы он выполнял мои оперативные распоряжения.

Тов. Ворошилов, присланный мне на смену (по неофициальным полученным мною данным Троцкий приказал меня сменить «за поддержку Махно»), вполне одобрил мой план. Но выполнить его ни я, ни сменивший меня тов. Ворошилов не имели возможности, так как, во-первых, Южфронт не прислал испрашиваемой кавалерии, а, во-вторых, Троцкий объявил Махно вне закона. После этого «государственного акта», конечно, какие бы то ни было совместные действия с Махно делались невозможными. Бригада Махно вышла из состава 2-й Украинской Красной Армии, и последняя фактически перестала существовать».

Вообще, политика троцкистов на Украине настраивала против советской власти массы крестьян. Помещичьи земли не раздавались крестьянам, на них создавались совхозы (явно преждевременные в тот период). Население подвергалось реквизициям, в частности, у крестьян отбирали лошадей. Но главное, что шла жестокая борьба против махновцев, в основном – повстанцев-крестьян, сторонников анархо-коммунизма.

«Не мог мириться Троцкий, – считал В.Ф. Белаш, – с тем, что авторитет и слава командиров, выходцев из народа, невероятно росла... Терпеливо вынашивал Троцкий мечту избавиться от таких. (Это подтвердила судьба Ф. К. Миронова, Б.М. Думенко, Мамонтова, Щетинкина, Каландаришвили и многих других. – *Авт.*)

Мы уже догадывались, к чему клонит Троцкий... мотивы желаний пропустить его (украинский народ. – *Авт.*) еще раз через мясорубку гражданской войны. В результате политики, проводимой троцкистами, власть коммунистов-государственников на Украине перестала быть привлекательной. Фронт разваливался, дезертирство приняло массовый характер и еще в апреле 1919 года достигло в армиях 100 тысяч бойцов».

9 июня Махно направил телеграмму сразу в 6 адресов, прежде всего – Ленину, с объяснением своего ухода из Красной армии:

«...Несмотря на глубоко товарищескую встречу и прощание со мной ответственных представителей Советской республики, сначала товарища Антонова и затем тов. Каменева и Ворошилова, в последнее время официальная советская, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространила обо мне ложные сведения, недостойные революционера, тяжелые для меня... Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти по отношению повстанчества, по моему глубоко убеждению, с роковой неизбежностью ведут к кровавым событиям внутри трудового народа, созданию среди трудящихся особого внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров. Я

считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и его сознательной революцией».

События 1921 – начала 1922 годов подтвердили правильность оценки и прогноза Махно: Кронштадтский мятеж, Антоновщина восстание в Западной Сибири...

Вольно или невольно (что менее вероятно) Троцкий своими мерами содействовал переходу «сознательной революции» (верная формулировка Махно) в революционную смуту. Сдав Украину Деникину, он продлил Гражданскую войну. Рассорил анархо-коммунистов с большевиками (коммунистами-государственниками). Сохранил руководящее положение своих сторонников в руководстве компартии Украины.

Возможно, он не только старался укрепить свое руководящее положение, в частности, выдвигая на командные посты преданных себе людей (одним из которых был Тухачевский, которого называют «кровавым маршалом» за его жесточайшие карательные операции против русских крестьян). Но была у него, по-видимому, и дальняя цель: всячески содействовать свершению всемирной революции, распространению междуусобиц и кровавых классовых столкновений на другие государства и народы. Как гласила агитка того времени:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем.

В этом смысле Л.Д. Троцкого с полным основанием можно считать именно демоном революции, ибо он вносил в нее кровавые раздоры и смуту. Может показаться странным, что именно Троцкий стал одним из наиболее почитаемых деятелей советского периода в ту пору, когда началась так называемая «демократизация» СССР, а затем и его расчленение. Казалось бы, такой рьяный революционный глобалист, жесточайший каратель времен Гражданской войны, вносивший смуту и в действия Красной армии, и в ряды большевиков, ничего не сделавший для укрепления и восстановления России, зато активно участвовавший в Октябрьском перевороте (который новоявленные демократы из партocrats стали дружно проклинять)... Что привлекло современных идеологов антисоветского пути России в образе Троцкого?

Главное, пожалуй, его противостояние Сталину. Последнего антисоветская пропаганда (да еще хрущевские подголоски) представляет как ужаснейшего террориста, осуществлявшего репрессии, при которых пострадали десятки миллионов человек, а миллионы были убиты. Правда, за последние годы даже его лютые враги порой соглашались, что при их ставленнике Ельцине в России было больше заключенных (на душу населения), чем при Сталине, а русский народ стал вымирать, тогда как при Сталине он возрастал в числе и был физически и морально значительно здоровее.

Сталину не могут простить того, что он был главным организатором

возрожденной великой России – СССР; что под его руководством были разгромлены германские фашисты. А Троцкого возлюбили за то, что был антиподом Сталина и был великим смутьяном – таким же, как его нынешние почитатели.

ХРУЩЕВСКАЯ СМУТА

После завершения Гражданской войны в СССР бывали мятежи и восстания, но их нельзя назвать смутой в государственном масштабе. Была коллективизация с ее жертвами (не углубляясь в эту сложную проблему, подчеркнем, что создание крупных сельских хозяйств было мерой вынужденной и необходимой для спасения от голода городов, Красной армии). Были репрессии (масштабы которых «демократы» с подачи Хрущева преувеличили примерно в 10 раз); но они отражали главным образом межпартийную борьбу. Террор был в основном по отношению к привилегированным слоям общества, к партийным кадрам и хозяйственникам, идеологам, администраторам, но не к народу. Жесточайшей проверкой на прочность Советского Союза стала Великая Отечественная война. Это испытание было выдержано с честью. И хотя среди советских людей оказалось немало предателей (главным образом – невольных, попавших в оккупацию и в плен), никакой смуты не было. То же можно сказать и о послевоенном периоде восстановления и развития народного хозяйства. В кратчайшие сроки страна вновь стала сверхдержавой не только как обладающая самой боеспособной армией в мире (и при этом честно ведущей мирную политику), но и по социально – экономическим показателям и научно-техническому уровню.

И.В. Сталин

Неумеренное восхваление и возвеличивание Сталина, при всей неприглядности этого явления, было отчасти оправдано (нельзя насильно или хитростью заручиться на много лет доверием и уважением не только советского народа, но и едва ли не всех крупнейших мыслителей и деятелей культуры мира). Но, безусловно, преувеличения были непомерные. Хотя Сталин в беседе с Фейхтвангером в 1937 году резонно заметил, что среди тех, кто громче других восхваляет Сталина, могут быть его злейшие враги. (По отношению к Н.С. Хрущеву это выглядит как точное предвидение, хотя пригревший его Сталин оказался обманутым этим хитрым «простачком».) Как бы мы ни относились к культу Сталина, следует признать, что он (культ) прочно вошел в государственную идеологию, стал ее органичной частью, был косвенным подтверждением полного доверия народа к своему руководству. В этом смысле Сталин выступал не как реальная конкретная личность, а как некий символ величия СССР и советского народа. Не случайно вспышка борьбы с культом личности Сталина пришлась на периоды горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ», когда ни Сталина, ни его культа не существовало уже несколько десятилетий. Этот удивительный феномен борьбы с давним покойником покажется полнейшим безумием, если не учитывать, что и в этом случае Сталин выступал как олицетворение великого СССР, который необходимо разрушить (образ личности как образ народа и страны). А сначала была хрущевщина. Одни называют этот период хрущевской оттепелью, другие – слякотью; в народе о нем сохранились недоброе

воспоминания и язвительные анекдоты, а для скрытых и явных антисоветчиков и обожателей запада оказались несущественными гнусные высказывания Хрущева в адрес искусства и религии. Он выступил как опровергатель культа личности Сталина. Хотя, сказать по правде, культ был вовсе не личности, а государственного деятеля – и в этом суть, которую многие не понимают до сих пор.

К вершине власти Хрущев пролезал долго и упорно, порой по трупам недругов и конкурентов, по ступеням партийной карьеры. В октябре 1952 года на XIX съезде партии вторым по значению докладчиком после Г.М. Маленкова, читавшего отчетный доклад ЦК и считавшегося негласным преемником Сталина, был Н.С. Хрущев. В своем докладе, посвященном новому уставу партии, Хрущев рьяно защищал сталинские положения о борьбе с кумовством и землячеством (не правда ли, ныне – через полвека! – тема не перестала быть актуальной). Покушения на социалистическую собственность объявлялись тяжкими государственными преступлениями. Чуть позже, придя к власти, Хрущев отменил эти пункты устава и положил начало мелкобуржуазной, а затем и буржуазной вакханалии, которая в конце концов развратила партию и разрушила социалистическую систему. К этому времени Сталину стало ясно, что сложившаяся социально-экономическая и политическая система уже не отвечает изменившейся коренным образом ситуации. Если до войны и во время нее страна находилась буквально на военном положении, подобно осажденной крепости, то теперь сложилось мощное и динамичное социалистическое содружество от Эльбы до Инда с населением около 1 миллиарда человек. На XIX съезде КПСС Сталин провел организационные решения, которые были, по его мнению, адекватны новой ситуации в стране и мире. В основном они состояли из трех положений: 1) создание вместо должности «первого секретаря» органа коллективного руководства – секретариата; 2) введение в сменивший Политбюро расширенный ЦК партии большого количества молодых и перспективных деятелей, хорошо показавших себя в войну и послевоенном строительстве; 3) запрещение партийным органам вмешиваться в деятельность советских государственных структур, а тем более подменять их.

Нельзя не отметить проницательность Сталина, осознавшего ту опасность, которая связана с установлением в стране диктатуры партии. Об этом придется сказать особо, потому что по сей день у множества историков, политологов и социологов по этому поводу нет никакой ясности. Они не сознают разницы между той социальной системой, которую создал Сталин, и диктатурой партии, установленной Хрущевым, а также смутно формулируют отличия советской системы от западных буржуазных демократий.

Дело в том, что Сталину удалось создать, можно сказать, реальную многопартийную систему, но только не с многочисленными политическими партиями с их более или менее различными идеологическими программами, а с «партиями», определяющими составные части государства. Это:

единственная политическая партия; органы полицейские, «внутренних дел», прежде всего КГБ и милиция; административно-хозяйственный аппарат; вооруженные силы; местные органы самоуправления – Советы.

Держа в своих руках бразды правления и рычаги влияния, Сталин имел возможность регулировать деятельность этих «партий по интересам» или «партий по функциям» с таким расчетом, чтобы ни одна из них не получила полного превосходства над остальными. Не было единовластия ни партии, ни КГБ, ни армии... Была система «многовластия» Сталина? Отчасти. Но, конечно же, он не был гением из гениев, способным руководить всеми отраслями народного хозяйства, государственным и партийным аппаратом, определять внутреннюю и внешнюю политику, да еще временами писать труды по экономике, языковедению... Его отличала замечательная работоспособность, огромный опыт, здравый смысл и большие знания в разных областях (он был едва ли не самым образованным руководителем государства во всем мире не потому, что его обучали в престижных вузах, а благодаря упорному и последовательному самообразованию, что более существенно и ценно). Но главное, что он сумел создать свою своеобразную «многопартийную систему» не политического, а социально-экономического толка. Такая система наиболее целесообразна в экстремальных ситуациях и при достойном, а еще лучше – выдающемся руководителе. Это доказала история СССР.

Политическая многопартийность буржуазного толка – это прежде всего соревнование в демагогии партий, не имеющих принципиальных различий, находящихся в руках крупного капитала. Не случайно в предвыборных «шоу» преимущество имеют те, за кем стоят более мощные финансовые группы. Об этом очень верно писал Максимилиан Волошин:

Единственный критерий

Для выборов:

Искусство кандидата

Оклеветать противника

И доказать

Свою способность

К лжи и преступленью

Поэтому парламентским вождем

Является всегда наинаглейший

И наиадвокатнейший из всех...

Но избиратели доселе верят

В возможность из трех сотен негодяев

Построить честное

Правительство страны.

Принципиальный вопрос в том, чьи интересы реализуют правящие группы: народных масс, партии (то есть некоторой политически обособленной части

граждан), отдельных полукриминальных кланов или наиболее богатых. Если судить непредвзято, то следует согласиться, что в сталинской авторитарной системе осуществлялись интересы народных масс. Известно, что он имел скромные материальные потребности, очень много работал и не любил выставляться перед толпой и произносить многочисленные речи, срывая аплодисменты и овации. Партийная верхушка вынуждена была подлаживаться под этот стиль работы и жизни.

В капиталистических странах, естественно, осуществляется диктатура богатых, имущих капиталы. В СССР со времен Хрущева установилась диктатура партии (КПСС), а точнее сказать, ее номенклатурных работников. С ельцинского периода бразды правления – при полном «демократическом» оболванивании значительной части граждан – страной завладели олигархические кланы. В этом смысле хрущевская диктатура партийного руководства стала переходным состоянием от сталинской к олигархически-клановой системе.

Выступление Сталина на первом пленуме ЦК КПСС 19-го созыва до сих пор окутано завесой тайны. Он говорил об организационных вопросах и обратился с просьбой о своей отставке, горячо и единодушно отвергнутой пленумом. Не станем гадать о причинах просьбы Сталина. Но обратим внимание на то, что упомянул в своих воспоминаниях бывший нарком-министр сельского хозяйства СССР Бенедиктов: в начале 1953 года Сталин настойчиво выдвигал своим преемником на пост председателя Совета министров СССР П.К. Пономаренко. По словам Бенедиктова, он видел записку Сталина с этим предложением и отзывы на ней некоторых членов Президиума ЦК. С 1938 по 1947 год Пономаренко был 1-м секретарем ЦК компартии Белоруссии, руководил в годы войны всем партизанским движением. Затем его ввели в секретариат ЦК ВКП(б), а в конце 1952 года он был назначен заместителем председателя Совета Министров СССР (то есть Сталина).

Сталин на смертном одре. 1953 г.

Затем произошли странные события, причина которых официально не объяснялась. 4 марта 1953 года накануне смерти Сталина Г.М. Маленков был назначен председателем Совета министров СССР, а П.К. Пономаренко был выведен из членов Президиума ЦК и Секретариата ЦК КПСС. Через неделю его сняли с поста заместителя председателя Совета министров СССР и назначили министром культуры.

О смерти Сталина было официально объявлено 5 марта 1953 года. Накануне радиостанция «Свобода» из Мюнхена передала, что Маленков и его коллеги физически убрали Сталина. Возможно, это была попытка внести смуту в сознание советских граждан. Но не исключено, что в такой криминальной версии смерти Сталина есть некоторый резон. Если и не было прямого физического устранения, то вполне могли проводиться меры по неоказанию ему необходимой медицинской помощи.

Настораживает тот факт, что первое правительственное сообщение о начале болезни Сталина содержало явную ложь: будто инсульт случился с ним на его квартире в Кремле, хотя произошло это на его Кунцевской даче.

Опубликованные спустя много лет после этих событий воспоминания работников сталинской охраны разнятся между собой в деталях (порой очень важных), но сходятся в одном: после начала болезни беспомощному вождю долгое время не оказывалась медицинская помощь. И делалось это вероятней всего умышленно.

Заговор Берии? Не исключено. За два последних года жизни Сталина Лаврентий Павлович отчасти находился «под колпаком». Проводились аресты среди его выдвиженцев в руководстве госбезопасностью, а также Грузинской ССР; была создана сверхсекретная комиссия, которая расследовала его деятельность на посту главы НКВД в 1938-1941 годах. Однако учтем, что начальником охраны Сталина был назначен, после снятия верного вождю генерала Власика, человек Маленкова – С.Д. Игнатьев (другим выдвиженцем Маленкова был министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов).

Похороны Сталина. 1953 г.

Совокупность фактов позволяет оценивать события 4 марта 1953 года как государственный переворот. Совместное заседание руководства высших органов Советского Союза провело на ключевые посты кандидатуры, утвержденные «четверкой» (Маленков, Хрущев, Берия, Булганин). Сталин еще дышал, а его молодые выдвиженцы, в том числе и Л.И. Брежнев, избранные в Президиум и Секретариат ЦК КПСС на XIX съезде партии, были выведены из этих высших партийных органов с большими понижениями. Президиум ЦК КПСС сузился до количества членов, существовавшего до съезда.

Можно сказать, что еще при жизни Сталина верхушка партийного руководства узурпировала власть. Но это было только началом выдвижения Хрущева на вершину государственной пирамиды. 14 марта последовала до сих пор необъясненная отставка Маленкова с поста секретаря ЦК КПСС. Он остался руководителем правительства, но прежнего совмещения должностей, как у Сталина, у него не было. Чем была вызвана эта отставка?

Неизвестно. Был также распущен и секретариат ЦК КПСС, просуществовавший с 4 по 14 марта 1953 года и включавший выдвиженцев Маленкова и его самого. Новый состав этого важнейшего партийного органа являлся опорой Хрущева (который в мемуарах не скрывал своей близости с Берией; кремлевские долгожители прямо называли обоих «неразлучной парой»).

По мере того как при поддержке Берии Хрущев устанавливал контроль над партийным аппаратом, он же начал плести интригу против своего друга. В этом его поддержал Маленков, на которого у Берии был компромат. По-видимому, Г.К. Жуков присоединился к антибериевскому заговору на самом последнем этапе, когда требовалось заручиться поддержкой армейского руководства.

За последние годы появилась новая версия устранения Берии. Сын последнего С.Л. Гегечкори-Берия и один из бывших бойцов секретного спецподразделения МВД сообщили, что в июле 1953 года Берия не был арестован в Кремле, а при возвращении в свой особняк был расстрелян встретившей его там засадой. Так или иначе, он был устранен в результате тайного заговора.

До августа 1953 года самые ответственные документы подписывал один Маленков, а потом стала обязательной и подпись Хрущева. Почему и как это произошло, остается загадкой. В следующем году Хрущев (поддерживаемый Жуковым), постепенно оттесняя Маленкова, делал решающие шаги к вершине власти. К сожалению, подробности его интриг остаются неизвестными.

Развязка наступила в январе 1955 года, когда Маленков был заменен Булганиным, активно способствовавшим избранию Хрущева на пост Первого секретаря ЦК КПСС. Начала свою работу комиссия ЦК по репрессиям, руководимая П.Н. Поспеловым. Эта комиссия проделала жульнический трюк с цифрами о количестве политических репрессированных, включив в их число и всех уголовников. Знал это Хрущев? Безусловно. Он ведь не стал приводить реальные цифры, которые были переданы ему из КГБ.

По его словам, «количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз!» Тогда как в 1936 году в исправительно-трудовых лагерях политических заключенных было 106 тысяч, а на 1.1.1938 года стало 185 тысяч. Поистине – ложь беспардонная. Ее усугубили затем многие антисоветчики, в частности А.И. Солженицын, которые громогласно утверждали, что репрессированы были многие миллионы ни в чем не повинных людей! Это позволило им лгать о массовых репрессиях против народа, тогда как репрессиям подвергались почти исключительно партийные деятели. Если бы репрессии были против советского народа, он бы сверг диктатуру Сталина или еще до войны, или, по крайней мере, в первые месяцы жестоких поражений Красной армии.

Полезно вспомнить, какую нечистую роль играл в этих чистках именно

Хрущев, поднимаясь на волне репрессий в верхние эшелоны власти. Он кричал с трибуны: «Наша партия беспощадно сотрет с лица земли всю троцкистско-правую пададь... Это предупреждение всем врагам народа, всем тем, кто вздумает поднять руку на нашего Сталина!» В своих воспоминаниях он признал то, что было хорошо известно: «Близость к Сталину несомненно повлияла на мое быстрое продвижение вверх... Долгие годы я всей душой был предан Центральному Комитету и лично Сталину». Что ж, до 1956 года он не знал о репрессиях, в которых сам активно участвовал?! Он что же, «прозрел» на седьмом десятке лет (слепые котятки прозревают значительно раньше)? Нет, конечно. Он действовал в соответствии с текущей ситуацией, добиваясь в конечном счете своего единоличного господства и установления диктатуры партийного руководства. С этой целью он ловко использовал авторитет менее изощренного в интригах Г.К. Жукова, разгромив в июне 1957 года «антипартийную группу» Молотова, Кагановича, Маленкова и «примкнувшего к ним» Д.Т. Шепилова, а четыремя месяцами позже вывел из ЦК и сместил с поста министра обороны СССР маршала Жукова. На следующий год он уже занимал все сталинские посты, обладая превосходными качествами интригана, но не имея государственного ума и чувства ответственности за свои действия.

Интересно отметить, как отозвался он в своем докладе на XX съезде КПСС о своем друге и соратнике: «В организации грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия». А вот какую цифру реабилитированных за два года (до своего доклада) привел Хрущев (многих реабилитировали посмертно): 7679 человек. Немало, конечно, но не более чем сотая или даже тысячная часть от тех цифр невинно осужденных и расстрелянных во времена «культы личности», о которых вещали сам Хрущев, а также его сторонники и последователи. И в то же время в его докладе говорилось, что если бы не была разгромлена «враждебная партии и делу социализма» «политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока и бухаринцев», «у нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы безоружными и бессильными перед капиталистическим окружением». (Сушая правда.)

Так, подмешивая в правду ложь и клевету, плетя внутрипартийные интриги, Хрущев определил наступление нового смутного времени в России – СССР. Его наследие оказалось чрезвычайно живучим, и когда к власти пришел М.С. Горбачев, оно было востребовано. Таким образом, политика Хрущева привела к смуте не только в тот период (когда народ зло высмеивал этого «кукурузника»), но и в конце XX века, когда в потоках лжи и клеветы на Советский Союз вовсе пропали все обрывки правды, которые вынужден был приводить Хрущев.

Была даже пущена в ход версия, будто Хрущев мужественно шел на риск, оглашая свой антисталинский доклад. Но это совсем не так. Он вышел с докладом на трибуну, имея гарантированную поддержку большинства

верхушки КПСС (Булганин, Первухин, Микоян, Сабуров, Кириченко и, с оговорками, примкнувший к ним Суслов), против Молотова с Ворошиловым и отчасти поддерживавших их Маленкова и Кагановича. Но главное, он имел поддержку нового ЦК двадцатого созыва, большинство которого составляли хрущевские сторонники и выдвиженцы, будущие деятели брежневского «застоя». Важную роль играла и твердая поддержка Жукова, руководившего вооруженными силами, роль которых во внутренней политике резко возросла после казни Берия и основательной чистки МГБ.

Как мы знаем, вскоре Хрущев предал и Жукова, сместив его с высоких постов. Советская армия, вслед за КГБ, оказалась полностью подчиненной партийному руководству. После этого административно-хозяйственный аппарат и местные Советы оказались в том же положении. Было покончено со сталинской системой «сдержек и противовесов», не дававших партийному руководству захватить власть над государством, над обществом.

ПРЕДПОСЫЛКИ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Хрущевская смута во многом предопределила крушение мировой социалистической системы и расчленение СССР. При этом сказались не только объективные, но и субъективные обстоятельства, связанные именно с некоторыми «субъектами», сыгравшие важную роль в событиях того периода. То, что принято называть «буржуазной идеологией» и выражающееся прежде всего в примате материальных потребностей над духовными, не было чуждо многим руководящим партийцам, в особенности тогда, когда для удовлетворения жажды комфорта и благоденствия сложились благоприятные условия. Но в некоторых случаях корни «мелкобуржуазной заразы», как выражались в героические времена страны, лежали довольно глубоко.

Гад-Бюрократ. Плакат. Кукрыниксы. 1932 г.

Например, по воспоминаниям сверстников и земляков Хрущева, оказывается, что он был сыном состоятельного сельского жителя, который занимался изготовлением сбруи для лошадей, использовавшихся на шахтах. Он посылал сына Никиту продавать свои изделия в Донбассе. Сам Никита Сергеевич по своей болтливости проговорился, что его родитель всю жизнь мечтал стать капиталистом.

Молотов говорил о меньшевистском прошлом Хрущева. Дата и место вступления Хрущева в партию большевиков в 1918 году неизвестны. В Гражданскую войну он стал комиссаром стрелковой дивизии, быстро поднявшись до начальника политотдела армии. Мирное время потребовало от него кропотливой учебы. Но к этому он никогда не был расположен. Он напирал больше не на учебу и овладение специальностью, а на партийную работу (как тут не вспомнить такое же тяготение Горбачева и Ельцина!). В 1923-1924 годах он примыкал к троцкистской оппозиции, но затем переметнулся к сталинцам. По протекции Л.М. Кагановича он поднялся до поста заведующего орготделом ЦК КП(б) Украины. Но когда начали выкорчевывать троцкистов, он скатился с высокой номенклатурной должности, хотя и сохранил партбилет. Он покинул Киев и приехал в Москву. Начал учиться в Промышленной академии им. Сталина, но не пройдя и половину курса наук, перешел на партийную работу (благо, что теперь в Москве на высоких должностях находился все тот же Каганович). Правда,

еще учась в академии, он познакомился с однокурсницей Н. Аллилуевой, женой Сталина и, воспользовавшись этим, втерся в доверие к Сталину. Началось его быстрое восхождение по партийной иерархической лестнице... Таким, в общих чертах, был яростный борец против культа Сталина во имя собственного. Мог ли он при всей своей изворотливости и хитрости (и тут его преемниками стали Горбачев и Ельцин) предусмотреть все последствия своих «разоблачений»? Вряд ли. Он был озабочен, судя по всему, утверждением главенствующей роли в советском обществе руководства компартии и себя лично. А последствия были самые плачевные. Не станем говорить об идеологическом уроне, а также губительных результатах многих хрущевских реформ в сельском хозяйстве, промышленности, управлении производством, внешней и внутренней политике. В долговременной перспективе едва ли не самым сильным ударом по социалистической системе было установление диктатуры партийной номенклатуры.

В 1956 году после хрущевского доклада произошли кровавые трагические события в Тбилиси, всеобщая забастовка и уличные беспорядки в Познани, вооруженное восстание в Будапеште, которое пришлось подавлять с помощью Советской армии. Доклад был воспринят негативно в Пекине и с холодной настороженностью – в Пхеньяне и Бухаресте. В социалистическом содружестве появились первые крупные трещины. Среди коммунистических партий капиталистических стран произошел раскол. Во Франции и Италии коммунисты, пользовавшиеся до XX съезда КПСС большой популярностью, стали утрачивать свои позиции.

Желая показать себя либеральным реформатором и борцом за справедливость, Хрущев осуществил «реабилитацию» репрессированных народов Кавказа. В частности, чеченцы, вернувшиеся из мест высылки, вступили в кровавые столкновения с русскими и представителями других национальностей. Позже в Чечено-Ингушской автономии эти получившие привилегии народности стали активно терроризировать и вытеснять из этих мест русских. В конце XX века, как известно, это привело к так называемой борьбе за независимость. Теперь не секрет, что в этом сыграл немалую роль Ельцин, поощрявший чеченских националистов в их борьбе против партийного руководства республикой. А потом он же развязал две кровавых чеченских кампании, погубившие десятки тысяч чеченцев.

В этой связи можно припомнить жестокую меру Сталина в наказание за сотрудничество с фашистами и террор против коммунистов – высылку чеченцев. Теперь эту акцию с подачи «демократов» подают как варварскую, из-за которой погибла значительная часть переселенцев. Это ложь.

Депортация была проведена с небольшими потерями людей, а на новых местах условия были таковы, что чеченцы за послевоенное время значительно увеличились в числе (резкий контраст, скажем, с белорусами, которые сильно пострадали во время войны).

Предположим, вместо депортации Сталин приказал выявить и осудить всех,

кто активно сотрудничал с гитлеровцами. Но на оккупированной территории это были практически все мужчины осужденных народов. Если бы чеченцы оказались в лагерях, так же как крымские татары и балкарцы, то это было бы смертным приговором для наций, оставшихся практически без мужчин. А они, как мы знаем, значительно размножились в нелегких, конечно же, условиях переселения. За свою трагическую судьбу в конце XX века чеченцы имеют полное право «поблагодарить» Хрущева и, главным образом, Ельцина.

...Для Никиты Сергеевича осень 1956 года оказалась особенно тяжелой. После его доклада шло брожение внутри страны, а также за ее пределами. Хрущевские позиции ослабели. Оппозиция ему в руководстве партии нарастала. Его начали покидать прежние сторонники: Первухин, Сабуров, Булганин. На июньском 1957 года заседании Президиума ЦК КПСС прохрущевскую позицию занимали из членов Президиума только Микоян, Сулов и Кириченко. Уже было принято решение о снятии Хрущева. Спас его маршал Жуков, срочно перебросивший на военных самолетах в Москву региональных партийных руководителей, настроенных прохрущевски. Они собрали июньский пленум ЦК КПСС, осудивший «антипартийную группу» (а она, пожалуй, действительно могла покончить с диктатурой партийной номенклатуры, которая не допустила этого). Г.К. Жукова торжественно ввели в новый состав Президиума ЦК КПСС. Правда, как мы знаем, уже в октябре Хрущев выдворил его оттуда, а заодно и снял с поста министра обороны. За время ельцинского правления стало принято считать Жукова «маршалом Победы», хотя вовсе не он был Верховным главнокомандующим, не он руководил всеми вооруженными силами, тылом, партизанской войной и внешней политикой СССР. Ясно, что непомерное возвеличивание Жукова имело целью замолчать или резко принизить заслуги Сталина в великой победе.

Не станем вдаваться в детали, но выскажем наше мнение, что Жуков вовсе не был безупречным идеалом ни как личность, ни как полководец. Безусловно, он был выдающимся военачальником, одним из лучших в Великую Отечественную войну, но не раз бывало, что побеждал числом больше, чем умением. Впрочем, не в нашей компетенции оценивать его военные таланты. Обратим внимание на публикацию в «Досье Гласности» № 9 за 2000 год.

Из секретной записки Сталину от 10 января 1948 года о тайном осмотре на даче маршала Жукова: «...Две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей... Дача Жукова представляет по существу антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что 4 картины висят даже в кухне... Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах – заграничная, главным образом немецкая (Жуков в 1945-1946 годах был главнокомандующим Группы советских войск в Германии. – *Авт* .). На даче нет буквально ни одной вещи советского

происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу... Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии».

Из ответа белорусского писателя Н.А. Зеньковича, опубликовавшего многие материалы и документы о Жукове, на вопрос редакции «Гласности»:

«Лично меня в описи поразило количество швейцарских и немецких часов, сложенных в сундуки. Их там были сотни, если не тысячи. Жуков писал, что часы ему дарили военные советы фронтов и армий. Может быть, так оно и было. Но после войны, когда осталось столько сирот, чьи родители погибли на фронте, почему бы не раздать эти часы по детским домам, суворовским училищам?

Второе, что поразило: в доме советского полководца не нашли ни одной книги на русском языке, все шкафы забиты немецкой литературой, которая вывозилась самолетами. Жуков не знал немецкого языка. Зачем они ему? Это были очень дорогие старинные издания, раритеты. На даче они составляли просто часть обстановки».

В первые послевоенные годы алчность, накопительство обуяли вовсе не одного маршала Жукова. Хотя советскому народу тогда приходилось чрезвычайно тяжело. Сталин пытался подавить этого «демона буржуазности». Именно этот мерзкий, но сильный демон стоял за спинами той части партийной номенклатуры, которая пошла за Хрущевым для установления своей диктатуры, для спокойного удовлетворения своих постоянно растущих материальных потребностей.

При хрущевской смуте началось мелкобуржуазное перерождение советского общества. Оно постепенно охватывало все более значительные массы населения: от маршалов до офицеров, от академиков до рабочих, от писателей до мелких чиновников. В брежневское время буржуазная идеология была распространена очень широко, и для номенклатурных работников речи о «коммунистических идеалах» были уже прикрытием, камуфляжем. И в народе это понимали если не все, то очень многие. Советское общество было идеологически ослаблено и расколото, вполне готовое ко второй буржуазной революции.

Почему Жуков в решающий момент поддержал хрущевщину? Не исключено, что в надежде самому завладеть властью в стране. С какой целью? Ради личных амбиций? Трудно сказать. Факт остается фактом: хрущевские последователи постарались восславить его достижения и умолчать о неблагоприятных поступках и помыслах.

Итак, хрущевщина поставила советское общество на путь буржуазного перерождения. Его хаотические, разрушительные и порой нелепые эксперименты были направлены (осознанно или бессознательно) на размывание основ социализма. Его хитрый, но чрезвычайно ограниченный ум метался в поисках моделей дальнейшего развития страны. При этом он

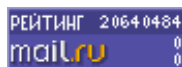
попытался использовать достижения США. Но если Ленин призывал заимствовать у них деловитость, а Сталин – технические достижения, то Хрущев перенял у них кукурузу, словно забыв о природных условиях на основной территории России.

После его отставки был исторический шанс остановить негативное перерождение советского общества. Но со временем под полной гегемонией партноменклатуры (а также деятелей торговли и теневой экономики) установился уродливый и лицемерный режим, потворствующий бездуховности и погоне за материальными ценностями.

Правда, в то время руководители страны психологически не были готовы к предательству социализма, а тем более к национальной измене. Но и эти кадры вызревали в обмещанном обществе. Их уже тяготили даже те слабые скрепы партийной дисциплины, которые вынуждали хотя бы притворно провозглашать какие-то иные идеалы, кроме мещанско-буржуазных. После хрущевской смуты в долгий период брежневского «застоя» (впрочем, тогда страна все-таки развивалась, и довольно успешно, хотя и с замедлением темпов) в головах этих партийных деятелей наступило определенное «просветление»: они с плохо скрываемой завистью смотрели на быт и нравы западных богатеев. И постарались в благоприятный момент приступить к реализации своих тайных буржуазных идеалов. Так началась в истории Руси – России – СССР величайшая, чудовищная смута конца XX века.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги](#): [Именной](#) [Хронологический](#) [Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Баландин Р., Миронов С. Тайны СМУТНЫХ ЭПОХ

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава 7. КАТАСТРОФА

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!..

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Андрей Белый

БУДУЩЕЕ, СТАВШЕЕ НАСТОЯЩИМ

Говорить о том, что произошло с Россией за последние полтора десятилетия, трудно. Основная причина психологическая. В отличие от многих сторонних «аналитиков», мы воспринимаем случившееся не только как государственную, а как всенародную и нашу личную катастрофу, как страшное несчастье и позор нашей Родины, преданной слишком многими из ныне живущих.

Web www.gumer.info

[Алексей Гордеев считает](#)

Министр **сельского хозяйства** РФ Алексей Гордеев считает
www.newsland.ru

[Студент! Сессия за 300 рублей!](#)

Большой выбор дипломных, курсовых, контрольных, рефератов. От 300 руб!
dip-shop.ru - Москва
[Контакты](#)

[Тайна реки Сучжоу](#)

Редкие кадры, неизвестные детали. Посмотри и обсуди!
АКАДО. Телегид
tv.akado.ru - Москва

[Английский в Подмоскowie](#)

30.01-01.02.09 2 дня тренинг в Подмоскowie. Бизнес-аудитория. Проживан

Есть, конечно, и трудности технического порядка. Возможен вопрос: а откуда вы знаете, что могло произойти с СССР без руководства Горбачева и Ельцина, если бы продолжалась прежняя политика? История не терпит сослагательного наклонения, и нечего рассуждать о том, чего не было, а значит, быть не могло; а так как сравнивать не с чем, то надо исходить только из того, что есть.

Так-то оно так, да не совсем. В действительности имеется хорошая возможность для сравнительного анализа того, что могло произойти со страной, с тем, что произошло. Очень странно, что об этом то ли забыли, то ли не пожелали упомянуть всякого рода политические и экономические аналитики.

Четверть века назад под эгидой ООН группа международных экспертов во главе со знаменитым американским экономистом лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым разработала серию «прогнозов экономического и экологического состояния мира в 1980, 1990 и 2000 годах». Была опубликована фундаментальная монография «Будущее мировой экономики» (1977).

Авторы корректно подчеркнули, что их прогнозы вероятностные и не могут учесть, например, «характера и направления дальнейших изменений в развитии техники». И все-таки Леонтьев имел все основания заявить: «При формировании статистической базы прогнозов были приложены большие усилия по мобилизации лучших из имеющихся источников информации и авторитетных экспертных оценок».

Теперь мы знаем, что за истекший период никаких выдающихся прорывов в науке и технике не было, и глобальных войн – тоже. Исходя из этого есть все основания считать, что прогнозы экспертов были корректными (хотя наши отечественные специалисты считали, что эти буржуазные ученые несколько недооценили возможности социалистических государств). В общем, ход развития мировой цивилизации, а также крупнейших регионов, которые анализировала группа Леонтьева, не должен вроде бы существенно измениться за 2-3 десятилетия: слишком велика сила инерции этих гигантских экономических систем.

Какие были прогнозы? Насколько точными они оказались? Что не сбылось и почему?

Прежде всего о самих прогнозах. Обратимся к некоторым сравнительным характеристикам СССР и Северной Америки (СА – США и Канады).

Тридцать лет назад валовой продукт на душу населения в СССР был в 5 раз ниже, чем в СА. Предполагалось, что население в Советском Союзе будет увеличиваться быстрее, чем в США и Канаде, но еще стремительнее возрастет производство.

В результате уровень валовой продукции на душу населения в СССР по прогнозам должен был достичь уровня наиболее богатых стран, и отставание от СА составило бы 1,45 раза.

Вот как высоко оценивались возможности социалистической экономики

www.lingvo-svoboda.ru -
Москва

[Бизнес английский по субботам](#)

Бизнес-тренинг. 7, 14, 21, 28 фев. Языковое погружение, бизнес кейсы.

lingvo-svoboda.ru - Москва

[Курсы английского Wall Street!](#)

400 центров! 28 стран! 37 лет! Гибкое расписание! Носители языка!

wsirussia.ru - Москва

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

(буржуазными учеными!) четверть века назад, когда и речи не было о переходе на скользкий капиталистический путь.

Другой очень важный показатель жизненного уровня граждан – потребление продукции на душу населения. В 1970 году в СССР он был в 2,7 раза ниже, чем в США. Согласно прогнозу, такое расхождение должно было сократиться до полутора раз.

Так предполагалось «по науке». А как стало «по правде»?

Советский Союз без войн и природных катаклизмов, вопреки желанию большинства граждан, отраженному всенародным референдумом, исчез с лица земли. Если суммировать современный валовой продукт республик, входивших в него, картина получается потрясающей: он снизился более чем вдвое! А ожидалось его увеличение в 4,4 раза. Десятикратное расхождение научных прогнозов с реальностью!

Этот вопиющий факт оставлен без внимания всеми крупнейшими экономистами и политологами. Он свидетельствует о каком-то зияющем провале в экономических теориях; о том, что общество живет и по внеэкономическим законам, которые не учитываются даже авторитетнейшими теоретиками.

Вряд ли можно сомневаться, что дело заключается в проявлениях духовной – нравственной, идеологической, интеллектуальной, психической – составляющей общественной жизни. Точнее сказать – в духовной болезни, чудовищной смуте в умах и душах, которая привела общество к саморасчленению и деградации.

Независимые эксперты ООН высоко оценивали экономический потенциал плановой социалистической экономики. По их подсчетам, среднегодовые темпы прироста валового продукта в 1970-2000 годах должны были составлять: в США – 3,3%, в Западной Европе – 3,7%, в Восточной – 4,9%, а в СССР – 5,2%. Предполагалось ускоренное развитие социалистических стран (что убедительно доказала Китайская Народная Республика). Но с переходом стран Восточной Европы и Советского Союза на капиталистические рельсы произошла стремительная деградация вместо совершенно естественного прогресса.

Вопреки всем тенденциям мирового развития в России возросла детская смертность, резко сократилась средняя продолжительность жизни. Началась *депопуляция*, а говоря попросту, народ стал вымирать. Несмотря на убыль населения, потребление на одного человека снизилось втрое, тогда как ожидался рост в 3,5 раза при увеличении населения.

Произошло нечто немыслимое, никем не предполагавшееся, научным умом непостижимое! Наша страна посрамила самый квалифицированный экономический и демографический прогноз, основанный на фактах, статистических выкладках, математических моделях, компьютерных технологиях.

Такое событие, казалось бы, должно было потрясти если не всю мировую интеллектуальную элиту, то хотя бы обществоведов, политологов,

социологов, экономистов. И что же? Ровным счетом ничего. Адекватная реакция отсутствует даже в тех самых странах бывшего СССР, которые своим регрессом перечеркнули надежды на устойчивое развитие технической цивилизации.

Это, как нам представляется, свидетельствует об определенной смуте во всем мировом хозяйстве, поразившей всю современную цивилизацию потребления и, прежде всего, ее интеллектуальные центры. Но нас, конечно же, интересует более всего то, что происходит в нашей советской (или даже антисоветской, если судить по массовой пропаганде) России.

Показательно, что у кормила нашей государственной власти при разрушении социалистической системы и установлении капиталистической стояли и продолжают стоять те, кто именуется экономистами. Эти реформаторы ориентировались вроде бы на свободный рынок, конкуренцию, личную инициативу, частную собственность и на прочие ценности «развитого капитализма». Они сулили доверчивым и жадным до материальных благ гражданам быстрое обогащение и всеобщее процветание. Они выполнили первую часть своих обещаний, но только в отношении себя и себе подобных, ставших в одночасье миллиардерами и олигархами.

Отечественные реформаторы утверждали, что благосостояние граждан быстро возрастет, если отказаться от военно-промышленного комплекса и резко снизить расходы на армию. Тогда, мол, полноводные финансовые потоки хлынут в сельское хозяйство, к фермерам-частникам, в легкую промышленность и производство высокосортных товаров ширпотреба. И вот результат: в несколько раз сократились расходы на армию, оборонку и прочие «вредные» отрасли, после чего большинство граждан скатилось за черту бедности.

В докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1987 год) было отмечено: «Страны Восточной Европы с централизованной планируемой экономикой увеличили свою долю в мировом промышленном производстве с 15,2% в 1963 до 24,9% в 1984». Обретя «рыночную экономику», все эти страны откатились далеко назад от достигнутых рубежей. Наконец, имеются статистические показатели, которые свидетельствуют о качестве жизни и благосостоянии населения: продолжительность жизни и уровень смертности. Если естественный прирост населения происходит за счет снижения смертности, а не увеличения рождаемости, значит, улучшаются санитарно-медицинское обслуживание, питание и вообще уровень жизни народа.

Средняя продолжительность жизни у нас до 1965 года увеличивалась, вплотную подвывая к американскому показателю: мужчина имел все шансы дожить до 66,1 (в США – до 66, 8) лет. Затем в СССР средняя продолжительность жизни оставалась примерно на том же уровне или даже немного снижалась, тогда как в США поднялась до 71, 5.

Такое странное отставание от Америки вызывает удивление. Что случилось? Ведь затраты на медицину у нас продолжали увеличиваться, а вот средняя

смертность начала с 1960 года потихоньку расти. Почему? Вспомним то, что мы говорили про хрущевскую смуту, когда в стране установилась партийно-номенклатурная диктатура. С этого момента представители госхозпартаппарата, привилегированная прослойка, быстро наращивали свои материальные аппетиты. Их потребности в «сладкой жизни» удовлетворялись, естественно, за счет народа. Хотя и этого им было мало, возбуждал пример западных миллионеров, владельцев шикарных автомобилей и коттеджей, посетителей роскошных ресторанов, казино... Когда под прикрытием «перестройки», приватизации и поощрения частной инициативы вышли из подполья дельцы «теневого» бизнеса, а номенклатурщики и приближенные к ним получили доступ к национальным богатствам, накопленным за годы советской власти, тогда и произошел экономический, демографический и социальный провал. А прежде была нравственная деградация значительной части граждан, смута в умах и душах. Результаты для народа оказались катастрофическими: устойчивая абсолютная убыль населения, возросшая смертность, превысившая уровень далеких 1937-1939 годов, небывалое уменьшение средней продолжительности жизни, когда большинству нынешних детей и юношей не суждено достичь пенсионного возраста.

Надо особо подчеркнуть: все эти сведения основаны только на фактах, а не на размышлениях. Они подтверждаются таблицами и графиками, данными статистики. Совершенно ясно, что наша страна в конце XX века (и ныне) переживает целый комплекс таких кризисов, которые еще не испытывала ни одна крупная держава в мирный период. С ней произошло нечто невероятное, непредвиденное даже наилучшими экспертами всего лишь четверть века назад и вообще до начала «перестройки», которую А. Зиновьев справедливо назвал «катастрофой».

Возникает вопрос: да чем же плох путь, по которому движутся процветающие капиталистические страны? Почему это мы, вступив на него, оказались в полном провале? И не только наша страна, но практически все социалистические государства, быстро сменившие свою политэкономическую ориентацию? Даже в Польше, форпосте Запада в наступлении на социализм, по данным последних опросов, большинство граждан считает, что прежде, в им самим проклятом социализме, жилось им лучше, чем теперь. А ведь если бы они продолжали следовать прежним путем к нашему времени, их благосостояние, как убедительно свидетельствовали подсчеты экспертов ООН, возросло бы по меньшей мере вдвое!

В общем виде ответ можно дать такой. Среди капиталистических государств большинство (!) находится на самом низком уровне экономического, социального, научно-технического развития, а основная часть населения там голодает и бедствует. Почему? По той простой причине, что капиталистическая система предполагает эксплуатацию слабых сильными. Почти все процветающие крупные капиталистические державы имели

колонии, за счет которых обогащались.

Да и так ли уж безоблачно шло развитие даже богатых капиталистических держав? Вспомним тяжелейшее экономическое положение США в конце 20-х – начале 30-х годов XX века: армии безработных, нищета, разгул криминала. Может быть, именно так и должно происходить там, где начинают внедрять «первобытный» капитализм? Ведь эта система по сути своей хищническая как во внутренней жизни, так и во внешней политике. Она основана прежде всего на выгоде. Хотя бесспорно, что во второй половине XX века эта система существенно изменилась (преимущественно благодаря тому, что учла положительный опыт социалистических стран).

Напомним и о том, что в традиционных капиталистических странах эта система развивалась естественно, стихийно и в конце концов после множества кризисов обрела более или менее стабильное состояние. В России и ряде других государств установилась экономически и нравственно более прогрессивная социалистическая система, что было доказано стремительнейшим превращением России, пребывавшей в упадке и разрухе после мировой и Гражданской войн, в гармонично развитую сверхдержаву. Ее мощь и устойчивость подтвердила победа в Великой Отечественной войне.

Великая смута конца XX века и насильственная «революция сверху», проведенная под руководством Горбачева, Ельцина и всяческих гайдаров-чубайсов, отбросили страну на задворки капиталистического мира, ибо там уже все наиболее выгодные «места под солнцем» давно и прочно заняты. Знаменательно и печально, что этой «революции сверху» не был дан должный отпор со стороны народа. Более того, на выборах президентов новоявленных убого-капиталистических стран победили именно «реформаторы» (исключение – одна Белоруссия, где народ оказался честным и мудрым, прогнав с политической арены Шушкевича и его команду). И это – определенное свидетельство небывалой смуты, поразившей советское общество.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Постараемся сделать некоторые общие выводы из приведенных выше фактов. Ведь то, что произошло с СССР, заставляет задуматься о некоторых закономерностях общественной жизни, на которые обычно не обращают серьезного внимания.

О чем же свидетельствуют факты?

1. Современные экономические теории и прогнозы при всей изощренности математических моделей и кибернетических методов не отражают реальности. Расхождение с действительностью может в некоторых случаях достигать сотен процентов. И невозможно, основываясь на формальных показателях, предвидеть, какие возможны ошибки.
2. Идея неуклонного научно-технического, социального, экономического,

нравственного прогресса не оправдывает себя даже на сравнительно кратких отрезках истории. Регресс отдельных социумов, обществ, цивилизаций может происходить неожиданно и необычайно быстро без каких-либо видимых причин.

3. Для распада СССР и крушения социалистического строя во многих странах не было никаких экономических, демографических, социальных и экологических оснований, ибо именно на этих основаниях строились наиболее авторитетные прогнозы специалистов, потерпевшие полный крах.

4. Упомянутые специалисты в своих теоретических выкладках не учли какие-то принципиально важные характеристики общественных систем, социумов. Возникают естественные вопросы: в чем недостаток экономических моделей? Чем вызывается регресс общества? Каков принципиальный дефект научно-технической цивилизации? Что предопределило крах плановой централизованной системы?

Отбросим те варианты ответов, которые пропагандируются подавляющим большинством журналистов и придуманы отечественными экономистами и социологами, а главным образом, пожалуй, политтехнологами. Все эти люди не обладают качествами, отличавшими Василия Леонтьева и его группу: глубокими знаниями, недюжинным интеллектом, честностью и добросовестностью, богатейшим опытом и международным авторитетом. А ведь и «леонтьевцы» не смогли учесть чего-то чрезвычайно важного.

Дело, конечно, не в каких-то глубоких изъянах социалистической системы.

Как мы убедились, практически по всем основным параметрам она теоретически превосходит капиталистическую, что вынуждены были признать эксперты, предполагавшие ускоренный прогресс именно социалистических стран.

В наиболее общем виде ответ подсказан мыслителями прошлого: общество не следует уподоблять механизму, основные параметры которого – учитывая его колоссальную инерцию – нетрудно экстраполировать на ближайшие десятилетия.

Общество – организм, обладающий и коллективным разумом, и коллективным подсознанием. Он состоит, конечно, из более или менее обособленных и независимых индивидуумов. Но вся их совокупность ведет себя определенным образом в тех или иных ситуациях.

Английский философ Томас Гоббс называл его Левиафаном, по имени библейского чудовища. У общества-Левиафана есть не только органическое, но и неорганическое – техногенное – тело: фабрики, заводы, сельскохозяйственное производство, транспортные артерии, системы энергетического и информационного обеспечения.

Государственную систему и совокупность технических средств можно с полным основанием считать механическими образованиями. Но вот «человекомассу» приходится обособлять, представляя как бы «соборным мегачеловеком» – одушевленным, наделенным психикой, интеллектом. Если в древности человека называли микрокосмом, то с неменьшим правом он

заслуживает названия микросоциума, потому что в той или иной степени является отражением данного общества. Так же как его, этот социум, допустимо – по крайней мере для определенных целей, в рамках некоторых моделей – называть мегачеловеком.

В прежние времена в разных странах периодически происходили так называемые *психические эпидемии*, охватывающие огромные массы людей: религиозные войны, крестовые походы, а также финансовые «акциомании» (типа отечественных финансовых пирамид), поражавшие Европу, а позже США с момента появления монетаризма и ценных бумаг. У отдельных индивидуумов бывают психические заболевания, сумеречное состояние интеллекта, эмоциональные стрессы. Примерно то же может происходить и с общественным организмом, с большими массами людей. Начинают действовать статистические законы, которые нивелируют индивидуальности, приводят их к некоторому среднему уровню.

Аномалии психической жизни общества вызывают социальные катастрофы, смутные эпохи. Тогда народы или правители принимают нелепые или преступные решения, увлекаются несбыточными надеждами, устремляются за лжепророками (которые появляются в изобилии), теряют ощущение реальности, здравый смысл.

В давние времена это происходило стихийно. Теперь с помощью средств массовой агитации (сокращенно – СМА) психические эпидемии можно стимулировать искусственно. Для этого разработаны соответствующие психотехнологии.

Можно вспомнить, например, как у нас рекламировались финансовые пирамиды. Безусловно, рекламные ролики были примитивными, рассчитанными на невзыскательный вкус и алчность при отсутствии здравого смысла. Но ведь они сработали! Сила СМА в том, что они воздействуют не на разум, а на эмоции, подсознание; играют на низменных чувствах и стремлениях. И если такая стратегия психологической обработки оказывается верной, это свидетельствует о том, что общество в целом поражено духовной пагубой.

Надо еще и еще раз подчеркнуть, что происшедшее с СССР и происходящее и с Россией по своим масштабам, скорости и воздействия на общество и нелепости не имеет аналогов в мировой истории. Кстати сказать, это и вызвало решительное противоречие объективных и квалифицированных прогнозов экспертов ООН с действительностью.

Дозвольте одно воспоминание. Один из авторов этой книги, Р. Баландин, работая в начале 1960-х годов в Белорусском Полесье (ныне Солигорский район), однажды долго спорил со своими друзьями и коллегами-геологами об устойчивости СССР, его перспективах. Друзья мои говорили, что система будет постепенно костенеть и ужесточаться, но никоим образом не рухнет: слишком прочен государственный аппарат, идеология не меняется, диктатура партии укрепляется, а в экономическом отношении страна динамична и продолжает развиваться.

Однако я стоял на своем. Поработав в разных регионах страны, я убедился, что отношение народа к партийному руководству, а главным образом к Хрущеву не отличается доверием и уважением. Правящая номенклатура все более отделялась от народа и у очень многих вызывала неприязнь. Несмотря на то что Хрущев играл роль человека из народа (а может быть, и поэтому тоже), он не пользовался популярностью, про него рассказывали множество ехидных анекдотов, называя «кукурузником», «туристом», «болтуном», «хрущем» (жуком-вредителем). Если не произойдут какие-то радикальные перемены, то, как мне казалось, СССР не доживет до XXI века. Но дело было не только в этом. В ту пору я осмысливал теорию эволюции сложных систем. Получалось, что такие системы (биологические, социальные, технические, теоретические) развиваются циклически, каждый раз проходя определенные стадии. В этом, конечно, не было ничего удивительного или нового. Но выяснилось, что их завершающую фазу следует называть *периодом совершенства* (относительного) и *кризиса*. И чем дольше длится такая фаза, чем жестче и совершенней (на данном этапе) становится система, тем тяжелее последующий кризис и его последствия. Так вот, Сталин создал, можно сказать, совершенную государственную систему. Она выдержала испытание войной, но в последующий период нуждалась в изменениях. (Я тогда не знал, что и сам Сталин предусматривал немалые изменения своей системы.) Но Хрущев судорожно и глупо реформировал сталинскую систему, не улучшая, а разрушая, к тому же осуществив поистине идеологическую контрреволюцию...

В послехрущевское время у нас в стране существенно ничего не менялось и стадия «совершенства и кризиса» затягивалась. На это наложилось нравственное перерождение – буржуазного толка, – затронувшее представителей самых разных социальных групп.

В конце концов получилось так, что буржуазные (преимущественно) устремления общества-Левиафана вступили в противоречие с его социалистическим бытием. Вот тут-то и сказалось могучее влияние СМА на сознание. Эти органы пропаганды и агитации находились в руках тех, кто в наибольшей степени вождедел «буржуазного рая».

Тогда же был внедрен в сознание масс (прежде всего – интеллектуалов) миф о благообильной, прогрессивной, свободной и открытой «рыночной экономике» и частном предпринимательстве – залоге процветания страны и народа. Кто-то, возможно, и теперь продолжает истово верить в этот миф, несмотря на то, что наш более чем пятнадцатилетний опыт опроверг его напрочь.

Впрочем, таких людей немало и в других странах. «Американцы свято верят в миф о том, что экономическое процветание США является результатом ничем не ограниченного частного предпринимательства», – писал в 1986 году американский историк и социолог Артут М. Шлезингер. Он на многих убедительных примерах показал, что это или заблуждение, или лживая пропаганда. По его словам: «Свободный рынок превратил... американское

сельское хозяйство в арену периодических катастроф». Только благодаря централизованному регулированию «сверху» удалось реформировать и оздоровить эту отрасль экономики С Ш А. И вообще, «государственное вмешательство в экономику... при прочих равных условиях шло на пользу нации». Его вывод (а он, между прочим, очень небедный человек) радикален: «Государственное регулирование было и остается в этом ужасном мире лучшим средством укрепления нашей демократии, продолжения наших традиций и расширения прав и свобод наших граждан».

Этот вывод подтвердила Россия, отменив государственное регулирование почти совсем. Опыт оказался, как и следовало ожидать, отрицательным и отвратительным.

Самое потрясающее другое. Несмотря на провал и горбачевской «перестройки», и ельцинских «реформ» – провал полнейший и очевидный, – руководство страны, идя на поводу у олигархов и зарубежных финансистов, продолжает прежнюю политику. Словно истекшие полтора десятилетия никого ничему не научили. И это относится не только к правителям и олигархам (их-то понять нетрудно, они обрели богатство и власть), но и к незначительной части населения, которая остается инертной.

Столь долгой и безнадежной смуты не было еще в России никогда!

Заканчивается ли она? Нет, продолжается. С помощью находящихся в олигархических руках СМА общественное сознание затуманено основательно. Левиафан превратился в умственно неполноценное чудовище, страдающее галлюцинациями, провалами в памяти и манией обогащения.

Одним из показателей состояния общественного сознания и нравственности является облик лидера, руководителя, тем более «всемирно избранного». Если во времена величия СССР его лидеры обладали сильной волей, ясным умом, работоспособностью, ответственностью, чувством собственного достоинства, бескорыстностью (вспомним Ленина и Сталина), то в конце XX века все было наоборот. Но если Горбачев и Ельцин – антиподы Ленина и Сталина, то не свидетельствует ли это о том, что и русский народ коренным образом – в значительной своей массе – изменился?

ПСИХОЛОГИЯ ВОЖДИЗМА

Десятилетие назад в «Психологическом журнале» (Т. 13, № 4, 1992) была опубликована статья Д.В. Ольшанского «Б. Н. Ельцин на фоне массового сознания (политико-психологический портрет)». Она интересна уже своей нетривиальностью для нашей страны, где о здравствующих лидерах принято было помалкивать.

Прежде всего обращает на себя внимание разрушительные и конфликтные черты в характере Ельцина. «Постоянное попадание в катастрофы, – пишет автор, – особая психическая черта, отличающая специфический тип личности».

Оказывается, на Западе внимательно приглядывались к советским лидерам эпохи развала – Горбачеву и Ельцину. По-видимому, было решено, что болтливый и малоконфликтный Горбачев уже исчерпал свои ресурсы, старается удержаться на вершине власти, а значит и сохранить СССР, став его президентом. Западу этого было мало. И они решили сделать ставку на другого лидера.

Как писал в 1991 году Р. Никсон: «Ельцин может многое внушить людям, у него животный магнетизм, и он достаточно безжалостен, чтобы претворить это в жизнь». «Он может стать, пожелай он того, лидером насильственной революции».

Оставим без внимания архаическую ссылку на «животный магнетизм». Так изъяснялись еще в XVIII веке. У Никсона это выражение сознательно или бессознательно указывает на то, что Ельцин способен влиять на массы не интеллектуально, а на уровне животных инстинктов и устремлений.

К 1991 году объявленная Горбачевым «перестройка», да еще и «ускорение» полностью провалились. Нелеп и разрушителен был уже сам принцип: перестраиваться надо обдуманно, неторопливо, а если это делать еще и с ускорением, беды не миновать. Тем более, когда была проведена потрясающая по своим негативным последствиям «антиалкогольная кампания», которая нанесла страшный удар по крупной отрасли народного хозяйства и финансам, а вдобавок определила разгул организованной преступности и теневой экономики.

Не менее губительной, но уже в психологическом аспекте, была другая кампания Горбачева – Яковлева. Это была так называемая «гласность». Вопреки правилам грамматики, но в полном соответствии с идеологической направленностью, это была «гласность для согласных», прежде всего для разного рода антисоветчиков. Были пущены в ход даже такие гнуснейшие домыслы, будто параноик Сталин в страхе потерять власть сам организовал покушение на своего ближайшего друга и пламенного сторонника С.М. Кирова (намек на это были еще в речи Хрущева, на XX съезде КПСС). И конечно же, многократно преувеличивалось число репрессированных и казненных в сталинский период.

Для чего все это было организовано? Ведь тот же Хрущев, а за ним и руководство КПСС осудили все то, что происходило тогда, главным образом до Великой Отечественной войны. Никаких массовых репрессий в стране уже не было тридцать лет и не предвиделось. Зачем же было ворошить старое? Ответ может быть только один: для того, чтобы вызвать смуту, смятение в умах, чтобы опорочить все величайшие достижения советского периода. Это были очевидные подголоски западной пропаганды о СССР как империи зла и США – как светоча свободы и демократии. Тотчас радостно оживились отечественные «западнисты» (термин А. Зиновьева), которые в большом количестве расплодились во времена хрущевизма-брежневизма.

Ссылаясь на «достоверные данные, полученные Комитетом государственной безопасности», председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов писал в ЦК КПСС:

«ЦРУ разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики... ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривластного характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям... Осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятием Советским Союзом многих западных идеалов».

Понятно, что «агентуру влияния» западные страны стали организовывать в СССР не в тот момент, а значительно раньше, еще со времен Хрущева и главным образом в «застойный период» (кстати сказать, тогда страна развивалась динамично и оставалась сверхдержавой). Крикливые «диссиденты» были только верхушкой айсберга, прикрывающей тех агентов влияния, которые находились в самых разных учреждениях, включая ЦК КПСС, не говоря уж об интеллигенции.

Успех горбачевских акций по развалу международной социалистической системы показал руководителям США, что теперь можно рассчитывать на большее – уничтожение Советского Союза. А для этой цели необходимо было предложить советскому народу, пребывающему в состоянии умственного брожения, нового лидера.

Интеллектуальная смута в стране дошла до того, что множество людей, преимущественно женщин, вдалились в самые дремучие суеверия и предрассудки (порой под прикрытием христианской веры, которая в принципе отвергает многие из таких суеверий и предрассудков, в частности, астрологию, гадания). А в мужской части общества вдруг возникли в немалом числе монархисты, без царя не только в природе, но и в голове, потому что они почему-то причислили к сторонникам самодержавия, в частности, Колчака и Деникина – демократов, как и многие белогвардейцы.

Смута была в немалой степени организована, но без соответствующей предрасположенности в общественном сознании она бы не смогла реализоваться так успешно. В тот период было очень нелегко опубликовать материалы, критикующие «перестройку и ускорение», ориентацию на «рыночную экономику» и строительство капитализма. (Один из авторов книги предпринимал такие попытки, однако «центральная печать» оказалась глуха к такого рода материалам, часть которых использована в данной работе.) Казалось бы, когда деструктивная «перестройка» забуксовала и требовалось укреплять народное хозяйство и государственную систему, Запад сделал

ставку на лидера, который, по справедливому заключению Д.В. Ольшанского, имел вполне определенные «качества ниспровергателя и разрушителя». Он был представлен в ореоле не только героя, но и безвинно пострадавшего «за правду» человека.

Можно сказать, что в период такой смуты, когда Отечество находилось в опасности, нужны были новые Минин и Пожарский, а подброшен был вместо них «Лжеборис» (то есть Борис настоящий по имени, но лживый по словам и поступкам). Помимо конфликтности и лицемерия, он вскоре проявил черты жес токос ти, м аниак ально й жаж ды вла сти, безот ветст венно сти, неспособность к конструктивным действиям при изворотливости, бесстыдстве, наглости и безусловном умении интриговать.

Но ведь мало ли что он хотел и каким был. Он же был избран на высокий пост, причем дважды. Бессмысленно клеймить и упрекать его за то, что он такой. Ясно, что в период хрущевизма-брежневизма, да еще и горбизма добраться до высших партийных постов мог только специфический индивидуум, который ради этого готов, как говорится, пуд дерьма съесть. Поедал, если надо, и продирался наверх. Такой выработалась цель жизни. Недаром же после того, как его сняли с высокого партийного поста, он то ли имитировал, то ли попытался осуществить самоубийство. И это сделал тот, кто вскоре потребовал запретить коммунистическую партию, которой он был всем обязан. Впрочем, предал он не только КПСС, но и СССР, а также РСФСР. Редчайший образец предателя, который построил на этом свою успешную карьеру. (На всякий случай авторы сообщают, что они в КПСС не состояли никогда.)

Но снова надо сказать: в данном случае речь идет не столько о конкретной личности, сколько о том, что именно она оказалась востребованной на высокие посты, именно ее «раскручивали» политтехнологи, именно за нее проголосовала значительная (не меньше трети) часть граждан.

Складывается впечатление, что большинство населения свой выбор основывало на подсознательных установках и стремлении к «буржуазному раю» (а попали-то в «буржуазный ад»).

Продуманные решения принимала лишь небольшая группа дельцов и политических деятелей, извлекающая выгоду из развала и обнищания страны. Этому контингенту требовался лидер «достаточно безжалостный» по отношению к народу. А служащие с мировоззрением мелких буржуа (в начале XX века их называли «интеллигентщиной») порядком выдохлись в крикливой «борьбе за демократию», в результате получив диктатуру олигархов-плутократов.

Возможно, Ельцин как разрушительный лидер смутного времени был выбран не случайно и не столько в нашей стране поначалу, сколько в дальнем зарубежье. Но и в этом случае нельзя не признать, что он оказался вполне приемлемым кандидатом для руководства новой Россией – антисоветской и капиталистической, слабой и зависимой. Выбор оказался удачным. Он устроил не только врагов Советского Союза, но и многих российских граждан

периода смуты, которых вполне можно называть «новыми русскими» – не каких-то «братков», а всех тех, кто отказался от великой России – СССР.

ЗАТМЕНИЕ РАЗУМА

Интеллектуальный, нравственный, духовный облик вождя свидетельствует и о соответствующих чертах тех, кто его выбирает. В этом отношении говорить о Горбачеве как отражении общественной психологии нельзя: он был сугубо партийный выдвиженец. Даже президентом СССР его сделали не в результате всенародного голосования. У него не хватило здравого смысла, чтобы хотя бы формально соблюсти принципы демократии, понять, что президента страны избирает весь народ.

А вот Ельцина действительно избрали. Значит, он странным образом оказался наилучшей кандидатурой на этот пост и для врагов России, и для многих ее граждан. Дальнейшие события показали, что недруги России сделали верный выбор, а часть населения, избравшая его (за исключением тех, кто осознанно делал ставку на распродажу национальных богатств России), проявила, мягко говоря, недальновидность.

Коренную перестройку общественного уклада затеял не лично Ельцин (он был одним из яростных ее прорабов), и не Горбачев, и уж конечно не народ. Это было революционное выступление мощной прослойки представителей госхозаппарата, которую поддерживали криминальные структуры (преимущественно «теневого бизнеса»), диссидентски ориентированные «западнисты» и вообще все те, кто заглотил агитку о скором пришествии «буржуазного рая».

Обещанные народу золотые горы и реки полные вина оказались в цепких и нечистых руках расхитителей и казнокрадов. Гласность обернулась информационным шумом и гвалтом, заглушающим голос здравого смысла и полностью дезориентировавшим ошалелого обывателя. На этот раз всеобщая смута была искусственно организована и стала завершающим этапом информационной войны, которую активнейшим образом вел Запад против СССР и всей социалистической системы.

Почему в этой войне явное преимущество оказалось на стороне капиталистических держав? Не свидетельствует ли это об их безусловных достоинствах? Ведь в борьбе побеждает сильнейший... Но так бывает лишь в честной борьбе. А пропагандистская война этим качеством не отличается. В ней перевес вполне может оказаться на стороне наихитрейшего и наиподлейшего, не брезгующего ложью, клеветой, подкупом. На массовое сознание сильнее воздействует правдоподобная ложь, чем правда. Учтем и то, что буржуазные идеалы с хрущевских времен все более овладевали массами служащих высокопоставленных и отвечающих именно за пропаганду коммунистической идеологии. Их лицемерие так или иначе сказывалось на эффективности пропаганды. Многие из них тайно оказались на стороне противника.

Результаты прогнозов экспертов ООН на будущее до 2000 года, о которых мы говорили, остались незамеченными и у нас в стране, и за рубежом. Эти данные, пожалуй, внимательней всех проанализировали представители спецслужб США, сделав из этого вывод о необходимости как можно быстрее и основательней подорвать экономику социалистических стран, у которой столь радужные перспективы. Ставка была сделана на обострение межнациональных отношений (благо, почва для этого сформировалась) и пропаганду буржуазных ценностей, а также всемерное очернение героического прошлого русского и советского народов.

Ставка оказалась верной. Были активизированы все националисты русофобского толка, а также представители антисоветской партократии, которых немало оказалось в среде номенклатурных деятелей. Все это способствовало великой смуте, потере обществом реальных ориентиров. В подобной обстановке пришли к власти демократическим путем Муссолини и Гитлер!

В интересной и насыщенной документальными материалами книге В.И. Андриянова и А.В. Черняка «Одинокий царь в Кремле» (1999) сказано: «Последние 15 лет XX века войдут в российскую историю как годы смуты. Именно это понятие полнее всего выражает то состояние, в котором в силу ряда причин оказалось наше общество. Смутное время примечательно мятежами, крамолой, общим неповиновением и, уточняет Даль, раздором между народом и властью...

У каждой смуты есть свой герой, с именем которого она и входит в историю. Лжедмитрий – первый и второй... Пугачевская смута... Нынешняя обречена с Борисом Николаевичем Ельциным...»

Почему же для него стал возможным взлет на вершину власти? Потому что в нездоровой духовной атмосфере возникают бредовые надежды на сильную личность, народного заступника, борца за справедливость, отца народа и мудрого вождя. Но именно по причине нездорового состояния общественного сознания бездумный выбор («Выбирай сердцем!» – гласил предвыборный ельцинский плакат) падает на крикливых горлопанов типа Жириновского, беспардонных «обещанцев» и ловких карьеристов «крупных телом, да малых делом».

Ну, предположим, в первый раз избирателей удалось обмануть. Так почему же Ельцин оказался победителем во второй раз, после развязанной им чеченской войны и расстрела парламента? Говорят, результаты выборов были подтасованы. Возможно вполне (он и его команда демонстрировали и не такие преступления). Тогда почему же народ не восстал и не сверг тех, кто его подлейшим и явным образом обманули?

Более того, при нижайшем рейтинге Ельцина перед очередными выборами 2000 года он вынужден был отказаться от президентства, назначив своим преемником В.В. Путина. Казалось бы, полностью удостоверившись в глубокой непорядочности Ельцина, избиратели должны были отказаться от его назначенца. Но вышло иначе: поверив в личные достоинства Путина,

большинство избирателей проголосовало за него, словно не сознавая, что тем самым выразило одобрение не данной личности, а всему политическому курсу «ельцинизма». Разве это не похоже на затмение разума? Вновь выбирали не умом, а сердцем.

«Ельцин в свое время, – пишут Андриянов и Черняк, – вошел в массовое сознание как рыцарь правды и добра, богатырь, который громил опостылевшую всем партноменклатуру, защищая интересы простого человека. На самом же деле он был так же далек от народа, как многие его партийные соратники. Но миф был создан и довольно искусно подогревался. В мираж поверили не только дамы бальзаковского возраста, не только эмэнэсы из зеленоградских и свердловских институтов. Купились, обманулись многие и многие «инженеры человеческих душ»... Один из них – известный писатель Владимир Дудинцев...»

Действительно, даже у этого честного писателя рассудок словно был подавлен эмоциями, когда он сравнивал Ельцина с «большим кристаллом чистой породы», вокруг которого образовалась друза столь же чистых кристаллов поменьше, тогда как вокруг Горбачева сгрудились «антикристаллы». Какие нелепейшие сравнения и термины! Нет в природе никаких «антикристаллов», так же как кристаллов какой-то чистой породы (есть горные породы, бывают кристаллы чистой воды, то есть прозрачные). Далее упомянутые авторы справедливо пишут: «Ни один режим в России за все годы существования страны не сопровождал такой вал коррупции, воровства, хищений. «Злоупотребления завелись, с года на год увеличивались, и наконец, государственные доходы, видимо, уменьшились, между тем как угнетаемый народ роптал и жаловался втуне», – писал Александр Сергеевич Пушкин в своей «Истории Петра». Но тогда казнокрадов хотя бы наказывали: Петр Великий вора́м спуска не давал. Сейчас газеты в открытую обвиняют в коррупции семью Президента – и что же? Защищать свою честь и достоинство в суде семья не берется. Значит, справедливы обвинения?»

Истекшие годы показали: справедливы. И Семья бывшего президента уже пишется с заглавной буквы. А члены этой Семьи ныне продолжают благополучно править страной, награждая своего обмякшего «босса» не только своим вниманием, но и высокими государственными орденами. За какие такие заслуги и перед кем?!

Все это свидетельствует о том, что великая смута в России продолжается. Более двух с половиной тысячелетий назад китайский мудрец Конфуций полагал, что для нормального существования страны требуется, чтобы каждый занимался своим делом и чтобы все вещи назывались своими именами. Последнее особенно важно, ибо огромную роль в смятении умов играют лукавые термины с извращенным смыслом, когда говорят одно, а на деле выходит нечто прямо противоположное. Например:

Демократия – антинародность.

Перестройка, реформы – разрушение, развал.

Приватизация – казнокрадство.

Рынок – спекуляция.

Эволюционное развитие – революционный переворот.

Свобода личности – бесправие трудящихся.

Свобода слова – монополия на СМА.

Первоначальное накопление капитала – расхищение национальных богатств и капиталов.

Обратим внимание на миф о том, будто у нас происходит первоначальное накопление капитала. В него, судя по всему, верит и В.В. Путин. Да, кое-какие державы пережили такой период. Он проявлялся главным образом в ограблении колониальных, зависимых и завоеванных стран. Испания и Португалия некогда вывозили из Америки несметные богатства. Кстати, это золото и серебро большей частью захватывали британские, французские и голландские пираты (пират Дрейк был возведен королевой за такие подвиги в рыцарское звание).

Британская империя концентрировала в метрополии богатства, вывезенные из колоний. В США активнейшим образом использовался рабский труд еще в XIX веке...

Короче говоря, первоначальное накопление предполагает концентрацию капиталов в данной стране. А что происходит в России? Расхищение капиталов и перевод их за пределы страны.

Миф о «перестройке» и «реформах» мы уже обсуждали. Да и нечего тут обсуждать: факты неопровержимо показали, что произошел невиданный развал народного хозяйства, падение научно-технического и культурного потенциала, обнищание и вымирание населения.

Но может быть, у нас пострадали только неконкурентоспособные предприятия и отрасли? Как бы не так. Наша оборонная промышленность, космическая и самолетостроительная отрасли занимали ведущие позиции в мире, и они были разрушены в первую очередь, так же как геологическая служба.

Иначе и не могло быть. Таков закон капитализма: беспощадная конкурентная борьба всеми способами и средствами, включая и преступные, для уничтожения или подчинения конкурентов. А у нас, наоборот, создан режим наиболее благоприятного существования для иностранных производителей в ущерб отечественным. Настоящее экономическое предательство.

Идеологи капитализма утверждают, что все подобные явления – цена за самое главное на свете – свободу личности. И вся беда в том, что убогий русский народ привык жить во тьме невежества, в условиях тоталитарной системы и подавления свобод; он просто еще не научился пользоваться всеми благами демократии, плюрализма и прогресса.

Характерно, что данные господа говорят от имени всего народа, а не себя лично, своих родных и сообщников. Ведь именно они всю свою сознательную

жизнь старательно отделялись от народа, избегая общественно полезного труда, внедряясь в партийные руководящие органы, в систему массовой информации. Из этой социальной и основательно прогнившей среды и вышли нынешние правители и демагоги. Именно они отличались и отличаются лицемерием, невежеством, духовной несвободой, интеллектуальной зависимостью от Запада.

О том, что Горбачев и Ельцин облагодетельствовали «россиян», предоставив им свободу, можно говорить лишь глумливо, в насмешку или с полным непониманием самой сути свободы. Да, свобода преступникам, прежде всего экономическим, предателям и расхитителям национальных богатств предоставлена небывалая за всю историю России. Но и большей несвободы для трудящихся не было со времен отмены крепостного права. Свобода для всякого нормального человека сопряжена со справедливостью и возможностью бороться за свои права. Но у нас теперь даже слово (а не понятие) «справедливость» не в почете.

Можно возразить: да как же вы, авторы этой книги, забываете, что вам позволены критические выпады в адрес власти! Разве не проявилась тем самым свобода слова и мнений?

Да, в некотором роде проявилась. Хотя это получается все та же гласность, которую можно назвать «гласностью вопиющего в пустыне». Потому что данная книга не может иметь массового распространения в нынешней ситуации. Она не может конкурировать с электронными средствами массовой пропаганды. А там – полное подчинение имущим власть и капиталы. Правда, за последнее время и по радио, и с экранов телевизоров можно услышать не только дезинформацию, но и справедливые суждения. Но это подается строго дозированно. Да и о многом теперь рассуждать бесполезно: дело сделано, СССР уничтожен окончательно и, по-видимому, безвозвратно, даже на союз России с Белоруссией без санкции Запада отечественные правители не идут, ограничиваясь пока что пустословием. Россия потеряла мировой авторитет и выпала даже из разряда второстепенных держав. Вымирающее русское население – наивернейший показатель того, что продолжается не только смута, но и антинародная политика правителей и олигархов.

Итак, у нас как нигде в мире получили полнейшую свободу политические двурушники и предатели, казнокрады и подлецы, демагоги и пошляки самого разного калибра. И если мелкие уголовники еще могут попасть под меч слепой Фемиды, то крупнейшие экономические и политические преступники не несут ответственности, ибо власть в стране фактически принадлежит им, которых поддерживают зарубежные капиталисты и государственные деятели, заинтересованные в низведении России в разряд слабо развитых и зависимых стран, экономических и экологических колоний.

И тут можно услышать последний довод сторонников существующего режима: таков выбор большинства граждан! Ну, если не абсолютного большинства, то, по крайней мере, – из тех политически активных, которые

принимали участие в голосованиях.

Конечно, и в этом доводе присутствует немалая доля лжи: ведь предвыборная агитация и пропаганда, организованная именно имущими властью и капиталами, была попросту куплена. Вдобавок, как стало известно, выборы в некоторой степени фальсифицируются. Хотя и при всем этом нельзя не признать, что слишком большая часть граждан – не менее одной трети – высказалась за продолжение «перестройки» и «реформ», в поддержку ельцинизма, в пользу буржуазных ценностей. В этом искривлении общественного сознания видится проявление какой-то духовной пагубы, поистине самоубийственной (не случайно же наша страна по количеству самоубийств и темпам вымирания населения занимает первое место в мире). В ответ на подобные мысли некоторые патриотически настроенные граждане не только огорчаются, но и обижаются. Мол, нечего наводить тень на плетень, распространять пессимизм и неверие в силы народа русского. И не в таких, мол, переделках побывала страна, и не первая эта смута на Руси. Ничего, настанет час, поднимется великий богатырь...

Какой? Тот, кто активно или пассивно способствовал победе – возможно, окончательной – второй буржуазной революции в России? Кто не воспротивился господству горбачевых-ельциных и гайдаров-чубайсов – этих коллективных шариковых и швондеров? Кто позволил расчленить сверхдержаву СССР и унижить Россию, доведенную до уровня отсталого государства?

Нет, мы не имеем в виду тех, кто сознательно и порой рискуя жизнью пытался противостоять смуте и предательству. Эти и многие другие наши сограждане достойны уважения. Но не они определили судьбу Отечества. Надо стремиться понять правду. Не приглаженную, не пропитанную елеем нарочитого оптимизма. Надо как можно ясней постичь, что произошло и почему. Только в этом случае есть надежда преодолеть величайшую в истории Руси – России смуту.

ПОЧЕМУ РУХНУЛ СССР?

Предательство! Горбачевы, ельцины, яковлевы, гайдары, чубайсы, березовские, гусинские, мамуты, абрамовичи и прочие олигархи, а то и просто олухи ведут политику истощения России и уничтожения «лишнего» ее населения во благо своих западных покровителей и хозяев. Такое мнение можно услышать от патриотов.

Странное дело: многие из этих патриотов в свое время, совсем недавно, возводили хулу на Советский Союз, социалистическую систему, ленинско-сталинскую идеологию и лично на Сталина. Они при этом ссылались на давным-давно отмершую триаду «самодержавие – православие – народность», понося правление «атеистов-безбожников». Один из их кумиров (возможно, уже бывший) А. Солженицын выразился просто: «Бога забыли».

Но вот у Русской православной церкви появились огромные льготы, восстановлены сотни порушенных храмов и возведены новые, восстал «из бассейна» храм Христа Спасителя в Москве... И все это – именно в те годы, когда Россия опускалась в бездну кризисов.

Что ж получается? В 1930-е годы, когда народ строил первое в мире социалистическое государство, Бог был на его стороне. Когда Сталин уничтожал оппозицию, Бог ему помог. Когда грянула страшная война с фашизмом, Бог был за нас. Но вот нововерующие проклинали те времена, и страна погрузилась во мрак. Выходит, Солженицын и все прочие хулители великого прошлого СССР – лжепророки («по делам их узнаете их» – учил Христос).

«Патриоты», сами того не сознавая, действовали во благо врагам России. Они оказались в числе тех сил, которые разрушали СССР и социалистическую систему. Некоторые из них даже призывали вывести Россию из Советского Союза!

Достоинства социалистической системы позволили нашей стране развиваться, несмотря на бездарную и продажную партократию. Мы пользуемся теми материальными благами, которые обеспечила впрок прежняя система; эксплуатируем ранее разведанные месторождения полезных ископаемых, используем накопленные ранее производственные мощности, потребляем энергию, которую вырабатывают созданные в прежние годы ГЭС, ГРЭС, ТЭС и АЭС. Мы существуем за счет того самого советского прошлого, которое так проклиняют нынешние антисоветские и антироссийские идеологи и пропагандисты (а вместе с ними еще и некоторые патриоты).

Есть ли какие-нибудь достижения в РФ за истекшие три пятилетки капиталистического строительства? Буквально – никаких. Только одни провалы. А СССР в 1930-е годы за две пятилетки выдвинулся в ряды наиболее развитых стран мира, уступая по валовому национальному продукту лишь США.

Почему же в таком случае развалилась столь совершенная общественная система? Или она с мучениями перерождается в нечто более хорошее во всех отношениях?

На последний вопрос напрашивается отрицательный ответ уже потому, что прошло полтора десятилетия – срок огромный для конца XX – начала XXI веков. Продолжение прежнего курса не принесло ничего хорошего народу и государству. Почему вдруг все изменится к лучшему? Такими обещаниями обманывали правители народ все это время. Деграция и агония крупных общественных систем могут продолжаться десятки (Римской империи – сотни) лет. Это создает в сознании обывателя иллюзию стабильности бытия. Все социалистические государства, резко изменившие траекторию своего развития, пришли в упадок.

Но если бы у социалистической системы не было существенных изъянов, она бы не рухнула. В то время как все развитые капиталистические страны

перенимали достоинства социалистической системы, мы вовсе отрешились от здравого смысла. Демагоги и жулики быстро вырулили страну на задворки цивилизации в давно уже пройденные, проклятые и забытые всеми развитыми странами тупики стихийного воровского рынка с безработицей, обнищанием масс, социальными столкновениями (в такие периоды происходят революции и мировые войны).

Какие же факторы привели к крушению СССР и упадку России?

1. Совершенство общественной системы, созданной Сталиным и его соратниками.

В изменчивой внутренней и внешней обстановке такое совершенство чревато серьезным кризисом. Даже смерть одного человека может обернуться национальной трагедией, если это – незаурядная личность и руководитель государства. Сколько-нибудь достойной замены Сталину не нашлось. Его государственный курс постарался продолжить Ю.В. Андропов. Его уважал и поддерживал народ.

2. Установление в стране гегемонии руководящей верхушки КПСС, так называемой номенклатуры, и ее последующая нравственная деградация. Сталин старался соблюдать баланс между главными «партиями по интересам», преимущественно экономическими: Красная армия, ОГПУ-НКВД, коммунистическая партия, руководство народным хозяйством, местные органы власти (Советы). Абсолютного господства партаппарата добился Хрущев. В номенклатуру, привилегированную касту, стали проникать самые бессовестные карьеристы, все те, кто стремились получать максимум благ за минимальный труд, кого прельщали больше всего на свете материальное благополучие и власть.

Репрессии прежних времен обрушивались на тех руководящих работников, которые нарушали требования единодушия, жесткой партийной дисциплины. Пока был грозный «вождь», номенклатура отработывала свои привилегии. Но как только его место занял недостойный человек, то этот слой стал быстро перерождаться. И в этом тоже проявился эффект «излишнего совершенства» системы, которая дает сбой при изъятии из нее всего лишь одного, пусть даже важного звена.

Подобного совершенства лишены буржуазные демократии. Они менее эффективны в экономическом и военном отношении, в трудных и критических ситуациях. Зато более гибки и устойчивы. Для них смерть или смена президента не приводит к тяжелым последствиям. Слой номенклатуры там не обладает огромными привилегиями, как в стране, где он наделен всей полнотой власти при ничтожной ответственности (когда снят жесткий контроль «сверху»).

Деградация отечественной партноменклатуры и ее окружения привела к тому, что они устроили мелкобуржуазную «революцию сверху»; в результате представители госхозпартаппарата и воротилы подпольно-криминального бизнеса «прихватизировали» почти все национальные богатства. В этом они пользовались поддержкой иностранного капитала и действовали ему в угоду.

3. Победе буржуазной революции способствовал закон социальной динамики технической цивилизации: уменьшение доли производящих работников (крестьян, рабочих) при преобладании служащих, всяческих посредников, управленцев.

Рост числа рабочих был особенно ощутимым в наиболее развитых странах с середины XIX до середины XX веков. Не случайно к началу этого периода относится создание марксистского учения о диктатуре пролетариата. Однако Маркс и его последователи не предполагали, что развитие науки и техники, индустриализация производства и внедрение электроники приведут к снижению доли рабочих при абсолютном преобладании работников сферы обслуживания, для которых характерна мелкобуржуазная психология, стремление прислуживать начальству (хозяину), именно служить, а не творчески трудиться. Служащие привыкли голосовать за «начальство», тем более, когда оно сулит материальные блага (показывая по ТВ два ваучера, Ельцин громогласно вещал, что они соответствуют двум «Волгам», и это – для каждого россиянина).

4. Изменение со временем психологии рабочего класса. Чем благополучней становились рабочие в СССР, тем основательней пропитывал их «мелкобуржуазный дух». Это тоже немало содействовало проведению буржуазной «революции сверху», начатой Горбачевым и завершенной Ельциным.

5. Массовое распространение электронных средств пропаганды, агитации, внушения, наркотизации сознания способствовало распространению в обществе смуты, подавлению здравого смысла. Владельцы соответствующих средств получили возможность формировать по своему усмотрению и с помощью психотехнологий общественное мнение.

6. Перерождение интеллигенции. Эта категория населения должна отличаться по важнейшему признаку: духовные потребности у интеллигента должны преобладать над материальными. (Интеллектуал – тот, кто зарабатывает на жизнь интеллектуальным трудом.) Однако со временем и тут сказалась общая закономерность – стремление к материальным благам, к максимальному потреблению. В этом смысле можно говорить о значительном уменьшении слоя интеллигенции за счет служащих по ведомству науки, культуры, литературы, религии.

Прежде интеллигенция отличалась независимостью суждений, выступлениями в защиту трудящихся, униженных и оскорбленных, против махрового мещанства, тунеядства, общественного паразитизма. Во второй половине XX века значительная часть интеллектуалов стала откровенно служить имущим власть и капиталы. В условиях электронной наркочивилизации такое перерождение «пролетариев умственного труда» самым печальным образом сказывается на духовной жизни общества во всем мире.

7. Постоянная антисоветская пропаганда – сначала почти исключительно из-за рубежа и в малых группах «диссидентов», а затем, к концу века, как

проявление государственной политики, ориентированной на капитализм. Началом идейного распада общества стал антисталинский доклад Хрущева на XX съезде КПСС и переименование Сталинграда (это явилось глумлением над памятью тех сотен тысяч наших солдат и офицеров, погибших, отстаивая не безликий Волгоград, а символический Сталинград). Началось очернение советского славного прошлого, в частности, трудовых подвигов народа в 1930-е годы и победы в Великой Отечественной войне.

8. Идеологическая война, развернутая индустриально развитыми капиталистическими державами против стран социализма и прежде всего – против СССР. Она была неплохо организована при гигантских материальных затратах (частично – на подкуп советской номенклатуры и части интеллигенции). Страны капитализма не победили в этой идеологической войне в 1930-е годы во многом потому, что значительная часть не только отечественной, но и западной интеллигенции считала коммунистические идеалы более справедливыми, морально здоровыми и духовно возвышенными, в отличие от буржуазной идеологии.

В 1932 году у нас произошло знаменательное идеологическое событие: объединение левой и правой оппозиции генеральному сталинскому курсу. Вспомним лозунг Бухарина – «Обогащайтесь!» Это принципиальное положение буржуазной идеологии явно или неявно сплотило оппозиционеров. Для значительной части партийных работников, бывших революционеров, обеспеченных рабочих и служащих стал злободневным риторический вопрос: «За что боролись?!»

Создались более прочные, чем в феврале 1917-го, социальные и идейные предпосылки для осуществления буржуазного переворота. Они созрели исподволь и проявлялись объективно. Репрессии 1936-1938 годов стали, как можно предположить, формой подавления в зародыше буржуазной контрреволюции в России. Эта акция удалась по трем основным причинам: из-за внешнеполитической обстановки (кризисы или депрессии в развитых капиталистических странах); из-за успехов социалистического строительства, подтвердивших верность сталинского курса; из-за отсутствия у оппозиционеров идеологического единства и достойного лидера.

То, что уже к 1930 году в СССР стала складываться ситуация, благоприятная для буржуазной революции, свидетельствуют, в частности, стихотворения Маяковского и Заболоцкого, рассказы Зощенко и Булгакова.

Коммунистические дальние идеалы становились чуждыми значительному числу людей, включая многих советских чиновников, партработников, военачальников, части рабочих. Реалистичные образы «совбуржуев» были воплощены на сцене в спектаклях «Клоп», «Баня», «Зойкина квартира» и др. Появление значительного числа коммунистов-перерожденцев требовало периодических «чисток» партии. Еще раз подчеркнем: репрессии захватили почти исключительно привилегированные слои общества, а не народные массы. Напротив, через полвека, в 1990-е годы по существу был репрессирован народ, тогда как максимум благ обрели представители госхоз-

партаппарата и торгово-криминальные слои. Вымирание населения (устойчивое) и снижение общей продолжительности жизни – объективные показатели того, что народ подвергается чудовищным репрессиям. Это подтверждает и невиданный в мире уровень самоубийств, причем преимущественно мужчин деятельного возраста. Так что если говорить, по примеру Конквиста или Солженицына, о «большом терроре», то это понятие по отношению к народным массам применимо именно к 1990-м, а никак не к 1930-м годам XX века.

В благополучной Швеции в 1937 году смертность составляла 1,15%, а в СССР – 1,98% (при втрое более высоком уровне рождаемости). А ведь мы к тому времени пережили мировую войну и Гражданскую, страшную разруху. Надо только удивляться, как советскому правительству во главе со Сталиным удалось в кратчайшие сроки возродить державу и поднять жизненный уровень населения.

Задумайтесь: что тогда надо говорить о тех руководителях и их подголосках, которые в 1990-е годы в мирное и благополучное время довели страну до разрухи, а народ до вымирания.

В 1930-е годы все было наоборот. Не потому ли о них распространяют столько лжи и клеветы?

В СССР и прежде всего в КПСС начиная с 1960-х годов появилась буйная поросль предателей-перерожденцев, которые ожидали только благоприятного момента и удобного предлога для оправдания своего предательства. Они с вожделием присматривались к «сладкой жизни» западных богатых капиталистов, буржуа, втайне исповедовали идеологию, основанную на приоритете личного благополучия, максимального обогащения. Им была чужда советская идеология, отвечающая народным традициям и созвучная заповедям Христа (труд, взаимопомощь, человеколюбие, справедливость, преобладание духовных ценностей над материальными).

Ключевой фигурой в идеологической подготовке переворота и буржуазной революции стал образ Сталина. Голословно и громогласно, по любому поводу и мимоходом его обвиняли, проклинали, словно от его правления (славного правления!) не прошли уже десятилетия, словно его культ не заклеил сам ЦК КПСС. 1930-е годы стали синонимом ужасов и террора в Советском Союзе, и на этом грязном и подлейшем мифе воспитали не одно поколение антисоветских людей в России.

Так перерожденцы оправдывали свое предательство идеалов коммунизма, укрепляли свое господство, преумножая свои богатства. И дело, конечно же, не в личности Сталина, давным – давно ставшего достоянием истории. Все дело в унижении советского народа, в глумлении над его героическими деяниями в труде и войне, в восстановлении и укреплении народного хозяйства.

...Если России суждено возродиться, то начнется это с осознания и реабилитации

советского периода. Стране, которая забывает и даже поносит свое славное прошлое, которая предаёт высокие идеалы и великие завоевания былых поколений, нет смысла существовать.

А В ЧЕМ ЖЕ ТАЙНА?

Читатель, ознакомившийся с этой книгой, волен высказать недовольство. Авторы вроде бы собирались раскрывать тайны смутных эпох, что-то вроде сеанса «магии с разоблачением», как в «Мастере и Маргарите», а четких выводов не предоставили. И вообще, в чем же состоит тайна смутных эпох вообще и каждой в отдельности?

В столь же общем виде ответ такой: проблема чрезвычайно глубока и уходит в недостаточно изученную область общественной психологии, феноменов массового сознания и подсознания. Здесь есть над чем трудиться соответствующим специалистам, а также философам и историческим философам. Данная книга не может претендовать на некие окончательные выводы. Она призвана систематизировать факты и предложить ряд суждений по затронутой теме. Тем более что у нас не специальное, а популярное исследование.

Смутные времена обычно связаны с теми или иными изменениями и кризисами традиционной идеологии, а также серьезными противоречиями между народом и правящими прослойками или классами. Нередко смута вызывается внутри или внешнеполитическими событиями, а то и стимулируется искусственно.

Например, есть серьезные основания полагать, что сенсационные разоблачения Хрущевым «культы личности» и репрессивной деятельности Сталина и Берии были вызваны прежде всего стремлением Хрущева скрыть свою зловещую роль в этих делах (по-видимому, более активную, чем роль Берии, о чем свидетельствует целый ряд фактов, опубликованных сравнительно недавно). Мы обошли этот вопрос, требующий основательного и квалифицированного расследования, на которое, сказать по правде, надежд немного. Интересующимся можем порекомендовать книги К.А. Столярова «Палачи и жертвы» (1977), В.В. Кожина «Россия. Век XX (1939-1964), М., 2002).

Другой пример. 7 июня 1982 года в библиотеке Ватикана состоялась беседа президента США Р. Рейгана с Римским папой Иоанном Павлом II. Как писал исследователь отношений между Вашингтоном и Ватиканом К. Бернстайн, они договорились «о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической империи». «Это был один из величайших тайных союзов всех времен», – в несколько рекламном духе писал советник Рейгана Р. Аллен. Сговор предусматривал «обеспечить крах советской экономики, ослабить контакты и связи Советского Союза с его клиентами по Варшавскому договору, навязать реформы в рамках советской империи». Активное участие в этом Ватикан знаменательно. Он оказывал мощную

поддержку антисоветскому и антисоциалистическому движению «Солидарность» в ПНР, замаскированному под рабочее движение. (Чрезвычайно показателен тот факт, что всплывший на этой волне к вершине власти Л. Валенса в 1990 году был избран президентом Польши, а в 1995 году не удержался на этом посту, после чего его авторитет и вовсе упал до минимума.)

В конце 1980-х годов по типу «Солидарности» была создана в СССР «Демократическая Россия» (название намекает на обособление России). В обращении ее оргкомитета говорилось: «Эффективность именно такой структуры в переходный период подтвердил польский опыт «Солидарности». Наша задача – создать сходное с ней массовое движение, которое включит всех сторонников демократических реформ».

Есть все основания считать, что в организации всесоюзной смуты конца XX века значительную роль сыграли зарубежные силы. Но эта тема остается по большей части засекреченной. В любом случае примечательно то, что антисоветская пропаганда попадала на хорошо унавоженную почву «западнизма».

Помнится, с каким упоением повторяли отечественные интеллектуалы высказывание госпожи Тэтчер о том, что СССР – это Верхняя Вольта с межконтинентальными ракетами. Этим людям, среди которых немало было «технарей», кандидатов и докторов наук, как-то в голову не могло прийти, что для создания межконтинентальных ракет и обитаемых космических станций необходим такой научно-технический потенциал, которым не обладает Верхняя Вольта вместе с Великобританией! Ведь ни одна страна, кроме СССР и США, не смогла самостоятельно вывести человека в космос, для чего требуется высочайший уровень развития науки и техники.

Не понять несуразицы и явной клеветы на СССР в лживых словах госпожи Тэтчер могли только те, кому не было никакого дела до правды и сути, кого радовало любое унижение – пусть в ту пору только на словах – Советского Союза. В среде подобных советских граждан (отнюдь не диссидентов) уже давно возобладали буржуазные материальные ценности.

Ну, а разве нельзя было заранее предусмотреть самые негативные результаты, к которым должна была привести так называемая борьба с алкоголизмом? Предположим, Е.К. Лигачев мог по своей ограниченности не осознать этого. Но ведь не он же один развернул разрушительную для экономики кампанию.

По словам бывшего руководителя советского правительства В.С. Павлова: «Удар был рассчитан точно. Мировой опыт попыток ввести сухой закон учит, что запреты для прививки населению бесполезны, но зато исключительно благоприятны для создания мафиозных структур и их обогащения.

Результаты кампании в СССР не заставили себя ждать в точном соответствии с мировым опытом. Горбачев и Яковлев не могли не знать об этом опыте, но решали другую задачу и за ее успешное решение готовы были, видимо, заплатить любую цену».

Какая это была задача? Догадаться нетрудно, и они ее решили: Яковлев, по-видимому, более осмысленно и целенаправленно, чем Горбачев. Можно согласиться с И.Я. Фрояновым: «Их («демократов». – *Авт.* .) тщательно замаскированной целью было разрушение существующей системы, с одной стороны, и усиление теневого капитала, с другой. Иными словами, был намечен курс на буржуазную реставрацию».

Так ли уж тщательно была замаскирована цель? Неужели о ней не догадывались многие интеллектуалы, парработники, служащие? Судя по всему – догадывались. В противном случае откровенная реставрация капитализма, а вернее сказать, реабилитация буржуазной идеологии вызвала бы бурный протест в обществе. Этого не случилось. Переворот произошел с молчаливого одобрения значительной части граждан. В таком случае и великая смута конца XX века в сознании советских и, конкретнее, русских людей была не такой уж и смутной. Слишком многие отдавали себе отчет, что разрушается социалистическая система, расчленяется СССР, внедряется капитализм, причем в подлейшей и криминальной форме. Однако понимая все это, данные граждане предпочитали помалкивать, надеясь в результате на свою личную выгоду: возможность занять «иномарку» и особняк, существовать как зажиточный буржуа, разъезжая по парижам и лас-вегасам, посещая лучшие иноземные курорты...

«Мое! Моя вобла, моя шинель, моя баба! Мое! Вот как бы на этом не споткнуться?!» – пророчествовал в «Оптимистической трагедии» В.В. Вишневского матрос Алексей. Только теперь вместо воблы – черная икра, вместо шинели – костюм от Кардена, вместо бабы – роскошная проститутка. На том и споткнулись.

Конечно, подавляющее большинство подобных мечтателей не получили и вовсе ничего хорошего. Это можно даже сказать о значительной части тех, кто активно пропагандировал «перестройку» и «реформы», ревностно служа богатым, которые оказались не столь уж щедрыми.

...В угаре «перестройки» известный кинорежиссер Станислав Говорухин создал фильмы: «Россия, которую мы потеряли» и «Так жить нельзя». В первой показал все прелести царской России, во второй – все гнусности СССР. Правда, теперь он признает, что кое в чем заблуждался. Но дело было сделано, и свою немалую лепту в разрушение социалистической системы он внес.

Теперь есть смысл вспомнить о том, какую страну и социальную систему мы потеряли в конце XX века. Об этом лучше всего судить по высказываниям ныне вполне обеспеченных людей. Вот каковы были ответы на вопрос газеты «Коммерсант»: «Что бы вы хотели вернуть советского?»

– Советскую пенсию в 132 рубля и советские цены (В. Степанков, заместитель полномочного представителя Президента в Приволжском федеральном округе).

– Нормальное бесплатное медицинское обеспечение (И. Балло, президент

Ассоциации игорного бизнеса).

- Надо вернуть дух патриотизма, который был присущ тому времени (А. Нестеренко, заместитель председателя правления банка «Первое ОВК»).
- Тогдашнюю демократию, когда отношения между людьми были простые и душевные (В. Рыжков, депутат Госдумы).
- Вернул бы веру в наше светлое будущее, стабильность и предсказуемость (С. Бондарович, председатель правления Русского банкирского дома).
- Планирование и госрегулирование. Все развитые демократии нам в этом завидовали (А. Донофиян, генеральный директор ассоциации «Центральная Россия»).
- Открытые окна и двери. Во всех смыслах. Чтобы люди могли ничего не бояться (Н. Дементьева, заместитель министра культуры России).
- Чувство достоинства советского человека. Во мне тогда не было никакого страха (В. Брынцалов, депутат Госдумы, генеральный директор одноименной компании, бывший кандидат в президенты России).

Теперь перечислим по порядку высказанные выше достоинства советской социалистической системы: низкие цены и высокая пенсия; нормальное бесплатное медицинское обслуживание; дух патриотизма; демократия; простые и душевные отношения между людьми; вера в светлое будущее; стабильность и предсказуемость; планирование и госрегулирование; открытые окна и двери, люди ничего не боялись; чувство достоинства советского человека.

Все это (и немало еще хорошего) было отброшено ради призрачных надежд личного обогащения без особых усилий.

Были у тогдашнего общества, государственной системы существенные недостатки? Безусловно, были. Некоторые из них перечислены в предущей подглавке «Почему рухнул СССР». Да разве существовало когда-либо в истории, а не в мечтаниях, идеальное общество? «Нет в мире совершенства», – вздохнул мудрый Лис в сказке Антуана де Сент-Экзюпери. Вообще, слишком наивно предполагать, будто может быть – хотя бы в теории – какая-то модель общественной системы, наиболее целесообразная для любой эпохи и любой страны как по размерам и населению, так и по географическому положению.

В этом отношении социосистемы подобны экосистемам, которые изменчивы в пространстве и времени. Учтем еще, что много зависит от этапа развития, на котором находится сложная естественная система. То, что благоприятно для нее в пору роста и расцвета, может оказаться вредным на стадии «совершенства и кризиса».

Итак, вряд ли теперь могут быть сомнения в том, что в СССР, а затем и в России в конце XX века, произошли не кризисы роста, а кризисы деградации, а их причиной стало духовное состояние общества в первую очередь. Начало *духовного вырождения* народа – таким может быть диагноз. Это явилось главной причиной смуты, смятения умов в погоне за иллюзией личного обогащения, когда значительная часть граждан отказалась от

реальных достоинств социалистического общества, доверившись не слишком изощенной буржуазной пропаганде...

Оценивая все большие и малые, длительные и краткие смуты на Руси и в России, приходишь к заключению, что последняя, не завершившаяся до сих пор, не только самая продолжительная (особенно с учетом необычайно динамичного XX века), но и самая критическая. Потому что духовная деградация народов – процесс не только наиболее болезненный по своим самым разнообразным последствиям, но и трудно излечиваемый. Ведь эта деградация затронула преимущественно молодые поколения, выросшие или повзрослевшие в период брежневско-горбачевского загнивания и ельцинского обострения духовной пагубы.

За последнее время обстановка в стране несколько оздоровилась, и теперь уже можно услышать гласные отзывы о достоинствах социализма. Однако, увы: Россия теперь не та, что два десятка лет назад. Отношение к русским во всем мире тоже принципиально изменилось. Да и как уважать людей, предавших свое недавнее великое прошлое ради нынешнего жалкого прозябания на задворках западной цивилизации?

Конечно, ситуация не безнадежна. США, став мировым гегемоном и жандармом, демонстрируют свою хищную и бесстыдную сущность, продолжая раздувать искры новой мировой войны. Это лишний раз показывает, что существует серьезнейший не только нравственный, интеллектуальный, духовный недуг западного общества потребления, но и его экономическая несостоятельность. Ведь это общество не устраивает мирное сотрудничество с другими странами, ему необходимо силой навязать свое господство, разрушая негодные государства и обрекая на вымирание их население, как это произошло с СССР. То, что владельцы крупных капиталов ненавидят социализм и боятся его, – очевидное свидетельство в пользу этой социальной системы для нормального, честного, совестливого трудового человека.

К сожалению, немалая смута наблюдается не только в России и бывших социалистических странах, но и в ведущих наиболее экономически и научно-технически развитых державах мира. Она в наше время создается и умело поддерживается с помощью средств массовой пропаганды и псевдоинформации. Они одурманивают сознание огромных масс населения. Есть все основания утверждать, что техническая цивилизация XX века перешла в стадию *электронной наркоцивилизации* (хотя наркотизируют сознание не только электронные, но и химические средства). Но это – тема особая, которая сравнительно недавно была заявлена Р.К. Баландиным, но так еще и не получила общественного резонанса.

Заключение

ЗАЧЕМ НАМ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ?

Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот – неподвижны – у края
Застыли в тоске и тревоге.

Валерий Брюсов

Историографы стараются быть хроникерами минувших событий. Историософы пытаются осмыслить исторический процесс. Все это занятия интересные и почтенные. Но зачем вообще нам нужно знать историю? Говорят, знание прошлого помогает предвидеть будущее. Это справедливо, но лишь отчасти и с оговорками. Расширяя в прошлое свой умственный горизонт, охватывая длительные исторические периоды, переходишь в иные масштабы пространства и времени, для которых десятилетия и наша собственная жизнь – лишь краткий эпизод. Общество меняется, и чаще всего – необратимо. А раз так, то как догадаться, что может произойти в ближайшие годы, не говоря уж о более дальних перспективах. Будущее многовариантно. Мы и прошлое-то восстанавливаем не однозначно, а в нескольких вариантах в зависимости от принятой точки зрения и имеющихся фактов. Кроме того, какие гарантии, что будущее угадано верно? Как можно это доказать не ретроспективно, а загодя? Даже если какие-то доказательства и приводятся, это мало кого может убедить. Люди привыкли смотреть в грядущее с верой и надеждой, основываясь на своих убеждениях. Они склонны обманываться, доверяя ловким лжепророкам. Убедительных прогнозов на будущее невозможно выработать никакими средствами. Хотя, конечно же, есть возможность просчитать и оценить те или иные варианты. Только при этом нужна не только компетентность, но и абсолютная честность – продукт во все века дефицитный. Что касается нашей родины, нашего народа, то беглый огляд тысячелетней истории с более пристальным всматриванием в смутные эпохи приводит – еще раз придется признать – к выводам неутешительным. И беда не в том, что с нами произошло (без катастроф жизнь государств не обходится), а в том, что происходит поныне, в упорном нежелании правителей понимать и учитывать государственные и общенародные интересы. Но ведь и народ безмолвствует... Нам надо уяснить одну простую мысль, высказанную известным философом Николаем Бердяевым: «Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, «скромного» пути для России нет».

Не хочется думать, что выбор уже сделан...

Прошлое раскрывает сущность настоящего и нас самих. Ведь общество продолжает существовать при постоянном обновлении слагающих его клеточек-индивидуумов, нас с вами. Оно сохраняет свои извечные качества и приобретает новые. Оно, как всякий живой организм, не может измениться совершенно – это будет означать его перерождение и гибель.

Итак, история помогает нам лучше и глубже понимать свою страну, свой народ и собственную личность. Это чрезвычайно важно. С этого начинается культура. Недаром во времена античности был популярен афоризм: «Познай самого себя». Самопознание – отличительная черта человека.

Самопознание общества – это и есть история.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги](#): [Именной](#) [Хронологический](#) [Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).